

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (445)

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Евгения Риц. «Где бывает молния шаровая?..» *и др. стихи* 3
Владимир Шапко. Кошка, пущенная через порог. *Повесть* 6
Антон Ботев. Кот Шредингера 33
Александра Цибуля. «на исходе спины...» *и др. стихи* 86
Алексей Палий. Вода и железо. *Рассказ* 88
Александр Вергелис. Секунда малодушия. Катастрофа. *Рассказы* 94
Владимир Мялин. «У марта колеи слепой...» *и др. стихи* 103
Вадим Ярмолинец. Бриллиантовая нога и *др. одесские рассказы из недалекого прошлого* 106
Александр Уланов. «Вода, обосновавшаяся внутри...» *и др. стихи* 110

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Марина Палей. Из цикла «Взмахи рук на речных поворотах» 112
Владимир Навроцкий. Ластик *и др.* 114
Арсений Ли. Τερψιχόρα *и др.* 116

ДЕБЮТ

Антон Симоненко. «Огромная вода вокруг...» *и др. стихи* 117

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Павел Улитин. Ксенофоб. *Публикация и подготовка текста И. Ахметьева. Комментарии И. Ахметьева, З. Зиника, О. Рогова. Переводы иноязычных фрагментов Т. Александровой, И. Ахметьева.* 119

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Олег Рогов. Смотреть на рукопись 188
Андрей Пермяков. 8 x 12 = ? 188
Алексей Александров. Желтый после красного 191
Сергей Трунёв. Место поэта в чудесной стране 192
Денис Безносов. Если твердь безымянна 194

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Измеряя мир беспредела умопомрачительных фантазий 198

© «Волга», 2013

Евгения РИЦ

***

Где бывает молния шаровая?
В голове, за веками, как живая,
Ходит, переставляя лица,
И ты вздрагиваешь, узнавая
Или не узнавая, собираешься не пролиться.

***

Едут король с королевой
В подвечернем, но ещё неподлунном вагоне,
В подлинном свете, в одной неделимой короне.
Неутолимые улицы тянут ладони по обе.
«Пообещай мне, – не шепчет ему королева. –
В день уходящий, неповторимый,
Непрямоходящий, сгибаемый».
В старческих пятнах молчанья,
В надежде вещающей плоти
Ветшает ему королева,
Как говорим мы
На обороте
Справа налево.

***

И те, кого создал
Мужчиной и женщиной,
И те, кого создал
Суховатой бумагой
Влажной местами
Ладонью,
Равно тащили ношу свою оленью,
Кожу свою дюгонью.
Всё пахло сначала лесом и плотью,
А после – углём и нефтью.

Евгения Риц родилась в 1977 году в г. Горький. Окончила Нижегородский педагогический университет, кандидат философских наук. Автор двух книг стихов. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Воздух», «Новый берег», «Волга–XXI век», альманахах «Вавилон», «Reflect+куадусешщт» (Чикаго) и др., антологии «Братская колыбель», электронных журналах «РЕЦ» и «TextOnly», сайтах «Сетевая словесность», «Молодая русская литература». Лонг-лист премии «Дебют» (2004), шорт-лист премии «РЕЦ» (2007). Участник интернет-сообщества «Полутона».

Будут рыбой полны берега до неба,
Будет пеной полна вода.
Раскалённый язык коснётся сначала нерва,
И только после – дупла, гнезда.

Отзвонится ландыш в руках старухи,
Вот такой вот субретки, цветочницы новых сред.
Всё это держится только на страхе
И ходит по струнке
Смерть.

***

Когда по всей земле земля,
Как сумасшедшая, ходила,
То выдыхали: «Во дела»
Деревья с мёртвыми корнями,
И что-то оседало в яме,
Которая горой была.
И неврастеник городской
За свой тонометр хватался,
И нерв у основанья пальца
Колол ответственной тоской.
И городская пыль со дна
Такой метёлкой поднималась,
Что, погляди, какая малость,
А так саднит. И так саднят.

***

Она выходит на улицу, как на панель.
Собственно говоря,
Это и есть панель.
Под фонарём свет фонаря
Качается, точно цель.

Точно мель,
Так что не сдвинуться, не сойти,
Судорога сковала оба твоих плеча.
Это не якорь, не суетись,
Не отвечай.

Эти взрослые женщины вязнут одним каблуком в снегу,
Другим – в раскалённом асфальте через полгода.
Времени больше нет, но на пару секунд
Она отворачивается и верит в Бога.

***

И тоска таскает
Ветки и сучья,
Зажигает огни.
Это было бы лучше,
Если бы не они
Горели по берегам,
По порогам,
По слогам
Повторяя имя как имена,
Потирая инициалы,
Стёртые до точек и запятых.
Этого бы не стало,
Если бы только на
Полустёртую кожу
Ложился последний штрих.
«Ничего не боюсь» – говорила дорога
Под шинами без колёс,
Под босыми пальцами без костей,
И земля, нанизанная на ось,
Состояла из плоскостей.
Так, захлёбываясь, недого-
Варивая, не так, не так
Всякий день задумывался
О другом,
Распускающемся, как кулак
Изнутри распускается в кисть
И спускается, как фейерверк –
Недострелянными ягодами с куста –
Только вправо, вперёд и вверх.
Или так.

***

Ты видишь прекрасные вещи, включая свет,
Включая воду и счёт за газ.
Извещение о посылке звучит как весть
Для ушей и глаз.
А у нас в квартире, а у них, говорят, мазган.
Говорят «мазган», думают про ангину в холоде из тепла.
Ты видишь разные вещи, включая свет,
Бьющим по сделанным из стекла
Глазам.
Жизнь твоя раздваивается и трепещет,
Пищит, раздевается, и затем
Ты видишь обычные вещи,
Включая тень.

Владимир ШАПКО

КОШКА, ПУЩЕННАЯ ЧЕРЕЗ ПОРОГ

Повесть

Близость

Она лежала перед ним как чаша, предлагающая себя. Длинные волосы ее походили на раскиданный пересохший лён. Она изредка вскрикивала. Как-то необязательно, случайно. «Больно, да? Больно я сделал?» Он замирал над ней. «Нет-нет!» Она сжимала его талию. Точно боялась, что он снова начнет двигаться. Или, наоборот, – отпрянет от нее. Неуверенно, как велосипедист, он опять начинал набирать скорость. Она вновь вскрикивала. Уже сильнее. «Велосипед» начинал вихляться и останавливался совсем. «Больно, да? Больно опять?» Он не знал. Просто не знал, отчего еще, кроме боли, женщина может вскрикивать.

И только когда его самого выгибала дугой сладостная мука, когда он чуть не терял сознание – она тоже спешила под ним. И всегда *догоняла*. А он думал, что так она помогает ему. Ему, мужчине. И, несмотря на мгновенную опустошенность, на боль даже в чреслах, подкидываемый ею, был растроган, благодарен ей: милая, любит!..

На стуле большим гребнем она расчесывала свои прямые жесткие волосы, как все те же густые метлы пересохшего льна. В нежных формах тела ее было что-то скользко-дельфинье. Он ею любовался. Она же его не видела. В комнате была как будто одна.

Потом она одевалась. Примеряясь закинуть на себя платье, стояла в серых колготках как тугой туман.

В метро на эскалаторе она как будто уплывала от него вверх, виновато опустив глаза и словно медленно пропуская к нему только сонные лампионы. А он, закинув голову, неотрывно смотрел на ее лицо, розово светящееся в песцовой серой опушке, и боялся даже дышать. Он любил ее бесконечно.

Отчуждение

Он держал ее груди как шлемы. Просяще смотрел в ее глаза. Он словно хотел увидеть ее душу. Но глаза с кошачьей осторожностью уходили, ускользали, и сердце его сжималось. Он охватывал ее голову, прижимал к себе. Как оживший огонь свой, как пламя. Он хотел, чтобы она рассказала о себе, хотя бы немного, дала бы свой телефон. Она мягко высвобождалась из его рук. Не надо, Юра. Разве тебе плохо?..

Она опять надевала платье, расставив ноги в серых колготках, а он в растерянности смотрел на нее. Она была неуязвима.

Она то появлялась в его квартире, то пропадала надолго. Все время он ждал ее. Особенно тоскливыми вечерами. На звонки телефона – срывался. Но звонили или мать, или дядя Антон. Так и требовали всегда в трубке: «Ответьте Калуге» или «Ответьте Оттаве». И Юрий Котельников

Владимир Шапко родился в 1938 году. Окончил Уфимское музыкальное училище. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Урал», «День и Ночь», альманахе «Енисей». С 1997 года – постоянный автор журнала «Волга» (предыдущая публикация – повесть «Графомания как болезнь моего серого вещества», №11–12, 2012). Живет и работает в Усть-Каменогорске.

добросовестно отвечал: матери, что всё в порядке, посылку получил, перед Новым годом постарается приехать, а дяде Тоше кричал сквозь бульканье и треск, что дом в Ильинском цел, не сгорел, сосед Бритвин присматривает.

Он не знал даже отчества ее, с какого года она, поэтому обратиться в Мосгорсправку не мог. Откинувшись на диван, он смотрел на портрет на стене, написанный маслом. Где Антон Петрович Котельников, с вьющейся бородкой напоминая не до конца обглоданный мосол, строго смотрел на племянника, удерживая в кулаке курительную трубку. Тощая шея Антона Петровича была украшена крапчатой бабочкой.

Утром Юрий Котельников на метро ехал в университет на Ленинские горы. В одной из лекционных аудиторий Первого гуманитарного корпуса читал курс по Теории перевода. Студенты казались ему молчаливым вежливым стадом, распределенным поэтажно. Он прохаживался вдоль длинного стола и монотонно говорил. После аспирантуры он преподавал уже третий год и *хорошо поставил голос.* Впрочем, в конце всегда вставала на задние ножки студентка Залкинд, похожая на толстую непокорную овцу. *С каверзным вопросом.* И приходилось отвечать: «У нас говорят: *у меня тяжелая рука.* Надеюсь, слышали. А у болгар несколько иначе: *в одной моей руке молния, а в другой – гром*. И говорить тут больше не о чем». Однако глаза Залкинд все равно горели желто, разоблачающе: попался, голубчик! Поймала на противоречии!

После лекций не хотел ехать домой. В обнимку с портфелем сидел на скамейке, как припорошенный снегом советский инк на фоне зыбящейся в небе пирамиды. Многоцветный, как жук, тракторишка шустро бегал, прогонял мимо снега.

Котельников и Татьяна Мантач

Они познакомились два месяца назад, в начале октября. Был пасмурный день. На университете, как на Дон Кихоте таз, висела туча.

Как всегда после лекций, он не мог не пройти по аллее университета. По всей. Ритуально. По привычке, сохранившейся со студенческих лет. Прежде всего постоял перед дорогими корифеями. Установленными почему-то в ряд. В разрозненный, но ряд. От этого жестоко роднящимися с истуканами с острова Пасхи. Неудачно поставлены, явно неудачно.

Потом шел по пустой аллее дальше.

Она сидела на скамье совершенно одна, сунув руки в карманы плаща и разглядывая свои ноги в туфлях на высоком каблуке. Склоненная голова в длинных жестких волосах, схваченных на затылке, напоминала корзинку с рыжим бурьяном. Он уже прошагал мимо и вдруг вернулся. Подошел, сел вполоборота к ней. «Что с вами, девушка?» Весь вид его выражал тревогу. Она повернула удивленное лицо: «Ничего». «Но вы сидите одна. На целый километр. Завалили зачет?» Она сказала, что не имеет к университету никакого отношения. Но он все приставал, выясняя, как она оказалась здесь, сидящая одна на целый километр. (Ох, уж этот «целый километр»!) Он не узнавал себя. Он говорил и говорил, никак не мог остановиться. Смурной театр шел помимо воли его. Он думал, что его сейчас просто пошлют и всё, но она... она вдруг заплакала. Подбородок ее наморщился, слезы потекли по щекам. Он растерялся. «Успокойтесь, девушка, успокойтесь!» – забормотал он.

– Мне не на что поехать *к близкому человеку.* В другой город. – Она уже вытирала слезы платком. Лицо ее было словно в сукровице.

Он сразу начал рыться в карманах, набрал пятьдесят рублей разными бумажками – все, что у него было, – и, как жене, сунул ей.

Потом они молча быстро шли к Воробьевскому шоссе. Точно оба боялись, что он опомнится и отберет деньги назад. Дожидаясь автобуса, она озиралась, будто высматривала, куда бежать. Плащ ее напоминал колокол. Спросила телефон. Он написал, вырвал листок, протянул. «Юрий. Юрий Котельников» – назвал себя. – «Татьяна. Татьяна Мантач». Она полезла в автобус. Конечно, больше я ее никогда не увижу. Он смотрел, как рыжая метла продвигается между темных голов. Потом поехал в другую сторону, к метро.

Несколько дней ему было стыдно. За самого себя. Вечерами он не мог работать. В диссертации все остановилось, не двигалось никуда. Он валялся в гостиной на диване, смотрел на костяного с бородкой Антона, все время почему-то словно бы подмигивающего ему. Переводил взгляд на тетю Милу, которая, напротив, одобряюще улыбалась ему маленьким ротиком в наливных щечках. Висел тут и фотопортрет матери Юрия Котельникова. Евдокия Котельникова была точной копией брата своего, Антона. Только, понятно, без трубки в руке и крапчатой бабочки на шее. Она строго смотрела на лежащего сына. Она родила его без мужа в 47-м году. Отца Юра Котельников никогда не видел. Она записала сына на свою фамилию. Отчество дала – Аркадьевич. То ли действительно некий подлец Аркашка проживал в то время в городе Калуге, то ли просто очень нравилось женщине это романтическое имя – Аркадий.

Чтобы как-то отвлечь себя, Юрий Аркадьевич звонил Кучеренке. Спрашивал, как дела с его диссертацией. Рассеянно слушал торопливый радостный голос. Нестерпимо хотелось рассказать о случившемся в аллее университета. И в конце концов рассказал. От услышанного Кучеренко надолго замолчал. «Ну, Коля?..» – «Дурак!» – сказал, наконец, Кучеренко и повесил трубку. Но все равно стало на душе легче.

Старый сталинский диван был колыхлив как торфяник. Юрий снова лежал, ощупывал его дерматиновые пузыри.

Он ее не узнал, когда она позвонила через десять дней. «Кто? Какая Татьяна?.. А-а, вспомнил! Здравствуйте! Как ваши дела?» Она сказала, что деньги сможет отдать ему завтра. Где и когда это будет удобно? Они договорились на одиннадцать утра, на Маяковской, у памятника.

Она пришла все в том же колоколистом плаще, бесплечая, как дорожная кегля. Его плащ был хорошо вздут в груди, с ремнем, с погонами. Он улыбался во все лицо. Она отчужденно смотрела в сторону. Достав из сумочки, отдала деньги. Поблагодарила. Говорить, собственно, было больше не о чем. Он спросил, как она съездила. К близкому человеку. Она нахмурилась, но сказала, что хорошо. Была в Калуге два дня. В Калуге?! Да мы же с вами земляки, Таня! – вскричал он. Я же родился там, жил до десятого класса! Я была в Калуге впервые, сказала она. Еще раз спасибо. Всего вам доброго. И она пошла от него к подземному переходу. Он торопился за ней, точно не мог догнать. «Танечка, подождите! Может быть, посидим где? А?» Она остановилась. «Сегодня воскресенье. Погода вон не очень». Вверху серовато-сизой простоквашей ползло низкое осеннее небо. «А? Таня?» Он не верил в успех, но она неожиданно согласилась. Он сразу подхватил ее под руку, повлек со ступеней под землю.

В кафе она умудрялась на него не смотреть. Ее колоколистый плащ висел на стоячей вешалке рядом со всеми его ремнями и погонами. Когда он говорил, взгляд ее блуждал по столу. Ее ореховые глаза кошки не вязались с темно-рыжими волосами и очень белым лицом. Она казалась отчужденной, недоступной. Но почти сразу на всё соглашалась. Он предложил по бифштексу – она согласилась. По бокалу шампанского – пожалуйста. Еще по одному – как хотите, Юрий. Это было какое-то безвольное отчуждение. Так ведут себя, наверное, люди в тюрьме. Он уже хохотал за столом. Размахивал ножом и вилкой. Она – лишь слегка улыбалась, вытирая губы бумажной салфеткой. Хотя он видел, что ее ореховые глаза подернулись хмельцом. За час он рассказал ей почти про всю свою жизнь, перескакивая с пятого на десятое. О ее жизни не услышал ничего. Она держалась стойко. Она ускользала даже от прямых вопросов. Вместе с глазами на скуластом лице.

На полной руке уносила поднос с тарелками официантка в короткой юбке. Круглая как кадка. Юрий Котельников галантно надевал на даму плащ.

Медленно шли по Садовому обратно к площади. Он говорил без умолку. Теперь рассказывал о квартире дяди Антона на Кутузовском. Как тот ее получил. Он всю жизнь был поваром. Понимаете? Всего лишь поваром. Но поваром знаменитым в Москве. Работал в свое время и вот напротив, в «Праге», и в гостинице «Украина». И в других, не менее известных местах. Сейчас третий год работает в Канаде, в Оттаве, в посольстве. Вместе с женой, тетей Милой. Все посольские приемы и разные фуршеты на нем. Очень любит свою сестру, мою мать, ну и меня, конечно.

Она слушала рассеянно. Все время поглядывала на часы. Почему-то мужские. А он все нес и нес «про квартиру»: метро рядом! сталинский дом! шестой этаж! лифт! три комнаты! стены – артиллерией не возьмешь! ванная – пятнадцать квадратных метров! Он, что называется, выхлопывал перед ней товар лицом.

Она коснулась его руки:

– Я приеду к вам, Юрий Аркадьевич. Но – завтра. Сегодня я занята. Напишите адрес.

Она смотрела прямо ему в глаза. И он смутился. Поспешно начал искать блокнот. Потом писал. Вырвал листок. Молчком протянул. Она коснулась губами его щеки и сразу пошла к метро, на ходу сворачивая бумажку с адресом и опуская ее в карман плаща. Он стал кричать, что завтра в семь, что встретит ее. Она ответила, что не нужно, найдет дом сама. С сумочкой под мышкой быстро сошла по ступенькам, исчезла в низких дверях.

Он не мог поверить. Она *опять согласилась*. Как безумный, он начал ходить взад-вперед. Налетал на людей. Потом зашел в сквер перед филармонией. Сел. На скамью в середине аллеи. К Театру Сатиры шли зрители. Нетерпеливой радостной колонной заключенных.

...Перед тем, как войти в квартиру, она аккуратно складывала, стряхивала зонт, как дорогую разноцветную птицу. Приняв от нее и зонт, и плащ, он оставил ее перед зеркалом поправить волосы.

За столом в гостиной она сидела в глухом черном платье, похожая на плотный швейный манекен из ателье. Вчера или сегодня она ходила в парикмахерскую. Метровые льняные метлы ее были ровненько подрублены, надо лбом ей красиво загнули волосяную модную решетку. И опять никакой косметики на лице. Ни туши, ни румян, ни помады. Лицо белое, с проступившим на щеках молочно-розовым светом. Правда, добавились крохотные капельки двух сережек на розовых мочках ушей.

Он принялся угощать ее разносолами, которые приготовил, естественно, сам. Несколько ошарашенной женщине он накладывал на тарелку рыбный салат из сайры, вареных яиц, соленых огурчиков и резаного репчатого лука. Он самодовольно говорил, что рядом с таким кулинаром, каким является его родной дядя Антон (кивок в сторону портрета на стене), просто невозможно не научиться готовить. Заодно он показал рукой и на тетю Милу со сладкими губками в наливных щечках, тоже дипломированную кулинарку. Однако он обошел добрым словом мать, висящую рядом с поварами. И Татьяне стала казаться, что та смотрит на сына с укором: чего же ты, негодник, про меня-то ничего не сказал? Рядом со знаменитым братом с курительной трубкой и бабочкой пожилая женщина выглядела скромно: у нее был вислый нос и печальные глаза.

С щегольским подкрутом бутылки он налил в бокал женщине вина. Вина, естественно, марочного, отменного. Сервировка стола была богатой. Сервизные тарелки отображали сталинский урбанистический и виноградный рай. У женщины, которая не очень-то умела даже бить простую яичницу по утрам, голова шла кругом.

– А вы любите готовить, Танечка? – приставал к ней ресторатор, подкладывая на сменную чистую тарелку салат оливье, а на другой край тарелки сельдь под шубой.

Она неопределенно помотала вилкой. Впрочем, вслух довольно мудро сказала: «Было бы из чего».

Он смеялся. Он был счастлив.

После жаркого из кролика мгновенно убрал всё со стола. И подал коньяк и кофе.

Они держали крохотные рюмочки с коньяком одинаково – как цветочки. В телевизоре опять шло награждение. Человек, похожий на очень матерого голубя, пялился себе на грудь, куда ему прицепляли очередную Звезду Героя. (Тощий прицепляющий изгибался на все лады.) Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза стоял как малое молчаливое большинство. Когда пошли поцелуи взасос, – посыпались аплодисменты. И человек долго откашливался. Как трактор. Прежде чем начать скрежетать ответные благодарственные слова...

Юрий Котельников выключил телевизор.

Под музыку проигрывателя довольно ловко водил даму по комнате. Круто поворачивал и снова ловко вел в другом направлении. Невысокая Мантач, отступая, как будто отбивалась от него ногами.

Потом они сидели на сталинском колыхливом диване. Точно ждали, когда он начнет колыхаться и встряхивать их. Котельников обнял девушку. Очень неудобно. Правой рукой ощутил сильную женскую спину, а левой на ее бедре через платье – резинку с застежкой от дамского пояса. Мантач мягко, но решительно высвободилась. Сразу встала. «Этого делать нельзя». Направилась в прихожую. Он извинялся и извинялся, помогая ей одеваться. Кинулся было провожать. Она остановила его. «Я приду к вам завтра. В это же время. До свидания». Опустив глаза, с полуулыбкой вышла за дверь.

Он тяжело дышал. Он смотрел на себя в кучерявом зеркале. Глаза его были сжаты как пульки, а длинный нос походил на обувную ложку, которую он забыто держал в руках.

После свидания

Она покачивалась в полупустом вагоне метро. Напротив сидел старик в потертом плаще. Широколицый. Печальный, как бульдог. Глаза у него будто пучило. Он кривился как от изжоги и снова замирал, ожидая опять чего-то от своих глаз. Кинул в рот таблетку. Татьяна увела взгляд в сторону. За стеклом вроде бы полетел, закривлялся Юрий Котельников. Странный вообще-то парень. Что-то есть в нем от селезня. Нос утиный. Не похож однако ни на мать, ни на костяного дядю. Зато уж они точно с одной колодки сняты. Сработаны как по лекалу. Этот – как усыновленный. Глаза маленькие, проваленные, а нос широкий, утиный. В общем, красавец. Волосы, правда, хороши. Кудрявые. Но тоже – подстригся под барашка. Зачем? Барашек с утиным носом. Барашек-утконос. Интересно, клеят ли его студентки? Ведь молодой, неженатый. Квартира, можно считать, в Москве. Карьера благополучно вызревает. Доцентом скоро станет. А там – и профессором. Но хвастун. Переливчатый селезень. Однако деликатный. Только сказала – сразу отступил. А я ведь *согласная.* Просто не могла же я сказать дурашке, что из меня третий день льет. Низ живота тянет. Ничего, конечно, не понял. Подумал, наверное, что просто женский стыд. Плащ держит, надевает. Понимающий, предупредительный. Порывается идти провожать. Еле отбилась. Всё хочет узнать, где я живу. А зачем, дурашка?..

Татьяна Мантач вышла из вагона через три остановки на станции «Киевская».

Из дневника Котельникова

...Очень необычная женщина. Даже внешне. Никогда не встречал такой. Ореховые красивейшие глаза. Но как не ее. Как взятые напрокат. Чужие белому лицу и рыжим волосам. Почему такая скрытная? Кто она? Замужем? Разведена? Спокойно-отчужденная, молчаливая. И в то же время – на все соглашающаяся. Причем совершенно неожиданно. «Я приду к вам, Юрий Аркадьевич, завтра». Как выбила почву из-под ног. Растерялся даже. Стыдно почему-то стало. Потерял даже речь, когда рылся в карманах, искал блокнот. И опять же сегодня: оттолкнула от себя или нет? После того как обнял? «Я приду к вам завтра. В это же время». И улыбку повела к двери. Как будто знает то, о чем ты понятия не имеешь... Но как она очутилась на Ленинских горах? Совершенно одна? На целый километр?.. Странная женщина. Очень странная...

Безумие мужчины и женщины

Во второй вечер, потеряв голову, он тянул тугую женскую ногу с поднятым коленом словно бы в гору. А может быть, даже в космос. «Остановись, – сказала она, – я так задохнусь». С расстегнутой рубахой он восстал над ней, как безумный Икар. И вновь потащил обеими руками ногу в чулке.

Второй раз все было уже целомудренно, пристойно. Он висел над ней и спрашивал: «Больно я сделал? Да? Больно?» Впрочем, в конце он опять было потащил, но бросил ногу и начал точно всверливаться в женщину.

Он лежал, до горла закрывшись пледом. Как негодяй. Полураздетая женщина была покойна. Расчесывала на стуле свои густые прямые волосы. Только в нежной осаде белых ног ее и живота стыдливо прятался женский желтый мысок.

Потом она ушла в ванную. А он метался, таскал опять все на стол.

Ночевать она не осталась. Сколько ни просил. Правда, разрешила проводить себя до метро.

«Она точно замужем», – думал Котельников, идя от «Кутузовской» домой. «Вне всякого сомнения. И вряд ли теперь появится. Вряд ли даже позвонит. Но я-то для чего тогда?» Котельников посматривал на черную, без единой звезды октябрьскую ночь. Почему-то сдавливало тоской грудь.

Но она пришла и в следующий вечер. И еще приходила. Безумие мужчины и женщины длилось неделю.

Он мало что соображал в эти дни. На лекциях все время поглядывал на часы. Тема студентам разворачивалась словно бы не им, Котельниковым, а кем-то другим, очень хитрым, спрятавшимся в нем.

Пыталась долбить его вопросами Роза Залкинд. Но он сразу говорил, что всё обсудит с ней индивидуально. Вылетал из аудитории и уже без всяких ритуальных аллей мчался автобусом к метро.

В окне летящего вагона он видел то ее груди, то ее, извините, тугое гузно, то закинутую в костре волос голову. Черт побери-и! – поворачивал он безумные глаза к пассажирам.

Дома на кухне пытался что-то готовить, но приходила она. И уже через минуту они оказывались на полу, куда он успевал бросить только одеяло...

Лица ее он не видел. Его накрывала сухая горячая лава ее волос. Раскинутые руки и ноги их были слиты. Казалось, она ничего не делала, но он уже в сладостной муке поворачивал и поворачивал единую эту их мельницу на полу, сминая, перетаскивая за собой по паркету одеяло...

Она долго лежала на нем, спрятав горящее от стыда лицо за его щеку.

Однако потом, как всегда, хмуро расчесывала свои волосы. А он сидел перед ней на полу как перед золотым многоруким божком, который никогда ни на кого не глядит.

В этот вечер, прощаясь, она сказала ему: «Хватит, Юра. Нам нужно отдохнуть. Не скучай».

О телефоне и адресе своем, конечно, ни слова.

– Я позвоню, – сказала она.

Действительно позвонила. Но когда уже и не ждал...

Лечение на дому

По Кутузовскому, распустив пальцы веерами, как осторожная балерина переступал прямыми ногами по гололеду высокий старик в пальто. Медленно двигался за ним по тротуару, растрясывался солью глухой, сработанный под броневик мотороллер с засевшим в нем дворником с подловатым глазом. Юрий Котельников чертыхался, шел следом, перескакивал через обширные серые пятна соли, как через нечистоты. И растянулся-таки, сильно подвернув ногу. Кое-как поднялся, постоял, потом потихоньку, охая от боли, поковылял обратно. Домой. Какая-то женщина предложила помочь. Подхватила даже под руку. Поблагодарил ее. Дойду сам.

Дома позвонил в деканат, потом Кучеренке, попросил подменить. Сидел на диване, смотрел на разутую, уже припухшую с посиневшей щиколоткой ногу. Вызывать неотложку или не надо? Позвонила Галя Кучеренко с испуганным голосом. Лед! Немедленно лед к ноге! Через тонкое полотенце! Спасибо, Галя. Поковылял на кухню, из холодильника достал решетку со льдом, выдавил ледяные квадратики и уже в комнате с полотенцем навернул на ногу. В щиколотке словно бы сразу заиграла разноцветная тянущая боль. Но быстро прошла – нога онемела.

Целый день промаялся с ногой. Пытался работать. Садился к столу, к диссертации, вытянув, как инвалид, ногу. Но боль не отпускала, начинала ныть, тукать, бить. И уже лед не помогал. Тогда возвращался на диван, поднимал ногу на подлокотник – в таком положении было легче.

Почему-то все время думалось о Татьяне. Десять дней опять прошло. Ни слуху ни духу. Хватит, наверное, с ней. К черту! Кончено всё!

Но когда вечером вдруг зазвонил телефон – бросился с дивана, чуть не упал, ухватив трубку со столика. «Да, да! Слушаю!»

Узнав о случившемся, она приехала почти сразу. Как добрая «скорая».

В прихожей, увидев его с поджатой ногой в полотенце, она мотнула рукой в сторону гостиной: «А ну иди. Иди сам!» Он «пошел», поковылял, приседая. «Так!» Она приказала лечь. На диван. Довольно долго осматривала ногу. Он чувствовал ее холодное дыхание на коже ноги. Он пытался объяснить, обрисовать случившееся. «Помолчи! Так больно?» – она чуть загнула ступню. Он дернулся. «Понятно. Небольшое растяжение». Она вынула из сумочки эластичный бинт в упаковке, разодрала пергамент. Начала профессионально мотать на голеностопный сустав. «Ловко у тебя получается!» – удивился он. «Я медсестра», – коротко сказала Мантач.

Так Котельников узнал, что она работает в одной из московских больниц. А в какой именно – она уточнять не стала. Ему же, если бы он вдруг надумал в поисках ее обзвонить все больницы и поликлиники Москвы, не хватило бы, наверное, и года.

Университет

Семидесятилетний холостяк профессор Оськин для бодрости кадрил в коридоре двух веселых аспиранток. Кузину и Телепнёву. Смеясь, оскаливал желтые зубы как амулеты.

Однако увидел Котельникова с толстой папкой. Ринувшегося к нему, профессору Оськину. Сразу поднял руку:

– Не могу, Юрий Аркадьевич! Не могу. Завтра уезжаю в Братиславу. Симпозиум. Что написали – отдайте Зубину. Он посмотрит.

Повернулся к аспиранткам:

– Ну, прощайте, мои дорогие!

Пошел. В свежем вельветовом пиджаке и шейном платке – как выигрышный богатый фант. Телепнёва и Кузина смеялись ему вслед *шибко*, если употребить любимое Буниным словцо. А подопечный диссертант Котельников пошел с толстой папкой неизвестно куда. И что теперь делать?

Такой же вопрос (что делать?) задал ему подсевший в столовой Кучеренко: «Что делать, Юра? Опять она тормознула меня. («Она» – это декан Десятникова, а «тормознула» – это не пропустила диссертацию на Совет.) Что делать, Юра?»

Ждал ответа с обиженным ротиком окунька. Седые волосы его в короткой стрижке казались просто нацеплявшимися белыми нитками. Нацеплявшимися, к примеру, с подушки, когда он спал.

Юрий Котельников жевал мясо, думал. Потом сказал:

– Пошли!

В деканате за столом писала маленькая женщина с потрескавшимся лицом пожилой лилипутки.

– У вас ко мне дело, Юрий Аркадьевич?

– Да, Вера Павловна, именно дело! Вопрос. Один лишь вопрос: почему? Почему с Кучеренкой так поступают?

– Я удивлена, что вы задаете такой вопрос. Именно вы, Юрий Аркадьевич. После того, как переметнулись к профессору Оськину, вы приходите ко мне, бывшему вашему научному руководителю, и просите за Кучеренко. Это – как? – задам я тоже вопрос.

На Юрия Котельникова пусто смотрели глаза цвета мутного винограда.

Бывший ученик несколько смутился:

– Я ведь не об этом пришел с вами говорить, Вера Павловна...

– А о чём? Вы, наверное, просто забыли, что произошло в прошлом году после вашего перехода к Оськину. Теперь вы вместе с вашим другом пожинаете плоды.

Маленькая женщина склонила голову, продолжила писать.

– Ну, что, что она сказала? Что? – приставал на ходу в коридоре Кучеренко.

– Похоже, Коля, мне тоже не увидеть Совета, – ответил Юрий Котельников.

День явно не задавался. День был как понедельник. В конце лекции опять начала подниматься на задние ножки несносная Залкинд. Конечно же, опять *с вопросом.*

– Юрий Аркадьевич! В моем переводе рассказа вы зачеркнули слово «охотно». Почему?

Она приглашающе поворачивалась к сокурсницами, сидящим в одном с ней ряду, мол, хватит ворон ловить, то-то сейчас будет!

– А потому, уважаемая Роза, – зло начал Котельников, – что слово «охотно» из девятнадцатого века. Из переводов Диккенса, Теккерея. Потому, что в нашем случае оно неуместно. Простой шофер Радан Николов никогда не скажет его. Даже если ему вместо одной чашки кофе предложат десять.

– А как же он скажет? – аж повалилась вперед Залкинд.

– Он скажет «с удовольствием», «с радостью», но не скажет – «охотно». Он не граф, он шофер. Теперь ясно почему?

Как после ушата ледяной воды Залкинд вела по сокурсницам свои шалые глаза непокорной овцы: вывернулся!..

Котельниковы

...На кремлевскую елку Юрик Котельников в первый раз попал, когда ему было восемь лет. С ушками зайчика, держась правой рукой за деда Мороза, а левой таская за собой какую-то девчонку, он тоненько пел и не сводил испуганных глаз с громадной всей елки с оледеневшими огнями.

Дома у дяди Тоши он сидел за столом и удерживал на коленях большой кулек, разрисованный серебряными звездами. Иногда, подумав, доставал из него одну конфету и отдавал кому-нибудь из взрослых. Потом, опять подумав, – еще одну отдавал. Мама в селедочном блёстком платье гладила его. А дядя Тоша, получив конфету, хохотал, чуть не расплескивая из бокала вино.

В деревенском доме в Ильинском он стоял высоко на табуретке и декламировал звонким голосом стих:

Снежок порхает, кружится,
На улице бело.
И превратились лужицы
В холодное стекло.

Где летом пели зяблики,
Сегодня – посмотри! –
Как розовые яблоки,
На ветках снегири...

Дядя Тоша прижал его к себе. Потом поцеловал: «Молодец, Юрик!» Мама в селедочном платье сидела гордая. А у тети Милы почему-то навернулись слезы.

Уже к концу праздника за столом, когда тетя Мила подавала чай, дядя Тоша сказал:

– Ну а теперь выпьем светлой памяти родителей наших.

С налитым бокалом Антон Котельников смотрел на фотопортреты своих родителей в рамках на стене. Серьезный отец стоял в буденовке, в тяжелой шинели «с костями», а мама была в косынке, с простым, подрубленным мочалом фабричной девчонки...

– Эх, жизнь! – смахнул слезу дядя Тоша и выпил свой бокал до дна.

Юрик не знал своих дедушку и бабушку, но увидел, что мама тоже промокнула глаза платочком. А тетя Мила подложила ему на тарелочку второе пирожное, хотя он не съел еще и первое. Юрик тут же дал ей конфету. Из своего кулька. И все опять смеялись за столом.

Летом с разбега Юрик нырял с доски в Ильинское озеро, быстро плыл, поворачивал к берегу и, выбежав из воды, ложился на песок рядом с загорающей матерью.

– Эх, Дуся, – говорил дядя Тоша. – Как я тебе завидую. Какой золотой мальчишка у тебя растет. Ведь Милка-то моя пустая оказалась...

Как на волосатый кокос, он смотрел на свой живот, свесив голову. Тетя Мила выходила из кустиков, где надевала купальник.

– О чем это вы тут секретничаете?

Она крутилась перед всеми, раскинув ручки. В купальнике, похожая на таймененка.

Потом мужчины рыбачили. Антон неподвижно стоял с длинным удилищем. У него не клевало. А Юрик с маленькой удочкой постоянно выбегал с окуньками прямо из озера. То с одной стороны удивляющегося рыбака, то с другой. Женщины покатывались.

А вечером, усталые, долго шли к деревне, домой. Двигались мимо притихше-золотистого молчаливого ожидания вечернего пихтового леса. Мимо запрятавшихся в кусты дач без огородов, где в кронах деревьев уже вовсю шла вечерняя кутерьма голосов певчих птиц. Мимо огороженного пансионата министерства иностранных дел, где дядя Тоша по блату однажды купил Юрику бутылочку новой необычной чудесной воды под названием «пепси-кола». И, наконец, мимо соседа Бритвина на скамейке, возле которого всегда лежал на земле старый-престарый пес Полкан, просто как кучка дымного войлока...

В вагоне поезда, идущего в Калугу, Евдокия поглаживала головку сына на своей плоской груди.

– Как окончишь десять классов, будешь жить в Москве. У дяди Тоши.

– А ты? – сразу выпрямился гвоздиком сын.

– Ну, может быть, и я...

Одни в купе, опять обнявшись, они смотрели сквозь свои лица в ночном окне на далекие огоньки деревенек, раскачивающихся как трапеции, или на медленно проплывающие шляпы фонарей небольших станций.

Уезжая учиться в Москву, Юрий Котельников на вокзале удерживал на своей груди голову Тани Лапшиновой. Таня плакала, словно провожала его на фронт:

– Юра! Юрочка!..

Евдокия-мать с неким злорадством стояла в стороне. Однако когда поезд пошел, сразу обнялась со своей будущей как бы снохой. И они плакали, одинаково, как собаки, отвешивая челюсти.

На первом курсе Юрий Котельников маршировал в строю по университетской аллее туда и обратно. Капитан Иванов, перебивая ногу, ловил шаг строя и как вдалбливал рукой университетским воинам:

– Э-раз, э-раз, эраз-два-три-и!.. Э-запевай!

Очень фальшиво, как только поют в строю, орали песню и били сапогами к университету, к закату. Закат позади черной пирамиды был как металлургический цех.

Не плачь, девчонка,
Пройдут дожди!
Солдат вернется,
Ты только жди!..

Антон Котельников всегда шипел на жену, если она роняла что-нибудь в гостиной: «Тише ты, кулёма! Юрий работает!» На цыпочках подходил к полуоткрытой двери – заглядывал. Юрий корпел над очередным рефератом как каторжный. Он уже учился в аспирантуре.

Когда Антон Котельников уезжал с женой на работу в Канаду, он сказал племеннику: «Юра, всё, что у нас с Милой есть – твое. Мне до пенсии шесть лет – сразу переедем в Ильинское. Ну а

ты – женись. Дети чтоб, ну и вообще». Он вдруг отвернулся, плечи его затряслись. «Ну-ну, дядя Тоша! – приобнял его племенник, похлопывая по плечу. – Будет!» Продолжил затягивать ремнем большой пузатый кожаный чемодан. Антон помогал, надавливал коленом. Щеки его тлели как зори. Мила тоже потихоньку плакала, бегала, собиралась.

Уже через месяц они прислали из Оттавы племяннику красивое осеннее пальто-реглан из мягкой австралийской шерсти, а сестре в Калугу – песцовую шубку. («Как раз к твоим большим песцовым глазам!» – прокричал из Оттавы до Калуги Антон Котельников.) Но она боялась ее носить. Надевала только в Москве, когда приезжала к сыну. И то – в поезде везла глухо завернутой, заложив ее под себя, в ящик под нижней полкой.

Операционная медсестра

Операция была закончена. Бригада выходила из операционной в предбанник. Как окровавленные, завернутые наглухо монстры, мужчины сдирали с себя всё, вновь обретали лица, замятые волосы, лысины. Завьялов уже мыл в углу руки.

В операционной у стола остался Коптев с поднятыми руками. Ждал шовный материал.

Татьяна действовала без суеты, но быстро: пересчитывала использованные, уже обработанные ею антисептиком инструменты; на другом столе, глядя в свою записку – использованные салфетки, тампоны, шарики. Сошлось!

Быстро вернулась к шовному материалу у себя на столике, стерильным пинцетом из катушки вытянула шовную нить нужной длины. Чикнула стерильными ножницами. Пинцетом же ловко вдела кончик нити в иглу. Бронщами вперед подала иглодержатель Коптеву.

– Молодчина, Таня, – тихо сказал Коптев.

Склонившись, стал зашивать полостную рану. Татьяна помогала.

– Зайди к Игорю Николаевичу. Он хочет тебе что-то сказать.

Умело, как рукодельница, Коптев тягал нить.

Потом, когда больного увезла реанимация, Татьяна еще долго прибирала все в операционной.

Помогала пожилой Ивашовой. Пока та мыла пол, протирала подоконники, всё оборудование, мыла содой с мылом клеенку на операционном столе.

Наконец, села и стала писать в журнал: пациент, все участники операции, номер операционной, начало и окончание операции. Четко заполнила лист расходных материалов. Всё.

У двери выключала весь свет. Как космодром, последним рухнул многосопловый светильник с потолка.

Закрыла темную операционную на два замка.

Завьялов неторопливо пил чай. Татьяна сидела на стуле, ждала. С сильно скошенным лбом и вспухшими верхними веками шеф походил на скифа.

– Таня, мне доложили, что ты живешь в общежитии. У нас, на Болотникова. Это так?

Татьяна сказала, что она живет уже два года на съемной квартире. Снимает с Пивоваровой из перевязочной.

– Ну, и как она?

– Кто?

– Пивоварова. Можно с ней жить?

Татьяна ответила, что занимает смежную комнату в двухкомнатной квартире.

– И что же, на кухне даже не встречаетесь?

Женщина уже хмурилась.

– Зачем это вам, Игорь Николаевич?

– А я это к тому, что скоро с Пивоваровой ты жить не будешь...

Дальше он говорил, что весной сдадут большой многоквартирный дом в Чертаново и десять квартир выделяют институту. И есть большой шанс, что она, Татьяна Мантач, получит в этом доме однокомнатную квартиру.

Татьяна молчала.

– Не вижу радости, Таня! Ведь сам Столбовский сказал! Чего же еще?..

– Поживем – увидим, Игорь Николаевич.

Да-а, железная, – смотрел на свежую молодую женщину Завьялов. Впрочем, только такие и должны быть рядом.

– Спасибо вам, Таня, – вдруг сказал ей, назвав ее на «вы».

– За что, Игорь Николаевич?

– За вашу работу, Таня, – вполне серьезно смотрел на помощницу Завьялов.

Не часто такое можно услышать от шефа. Татьяна улыбнулась:

– Не хвалите, Игорь Николаевич – сглазите.

Потом докладывала о подготовленной операционной на завтрашний день.

– Первая операция завтра в одиннадцать, Игорь Николаевич. Опять полостная. Кононов из четвертой палаты. 58 лет.

– Я знаю, Таня. Иди, отдыхай... Да-а! Большой привет Пивоваровой! Скажи ей, что я ее хорошо помню!..

Завьялов смеялся. С покатым скифским носом, будто с весёлым копьём.

В кухне Пивоварова накручивала бигуди. Сырые пряди свисали с головы как лыжи.

– Тебе звонили. Опять Калуга...

Татьяна вернулась в прихожую, по восьмерке попыталась набрать номер в Калуге. Не получилось. Заказала разговор через телефонную станцию.

Пивоварова, накручивая, кособенилась вся.

– То бывший муж из Калуги звонит, то его мать из Уфы. Переговорный пункт! Станция скорой медицинской помощи!..

Татьяна прошла к себе. Не снимая платья, прилегла на диван.

Забрызгался телефон.

– Танька!..

Татьяна уже держала трубку, ждала соединения.

– Здравствуйте. Это Татьяна. Мне передали, что вы звонили мне...

Дальше слушала торопливый, захлебывающийся женский голос.

– В какое отделение его положили?.. Нет, вы меня не поняли: я спрашиваю – в пульмонологию опять или в хирургическое?.. Хорошо, Елена. Я всё узнаю у нас. Я позвоню. Конечно. Не за что...

Долго сидела на стуле у порога. С забытым аппаратом в руках. Сердце испуганно билось, обмирало.

– Что, опять к мужу поедешь? – высунулась Пивоварова. С башкой как тотализатор. Как барабанное спортлото. – К мужу с его новой женой?..

Татьяна встала, пошла к себе.

– О! О! О! – кривлялась Пивоварова. – Графиня Монсоро!..

Через час была действительно Уфа. Голос старухи как будто шатало, он рассыпался как песок:

– Таня, милая, что делать?..

– Ольга Ивановна, ну зачем вы так волнуетесь! Я же всё сказала вам вчера. Зачем же сноха-то вас еще баламутит?.. Нет, никуда сейчас ехать не нужно. Может быть, придется в Москву, но сейчас никуда не надо. Я буду вам звонить. Я всё узнаю. Не волнуйтесь. Думаю, что получится. До свидания. Не стоит. Не болейте, Ольга Ивановна...

Пила у себя кефир, прикусывая печенье. Потом мыла кружку на кухне. Пивоварова носилась за спиной как ветер.

Раздевшись до комбинации, в позе лежащей русалки пыталась читать. Но через какое-то время взгляд ушел от книги и даже от дивана, начал дрожать в слезах... Села. Вытирала глаза подолом комбинации.

Потом к Пивоваровой пришел Жиров. Галька, напевая, начала бегать на кухню. Через час они закрылись и включили свою долбежную музыку, сопровождаемую то коротким поросячьим визгом, то глубокими женскими стонами.

Татьяна хотела уехать к Котельникову. Уже набрала номер, но положила трубку.

Лежала, поглядывала на люстру под потолком. Люстра, похожая на царевну в жемчугах, слегка потрясывалась.

Часов в двенадцать, когда музыка разом оборвалась, точно слетев с копыт, Татьяна села за стол писать ответное письмо матери в Башкирию: «...Мама, зря ты ругаешь меня. Я не могу отказать Сергею в такой трагический момент его жизни. Да он, как всегда, ничего и не просит. Наседают его жена и Ольга Ивановна. Звонят каждый день. То Уфа, то Калуга. Как я могу отказать им? Ведь именно я что-то смогу сделать в Москве, чтобы вытащить его из болезни. Он чужой мне, мама, давно чужой. Но я не могу без боли думать сейчас о нем. Все эти его бабенки, все эти измены, его поспешная женитьба после развода – на фоне теперешнего трагического его состояния выглядят настолько мелкими и ничтожными, что и говорить-то о них не стоит. Я во всем виновата, я, мама. И в разводе нашем, и вообще. Трудно со мной было жить. Вот в чем дело. Я приносила одни несчастья. Как это тебе объяснить? Поэтому упреки твои, назидания сейчас просто дики. Нужно помочь человеку. Помочь, понимаешь, и всё. И я должна это сделать. Скоро поеду опять в Калугу. Необходимо взять выписки с самого начала болезни и по последним обследованиям. Ты же прекрасно сама понимаешь, что от этого сейчас зависит всё. В институте я уже говорила с шефом, и он обещал сразу же поговорить со Столбовским, как только тот вернется из Армении.

И еще. Не нужно ничего скрывать от папы. Ты этим его только обижаешь. К Сергею, в отличие от тебя, он относился хорошо.

Как твоя нога, мама? Мазь (другую) вложила в посылку. Скоро с посылкой и получишь. Не роняй больше кастрюль с кипятком на ноги.

С жильем все так же. Приходится пока жить с Пивоваровой. Что-то начало маячить на работе, но я мало в это верю. Было это всё, не раз.

Ну, дорогие мои, крепко вас обнимаю и целую! Не болейте. Пишите. Летом обязательно увидимся.

Таня».

Зина, Танюшка и Михаил

...Возле двухэтажного барака, на тротуаре, робко облаивали прохожих две старые собаки. Да обе-то они хромые, да безработные. Ох, да без хозяина они, да без своего угла. Заглядывали в лица: может, возьмете нас с собой? Подходим, а?..

Облаивали нового прохожего. Так же просяще, жалко: не пугайся, какая уж тут храбрость у нас теперь, так – симуляция одна. А хлеб-то есть надо. Эх-х...

Из подъезда барака выходила Танюшка Мантач. С портфелем, в белых гольфиках и темном платьице с фартуком. Ученица третьего класса.

– Пуля! Григорий!

Собаки, прекратив представление, поспешно ковыляли к ней, обе как на костылях.

Из целлофанового мешочка Танюшка вываливала им в плошку еду. Стояла с портфелем в руках, смотрела, как псины быстро съедают объедки.

Потом гладила собак. Пуля, зажмуриваясь, вытягивала под ее руками длинную узкую морду как ласку. Григорий был хмур, ждал своей очереди.

– Таня, не трогай их руками! – всегда говорила мать из окна второго этажа. – Сколько тебе говорить? Придешь в школу, сразу же вымой с мылом руки. Слышишь?

– Хорошо, мама, – послушно отвечала дочь, уже выбираясь из низины двора на горбатый тротуар. С двумя рыжими, хорошо вздернутыми метелками по бокам круглой головы. Собаки пошли было за ней, но она им что-то сказала, погрозила пальцем, и они вернулись во двор, при-

сели как инвалиды и стали смотреть на мужчину и женщину в окне на втором этаже, ломая уши вопросами.

– Когда ты их прогонишь? – глядя на собак, спрашивала у гражданского мужа Зинаида Куприянова, дипломированная медсестра. Работающая в станционной поликлинике.

Михаил Мантач, всего лишь простой сцепщик вагонов со станции, был добродушен:

– Да пусть. Пускай присматривает за ними...

– Так заразят же ее! Твоего ребенка! Лишай, глисты! Всё что угодно может у них быть. Неужели непонятно?

– Да ладно тебе, Зина, – примирительно говорил Михаил Мантач, уже одетый для работы, и, взяв со стола завернутые бутерброды, шел к двери.

Как грязный апельсин, выбирался к тротуару той же дорогой, что и его дочь. Только поворачивал в другую сторону, к станции.

Собаки не двинулись за ним, не повели даже глазом, по-прежнему внимательно следили за женщиной в окне.

– Пошли отсюда! – махнула она им рукой.

В обед Зинаида Куприянова глянула в окно и обомлела – за дочерью с портфелем передвигались уже четыре собаки. По тротуару ковылял целый госпиталь!

– Пуля! Григорий! Чапай! Короед!.. – командовала дочь.

– Где она их находит?! На каких помойках?! – кричала вечером Зинаида мужу: – Где?!

Муж виновато уводил глаза.

– И потом – почему Короед?..

– Он кору грызет, мама, – поясняла дочь, оторвавшись от уроков. – Как заяц...

– От голода, что ли?

– Не знаю...

Вечно голодные, собаки начинали лаять во дворе барака спозаранку. Особенно жалобно выводил под окнами Короед.

Старик Зяблин с первого этажа капнул в санэпидемстанцию. В Уфу. И псы через какое-то время исчезли.

Танюшка бегала по поселку, искала своих собак:

– Пуля! Григорий! Чапай! Короед!..

Родители не знали, что делать.

Зинаида принесла от подруги ручную болонку Матильду. Вроде как на время. Поиграться дочери.

Дочь повернула красные от слез глаза, посмотрела на заросшую противную собачонку с бантиком на макушке – и снова отвернулась к учебнику, мало что в нем понимая.

– Танька, выходи-и! – кричали ей со двора.

Но Танька не выходила. В ту осень она больше не прыгала с девчонками через летающую скакалку во дворе.

Родителям порой казалось, что дочь забыла своих погибших собак, стала прежней, спокойной, серьезной. Но каждый раз, едва заслышав лай со двора, Танюшка кидалась к окну... Говорила, постояв:

– Это другие собаки... Их лучше не приручать...

Родители в растерянности смотрели друг на друга.

По вечерам за стенками с обеих сторон бушевали телевизоры, а в комнате у Куприяновой и Мантача Михаила было словно в тени – относительно тихо. Под светом абажура все трое сидели за одним столом. Зинаида что-нибудь шила. Плавными ее вдохами и выдохами казалась гуляющая иголка с ниткой. Рыжие чупрыны на склоненной голове Михаила были будто разложенный пионерский костер – он всегда читал свою фантастику и приключения. Танюшка сидела между ними, готовила уроки.

Иногда Зинаида смотрела на рыжую дикую голову мужа. Потом на такие же густые рыжие волосы дочери, уже распущенные для сна. Точно впервые удивленно отмечала: надо же такой похожей родиться! Даже глаза передались от отца. Цвета пестрого крыжовника. Моего ничего нет! У нее самой глаза были просто как две смородины, а волосы и вовсе – серым блином на голове.

Зинаида начинала мягко раздвигать рыжие дебри дочери. Чтобы лучше было видно ее розовенькое личико. Чтобы раскрылось оно совсем. Как на картинке.

– Ну, мама, мешаешь, – мягко отстранялась Танюшка. Снова клала голову почти на стол и продолжала любовно выводить в тетрадке.

– Выпрямись! Сядь прямо! – старалась быть строгой Зинаида.

Приходила еще одна рыжая – Лидия Семеновна Мантач. Мать Михаила, бабушка Танюшки. В ее рыжих волосах с густо вылезшей сединой от корней было что-то от сенника.

– Всё читаешь, – говорила она сыну, – вместо того, чтобы учиться. (Сын сразу откладывал свою фантастику.)

У нее было только две темы для разговора в этой семье. В семье младшего сына. ЗАГС и Уфимский железнодорожный техникум. Техникум в Уфе она сама когда-то закончила, еще до войны, и «была потом человек», а младший сын ее до сих пор, до тридцати пяти лет, «ползает под вагонами как распоследний грязный чумичка и маслёнит буксы». Как на такое смотреть?

И вторая тема – ЗАГС...

– Да это же стыдоба перед всей станцией! Девчонке девять лет («девчонка» наглядно жмурилась под ее рукой, как кошка), а они сидят. Вышивают, читают книжки!

Михаил говорил свое «да ладно тебе, мама», (эхом «да ладно тебе, Зина»), а Зинаида сразу начинала бегать, собирать чай – она была готова слушать про ЗАГС и Уфимский техникум весь вечер.

Лидия Семеновна всегда сидела в центре стола, прямо под абажуром. Слева от нее пила чай Танюшка. Справа послушно, как еще один ее внук, сидел Михаил. Напротив – сноха. Та всегда оставалась при заварном чайнике, печенье или пирогах.

– Баба Лида, съешь конфетку, – как маленькой, предлагала бабушке внучка.

– Я смотрю, у вас денег много, – разглядывала большую конфету «Мишка на Севере» Лидия Семеновна. И возвращала конфету внучке: – Съешь ее сама, доча.

Она пила чай по-татарски – без сахара. Сухой рукой в помеси рыжих и старческих пятен крепко держала стакан.

– Завтра вытаскаешь из погреба оставшуюся картошку, – говорила сыну. – Надо просушить ее и отсортировать.

– Хорошо, мама, – отвечал Михаил. И дальше сидел возле матери скромненько, послушно, ухватив меж колен рукой руку. Казалось, напрочь забыл и про дочку и про жену – оставался преданным матери с самого детства.

Часов в десять вечера Лидия Семеновна всегда укладывала внучку сама. Раздевала ее, стоящую на кровати. Голенькая Танюшка покачивалась с пылающими перед сном щечками. С поднятыми руками, как сдаваясь, улетала в белый полотняный сон.

Лидия Семеновна возвращалась к столу, пила последний стакан. Несмотря на то, что десять лет уже как была на пенсии, по-прежнему оставалась членом жилищной комиссии Райисполкома. И Зинаида осторожно заводила один и тот же разговор, что хорошо бы *маме* похлопотать за Михаила. Чтобы ему дали однокомнатную квартиру.

– Не мне, мама, – Михаилу...

– Еще чего! – всегда одинаково восклицала Лидия Семеновна. И говорила про сына, как про постороннего: – У него есть площадь в родительском доме... Вот если распишется, – на очередь поставим сразу!

Обе женщины, молодая и старая, поворачивались к упрямой, уже склоненной над книжкой голове.

– Эй, читарь! – говорила старая женщина. – О тебе ведь говорим...

...В высокой траве Танюшка шла за отцом к реке. В большой маминой штормовке походила на широкогрудого мужичка в сапожках. Одной рукой она прижимала к себе проволочные кольца садка, в другой руке был увесистый черпак.

Они сидели в лодке прямо на середине Дёмы. Лодку папка закрепил на тросу поперек реки. Как бы перегородил ею реку.

Пока отец набивал сетку кошеля пареным овсом, Танюшка гладила водяные цветы, вспухающие за бортом лодки.

– Не наклоняйся к воде! Выпадешь!

Отец встал, покачал в руке тяжелый кошель и кинул его на веревке в реку. Метров на десять вниз по течению. Вымыл руки, обтер их тряпицей и сел на место. Достал папиросы, закурил.

Ожидая когда у кошеля на дне соберется побольше рыбы, отец и дочь долго сидели на двух смежных скамейках, поставив ноги по обе стороны их. (Под Танюшкой была еще навернута на доску телогрейка.) Они находились в самом устье Дёмы, где речка, широко расплываясь на стороны, сливалась с Белой. Слева, как темный доисторический динозавр, стоял в реке железнодорожный мост. Прямо через Белую тонули в туманах по горе домишки уфимской слободки. Из-за горы во всё небо било встающее солнце.

Наконец начали рыбачить. Михаил почти в каждую проводку подсекал. Вытаскиваемые рыбины казались Танюшке живыми бьющимися зеркалами. Она суетливо подсовывала под них подсачик.

– Михаил! Хватит! – всегда неожиданно прилетал с берега голос, заставляя рыбаков вздрогнуть.

– Да ладно тебе, Зина, – не сразу отвечал главный рыбак. – Рыба подошла...

– Ребенка простудишь, – ознобливо запахивалась в плащик Зинаида.

И ведь не спится дома в тепле! Прибежала. Рыбаки недовольно начинали «сматывать удочки».

Жареные кусками лещи были очень вкусными. Танюшка будто держала в ручках золотистые острые клыки. Ротик ее блестел от жира.

Идя на работу, Михаил заносил свежей рыбы и матери.

– Опять ребенка на рыбалку таскал! – разглядывала Лидия Семеновна висящую в руке тяжелую снизку рыбин.

– Да ладно тебе, мама, – уходил от матери сын по тропинке, обсаженной флоксами. Дальше шел по улице. Возле дома матери оставался пышный, кипенно-белый сиреневый куст. Как вельможа с оттопыренными пальчиками, постоянно проверяющий свои кружева и оборочки.

...В уфимском парке имени Якутова Михаил смотрел, как под гигантскими тополями проходил игрушечный поезд и из окна ему махала ручонкой Танюшка. И всё было в этом поезде всерьез: и настоящий, как седой барбос, машинист в кабинке паровоза, и девчонки-кондукторши в форменной одежде и с флажками, и как замолчавшие птичники – дети в вагонах.

Танюшка проплыла мимо два раза.

На озере, плотно окруженном деревьями, недвижно застыли два лебедя. Как неживые. Как на картине у старика Зяблина с первого этажа.

– Пап, а почему они не улетают отсюда? Здесь же город. Они привязаны за лапки, да?

– Что ты, доча! Просто прирученные. Их кормят тут...

Дав на себя посмотреть, лебеди быстро поплыли к своему домику на плоту, словно отобранному у Бабы-яги. Влезали на плот как люди – по очереди вытаскивая из воды длинные лапы. И сразу начинали есть заработанную еду. Из корчажки. Заглатывая, длинными шеями дергали как выдергами...

– Пойдем отсюда! – потянула за руку Танюшка отца.

В детском кафе под зонтами ели мороженое. Отец подкладывал из своей чашки в чашку дочери белых шариков.

– Не подкладывай! – как с неба упала Зинаида с сумками и связками пакетов. – Не подкладывай. Гланды. Забыл? – Навешивала все на свободный стул.

– Да ладно тебе, Зина... – помогал Михаил.

В электричке ехали уже в восьмом часу вечера.

Как заветренный степной глаз, проглядывало солнце из облачка над Дёмой. Сквозь фермы на мосту Танюшкины глаза слепили солнечные пятна...

Лекция по теории перевода

«Первое и самое главное, – говорил Юрий Аркадьевич Котельников, планомерно вышагивая вдоль стола, – уметь распознать в тексте фразеологизмы, в отличие от свободных единиц...»

Останавливался у края стола. На небо в высоком окне смотрел как из церкви. Опять пропала. Не звонит. Когда это кончится? Этот женский садизм?.. Опомнившись, снова ходил вдоль стола.

«...Наиболее продуктивный путь – это новые выделения в тексте противоречащих общему смыслу единиц, поскольку, как правило, именно появление таких единиц и свидетельствует о присутствии переносного значения...»

Оськин, наконец, прочитал два моих новых раздела. Сегодня, кровь из носу, поймать его!

«...Немаловажное различие между письменным и устным переводом заключается в том, что, осуществляя каждый из этих видов перевода, переводчик имеет дело с неодинаковыми отрезками оригинала...»

На столе рылся в портфеле. Куда дел листки Кучеренки? Сегодня же надо показать их Оськину!..

Розе Залкинд надоел смурной Котельников:

– Что с вами, Юрий Аркадьевич? Вы заболели?

– Всё в порядке, товарищ Залкинд. Отвечу на ваши вопросы в конце. Далее: «Фразеологизмы имеют определенную стилистическую окраску. Это могут быть элементы высокого, нейтрального или низкого стиля, профессиональные или другие жаргонизмы...»

Опять с тоской смотрел в высокое окно. Потом что-то искал в портфеле...

С забытыми улыбками студенты боялись дышать. Залкинд фыркала.

Котельников пришел в себя только на лекции лингвиста Ильинова, куда завел его Кучеренко. Сидел рядом с ним, затерявшись в студентах.

Ильинов походил на очень полный скрипичный ключ, сидящий на стуле. Говорил тихо, короткими фразами. *Без всяких брызг.* Но слушать его было страшно интересно.

Иногда он вставал со стула, переносил свои жиры к доске. Брал мел и, как из пригоршни, сыпал на доску *анафоры.* Звуковые и морфемные. Из Пушкина и из Лермонтова. Возвращался на стул, ждал, когда студенты переварят написанное. Снова тихо говорил.

Студенты аплодировали ему бешено. Как будто избивали его аплодисментами.

Котельников и Кучеренко в общем потоке выходили как из театра. Восхищенные, красные, вытирались платками. «Да-а, вот бы к такому под крылышко попасть. А, Юра?» – говорил Кучеренко.

Профессор Оськин опять бодрил себя в коридоре. На сей раз аспиранток было три. Оськин длиннозубо улыбался, наклонялся к ним. Шейный платок его был богатым, попугайным. Таким же, как и малиновый с разводами пиджак, привезенный из Братиславы.

Как всегда неожиданно для себя увидел Котельникова. Словно постоянно свербящую совесть свою. Сбивающую всегда всё очарование. Пропустив даже приветствие подопечного, недовольно сказал:

– Вам же передали – всё у Зубина.

– Но Леонид Соломонович! Хотелось бы услышать ваше мнение о моей работе.

– Юрий Аркадьевич, я сейчас очень занят. Как-нибудь на той неделе. Изучите пока мои заметки на полях. Думаю, этого будет вам для начала достаточно. Работайте, дорогой!

Повернулся к аспиранткам:

– Так о чем я, мои дорогие?..

– О Братиславе, Леонид Соломонович! О конференции в Братиславе! – с радостью напомнили аспирантки. И снова млели перед всем многоцветием профессора Оськина.

– Старик, – сказал Зубин, передавая папку Котельникову. – Вряд ли ты что-нибудь поймешь. Шеф, как всегда, чудит на полях... А вообще неплохо. Молодец. Поздравляю! – Шейный платок был повязан на Зубине точно так же, как у шефа. Однако простой серый пиджак не шел в сравнение с профессорским малиновым. К тому же стекла очков ассистента с большими диоптриями больше сгодились бы, наверное, для донцев банок, чем для очков. Да и аспиранток Зубин пока еще побаивался.

Котельников не удержался, развязал папку в коридоре. На подоконнике... «Заметки» были накиданы на полях с тем китайским щегольством, с тем пиктографическим безобразием, с которым пишут только самодовольные профессиональные критики. Понять, о чём это, было невозможно... Ладно, дома всё. Через лупу. С въедливостью криминалиста.

Вечером Кучеренки повезли его к себе на Речной, где уже три года снимали квартиру. В летящем вагоне Галя рассказывала последние слухи и сплетни *от канцелярии деканата.* Веселые глаза ее выглядывали из лисьей шапки как из стожка. Муж со своим ротиком печального окунька привычно грустил, держа ее под руку. Шикарная осенняя кепка на нем была цвета льдистого снега.

По дороге к дому купили две бутылки хорошего вина.

В тесной квартирке ужинали, поднимали бокалы. Галя все время подносила что-нибудь на стол. Готовить она умела. Мужчины говорили о диссертации Кучеренки.

– Может, тебе бросить Загорову и договориться с Оськиным? – спрашивал Котельников, обмакивая пельмень в острый соус в розеточке перед собой. – Хочешь, я с ним поговорю?

– Хрен редьки не слаще, – отвечал Кучеренко, кидая в ротик пельмени без всякого соуса. – Твой пример тому подтверждение.

– Тогда, может быть, плюнуть на всех и попытаться двинуть всё самому? Написать письмо в ученый Совет. Создать, так сказать, прецедент. А, Коля?

Кучеренко скосил свой окуньковый ротик набок. Точно не приемля наживку.

– Нет, Юра, не выйдет, – отложил вилку. – Скажу тебе как Кучер из деревни, – (Кучер из деревни – прозвище Кучеренки, прилипшее к нему еще со студенческих лет): – Мы, Юра, как пристяжные в русской тройке – норовим скакать в стороны. Шеи выгибаем, удила грызем. А без хорошего коренника – мы никто. Только кувыркаться будем по обочинам...

Галя, подкладывая мужу, тоже что-то втолковывала ему. С колокольни *канцелярии деканата.* Но Кучер уже задумался. Голова его с будто застрявшими в волосах белыми нитками сомнамбулически покачивалась. Слегка опьяневший гость, подпершись ладошками, как баба, смотрел с печалью на супругов. Живут много лет на съемных квартирах. Своего жилья нет и не светит. Ребенок где-то у бабок у дедок. Галина с высшим образованием работает простой машинисткой в деканате. И всё ради Коли... А Коля вот – ни тпру, ни ну...

Когда уходил, Кучеренко тоже сразу собрался, чтобы проводить.

На улице мело. Слезливые фонари удерживали бьющиеся сарафаны снега. Кучеренко нес свою шикарную кепку как пушистую поляну. Откинув капюшон, Котельников голову в летящем снегу остужал.

– Юра, как у тебя с Татьяной?.. – осторожно спросил Кучеренко.

Котельников весь вечер ждал этого вопроса и вот дождался.

– Да никак. Просто опять пропала...

– Забудь, Юра, ее. Погибнешь. С дистанции сойдешь... Вон уже что на лекциях с тобой стало происходить...

Котельников молчал. На голове словно нёс бараний жир.

У входа в метро крепко пожал руку друга.

В полупустом вагоне, согнувшись, покачивался у двери, будто поставленный в угол. За стеклом летел человек, нос которого роднился с обувной ложкой. Разве может нормальная женщина такого полюбить?

На голове у человека умирал снег.

Филармония

Она пришла к нему опять только через неделю после того дня, когда он подвернул ногу.

Он прерывисто дышал, приходил в себя на полу, а она уже как ни в чем не бывало сидела на диване, ритуально расчесывала свои волосы. Однако оставалась с двумя предательскими пятнами на щеках. Как с двумя лепестками роз...

Словно разгадав ее притворство, Котельников радостно смеялся. Опять лез обнимать ее. И она сдавалась, снова сваливалась с ним на пол, на одеяло, пряча от него пылающее лицо.

Она, видимо, поэтому и любила его всегда на полу. Чтобы уползать от него. Медленно переворачиваться в своих волосах. Чтобы он не видел ее развратного, как она, наверное, считала, лица.

И в то же время она, казалось, нисколько не стеснялась его после всего. Она спокойно расчесывала свои волосы. Вся розовая, нежная, с сосками как земляника.

И Котельников опять смотрел на нее как на золотого своего божка, исполняющего ему равнодушный многорукий танец. Любя ее бесконечно, наивно стремился понять ее женскую природу, ее *тайну*.

Одетая, она вела себя в комнате как кошка, не имеющая своего места. Пока он метался в кухне, готовил что-то на скорую руку, она осторожно ходила по гостиной, робко трогала разные предметы. Часы в виде треуголки Наполеона, хрустальную вазу на столе с конфетами. Брала специальные журналы Котельникова, но сразу клала их на место. Потом садилась на самый край сталинского дивана, как будто ей совершенно незнакомого, смотрела на три портрета на стене. На мужчину с мосластым черепом и двух его женщин. Тоже как будто впервые видя их. У нее не было места в этом доме. Не было зубной щетки в ванной, не было домашнего халата.

Котельников уже бегал, одетый в треники и майку, носил на стол, а она так и сидела с ручками на коленях.

– Таня! Ну что же ты сидишь? Помогай! – Он улетал обратно на кухню.

Как доброй хозяйке, ей нужно было стремглав бежать за ним на кухню, принимать от него всё, нести на стол, но она изображала жену, не сходя с места, в гостиной, быстро переставляя на столе тарелки и стаканы. (Так наперсточник прячет шарик.)

Сидя потом за столом в шерстяном платье с коротким рукавом и тонком свитере, она словно разом отгораживалась и от полураздетого Котельникова, сидящего напротив и размахивающего вилкой. Впрочем, Котельников тоже сразу чувствовал этот мгновенно возникший забор, в спальне быстро переодевался и выходил к столу в приличной джинсовой рубахе и нормальных брюках. Получалось – выходил во второй раз.

В каком-то умопомрачении уже он ел и думал, чем еще заинтересовать ее, увлечь. Ведь после близости всё разом кончалось. Напротив за столом всегда сидела отчужденная женщина. Он понимал, что кроме постели нужно еще что-то. Сколько бы он ни размахивал руками. Он даже цветов подарить ей не мог. Не покупать же их заранее и вручать здесь, в своей квартире...

Вдруг показалось, что нашел выход:

– Таня, давай сходим на лыжах! Возле университета отличная лыжня! Если у тебя нет лыж – я достану. А? Таня!

– Я не люблю спорт, Юра, – ошарашила его женщина. Помолчала и сказала: – Если ты не против, можно сходить на концерт.

– Отлично! На какой? Куда?

– В филармонии завтра играет симфонический оркестр. Чайковский в первом отделении, во втором Шостакович. Если ты свободен после пяти – можем сходить.

Котельников раскрыл рот.

Татьяна рассмеялась:

– Вот билеты, Юра. Завтра в шесть у входа. Надеюсь, знаешь, где филармония?..

...После звонка не торопясь двинулись со всеми в зал. Котельников оберегал руку любимой как драгоценность – его впервые вели под руку. Татьяна была всё в том же платье и свитере, что и вчера, он же – в бостоновом выходном костюме, в белоснежной рубашке и бабочке. (Бабочку сумел отыскать у дяди Тоши в шкафу.)

Сам зал оказался очень просторным, сильно напоминающим цирк. Татьяна тут была как рыба в воде – уверенно прошла, прижимаясь к спинкам кресел, на нужные места в четвертом ряду и помахала ему рукой.

Оркестра на сцене еще не было. Пюпитры музыкантов напоминали какое-то скопище тонконогих птиц. Раздались аплодисменты – на сцену начали выходить скрипачки со скрипками. В облегающих концертных платьях – как сельди. Садились к пюпитрам, раскрывали ноты. Из-за тесноты мужчины с духовыми инструментами передвигались к своим местам боком. Когда все расселись, секунд на десять широко затрубил карнавал животных. И разом смолк. Теперь музыканты к игре были готовы.

Под новые аплодисменты покатился по сцене дирижер. Он был как турок перепоясанный широким атласным поясом. На подставке намекнул на реверанс. Отвернулся к оркестру, поднял ручки.

От музыки Чайковского Котельникову почему-то хотелось плакать. Татьяна с опущенной головой окаменела. Пальцы ее, сжавшие руку Котельникова, были ледяными.

Как по заданному кем-то уроку, в антракте гуляли в вестибюле со всеми по кругу. Неторопливо, самодовольно. Котельников снова носил руку Татьяны как драгоценность, оберегая. После звонков вернулись в зал на свои места.

В Первой симфонии Шостаковича пригнувшийся пианист все время наяривал. А трубач, солирующий с ним, в паузах удерживал трубу очень нежно, у груди – как амфору.

После концерта медленно шли в сторону Пушкинской. Словно в благодарность за вечер, за музыку, Татьяна взяла его под руку обеими руками. В витринах по-цыгански развешенные женские ткани были уже в новогодней блесткой мишуре. Кое-где стояли небольшие искусственные елки, как сокращенные сказки с одними только большими слезящимися шарами. Навстречу, курясь морозцем, текли и текли веселые люди. Один за другим проносились троллейбусы, полупустые и ярко освещенные внутри, как вымерзшие к ночи праздники.

– Тебе не холодно? – спросил он, одетый в свой импортный мягкий реглан и шапку.

– Нисколько, – планомерно покачивала она капюшоном в песцовой опушке. – Понравился концерт, Юра?

– Да, очень! Особенно музыка Чайковского.

– А Шостакович?

– Тут не совсем. Это какая-то музыка, исполненная на табуретках. (Она рассмеялась.) Я просто до нее, видимо, не дорос. За все годы, что живу в Москве, я ни разу не был на концерте серьезной музыки. Ни разу, Таня. Ни в консерватории, ни вот в филармонии. Так что тут я полный профан. К стыду своему.

Она прижала его руку к себе, как бы говоря: ничего, Юра, это дело мы поправим. Будешь ходить на концерты как миленький.

Он смеялся после своих признаний. Он вдруг почувствовал, что сейчас самый подходящий момент, чтобы задать ей *свои вопросы.* Она, оттаявшая после концерта, не сможет как обычно уйти от них, увильнуть. Не получится у нее сейчас.

Однако заговорил почему-то фальшиво, увещевательно. Ощущая себя каким-то священником с целой исповедальней:

– Таня, почему ты ничего не расскажешь о себе? Почему бы тебе не рассказать сейчас о себе?

Она убрала руки с его руки. Однако Котельников решил сегодня идти до конца:

– ...Ты обо мне знаешь всё, я же о тебе – ничего. А ведь мы встречаемся уже три месяца. А, Таня? – Он заглядывал ей в глаза.

Татьяна шла молча. Наконец ответила:

– Я не москвичка, Юра. Если это тебя интересует.

– Я не об этом. Где ты родилась? Кто твои родители? Ведь, наверное, можно это мне сказать?

– Действительно, Юра, неудобно как-то получается. Прихожу к тебе, ем, пью. А ты ничего обо мне не знаешь... Ну что тут сказать? Родилась и росла на небольшой станции под Уфой. Училась потом и работала в самой Уфе. Оттуда четыре года назад по медицинскому набору попала в Москву... Я старше тебя. Мне тридцать два года.

Они уже давно стояли.

– Но где ты работаешь, Таня? – уже напирал он, забыв про священника. – Здесь, в Москве? Где живешь?

Она сразу нахмурилась, опустила голову.

– Юра, прости, но об этом тебе лучше будет не знать. Это касается только меня. Если тебе нехорошо со мной, ты скажи. Я пойму.

– Да что ты, Таня, что ты! – сразу пошел он на попятную. – Не хочешь, не говори. Прости меня, прости!..

Он подхватил ее под руку, повел дальше. Но неприятный осадок от зря затеянного разговора остался, не давал ему говорить. Она тоже молчала.

Остановилась на троллейбусной остановке перед Пушкинской:

– Юра, извини, мне нужно заехать к подруге. До свидания. Я завтра позвоню.

Он смотрел на разом помчавшийся троллейбус с ярким светом внутри. Никакой подруги нет. Не существует. Она просто не хочет ехать со мной вместе в метро. Ведь придется ловчить, придумывать такую же «подругу», чтобы выйти не на своей остановке. Боится, чтобы я, не дай бог, за ней не побежал... И никакого звонка завтра не будет. Через месяц – возможно. Но чтоб завтра – никогда-а...

Но она позвонила...

Синичка за окном

За окном синичка уже скакала по кровле подоконника. Скакала как капля. Принималась дробно стучать клювиком в оцинкованное железо. Поглядывала на Татьяну. Ну, что же ты? Пора кормить! Трепеща крылышками, липла к стеклу. Ну, где ты там? Куда пропала? Корми!

Поверх ночной рубашки Татьяна надевала пальто, настежь раскрывала окно. Над столом из сжатого кулака сыпала пшено в плоскую крышку от обувной коробки. Синички начинали мелькать по всей комнате.

– Танька, сквозняк! – орала из коридора Пивоварова.

Распахивала стеклянную, завешенную тюлем дверь. Над коробкой уже бился рьяный птичий костерок.

– Ах, вон оно что! Кормление идет! Забава!

Не уходила, быстро сдергивала, освобождалась от бигуди, совала в карман халата.

– То, что обсерут всё – нам наплевать. Мы выше этого. Мы – кормим птичек.

Освобожденные волосы дыбились на голове. Как какие-то рубленые кишки.

– Сегодня в ванной твой день. Но чтоб к вечеру ничего в коридоре не висело. Ко мне придут.

Понятно. Жорж придет. Он же – Жора Жиров.

– Иди. На работу опоздаешь, – усмехнулась Татьяна.

Галька сразу выскочила из комнаты. Татьяна закрыла дверь. Коробку с птицами понесла к окну, словно трепещущий куст. Закрепила на кровле, досыпала пшена, закрыла окно. Птички закипели уже за стеклом. Мокрой тряпкой стерла два известковых пятнышка с синтетической скатерти на столе.

Полдня стирала. Волохтала в ванной простыни. Гусак хлестался как сатана. Мучительно выкручивала простыни. Широкий коридор на глазах превращался в палестинские лагеря.

На кухне варила пакетный суп и пакетную кашку. Серые звездочки из пакета, бурля, превращались в слизни. Да-а, уж тут сразу вспомнишь повара Юру. Молодец парень. И всё же что мне с ним делать? Вернее, что мне с собой делать? Видел бы он свое лицо, когда услышал от меня приглашение на концерт в филармонию. От меня, медицинской чумички. А ведь всё просто, Юра. Муж у меня был большой любитель серьезной музыки. Филофонист Данилов. Почти что – прошлогодний *альтист Данилов*. С такой же ненавистью и любовью. Только очищенный от всякой мистики. Он-то и приучил меня ходить по консерваториям. А началась вся музыка у нас, Юра, в Уфе. Семь лет назад. А теперь вот продолжается в Москве. Только любительница музыки сейчас ходит на концерты одна. Без филофониста. Вот уже четыре года. А ты тут и свалился на Ленинских горах. И с целым своим университетом. Что с тобой теперь делать, Юра?..

Пообедав, вымыла посуду. Влажные прохладные простыни приятно холодили голые руки и горящее лицо, когда пролезала под ними в комнату.

Читала на диване. В привычной для себя русалочьей позе. Журналы были свежие, декабрьские. Вынутые из ящика два дня назад. «Октябрь» и «Новый мир». Однако дальше оглавления и первой страницы дело не шло – взгляд через минуту застывал поверх журнала. Думала о Сергее Данилове. Опять приплывали далекие, но зримые картины...

...Река Дёма под солнцем словно плакала. Будто в слезы ее макались утки. Отец и Сергей сидели в лодке, уже не рыбачили, смотрели. Оба курили. Потом отец стал перетягиваться по тросу к берегу. «Таня, разводи костер! – кричал Сергей, – Леща варить будем!» Мотал большой рыбиной, схваченной под жабры, как серебристым победным стягом. Он поймал такую рыбину первый раз в своей жизни. Михаил Мантач снисходительно улыбался, перебирая трос. Погоди, зятек, не то еще будет...

...на концерте в Институте Искусств он сидел рядом с дочерью и зятем совершенно ошарашенный – валторнисты были со своими валторнами как с золотыми сарафанами! Он не отрывал от них глаз. Иногда только переводил взгляд на солирующего виолончелиста, у которого рука на грифе трепетала будто бабочка, не могущая взлететь. И снова возвращался к чудо-музыкантам, сидящим с распущенными богатыми раструбами. «Понравился концерт, Михаил Андреевич?» – спросил у него зять, когда выходили на улицу. «Да-а! Еще как! Особенно эти... С сарафанами!» – «С какими сарафанами, Михаил Андреевич?»...

...привозил «культуртрегёр» музыку и в Дёму. Прямо на дом. Отец и мать сидели перед плавающей пластинкой с симфонией Дворжака – прямые и испуганные. Как действительно подплывая на пароходе к *Новому Свету*...

...отец сразу полюбил «культуртрегёра». Волновался всегда перед его приездами. Надевал свежую рубашку, а то и костюм. Сразу показывал ему новую, полученную по подписке фантастику. А заодно и старую, профессионально подшиваемую им в сборники и хранимую на отдельной полке...

...мама долго не могла привыкнуть к зятю. Называла его на «вы». Как только он входил – лицо поджимала топориком. Притом обиженным. Отобрал дочь, было написано на лице. Может быть, уже тогда что-то предчувствовала...

...принес однажды домой пуделька. Щенка. Похожего на бумажную мочалку. Пуделек подкатился к ногам Ольги Ивановны и то ли укусил ее, то ли просто тявкнул. Женщина в испуге шагнула в сторону: «Прямо басмач какой-то!» Так появился в доме Басмач. Глупейший совершенно пёс, но любимый и балуемый всеми с самого начала...

...после свадьбы Сергей вдруг решил отпустить бороду. Недели через две из зеркала на него смотрел человек с грязью на лице... Спросил у матери и у жены, не будут ли они возражать, если он сбреет эту бороду. Предупредительный, деликатный, подойдя к ним балетной походкой педа.

Нет, не будем, ответили ему обе разом и продолжили лущить на столе горох. Тогда пошел в ванную (всё той же походкой) и с большим сожалением сбрил, как определила одна из перебирающих горох, *эту срамоту*...

...через год примерно начали нашептывать. Чаще старуха Вахрушева. Соседка по площадке. Недовольно приближала к самому лицу свое свирепое лицо в глубоких морщинах. Будто клетку с самураем: «Вчера опять видела. Одна и та же. Ой, смотри, Татьяна, ой смотри». Топала с площадки вниз, будто разваливаясь в широком летнем платье...

...не верила. Долго не верила. Пока сама не увидела...

...Арзуманова, теоретичка из музучилища. Плюха уже. Сорокалетняя плюха. На скамейке в парке целовал ее как свинью с заголившейся ляжкой... «Что ты, Таня! Только пластинки! Это был не я! Ты обозналась! Да и у нее ведь муж...» Железный довод, однако...

...следующая – Балаганская Галина. Эта хоть молодая. Девушка с глазами как у коня... «Нет, что ты, Таня! Чтоб я с такой...» А ведь было, Сережа, было...

...Лазарева потом. Этакий тощенький еврейский кукушонок. Разнообразный был вкус у Сережи. Но тяготел только к музыкантшам... Правда, потом и простые, обыкновенные пошли, но вначале – только дамы музыкальные...

...«Таня, не уходи! – просила Ольга Ивановна. – Молю тебя! Он пропадет, заболеет!» (Как в воду смотрела!) Простая уборщица плакала перед снохой-медичкой. С руками на коленях как с серыми раками. Всю жизнь прожившими в бельевой выварке. «Таня! Опомнись!»...

...«Да пусть катится! Пусть! Скатертью дорога! – орал вечером филофонист Данилов. – Она же монумент в юбке, мама! Из нее слова клещами не вытянешь! Она же кошка, которую нельзя запустить через порог, мама! Она же приносит одни несчастья!..»

...после развода он процедил в коридоре: «Будь ты проклята, гадина!» Зря ты так, Сережа. Не надо было так говорить. Не надо было никого проклинать. Даже меня. Кошку, которую нельзя запустить через порог. Аукается это всегда. Вот теперь даже «кошка-гадина» понадобилась тебе...

Татьяне опять застилали глаза слезы. Окно дрожало, размазывалось.

Потом женщина забылась. В подушку уткнулось красное заплаканное лицо.

В пять часов Татьяна сняла всё белье и досушивала его в комнате утюгом. Вечером, когда в коридоре прозвучало утробно «о, мой Жорж» и почти сразу задолбила музыка, она отложила журнал, пошла в прихожую. Набрала номер:

– Юра, здравствуй. Это я. Как твои дела?

Долго слушала захлебывающийся уговаривающий голос любовника. Наконец, ответила:

– Юра, я тоже хочу с тобой встретить. Только с твоими друзьями мне будет не совсем удобно. Я не привыкла к компаниям, Юра.

Трубка, казалось, сейчас разорвется от радостного голоса Котельникова.

– ...Хорошо, хорошо, Юра. Нет, я не работаю. И первого. Я тоже что-нибудь принесу с собой. Хорошо. До встречи.

Она положила трубку. До Нового года оставалось четыре дня.

Жалость

Все эти дни Котельников был как в угаре. После лекций метался по гастрономам, накупал продуктов. И у себя на Кутузовском, и в центре.

Перед праздником везде было полно людей. В Елисеевском два вечера стоял как в каком-то недвижном всеобщем стойле. Но терпеливо дожидался своей очереди и покупал. Говядину и свинину. Баранину и мясо зайца. Четыре курицы и две утки. (Зачем столько много?) Целого гуся. Овощи.

Фрукты. Напитки. И фанту, и пепси-колу. И ви́на, и водку, и шампанского три бутылки (для чего?) Он словно набирал продуктов на Маланьину свадьбу. К 30-му декабря у него не осталось денег, пришлось снять еще с книжки. Он забил высоченный шведский холодильник полностью!

Он мыл, пылесосил всю квартиру. Выбил два ковра во дворе. Перестелил кровати: и свою, и зачем-то супружескую кровать дяди Антона и тети Милы.

Из кладовки достал невысокую искусственную ёлку. Установил и украсил ее в углу гостиной. Опутал разноцветной гирляндой.

Потом он готовил. К шести часам 31-го декабря холодными закусками он уставил отдельный стол и длинный подоконник в кухне. Свой торт-сюрприз под названием «Татьяна» поместил до поры в холодильник. В жаровочном шкафу у него томились рагу из зайца и курник.

Он переоделся. Зачем-то в летний светлый костюм. С нелепым красным галстуком. Узел галстука – в кулак. Он не понимал себя в зеркале. Поправлял и поправлял этот галстук, точно подпирающую кость.

Он не понимал Кучеренков в трубке. Он только твердил им «она придет, она придет». Снова ходил и ходил по комнате...

После десяти, скинув пиджак, он сидел на диване. Ему было душно. Щелкало реле, ёлка то вспыхивала, то гасла.

Когда он открыл ей дверь, глаза его были дики. Он словно не узнавал ее. Он принял от нее и поставил на пол тяжелую сумку. Сняв пальто, она извинилась за опоздание. Потом сказала: «С наступающим тебя, Юра!» Она была в черном красивом платье с бисером. Коснулась губами его щеки. Тогда он схватил ее и, чуть не рыдая, начал целовать. «Ну, ну, Юра, успокойся!» Она высвободилась, стала расчесывать волосы.

– Юра, в сумке сверху кое-какие продукты, вынь их, пожалуйста.

Из кухни он ей кричал, выкладывая банки и свертки на стол:

– Таня, зачем ты так много привезла – у меня же всё есть!

Потом она помогала ему на кухне. Впервые за время их знакомства. Он надел на нее фартук. Она резала хлеб, носила всё в гостиную. Снова возвращалась, чтобы принять у него тарелки с закусками. Котельников чуть ли не пел. Котельников был счастлив.

– Юра, я привезла с собой две красивые простыни и наволочки. Ты не против, если я застелю ими твою постель?

Он даже не обиделся. Он сразу побежал в спальню и сам содрал всё с кровати. Потом помогал ей застилать. Простыни действительно были красивыми – в прохладный синий цветочек.

Наконец сели за стол, чтобы проводить Старый год. Он все время поднимал полные бокалы, провозглашал тосты. По-кавказски один пышнее другого. Однако хитро вворачивал в них *о дальнейшей их совместной жизни*. Опустив глаза, Татьяна молча ждала окончания очередного спича. Потом, осторожно чокнувшись с неуемным бокалом, немного отпивала из своего. Он же глохтал свои бокалы до дна.

Ближе к двенадцати начал звонить телефон. И Кучеренки, и Калуга, и Оттава!

Разговаривая с матерью, а потом с дядей Тошей, Юрий Котельников говорил им тоже с большими намеками. Да, дорогая (дорогой), всё может измениться у меня в новом году. Да, в ближайшее время. Да, в личном плане. Он подмигивал невесте за столом, словно вовлекая и ее в эту приятнейшую игру.

Невеста, казалось, не слышала, о чем говорит родным жених. Словно получив передышку, ореховые глаза ее заполнились слезами. Она безотчетно поворачивала высокую подставку с хрустальными солонкой и перечницей, похожую на Московский Государственный Университет... Впрочем, она незаметно и быстро снимала свои слезы, платком, и Котельников ничего не замечал. Садясь обратно за стол, был добродушен. Словно бы передавал ей приветы от будущих ее родственников и друзей. Котельников был счастлив.

Когда в телевизоре отговорил матерый человек, похожий уже на больного голубя в очках, когда пошли мерные удары Спасской башни, Юрий Котельников встал и очень серьезно, не без торжественности сказал:

– Ну, дорогая Таня, за наше с тобой счастье! С Новым тебя годом!

Выпил полный бокал шампанского опять до дна. Обогнул стол и крепко поцеловал успевшую вскочить Татьяну прямо в губы. (Голова Татьяны – точно отбивалась.) Первый аккорд гимна догнал и ударил его уже на стуле. Ложкой он вывернул из гусятницы большой кусман зайца и кинул на тарелку невесте. Он все теперь мог! Он был уже достаточно пьян. Да! Всё мог! Он подмигивал невесте. Да!

Потом он вольно сидел на диване, приобняв левой рукой женщину, и смотрел на какие-то музыкальные мелькания на экране телевизора. Он поворачивал голову к невесте за разъяснением.

– Юра, ты много выпил. Тебе нужно отдохнуть, – мягко сказала Татьяна.

Жених встал:

– Сейчас...

В ванной он долго держал голову под краном с холодной водой. Заглаживал мокрые волосы ладонями, приходя в себя. Нежно трогал, перебирал новые предметы, появившиеся на его стеклянной полке под зеркалом – футлярчик с зубной щеткой, тюбик пасты и розовую мыльницу. Она пришла надолго, говорил он себе. Она пришла навсегда. Зарывался лицом в ее махровое полотенце на хромированной вешалке. Он задыхался от счастья.

В спальню она пришла к нему в простом ситцевом халате, перехваченном в талии поясом. И он опять задохнулся от умиления и счастья.

Она дернула ситцевый пояс – раскрыла свое чудное тело. Однако, помедлив, вновь запахнула халат. Попросила его выключить свет. Он удивился – она никогда не смущалась света.

Торопливо потянулся к стене, выключил.

Он долго любил ее в темноте, шептал ей нежные слова. *Любимая, дорогая, моё счастье.* Она молчала. Она была как будто из железа в эту ночь... В какой-то момент ему показалось, что она плачет. Он с удивлением приподнялся. Спросил: почему? Она закрыла ему рот рукой и притянула к себе.

Потом он беспечно уснул, обняв ее как землю обетованную. Она плакала, гладила его голову...

Утром на прибранном пустом столе он сразу увидел записку. Схватил:

Юра!
Я больше не приду.
Прости меня.
Т.

Котельников кинулся в ванную, потом в спальню, в прихожую. Всё исчезло. Зубная щетка, тюбик пасты, махровое полотенце, халат, большая сумка.

Остались мятые простыни на кровати.

Котельников дико смотрел на мутный рассвет, заползающий в комнату.

Из дневника Котельникова

1-е января, вечер

...За что?! За что она так меня?! У Кучеренков кричал, размахивал руками. Грозил кому-то. (Кому?) Потом упал на стул и разрыдался. Истерика. Натуральная истерика. Господи, какой стыд! Галя и Николай мечутся, суют какие-то таблетки. Капают в рюмку валерьянку. Николай чуть не насильно вливает в меня стакан водки... Сидел потом за столом как идол, бесчувственный, тупой, заполненный слезами... Бедные Кучеренки. Им-то за что такой новогодний подарок с утра 1-го января?..

11-го января, ночь

...Приходила всегда сама. Точно все время боялась, что я заикнусь о другой встрече. О встрече у нее. Начну допытываться, где она живет. А потом и вовсе – отрезала: «тебе об этом лучше не знать». Вот так. Для чего тогда приходила? Для физической близости только? Может, я у нее не один такой был? Но на слишком чувственную не похожа. Что же ее заставляло встречаться со мной? Исчезать на недели, словно резать всё, и вновь появляться?.. Так и не узнал, не понял. И это сейчас мучит больше всего. Ведь не забыть мне ее дельфиньего тела, ее ореховых глаз. Всего, что было между нами за все эти встречи. Строил планы, мечтал...

20-го января, днем

...В ванной по утрам не могу в зеркале смотреть на себя. Только длинный серый, как слизень, нос на лице остался. Да навек перепуганные, тесно составленные глаза... Господи, ну какая тут любовь! Ну какая тут может быть Татьяна! Она же ничего не оставила после себя! Она тщательно собрала всё в сумку! Наволочки и простыни, которые она привезла с собой из брезгливости – она просто бросила!..

27-января, ночь

...Приезжала на неделю мать. Не дождалась в Калуге своего сыночка. «Что с тобой, Юра?» Первый ее вопрос. Как вошла, даже еще не раздевшись. Суетился, не мог в глаза ей смотреть. Что-то бормотал и точно прятался в ее вещах у порога. Почти сразу же уехал в университет, хотя нужно было к двенадцати.

Мучительно было видеть каждое утро ее тревожные глаза, переживающие за дурака сына. Когда выведала-таки всё – с каким-то даже облегчением воскликнула: «Аферистка, Юра! Зарилась на квартиру! А не вышло ничего – исчезла и адреса не оставила. Ты проверял, всё ли на месте?» Дико хохотал. Эх, мама, мама. Думаю, тут всё совсем не так. «Ну, думай, думай, Юра. Дурень думкой богатеет». Так и уехала домой в твердой уверенности, что сын попался на крючок аферистки.

Нет, мама, тут совсем другое... Она как будто всё время не давала мне полюбить себя... А я вот полюбил... А уж какая тут была цель у нее, мне не узнать теперь... Слабаком я оказался в любовных делах. Неопытным, если не сказать хуже. Всего одна женщина была у меня до нее. Если не считать юношеской любви к Тане Лапшиновой. Всего одна. Под названием – Ирина Зараева. Да лучше бы, наверное, ее и не было. С химического факультета аспирантка. Познакомились на общеуниверситетском субботнике. Таская одни носилки с мусором. Постоянно глазастая какая-то, чумовая. Предметный мир явно боялись ее. Она всё ломала, коверкала, разбивала. Ключи в замках, краны в ванных, стаканы, рюмки, тарелки. У меня сильные руки, не деликатные к предметам, говорила она. Грубые, следовало бы сказать точнее. Даже ласки ее больше походили на экзекуции. «Да милый ты мой!» И нужно было бояться за волосы на голове. Или за уши. А после тисканий ее – оставались синяки. Как меты... «Ах, какие мы нежные!» – говорила она, выворачивая тебе руку как народный дружинник. И ты вроде кобелька-импотента воротил потом от нее мордочку в сторону и только грустил, что называется, на ветру.

Впрочем, в постель ложилась серьезно. Всегда с развернутой газетой в руках. Как за канцелярский стол. Я должна быть в курсе! – говорила она. Впрочем, «курса» хватало ненадолго. «Да миленький ты мой!» А тут уж выворачивайся и беги. «Хлюпик ты, Юра», – сказала она в конце, уйдя от меня без сожаления.

И еще из Зараевой: «Юра! Загадка: Черт-те что и сбоку болтается? А?.. Это ты вышел из ванной!» И покатывается. Сама вся голая – и ноги в виде длинных веретён...

Вспомнил сейчас это всё, посмеялся, и немного на душе стало легче... А вообще, плохо мне. До сих пор плохо. С душой, как сказал поэт, ободранной хожу...

Больница

С памятного того утра 1-го января прошло около двух месяцев. За все эти ужасные дни Юрий Котельников не смог написать в диссертации ни слова. «Посиди над источниками! – внушал Кучеренко, – Посиди! *Заразись*! И дело пойдет, Юра!»

И вот 23-го февраля, в свой свободный день и в *день всех мужчин* заставил себя поехать в Ленинку. В читальный зал. Чтобы в нем, наконец, «заразиться».

Вагон был битком. Людей колыхало из стороны в сторону как единую массу, как жидкий монолит. Котельников качался со всеми, стоя спиной к двери в соседний вагон. Всё думал о нерадостном. О Татьяне. Потом о верных Кучеренках. О Гале и Николае. Единственных его теперешних спасителях.

Вспомнил вдруг, как Галя прижала его голову к своей груди. Когда перед уходом снова заплакал. Прижала с какой-то материнской поспешностью, болью. *Как голову своего ребенка*... Слезы опять начали душить Котельникова. Нет, нельзя обо всём этом вспоминать. Нервы стали ни к черту. Сжатый со всех сторон, еле сумел достать платок. Вечером нужно съездить к ним. Коля по-настоящему служил. Поздравить его. Взять бутылку вина и съездить.

Красные близкие глаза соседа под шляпой в черепке сидели как в давнишней больной засаде. Покачиваясь, сосед делил свое похмелье с Котельниковым. Тот, как мог, отворачивал лицо в сторону.

На «Киевской» после того, как часть людей вышла, вытолкалась... сердце у Юрия Котельникова упало – Татьяна Мантач суетливо заводила в вагон какого-то мужчину в потертом пальто с каракулевым воротником. Мужчина качался, готовый упасть, и Татьяна поставила его у вертикальной стойки, в которую он сразу вцепился обеими руками. Он тяжело дышал, шапка его съехала на глаза. Котельников думал, что просто помогла мужчине зайти, но Татьяна поправила ему шапку и положила руку на плечо. Кто-то уступил им место, и она посадила его у самого выхода, ухватившись за закругленный поручень и нависнув над ним. Он тут же схватил ее руку своей, точно боясь, что она бросит его в вагоне.

Сначала лица мужчины Котельникову не было видно, но в какой-то момент стало свободнее у выхода, и он разглядел больного. На вид мужчине было лет сорок – сорок пять. Он был очень худой. Ходячие мощи, скрючившиеся сейчас в пальто. Лицо сырое, оттаивающее, свинцово-серого цвета. Словно каракуль с его пальто. Кто он? Брат? Муж? Друг? Котельников не успел понять – Татьяна начала поднимать мужчину и поворачивать лицом к двери. Заскользил кафель, полетела станция, скорость загудела, сжимая движение со всех сторон, и вагон, ткнувшись во что-то, стал. Расхлестнулись двери, и Котельников в растерянности смотрел, как Татьяна уже выводила больного и какой-то мужчина ей помогал...

Котельников судорожно полез навстречу новому потолку людей, еле успев выскочить из вагона.

Шел с толпой, высматривал, боялся потерять их из виду. Появлялись и исчезали впереди огненные волосы Татьяны. Как пест под разбитым гнездом, была под задрипанной шапкой тощая голова ведомого мужчины...

В кабинете пожилой Столбовский перебирал, читал привезенные бумаги из истории болезни. Волосинки склероза на чистом его лице словно до поры припрятались. С маху влепил большой снимок на светящийся экран. Затем второй. Долго разглядывал. Потом молчал и складывал всё в большой плоский картонный пакет. Заговорил, наконец, подняв на Татьяну усталые глаза: «Таня, милая, зря привезла его. Извини – тут я бессилен. Опухоль уже неоперабельна. В Калуге всё делали правильно. Надо было раньше хватиться. Понимаю, ты давно в разводе с ним, и раньше, видимо, не получилось. А сейчас – поздно... В общем, полежит у нас сегодня, боль снимем, тебе ампулок дадим, поколешь его в дороге. У него ведь, как я понял, новая семья в Калуге, новые род-

ственники. Похоронят хоть по-человечески. Завтра и поезжай. Я Завьялову скажу. Трубина тебя подменит. Поезжай с богом, Таня... Не плачь, дорогая, крепись...»

В ординаторской Коптев писал за столом, не поднимал головы.

В свою настенную секцию Татьяна повесила халат. Сняла шапочку, растряхнула скрученный жгут волос. С общей вешалки сняла пальто, надела. Сев на стул, стала обуваться. На левом сапоге не могла поднять молнию. Дергала ее, дергала. Коптев бросился, помог. Татьяна сжала ему руку. Вышла.

На улице валил снег. В больничном парке деревья стояли, свесив тяжелые пухлые ветви.

Пригнувшись на скамейке, покачивалась в обнимку с плоским картонным пакетом. Как будто на выпавшем из капюшона костре, мгновенно сгорал снег на ее волосах и лице.

Чтобы не напугать, Котельников тихо позвал:

– Таня...

Она вскочила:

– Как ты сюда попал?!

Он хотел объяснить, но она, мотая головой, с какой-то мукой уже кричала:

– Уходи-и! Уходи отсюда-а! Никогда здесь не появляйся-а!

Он побледнел, попятился. Повернулся, пошел. А она, упав обратно на скамью, уже раскачивалась и голосила простоволосой рыжей бабой. Голосила как по покойнику, отбросив пакет в снег:

– Никогда! Никогда-а! Слышишь! Никогда больше не приходи в эту больницу! О, Господи-и!..

Автобус с Котельниковым катился вниз. К Кутузовскому проспекту. Крупный снег несло впереди машины, кидало во все сторону. Шпиль-архангел на сталинской высотке словно горел, охватываемый белой круговертью. Полынью в излучине Москвы-реки накрывало белыми, срывающимися полотнами.

Антон БОТЕВ

От автора:

Я понимаю разницу между плагиатом и литературным заимствованием: первый оспаривает приоритет, а второй нет, правильно? Я не всегда готов сказать, является ли какая-нибудь фраза, мотив, тема или идея в этих кратких путевых заметках заимствованием, литературным или не литературным, но на всякий случай упомяну тех, заимствования у кого были отрефлексированы. Для порядка и каталогизации я расположу их по алфавиту[*]: Самуэль Беккет, Юрий Коваль, Юнас Ли, Флэнн О'Брайен, Александр Пушкин, редакция газеты «Новая Ладога №19»), Михаил Салтыков-Щедрин, Джон Синг, собиратели фольклора А-ской и Н-ской обл. и их информанты, Дайсэцу Судзуки, Константин Тренев. Они почти все уже мертвы (возможное исключение составляют собиратели фольклора и редакция газеты), но им, наверно, все равно приятно.

КОТ ШРЕДИНГЕРА

1.

Ари и Фукс шли по дороге и разговаривали. По их сдержанному тону и приглушенным голосам можно было с уверенностью сказать, что с ними шел и Боп.

Ну, как твоя баба, спросил Фукс.

А тебе какое дело, ответил Ари, я же не спрашиваю, как твоя девка.

А, очень мило, что ты о ней вспомнил! Жива, здорова, тебе кланяется.

Спасибо, буркнул Ари.

Так как твоя баба, спросил Фукс.

Дорога поднималась, более или менее, до самой вершины холма. Большей частью она шла пологой спиралью мимо приусадебных домиков за прозрачными зелеными заборами, с гаражами, подстриженными лужайками и бассейнами. Было довольно жарко.

Откуда-то из травы явился довольно тонкий человечек. Из всей одежды на нем достойны упоминания были лишь шляпа и бурая куртка.

Г-господа, сказал он, чуть заикаясь, не по эйнштейновой ли тропе вы собираетесь пойти?

По ней самой, охотно и даже любезно сказал Ари, а Фукс промолчал.

Так знайте, что там стоят полицаи. Знайте.

А далеко ли они, спросил Ари из вежливости.

Да вот за двумя поворотами, изволите знать.

Ну и что, беззаботно спросил Ари, а Фукс угрюмо молчал.

Они проверяют аусвайсы, сказал лысый человек, а Фукс кивнул. Его шляпа (то есть шляпа Лысого) была удостоена упоминания именно потому, что скрывала огромную лысину. Кроме лысины выше его бровей, ушей и загривка на голове его не было абсолютно ничего, ну, кроме шляпы, конечно. Шляпа была высшей точкой Лысого. Можно еще сказать, она уменьшала его лысость, или, по крайней мере, делала ее неочевидной, гораздо менее очевидной. По крайней мере для Фукса с Ари.

Кто ж ходит в горы с аусвайсом, спросил Ари растерянно.

В том-то и дело, сказал Лысый человек. И, видя некоторое замешательство Ари (Фукс угрюмо молчал), повторил: в том-то и дело.

---

* *См. следующее примечание.*

Вы сами видели, что ли, спросил Фукс.

Кого, спросил Лысый.

Полицаев, сказал Фукс. И то, что они пытают людей без аусвайсов, на что Лысый ответил, нет, дескать, сам я не видел...

Все замолчали и молчали долго. Лысый сказал, разряжая обстановку, знаете, я тут подвернул ногу... Может, поможете мне добраться до дома?

А где ваш дом?

Тут, совсем недалеко! Совсем недалеко. Буквально пять минут вверх, только не по дороге, а по тропе (вверх и правда вела малозаметная тропка).

Но не частная ли она, забеспокоился Ари.

Нет, что вы! Исключительно публичная, успокоил его Лысый, абсолютно!

Тропа шла круто вверх мимо заборов, овитых плющом и какими-то колючими кустарниками типа ежевики или, может быть, малины. Фукс и Ари подталкивали Лысого (про которого они еще не знали, что он лыс), или, может быть, это он подтягивал их по склону. Идти было легко. Ветви хлестали их по лицу и плечам, ягоды оставляли на одежде пятна, которые непросто (если вообще возможно) отмыть. А Лысому было хоть бы хны – то ли он так свободно уворачивался от хлещущих веток, то ли не уворачивался вовсе, но шел он легко, несмотря на подвернутую ногу.

Ну вот мы и пришли, объявил он с энтузиазмом. Это было и вправду недалеко, не прошло и пяти минут довольно быстрого, впрочем, шага.

Куда пришли, не понял Ари. Справа за маленьким заборчиком была какая-то совсем уж малопроезжая дорога, упирающаяся в богатое именье, со львами (каменными), изгородью (живой) и китайским садиком. Впереди тропа вела мимо этого именья все вверх, вверх. Слева была покрытая высочайшим вереском пустошь.

Еще три шага, сказал Лысый и протянул руку, меня звать де Селби.

Ари, сказал Ари. Можно просто Эдик.

Герр Фукс, – сухо сказал Фукс.

Боп, как обычно, ничего не сказал.

Через (действительно) три шага вереск с левой стороны расступился, как по волшебству, показалось поле для гольфа, покрытое ровной красивой зеленой травкой. По полю там и сям ходили престарелые фрау с клюшками, с тележками, ведомыми кэдди или самостоятельно (в смысле, тележки были ведомы самостоятельно престарелыми фрау или же моторчиком). В основном они ходили парами (в смысле, фрау и кэдди, или фрау и фрау, тележки и клюшки не считаются). То и дело какая-нибудь престарелая фрау хватала клюшку и тщилась ее поднять, но у нее не хватало на это сил, а если хватало сил, то не хватало меткости попасть по шарику, а если хватало меткости попасть по шарику, то не хватало меткости ударить в нужном направлении, а если хватало меткости, то не хватало сил добить до лунки. Диаграмма нехваток была примерно такой: сила (поднять клюшку) → меткость (попасть по шарику) → меткость (попасть в нужном направлении) → сила (добить до лунки). Старушки ходили и постоянно терпели ту или иную неудачу. В дополнение ко всему они иногда падали, и тогда кэдди их поднимали. Вся эта механика представляла собой зрелище наиудручающее.

Я живу здесь, сказал де Селби и показал на поле, очень, очень удобно. Очень близко от дороги и прекрасный вид на залив. Заглянете в гости?

Извините, очень спешим, сказал Фукс, на обратном пути, быть может?

Ну, как знаете, сказал де Селби, до свидания! И он перешагнул через низенький каменный бордюр, снял шляпу (только сейчас друзья увидели, что он лыс как коленка; вопрос, стали бы они ему помогать, если б знали!), пошел, хромая, мимо престарелых леди, которые как будто его не заметили, за ближайший холм. На холме стоял маленький флагшток, обозначавший лунку, до которой леди пытались добить шариком. Проклятый шарик все время скатывался вниз! А де Селби совершенно исчез из виду, словно его никогда и не было.

Это кто был, бомж, что ли? где он живет-то, осторожно, памятуя о Бопе, спросил Ари.

Не знаю.

Может, он из Доброго народца?

Ага, конечно, послан нам, чтоб избавить от полицая.

Невежливо как, хоть бы в гости позвал.

Он и позвал.

Да, кстати, позвал, и ты сразу отказался. Вот почему? Я бы перекусил или выпил чего-нибудь.

Нипочему. У Доброго народца не пьют и не едят, а то навеки останешься.

Он из Лысого народца, не из Доброго. А у лысого народца, наоборот, останешься, если ничего не ел и не пил, понял!

Иди ты, сказал Фукс, но осторожно, потому что Боп.

Молодые люди, раздался скрипучий, но все равно довольно громкий голос. Это была одна из древних фрау, что играла в гольф. Вторая стояла рядом и подбадривала ее жестами и мимикой. Молодые люди! Вы не знаете, как пройти вон к той лунке, и она указала рукой куда-то на север-северо-восток.

Фукс и Ари дружно повернули головы в указанном направлении, но ничего не увидели. Мы не знаем, сказали они, а что там такое?

Там лунка, сказала фрау.

А, сказали Фукс с Ари, лунка. Тогда понятно!

Так не знаете? Нет.

Да, и еще, молодые люди! Тут ходит полицай и ищет некоего Бопа, что ли. Не видали?

Фукс с Ари повернулись и пошли прочь от поля. Домики с прозрачными зелеными заборами остались ниже, сюда не доходила и дорога, которая вела более или менее почти до вершины, местность представляла собой вересковую пустошь, изрытую тропинками, не очень частыми, впрочем, и так продолжалось до самой вершины, которая отличалась от остальных частей холма всего лишь тем, что располагалась чуть дальше от уровня моря. О Бопе они, конечно, не сказали ни слова, ни друг другу, ни старой фрау, никому, никому.

Осталось найти вершину, и цель их путешествия будет достигнута. Но как это сделать, когда, вероятно, эту вершину легко пропустить из-за высокого вереска. Например, если вдруг нам покажется, что точка A находится дальше от уровня моря, чем любая другая точка B, где гарантия того, что в точке A просто не выше вереск, а на самом деле есть некая точка C, где вереск ниже (или его совсем нет), но поверхность земли дальше от уровня моря, чем даже в точке A, спросил Ари у Фукса, на что Фукс разумно ответил, это верно, но не стоит забывать, что сейчас мы находимся в точке D, и мой вестибулярный аппаратус подсказывает мне, что поверхность земли довольно круто повышается в направлении примерно северо-востока, ну, плюс-минус. Я согласен с тобой, друг мой Фукс, – сказал Ари, – и мой вестибулярный аппаратус подсказывает мне то же самое. Но что мы будем делать, когда наш аппаратус перестанет нам что-нибудь подсказывать? Тогда и будем думать, мудро ответил Фукс. И они пошли пока туда, куда им подсказывали их вестибулярные аппаратусы.

Все выше и выше шли Фукс с Ари (и Бопом), пока не дошли до опушки какого-то даже и леса, из которого вдруг выскочил полицай.

Стой, закричал полицай.

Они остановились.

Я разыскиваю Бопа. Вы не Бопы?

Фукс и Ари покачали головами. Боп куда-то делся.

Докажите!

Как, спросил Фукс.

Покажите аусвайсы!

Кто же ходит в горы, спокойно сказал Фукс, закуривая, с аусвайсом?

Так у вас что, нет аусвайса?!

Конечно, нет. Мы же пошли в горы, сказал Фукс, а Ари подтвердил: абсолютно! исключительно!

Тогда вы арестованы. Для выяснения личностей. И он навел на них пистолет. Мне кажется, один из вас точно Боп!

У меня есть идея получше, сказал Фукс, скажите, вы ведь наверняка тут сидели в засаде?

Да, самодовольно сказал полицай.

И я так же думаю. Потому что ваше появление явилось для нас полнейшей неожиданностью.

Так и должно было быть, самодовольно сказал полицай.

Если вы заметили, мы ни разу не назвали друг друга по имени. Так спросите у меня втайне, как зовут его, – и он показал на Ари, – а его, как зовут меня. А потом спросите у меня, как зовут меня, а у него, как зовут его. Поскольку мы не будем знать ответов друг друга, то нам волей-неволей придется говорить правду. Если кто-то захочет вас обмануть, это сразу станет вам понятно, потому что сговориться-то мы не успели – так неожиданно вы выскочили.

Хорошая идея, сказал полицай, подумав, я действительно выскочил весьма неожиданно. Я вас спрошу, конечно, но потом все равно арестую. Итак, как зовут тебя, спросил он у Ари, отведя его в сторонку.

Ари, сказал Ари. Можно просто Эдик.

А его?

Герр Фукс.

Герр Фукс в это время воспользовался моментом, тихонько вытащил из ножен финку и размахнулся. Полицай, весьма увлеченный разговором с Ари, увидел его замах в последний момент, и единственное, что он успел сделать, так это выстрелить в Фукса (не попал), выстрелить в Ари (промазал), просвистеть тревогу и подпрыгнуть в тщетной попытке увернуться от ножа.

Хорошие рефлексы, сказал Фукс, а потом сказал, что медлить нельзя, потому что – послушай! – по всему холму засвистели полицейские свистки, раздался лай полицейских собак, у подножия раздались звуки полицейских клаксонов, со стороны залива, – гляди! – отправились к полуострову полицейские катера, а в городе за водой поднялись в воздух полицейские вертолеты.

Полицай лежал и глядел в небо. Земля вокруг его головы потемнела.

Ты убил его, ты его убил, восклицал Ари.

Нет, не убил, сказал Фукс, это тупой нож, таким нельзя убить человека. Я его просто оглушил, не бойся, Ари, сказал Фукс, обыскивая полицая. Он вытащил финку из полицая, вложил ее в красивые золотые ножны (запомните эти ножны для будущего), взял у полицая пистолет, снял с него плащ и фуражку и дал Ари. Но, хоть я его и не убил, а смываться нам нужно. Надень, чтоб с вертолета ты казался похожим на полицейского. Надень на меня наручники, будто ты меня ведешь. Смываться нам все-таки нужно.

Куда мы смоемся, заплакал Ари, куда мы смоемся? Мы пропали, мы пропали! Холм оцеплен полицейскими, полицейские на земле, на воде и в воздухе.

Бежим, сказал Фукс, и Ари, хотя и не верил в спасение, побежал вслед за ним. Фукс бежал в наручниках, а Ари бежал, наставив на него пистолет. Их вестибулярные аппаратусы вели их вниз по холму прямо по той дороге, по которой они пришли, мимо точек A, B, C, и всех остальных, не исключая также и D, и они говорили так (без знаков препинания потому что впопыхах):

думать будем и тогда подсказывать что-нибудь нам перестанет аппаратус наш когда делать будем мы что но самое же то мне подсказывает аппаратус вестибулярный мой и Фукс мой друг тобой с согласен я минус-плюс ну востока-северо направлении в повышается круто довольно земли поверхность что мне подсказывает аппаратус вестибулярный мой и D точке в находимся мы сейчас что забывать стоит не верно это A точке в даже чем моря уровня от дальше земли поверхность но нет совсем его или ниже вереск где C точка некая есть деле самом на а вереск выше не просто A точке в что того гарантия где B точка другая любая чем моря уровня от дальше находится A точка что покажется нам вдруг если например вереска высокого из-за пропустить легко вершину эту вероятно когда сделать это как но

За такими разговорами они достигли поля для гольфа где бабушки спрашивали их как найти лунку на северо-северо-востоке видимо нашли потому что тех престарелых фрау там уже не было а были наоборот другие (т.е. были престарелые фрау но они были не те), они (фрау) активизировались и интенсифицировали свои движения, машинерия старой плоти дергалась в убыстренном темпе но все так же бесплодно и бесплотно и все так же удручающе. Всюду со всех сторон приближались к ним полицаи, и хотя еще не видели их за холмиками, но бежать было уже некуда... некуда! Ари опять заплакал.

Молодые люди, обратилась к ним скрипучим голосом одна старушка, тут полицаи ищут некоего Ари, то есть Мишу, и герра Фукса, вы не видали?

Видали, видали, сказал Фукс, вон там, и старушка потрусила в направлении восток-северовостока, и с ее уходом как будто открылась дверь, и в нее ворвались, заглушив хныканье Ари, лай собак, стрекотание вертолета, гортанные крики полицаев и свежий ветер с залива, пролетающий между холмов.

Де Селби, крикнул тут в последней отчаянной надежде Фукс, вот мы и пришли. Тут же откудато из травы явился тоненький человечек, взял Ари за руку, а Фукса за наручники и провел их в малозаметную дверь, захлопнув которую, они не перестали слышать лай собак и гортанный голос полицаев (которые как раз ворвались на площадку между холмами), но эти звуки перестали их раздражать и тревожить, потому как уже не имели к ним отношения и не несли угрозы.

Боп с вами, спросил де Селби, Ари с Фуксом прислушались и решили, что кажется, нету, и это было очень странно, потому что Боп всегда был с ними. А вот теперь не было, они могли, наконец, говорить свободно. Ну, как твоя девка, спросил Фукс. А тебе какое дело, ответил Ари, я же не спрашиваю, как твоя баба. А, очень мило, что ты о ней вспомнил! Жива, здорова, тебе кланяется. Спасибо, буркнул Ари. Так как твоя девка, спросил Фукс. Господа, господа, сказал де Селби, к делу. Что будете пить? Шнапс, сказал Фукс, шнапс, сказал Ари. И снять наручники, сказал Фукс. У меня нет ключей, сказал Ари. У меня есть запасные, сказал де Селби, подавая стаканы. Так вы, господа, шли по эйнштейновой тропе? Какой ответ вы хотели получить? А вам-то что, спросил Фукс. Да мне дело есть до него. И вам, я вижу, дело есть. В наше время мало кому есть дело до Эйнштейна. Турбореактивный у вас шнапс. Да, это такой шнапс – всем шнапсам шнапс. Трехлетней выдержки, хотя изготовил я его месяц назад. Де Селби стремительно пьянел. Один наручник он с Фукса успел снять, а в скважину второго попасть уже не мог, так окосел. Взялся Ари, но и он окосел тоже и не мог попасть. Взялся и Фукс – с понятным (тем же) результатом. Так и остался на левой фуксовой руке браслет из наручников, с которого свисал на цепочке второй браслет. А Эйнштейну-то самому есть дело до Эйнштейна? Я вижу, ребята, вы надежные ребята, я вам сейчас кое-что расскажу, раз вам есть дело до Эйнштейна. ЭЙНШТЕЙН ЖИВ. Умер, сказал Ари. Так все думают, сказал де Селби, а на самом деле он жив. Все думают, что он умер в одна тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, а он, однако, не умер. Знаем мы все, сказал Фукс, и про букмекеров, и про двойника. Но он все равно уже умер, только не в одна тысяча девятьсот пятьдесят пятом, а в две тысячи ***. Де Селби расхохотался. Не думаю, что этот вечный жид когда-нибудь умрет, сказал он. Но я сам его видел, с дыркой в голове, сказал Фукс. Когда? Да вот же, в две тысячи ***. Хорошо видел, спросил де Селби. Освещение нормальное там было, много времени рассматривал? Нормально рассматривал, сказал Фукс, а Ари кивнул. Это где было, в Выборге, в Куресааре? Или уже в Питкяранте? Фукс открыл рот, то же сделал и Ари. У старика Эйнштейна девять жизней и девять сотен двойников. Когда кто-то обнаруживает старика Эйнштейна, он (Эйнштейн) вдруг умирает, а потом в каком-нибудь северном городке вдруг объявляется старичок в больничном халате, с кудрявыми волосами и высунутым языком. Во всех он подозревает букмекеров. Но, чуваки, секрет в том, что букмекеры за ним уже не охотятся. Сейчас другая тема актуальна. Какая? Путешествие в другой мир, получение знаний для новых технологий, синтетических наркотиков и так далее. Путешествие в будущее, если говорить про букмекеров. А статистическая физика, как оказалось, сосет. Как это, спросил Фукс, который всегда тянулся к знаниям. Ари тоже всегда тянулся к знаниям, особенно после знакомства с Фуксом. Может, они всегда были знакомы? Ну,

для букмекеров сосет. Для вас, профанов, не сосет. Все равно, сказал Фукс. Ну ладно, смотрите, сказал де Селби. Смотрите. Слышали что-нибудь про принцип неопределенности Гейзенберга? Все не определено, сказал Фукс вопросительно. Я знаю, что я ничего не знаю, дополнил его вопрос Ари. Нет, все не то, хитро улыбнулся де Селби. Хороший шнапс? Хороший, хороший, сказал Фукс, а Ари добавил, похож на пятилетний. Хе-хе-хе, меленько засмеялся де Селби, именно что похож! Похож на пятилетний. На самом деле я дистиллировал его на прошлой неделе. Да что вы говорите, удивился Ари, а Фукс подозрительно понюхал шнапс и отставил стакан. Как вам это удалось? Де Селби не удостоил ответом, а с таинственным видом продолжал про принцип неопределенности: на самом деле это вот что такое: пускай у нас имеется куча совершенно одинаковых копий физической системы, естественно, в совершенно одинаковом состоянии. Возьмем в них частицу и будем измерять ее координаты и импульс. Так вот, измерения выстроятся не одинаково, а в соответствии с некоторым законом распределения вероятностей. Произведение среднеквадратического отклонения координаты на среднеквадратическое отклонение импульса будет не меньше, чем половина константы, называемой постоянной Планка. Это и есть принцип неопределенности, заключил де Селби, выпьем же за принцип неопределенности! И они выпили шнапса за принцип неопределенности. Закон этот статистический, добавил де Селби, он говорит о наиболее вероятном отклонении координаты или импульса. Ясно, сказал Ари. Понятно, сказал Фукс. Ну, в общем, в переводе на нормальный язык, нельзя абсолютно точно определить одновременно координату и импульс. Координату и импульс, тупо переспросил Фукс. Ну, не обязательно координату и импульс, можно, например, энергию и время или еще что-нибудь. А что такое импульс, спросил Ари. Это то, как ты перемещаешься в пространстве, сказал де Селби. Если грубо. За окном все ходили полицаи и искали Ари и Фукса. Ну смотрите, сказал де Селби. Полицаи ищут вас. Они примерно знают или где вы, или где убитый в лесу полицай, но не одновременно! Когда вы не скрывались, вы шли более или менее предсказуемо, но в точности сказать, где вы, было нельзя. То же самое про полицая. Теперь, когда полицай лежит на одном месте, его местоположение определяется с точностью до молекулярного движения и теплового расширения, зато ваше крайне неопределенно – посмотрите в окошко, в какой растерянности полицаи. Вот это и есть принцип неопределенности. Ааа, сказал Фукс. Ну и букмекерам этот принцип неопределенности портит все карты, в точности они ничего предсказать не могут, лишь с каким-то приближением. Понятно, сказал Фукс, как не понять. А Ари промолчал.

На улице стемнело. Полицаи со своими собаками разошлись.

Впрочем, мне все равно придется вас убить, сказал де Селби.

За что, удивился Ари. Слишком много знаете про Эйнштейна, сказал де Селби, хлебнул еще десятилетнего шнапса трехдневной выдержки, его вырвало, и он заснул.

Заснул и Ари, а Фукс, пошатываясь, вышел из хижины де Селби, закрыл за собой дверь (хижина была так хорошо спрятана, что Фукс, отняв руку и не сдвинувшись с места, уже даже при желании не смог бы ее найти; впрочем, он и не собирался) и пошел эйнштейновой тропой. Он дошел до того места, где все еще лежало тело полицая, бесцельно побродил по вершине холма; просветления не приходило. Тогда он спустился вниз и стал ловить машину; жители М*** все были слишком жадными или слишком дисциплинированными, и никто не останавливался. Тогда он взял в руку двадцать евро и стал голосовать при помощи банкноты. Остановилась первая же машина и довезла его до полупустого пустого в этот час аэропорта. Фукс купил билет на самолет, вылетающий через шесть часов, и вышел покурить в пустоту околоаэропортного пространства. Привычно пожертвовал одну сигарету Бопу. Внезапно насторожился и прислушался. Была какая-то пустота. Кажется, Боп так и не вернулся.

Бопа не было.

Мы русские, с нами Боп, подумал про себя Фукс и снова прислушался. Бопа не было. Не было Бопа.

2.

Это история, рассказанная вкратце. Вова прилетел в Питер, без промедления отправился на Ладожский вокзал и обратился в железнодорожную кассу, желая купить билет до Питкяранты. Было, однако, некоторое затруднение, и добродушный кассир подробно все ему разобъяснил. Затруднение было легко преодолимо и следующего свойства: что билет в данной кассе пассажир может приобрести только до Лодейного Поля; на этой станции поезд №658 (вагон 20), образно говоря, превращается в пригородную электричку, оттого туда садится разъездной кассир и продает билеты до нужной станции. Причем, если вы, мужчина, следуете до одной из ближайших к Лодейному Полю станций, сказал добродушный кассир, то, узнав об этом от проводника, кассир подойдет к вам сразу. А если не выходите раньше Питкяранты, то вам великодушно дадут выспаться. Люди, живущие, например, в Харлу, Янисъярви, вообще очень довольны нынешним положением дел, добавил кассир. С запуском пригородного поезда они получили возможность купить билет за 15-18 рублей, съездить в нужный пункт по делам и быстро вернуться обратно. Между прочим, одна женщина, узнав, что поезд снова пошел, даже расплакалась от радости. Так что все в порядке и можно радоваться. Конец прямой речи добродушного кассира. Вова даже видел эту женщину, она сидела возле вокзала и все еще плакала, перед ней стояла кружка для подаяния, а в руках она держала плакат с надписью «ПОМАГИТЕ УЕХАТЬ В ПИТЯРАНТУ АГРАБИЛИ МОШЕНИКИ НЕТ ДЕНЕГ СЫНУ ТРЕБУЕТЬСЯ ОПЕРАЦИЯ».

До отправления поезда хватило времени, чтобы Вова купил шаверму, нет, пожалуй, дайте курицу-гриль, короче, шаверму, нет, курицу в лаваше, и пива, пива две бутылки, а какое самое крепкое у вас, ну, давайте «Афанасия», да. Вагон был – – –

Тут я должен прерваться и признать, что до последнего из какого-то озорства старался держать читателя в заблуждении относительно того, кто действует дальше, кто приехал в Питкяранту и т.д. Моей целью было, чтоб читатель думал, что это Вова. Увы. Увы. Это был я, Эдик. Больше не могу лгать. Вову читатель оставил курящим в аэропорту города М***, и куда он полетел, я пока не скажу, а, может быть, и вообще не скажу, хотя проницательный читатель уже догадался. Милая наивная хитрость. Простите меня за нее. Продолжаю.

Если, как было обещано (больше никакого обмана), вкратце, то дальше было вот что. Садясь на поезд, я вспоминал слова Салтыкова-Щедрина о том, что, по какой-то странной случайности, состав путешественников, наполняющих вагоны, почти всегда бывает однородный. Так, например, бывают вагоны совершенно глупые, что в особенности часто случалось вскоре после заведения спальных вагонов. Однажды, поместившись в спальном вагоне второго класса, он лично был свидетелем того, как один путешественник, не успевши еще осмотреться, сказал: ну, теперича нам здесь преотлично! ежели мы теперича даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может! И действительно, он скинул с себя все, даже сапоги, и в одном белье начал ходить взад и вперед по отделениям. Эта глупость до того заразила весь вагон, что через минуту уже все путешественники были в одном белье и радостно приговаривали: Ну, теперь нам здесь преотлично! теперь ежели мы и совсем разденемся, так никто ничего сказать нам не смеет! И таким образом ехали все вплоть до Петербурга, то раздеваясь, то одеваясь и выказывая радость неслыханную. Конец прямой речи Салтыкова-Щедрина.

Состав путешественников, наполняющих вагоны со мною, почти всегда бывает, напротив, разнородный, и этому есть простое объяснение: мало существует таких людей, чтоб они в чем-то были равны мне – тем более одновременно в большом количестве – и тем самым одно мое присутствие уже делало невозможным однородность состава путешественников. Так и теперь: одно место в купе занимал старый полуслепой старик, вовсе не говорящий по-русски (во всяком случае, не выражающий такого желания): он был снизу. Сверху от него расположился я, а на другой нижней полке ехала какая-то старуха, которая все время плакала. Голова у нее была совершенно закутана в шаль буровато-зеленого цвета и оттого напоминала пучок водорослей. Сверху от старухи была девушка, в том смысле, что не физиологически, возможно, девушка, а молодая женщина. Старик и старуха о чем-то поговорили по-карельски, и девушка тоже перебросилась с ними

парой слов, но в основном молчала. Старуха, скинув с себя все, даже сапоги (но не шаль), сразу легла спать и захрапела, не переставая плакать. Я хотел поговорить с девушкой напротив меня, которая пока что сидела внизу, на стариковой полке, и смотрела в окно, но не мог придумать, о чем бы завести разговор. Она, девушка, была невообразимо прекрасной, каковы были девушки в те времена, когда я был еще студентом, когда не видно в них никакого недостатка и никакого изъяна. Я хочу сказать, она напомнила мне те времена, сами девушки, конечно, были другими. Она как будто сияла, тем более на фоне старости и уродливости старика со старухой. Вместе с сиянием вернулось ощущение страстного томления по чему-то заведомо несбыточному – и сразу вместе с ним навалилась тоска тех времен. Мне хотелось, чтобы она сказала хоть что-нибудь, хоть пошевелилась – любое слово, любое движение могло нарушить ее безупречность; например, было бы неплохо, если б она сказала какую-нибудь невообразимую глупость, или хрюкнула, или почесалась, или пукнула. В почесывании, впрочем, таилась опасность. Она могла сделать это так, что потом, чтоб исправить содеянное, ей потребовалось бы хрюкнуть уже не один, а минимум два раза. Я поймал себя на том, что любое ее действие рассматривается мною с определенным знаком, плюсом или минусом, и модулем. Минус означал ухудшение привлекательности, плюс – увеличение. Модуль, естественным образом, величину изменения. Конечно, по отношению к любому объекту мысли можно рассматривать по указанному одномерному базису, со знаком и с модулем; тут важен сам факт того, что я начинаю рассматривать объект в таком ключе: это значит, на объект устремлены все мои мысли, т. е. я только о нем и думаю и т. д.

Например, я часто размышляю о женщинах и тогда рассматриваю их по двумерному базису. Одна координата этого базиса (пускай для определенности это будет абсцисса) означает физическую привлекательность, или, с моей стороны, похоть; вторая (ордината) – интеллектуальную привлекательность, желание коммуникации. Любую женщину можно поместить на координатную плоскость с этими осями. Обладать женщиной, расположенной далеко по оси абсцисс, означает трахать ее тело, расположенной далеко по оси ординат – трахать ее мозг. Разумеется, слово трахать допускается здесь и в пассивном залоге. Если женщина находится далеко от нуля по одной из осей, это немного удаляет ее от нуля и по другой. Такие вот у меня правила относительно женщин.

Любое действие моей попутчицы (я тут не старуху, конечно, имею в виду) увеличивало или уменьшало ее положение – я не сказал только, что лишь по одной оси, ординат. Любые глупые слова или поступки могли облегчить мою боль, но не избавить меня от нее совсем, потому что даже если она (попутчица) расположится на нулевом значении оси ординат, то есть покажет себя бесконечно глупой, она все равно останется для меня бесконечно привлекательной в сексуальном смысле. Я не представлял, что может хоть немного приблизить ее в этом отношении к центру координат, где я сидел, как паук.

Сидя в нуле, я одновременно лежал на верхней полке и любовался на девушку, которая, казалось, вовсе не обращала на меня внимания. Старик достал большой ком фольги, развернул ее – внутри оказалась пахучая курица, насыпал соли, достал луковицу, начал есть, макая курицу в соль и заедая ее луком. Он что-то сказал по-карельски, скажем, куй сину нимиття, или как-то так, не смотря ни на кого, но я так понял, он обращался ко мне, потому что девушка не отреагировала (а старуха спала и плакала); старик повторил громче, настойчивей, а девушка опять не отреагировала, и тогда он хрипло заорал КУЙ СИНУ НИМИТТЯ, или как-то так, и девушка спросила, без акцента ровным голосом, так же не глядя на меня, но понятно, что обращаясь ко мне, потому что по-русски же, как вас зовут, и я сказал почему-то не Эдик, а Вова, меня зовут Вова, и девушка сказала старику эй оле нимида блади, или как-то так. Старик этим удовлетворился и продолжал жрать свою курицу; похоже, он был пьяный, но девушка сидела спокойно и его не опасалась. Я же не знал, что сказать дальше. Я хотел, пользуясь случаем, спросить у девушки, как зовут ее, несмотря на всю бесполезность этого знания, но упустил момент и теперь спрашивать было глупо, и я чувствовал себя довольно бессмысленно. Я погладывал на нее и понимал, что надо что-то сказать. Она сама пришла мне на выручку, улыбнулась и сказала: а меня зовут Ильма. Лучше бы она этого не делала. Я имею в виду, не улыбалась. Она еще сильнее отдалилась от начала координат (по обе-

им осям), хотя, казалось, сделать это было невозможно. А меня Вова, находчиво снова сказал я. Очень приятно, сказала девушка. Это будет Блади по-карельски. Что? Владимир это Блади. Вы в Питкяранту едете, спросил я. Да, сказала девушка и вышла в коридор, не желая, видимо, слушать запах лука и мяса. Стоя она была еще прекраснее, такая тонкая, тонкая, изящная. Ростом примерно с меня, но так сообразно сложена, что казалась выше. Сумочка черная, на крупной цепочке. Мне тоже вдруг разонравился запах, и я вышел в коридор. Там ничего и никого не было. Прижаты на пружинках к стене были пустые раскладные стулья. Я пошел в тамбур, желая попросить у нее огоньку и курить рядом с ней не в затяг (потому что курить всерьез я не умею), но и в тамбуре ничего и никого не было. Я пошел в вагон-ресторан, обошел весь поезд, но в этом поезде не было вагона-ресторана. Я вернулся в свой вагон, желая найти ее там, но и в вагоне ее не было. Не искать же ее по всем вагонам! Лег на свое место, стал смотреть в окно. Стемнело. Старик выключил свет. То есть сначала старик выключил свет, потом лег на свое место, стал пить пиво и смотреть в окно. То есть, еще точнее: лег на свое место, стал читать и пить пиво, старик выключил свет – начал смотреть в окно, одновременно пия пиво.

Ехали мимо деревни. Вдоль ж/д приделаны к стене фонари, освещающие только сами себя; непонятно, зачем они вообще там приделаны – глухие заборы, к которым прикреплены фонарики, выходят на железку, между забором и железкой ни дорожки, ничего – наверно, чтоб пассажирам было нескучно ехать и смотреть на фонарики.

Потом ехали вдоль какого-то поля, за которым находилось что-то, сияющее многоцветными огнями – город или фабрика, или не знаю что еще. Посреди поля стояла станция, или посадочная платформа, а за посадочной платформой что-то сияло многоцветными огнями; потом снова поле, потом деревня, а за деревней поле, а за полем многоцветные огни.

Потом какой-то городок с домами богатеев (политкорректнее будет сказать состоятельных людей), вернее, городок, составленный из домов богатеев, нет, скажу так, состоятельных людей, такое ощущение, что дома стоят кружком (хотя это не так); если б дома были людьми, они составили бы тут небольшое элитное общество. Потом опять темнота. Потом иногда освещенные участки станционных территорий, ярко освещенные изнутри пустые дома, так что видно дом насквозь, от одного окна до другого, и даже немного темноты за дальним окном видно, или же дома без стекол, промозглые, продуваемые снегом, так, что зимой снежинка может, не встречая сопротивления, со свистом пролететь на огромной скорости сквозь здание и не растаять.

Ильмы все не было.

Потом снова поле, только приподнятое, так, что из окна видны только какие-то дымы, как будто от ТЭЦ (может, и в самом деле от ТЭЦ), целый ряд, на равном расстоянии друг от друга, освещенные снизу чем-то многоцветным, гигантским. Потом появились и трубы с красными огоньками, когда поле опустилось (или рельсы поднялись), а потом и нечто многоцветное типа города или большой фабрики. Потом многоцветное закрыл лес. Потом в лесу появились просеки – сначала только догадываешься, что там просека, потом бац и видно просеку целиком, а потом остается догадываться, что там была просека. Потом опять лес и темнота. Потом просека, но не простая, а широкая, по ней идет ЛЭП, несет электричество в бескрайние северные просторы. Потом ж/д переезд, шлагбаум, перегораживающий дорогу, дорога уходит в темноту. Какие-то отвалы, земля вперемешку со снегом. Потом опять поля, но уже внизу, вдоль леса едет по направлению к ж/д переезду одинокая машина и светит фарами, а за лесом вновь дымы, освещенные снизу многоцветным. Потом дорога между другим лесом и железкой, вдоль полотна, освещенная фарами встречного поезда, и как же долго нет этого встречного поезда. Просто неправдоподобно долго нет. Потом и встречный поезд, темнота и грохот; когда мимо окна пролетает межвагонное пространство встречного поезда, и темноты, и грохота становится меньше.

Потом станция и множество, множество путей на широком освещенном пространстве, и путеец, и рельсовый кран, а потом снова пустой темный лес.

Освещенный желтым светом куб еще одной станции, и внутри куба находится человек.

Город сверху, игрушечный. Игрушечные машинки, игрушечные домики.

Трубы вблизи, совсем вблизи.

Дорога вдалеке, равные промежутки между фонарями.

Пустынный большой вокзал и привокзальная площадь, вообще никого, освещенный яркий киоск роспечати.

Ряд вагонов.

Опять трубы.

Восхитительно пустая стена заводской территории. Ах, нет, это стена дома, в ней же окна. А Ильмы все нет.

Пустая электричка.

Стена фабрики, к ней привалена груда мешков.

Зона, вышка, охранник.

Сломанный забор.

Мост, только реки не видно, слепят прожекторы, за мостом сторожка, где живет человек, обязанность которого не пускать злоумышленников с гексогеном и т.п.

Проводники пьют пиво. А у меня закончилось.

Старуха всхлипывала. Старик храпел. Ильма так и не пришла, я заснул.

Ильма как стрела, а я как цель, вернее, я как стрела, а Ильма как цель, хочу попасть прямо в нее, внутрь нея, и разорваться внутри на миллион белых капель. Примерно понятно, что мне снилось. В общем, я и разорвался на миллион белых капель.

Утром разбудил всех проводник, великодушно давший поспать ночью, взял билеты, вам в Питкяранту же, ну вот, через полчаса Питкяранта, готовьтесь, билетики, да-да, вот наши билетики. Старуха рассказала свою историю. Ее повествование о том, почему глаза у нее на мокром месте, адаптированное, сконденсированное, исправленное и сокращенное, сводится к следующему.

> Тетка эта в доме пол мыла, а сынишка-то у нее все под ногами вертелся, а она разозлилась на него и прикрикнула: понеси, мол, тебя леший. И мальчик-то ушел и не вернулся. Искали его двенадцать дней. Находили в лесу ботиночки его да одежду, всю рваную, а мальчика-то нигде нету. Пошла она к колдуну, а колдун-то и говорит ей: Собери ночью ему отобедать, сын твой и явится. А как явится, так сразу и перекрести его. Она так и ам к женщине, та и говорит, чтобы вернуться, надо не кричать и не разговаривать ни с кем. И у них там Чернозем, лес такой черный был, все Черноземом звали. Они тут с женщиной, с Марьей Чекушиной, пошли на этот Чернозем вечером. Пришли, только сели-то, ну она там, что сказали, сделала, видимо, как лес гнуть начало, шум такой пошел. Ну вот стоят, и слышно: идет большой и маленький, разговаривают. Большой маленького ведет, все говорят, что лесовой его вел. А как лес ломить крепко начало, Марья-то Чекушина испугалась да закричала. Он, этот страшный, по-грубому выругался, развернулся, и вот ломка вся прошла (говорят, лесу навалено было), и увел обратно, и все. Больше этот паренек нигде не оказался. А муж, который ей креститься запрещал, повесился. Вот почему она плачет.

К Питкяранте мы подъезжали в густом тумане. Стоянка поезда пять минут, так что надо было приготовиться заранее. Старик вышел, кряхтя, из купе, старуха тоже вышла, вышел и я, мы все выстроились в очередь перед тамбуром, и позади меня вдруг встала Ильма, у нее не было багажа, кроме черной сумки на серебряной цепочке. Я со своим дорожным мешком почувствовал себя громоздким и толстым, и посторонился, пропуская ее, но она не пошла, улыбаясь: сам, сам. Выйдя, повернулся, чтобы ей помочь (но это было глупо: поезд подали так, что вагон оказался как раз напротив короткого перрона и mind the gap было более-менее бесмысленно), – но меня оттолкнул какой-то южный человек, по виду дагестанец, подал руку, обнял ее по-хозяйски (она была видимо рада), отправились на привокзальную площадь, сели в авто, уехали. Плачущая старуха пошла на вокзал, старик сразу куда-то исчез, сказав мне на прощание что-то на своем наречии, лыккы, или как-то так. С непривычки пахло морем, что бы это ни значило, трудноописываемый запах, состоящий в основном, как мне теперь кажется, из запаха особенной какой-то свежей затхлости, плесени, порождаемой постоянной сыростью, но водой же постоянно и смываемой. Люди про-

дают свежую рыбу, грибы и пр., но стоят робко, не пристают со своей рыбой, как азербайджанцы на рынке, только жалобно смотрят. Я поскорее прошел мимо них. Народ, проезжающий дальше, ничего у них не купил, не повалил на перрон покупать пиво и чипсы – поезд местный, тупиковая ветка, богатых проезжающих нет.

Увидев на улице человека, я спросил у него, где ближайшая гостиница. Человек оказался пьян и удивленно посмотрел на меня, но показал куда-то вдоль улицы Привокзальной напротив хода движения поезда. Сначала я не поверил ему и спросил в железнодорожной кассе, и добродушный железнодорожный кассир, брат питерского, подтвердил слова незнакомого мне пьяного человека. Мне стало стыдно за свое неверие, и я дал тому человеку пятак (в смысле, рублей), за этот пятак человек дополнительно проводил меня к гостинице, которая так и называлась: «Питкяранта». Из окна номера (громко сказано, но пусть будет так; правильнее не номера, а цифры) на втором этаже открывался вид на местную ТЭЦ, или, скорее, котельную. Это я увидел только на следующий день, а в день моего приезда, как я уже сказал, был ужасный туман. По пути в гостиницу встретил таджиков со снегоуборочными лопатами; к чему бы им такие лопаты, летом-то; однако же удивительно даже, куда только не заберутся таджики, даже в жопу мира Питкяранту забрались! Неужто и тут местные жители не работать горазды, а водку бухать и телевизор смотреть? Впрочем, таджиков не хватало и тут, потому что растаявший весной снег обнажил такое количество разнообразного мусора, какого я в жизни не видел, даже в городе Кирове, в котором сложилась такая ситуация: там сильно увеличили площадь одного дворницкого участка, чтобы платить дворникам не три, например, ставки, а полторы. Не шесть тысяч рублей, а четыре тысячи. Добились того, что вообще перестали платить, экономия, но зато в городе не осталось ни одного дворника, а таджики почему-то не приехали. Ваще экономия заебись. Так вот в Питкяранте было еще грязнее, чем в Кирове, несмотря даже и на наличие таджиков со снеговыми лопатами.

Ах, если бы Эйнштейна было так же просто отыскать, как доброго человека, доведшего меня до гостиницы «Питкяранта»! Задача передо мной стояла сложная, но у меня был план, как решать ее. Должен же он есть и пить! Особенно пить. Если еду (например, колбасу, селедку, масло или кабачковую игру) можно покупать в магазинах и потреблять ее в одиночестве, то пить в одиночестве будет только самый законченный пьяница. Потребление пищи, в отличие от выпивки, дело интимное, в отличие от дела компанейского, то есть выпивки, в отличие от потребления пищи. Достаточно, казалось мне, просто обойти все бары округи, и в одном из них я обязательно встречу Эйнштейна. Мой нетрезвый Вергилий, почувствовал, видимо, во мне состоятельного человека и терпеливо дожидался дальнейших указаний. Я спросил у него, а много ли у вас в городе, голубчик, питейных заведений. Оказалось, питейных заведений много, но это все больше изготавливающие самогон бабушки, или киоски около остановок общественного транспорта, или (last but not least), конечно же, вокзал, а культурные люди собираются только в «Лас-Вегасе». Имелось еще безалкогольное кафе «Избушка» и еще одно, летнее кафе, по случаю несезона закрытое. Эти места я решил исследовать во вторую очередь. Главное, что центр всей жизни города располагался в «Лас-Вегасе». Если где и искать Эйнштейна, то именно там.

Идти до «Лас-Вегаса» было совсем недалеко, в этом городе везде идти было недалеко, но время было еще слишком ранннее, поэтому я отпустил моего голубчика часов до шести вечера, а сам погрузился в недолгий, но приятный и одновременно неприятный сон. Мечтания о прекрасной Ильме нахлынули на меня с новой силой и т.д. Проснувшись, я посмотрел на часы: было еще пять, раньше семи в «Лас-Вегасе» делать было нечего, а через час обещался прийти мой чичероне, вид которого по понятным причинам был мне теперь неприятен. Легкие сумерки начали сгущаться над городом, присоединяясь к туману в том, чтобы ограничить мне видимость, но я тем не менее решил пройтись и обследовать это место. Предварительно познакомиться с городом. А вдруг? Заодно уж и позвонить де Селби. Я всегда люблю ходить по новым местам. Прошел по улице Гоголя, на перекрестке которой с Привокзальной и стояла гостиница, и был приятно удивлен, обнаружив в центре города офисы «Евросети», «Мегафона» и, особенно, компьютерный клуб «Онлайн». Я решил не звонить пока де Селби, а проверить свою почту в компьютерном клубе «Онлайн». Как

и ожидалось, мне было письмо|* и именно от де Селби. Вот оно, привожу его полностью (естественно, кроме обрамляющих элементов, как то: header, pohju, piä, subject, signature, ongi etc. и кое-каких интимных и прочих подробностей):

> Дорогой Эдик! – писал мне де Селби. – Как и обещал, пишу тебе для ободрения и воодушевления о том, что небесполезно знать любому человеку, вступившему на путь изучения квантовой механики. Первым делом, тебе следует понимать, что к внутреннему миру каждого ученика относятся четыре основных фактора, или идеи. Это: 1) наличие предварительной умственной подготовки, способствующей созреванию нового сознания; 2) присутствие сильного желания понять предмет размышления; 3) на помощь борющейся душе, указывая ей путь, обычно приходит учитель (это я! :)); 4) в конечном итоге происходит переворот, который уходит корнями в неизвестную область.
>
> Предварительная умственная подготовка была проведена в Ульме, но, боюсь, в недостаточной степени. Но ведь то, что содержание мироощущения в квантовой физике в основном носит интеллектуальный характер, легко понять. Мое высказывание – «Принеси сюда свою душу, и я ее умиротворю ее при помощи Эйнштейна!», а также высказывания Паули – «Не думай ни о добре, ни о зле, но попытайся здесь и сейчас узреть электрон»; Гейзенберга – «Когда говорят, что частица представляет собой нечто, это совсем далеко от истины»; Томсона – «Я скажу тебе, в чем суть, когда ты скажешь, есть ли множество мощности большей, чем счетное, но меньше, чем континуум» – все эти высказывания подчеркнуто не сентиментальны, «не религиозны» и, как бы там ни было, просто в высшей степени загадочны и в какой-то мере носят умственный характер, хотя, конечно, не в общепринятом смысле. По сравнению, например, с религией (вспомни выражения типа «божественная слава», «божественная любовь», «божественная невеста» и т.п. ;)) квантовая физика должна быть, судя по всему, совершенно лишенной человеческих эмоций. Наоборот, в ней присутствует холодная научная деятельность, или фактичность.
>
> Изучающие квантовую механику только с ее метафизической стороны забывают, что это не что иное, как внутреннее прозрение! Оно основано на опыте и не является продуктом только абстрактного анализа. Поэтому, когда подлинный искатель истины изучает такие труды, как Über einen die Erzeugung und Verwandlung des Lichts betreffenden heuristischen Gesichtspunkt или Über eine Verbesserung der Wienschen Spektralgleichung, он не может спокойно читать их резкие и безоговорочные утверждения: он поистине изумлен, поражен и даже напуган. Но в них все-таки есть какая-то сила, которая независимо от его желания привлекает его. Он начинает думать о них, он хочет прийти в непосредственный контакт с самой истиной, он хочет увидеть факт собственными глазами! Обычные книги по физике не приводят человека к тому интуитивному познанию, потому что они не больше, чем физика: какой бы истине ни учила физика, она исчерпывается в ней самой %) и не открывает перед изучающим новых перспектив. Но при изучении трудов по квантовой механике, которые содержат изречения высочайших научных умов, человек погружается внутрь, в более глубокие области сознания, и в конечном итоге убеждается в том, что эти высказывания действительно соприкасаются с вышей реальностью!
>
> То, что человек воспринимает непосредственно, представляет собой лишь проекцию частицы в макромир, а не саму частицу. Не разговоры о фотоне, не вид фотона, а несколько лучей света полностью утоляют жажду зрения! Но вначале необходимо познакомиться с трудами основоположников для того, чтобы увидеть указанный путь и знать, где искать

**Кстати скажу, что, подобно Набокову, изобретшему смайлик, хочу изобрести – вернее, надеюсь, что введу во всеобщее употребление – новый знак препинания – к примеру, не восклицательный знак, а как бы половинку его, означающую не полную степень воодушевления, но его все-таки наличие; вялую радость, например, когда ты видишь родственника, напросившегося на ночевку, и искренне пытаешься изобразить искреннюю радость; или когда и сам не знаешь, рад или нет: вроде бы должен радоваться, но отчего-то все равно грустно. Изображать этот знак полувосклицания можно, например, вот так: |.*

саму частицу. Без такого указания мы можем не знать, как и на чем сосредоточить свои усилия!

Таким образом, мы можем видеть, что предпосылкой, ведущей к постижению квантовой физики, является не обожание, повиновение, страх, любовь, вера, терпение или т. п., но поиск чего-то такого, что приносит умственный мир и гармонию за счет преодоления противоречий и превращения запутанного клубка в одну непрерывную нить :) Каждый ученый постоянно занят таким усердным поиском умственного мира и целостности. Ему обычно удается составить некое умственное представление о микромире, но оно никогда не удовлетворяет его полностью, и он чувствует побуждение к дальнейшему углублению в поисках твердой почвы высшей реальности!

Паули, например, изучая классическую механику, удовлетворился умозрительным постижением доктрины «пустоты», но когда он услышал об учении Эйнштейна, его мир нарушился! Его внешним мотивом поездки в Мюнхен было желание уничтожить еретическое учение квантовой механики, но он, должно быть, все время чувствовал скрытое беспокойство в глубинах своего сознания, хотя он был явно настроен на то, чтобы подавить такое чувство при помощи рассудка. Ему это не удалось, так как чувство, которое он желал подавить, внезапно усилилось, может быть, к его великому разочарованию, когда ему бросил вызов Зоммерфельд. Наконец, инцидент с Планком направил его туда, где он должен был быть с самого начала! В его сознании никогда не было никакого представления о том, что должно произойти, так как в квантовой механике в этом отношении ничего нельзя предвидеть заранее. После этого, то есть после раскрытия необходимой здесь интуиции он открыл нейтрино и сформулировал принцип запрета.

Он никогда не совершал ничего такого, что обычно принято называть экспериментом, так как эмпирический метод практиковался лишь потому, что все классические ученые – от древних греков до Ньютона – практиковали его, а не по какой-либо иной причине, во всяком случае, не по той, о которой ты подумал :)

На сем я заканчиваю свое первое письмо, посвященное интеллектуальной подготовке молодого квантового механика. Надеюсь, оно развлекло моего молодого ученика. Тут есть о чем поразмыслить! Не забывай своего де Селби, пиши или звони, но особливо не забудь отыскать известного нам герра Э. или увериться в том, что в городе П. и окрестностях его нет. Напоминаю, это очень важно! 8) В случае невыхода на связь в течение недели я буду считать, что все пропало, похоронено, кончено, человеческой расе незачем больше существовать, и открою банку с D.M.P. Помни, что судьба человечества теперь всецело в твоих руках! ;))) Думаю, нет нужды напоминать тебе о необходимости строжайшей конфиденциальности!

От высказанной де Селби между смайликами угрозы того, что весь запас кислорода в атмосфере вскорости может быть уничтожен, настроение мое еще более ухудшилось, я быстро написал отписку, дескать, только что прибыл на место в город П., но уже начал, не медля ни минуты, искать герра Э., и снова пошел подышать свежим воздухом. Питкяранта, помимо монбланов мусора, наполнена множеством других достопримечательностей, оставшихся в основном со времен Великой Отечественной, таких, например, как памятник Ленину, монумент Воинам, павшим в 1941–1945 гг., танк Т-26, Братская могила, пушка ЗИС 245 мм и т.п. В сумерках, да еще и в тумане, все это трудно было разглядеть. Улицы днем обыкновенно пусты, утром и вечером наполнены гуляющим или спешащим на работу или с работы людом. Бедность, конечно, необыкновенная, ужасающая. Никогда не видел ничего хотя бы в малой степени столь же унылого (возможно, в этом виновато первоначальное впечатление, усиленное туманом и т.д.). Случайно, между прочим, как раз возле клуба «Онлайн», встретил давешнего старика из поезда. Он меня узнал, сказал: Блади, Блади! – и что-то еще дружелюбное по-карельски, но мне не о чем было с ним говорить, тем более, спрашивать, где Эйнштейн, я и на русском-то не мог этим поделиться с человеком не в теме, к тому же памятуя про конспирацию. Мысли мои теперь сосредоточились на том, чтобы

найти Эйнштейна, любую встречу и любую достопримечательность я теперь рассматривал лишь с этой точки зрения, точно так же, как в поезде все рассматривал с другой точки зрения, не буду повторяться, какой. Возвращаться к той точке зрения, т.е. думать об Ильме и т. д., мне было теперь неприятно, как будто вспоминать о своем некоем неловком поведении или поражении и т.д. В общем, я рад был, что Эйнштейн при помощи де Селби напомнил мне о себе и выбил Ильму у меня из головы, лишняя она была, мешала, мешала, только отвлекала и мешала. В общем, он мне сказал Блади Блади, а я сказал привет| – и спросил у него то, что он у меня спрашивал в поезде, куй сину нимиття, или как-то так. Он очень обрадовался, и стал говорить: Илья! Илья! На том мы и расстались; я отделался от него, боюсь, как-то неуклюже. Я торопился в «Лас-Вегас» и пришел туда уже в темноте; рядом с входом ждал меня мой проводник, но я сделал вид, что его впотьмах не заметил, и вошел внутрь под его негромкое жалобное: Блади, Блади. Денег хотел, чего еще.

Народу в клубе было уже много, почти все столики были заняты. На маленькой сцене певица и исполняла такие песни, как «Кабриолет», «Очи черные», «Миллион алых роз», «Подсолнухи» и т.п. Певица раскачивалась в такт мелодии и своим словам; сокращения тела помогали выходу воздуха из легких, как зубной пасте из тюбика, только более плавно. Благодаря этим сокращениям по оси абсцисс певица держалась в плюсе, зато по оси ординат она была в глубоком минусе. Я кратко осмотрелся и не увидел никого похожего на Эйнштейна, да он и не стал бы сидеть за отдельным столиком в затрапезном ресторане. Мое главное внимание было привлечено к стойке. С радостью я заметил, что там сидел, спиной к двери, человек, шевелюра которого очень походила на прическу Эйнштейна на канонической фотографии работы Альберта Сасса. Моя миссия оказалась очень легкой! Я сел на соседний табурет и заказал пива. Человек с шевелюрой Эйнштейна словно специально отворачивался от меня, так что я не мог видеть не только его профиля, но даже и ракурса в три четверти. Я все думал, как обратить на себя его внимание, что тут ни скажи, все будет глупо, как у меня вдруг зазвонил телефон. Я взял трубку и сказал нарочито остроумно, специальным игривым тоном, чтобы тот человек заинтересовался и повернулся ко мне: внемлю! Звонил де Селби, который только что получил мое письмо, хотел уточнить мой адрес IRL, узнать, может быть, телефон гостиницы, чтоб туда перезванивать, экономя мои средства, еще раз напомнить про конфиденциальность и т.д. Было довольно шумно, поэтому я отвечал ему, возможно, несколько громче, чем следовало бы. Заодно уже и я воспользовался звонком, чтобы еще раз убедить де Селби не уничтожать мир, а попытаться найти решение мирным способом. Всегда была вероятность, и даже существенно больше 50%, что де Селби блефует, но выглядел он и вел себя достаточно безумно, чтобы можно было принимать его всерьез. Де Селби, как всегда, ушел от прямого ответа и начал что-то мямлить. В этот раз, мне казалось, шансов будет больше, и я еще повысил голос, де Селби сопротивлялся, и я говорил: де Селби! ну де Селби! – не зная, как еще его убедить. В эту минуту певица на маленькой сцене замолчала для смены фонограммы, и я, для соблюдения конспирации и осознав тщетность моих усилий, замолчал и даже отключил телефон, не слушая бормотаний де Селби. По крайней мере, *пока* я нужен был ему нужнее, чем он мне. Человек с эйнштейновой шевелюрой повернулся ко мне и любезно произнес: видимо, вы и есть таинственный Блади/* Какой же я таинственный, сказал я, кажется, уже весь город знает, что приехал на поезде Блади и поселился в гостинице «Питкяранта». Нет, я этого не знал, сказал незнакомец (увы, это оказался не Эйнштейн, чем дальше, тем очевиднее это становилось; Эйнштейн, например, знал бы все толки), но теперь, конечно, знаю. Позвольте представиться – Евграф Николаевич, здешний мэр, владелец заводов, газет, пароходов, как говорится, а также этого скромного пристанища, он обвел рукой бар «Лас-Вегас». Сегодня для вас, нашего гостя, все напитки бесплатны. И все позволено| И ничего не стыдно| – сказал он и подмигнул. Спасибо, машинально сказал я, гадая о причинах такого гостеприимства. Не так часто удостаивают нас люди из столицы. Ведь вы же из Москвы? Нет, я из М***, сказал я, и тут же вспомнил о конспирации

* Этот придуманный мною знак является полувопросительным, по аналогии с полувосклицательным знаком в предыдущей сноске. Употребление его, кажется, ясно из контекста.

и захотел сказать, что да, я из Москвы, чтобы Евграф Николаевич позабыл, что я из М***, но, конечно, надеяться на это было довольно глупо, и я, надеюсь, остался хладнокровен и никак не выдал своей ошибки. Ну, тем более, тем более, сказал он. Вы к нам надолго? Пока не знаю, может быть, и надолго. Мне рассказала о вас Ильма, она ехала вместе с вами. Очень высоко отзывалась, между прочим. Ну, вы пока отдыхайте, осматривайтесь, а вечером у нас тут продолжение банкета, я к вам еще подойду, не пропадайте. С этими словами Евграф Николаевич отошел от меня делать распоряжения бармену, встречать гостей и т.д.

Я сидел у стойки и накачивался пивом. Мою голову разрывали две мысли: о конце света, положительно обещанном мне де Селби, и об Ильме. Зачем только Евграф Николаевич напомнил мне о ней! Я никак теперь не мог выгнать ее из головы. Впрочем, это городок маленький, возможно, оно и к лучшему, и я все равно встретился бы с ней, рано или поздно. Так всегда бывает: ищешь кого-то одного, например, Эйнштейна, а находишь кого-то другого, например, Ильму. Как поется в песне: кто-то теряет, кто-то теряет, кто-то теряет... А кто-то... находит! Или, например, как Ломоносов сказал в письме к Эйлеру: Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это у чего-то другого отнимается. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования и т.д. Конец прямой речи Ломоносова. Народ прибывал, и вскоре мест в баре уже не было, и все больше людей выходило на пространство перед маленькой сценой и танцевало там под мелодии и ритмы российской эстрады. Вдруг, как во сне, я снова увидел Ильму: вместе с южным человеком, который встречал ее на вокзале, она сидела за столиком у окна, дыша, вероятно, духами и туманами. Я хотел медленно пройти к ней меж пьяными и позвать на медленный танец, но опять не смог заставить себя это сделать. Одна мысль сменяла другую, ее сменяла третья, четвертая, пятая и шестая. Первая мысль была, что она не одна, мне ничего не светит; вторая, что культурные люди все-таки не будут возражать, если их даму позовут на тур вальса, чего такого, подумаешь, медленный танец; третья, что южные люди, похожие на дагестанцев, редко бывают культурны; четвертая, что сегодня мне все позволено, как человеку, так сказать, новому; пятая, что я слишком пьян, не опозориться бы; шестая, что больше половины этого танца я уже потерял, нужно выпить еще и пригласить ее на следующий. Следующим, однако, был быстрый танец и т.д. Ильма засекла мой дикий взгляд и улыбнулась мне. Я выпивал еще и т.д. Дверь открывалась и закрывалась, казалось, каждый входящий и выходящий впускал в помещение туман. Справедливо это или нет, думал я, люди входят и выходят, а туман только входит. В зале было накурено. Вдруг посреди дыма и тумана я увидал прямо перед собой лицо Ильмы. Певица на маленькой сцене как раз закончила «Привет с большого бодуна». А теперь белый танец, сказала она, дамы приглашают кавалеров. И Ильма пригласила! меня!!! Я и тогда в это не совсем поверил, и до сих не верю, что это случилось со мной. Боюсь, я мог быть не очень ловок, будучи уже нагрузившимся пивом, но все равно я и сейчас уверен, что танцую лучше всех здесь собравшихся (они танцевали по-пионерски, деревянно или гуттаперчево обнявшись, а я как полагается, отставив одну руку); надеюсь, это было заметно; я вел, и Ильма велась великолепно. Все мои догадки о совершенстве Ильмы подтвердились: где нужно, было мягко, где нужно, тонко, где нужно, тепло. Ростом она подходила мне идеально. Грудь ее была большого размера, но не стеснявшая движений, туго стянутая черной материей. Максимально большая грудь, я бы сказал, из всех тех, что не стесняют движений. На шее была довольно крупная цепочка. Меня заводят цепочки. Я благоразумно молчал, опасаясь, как бы из меня при разговоре не выплеснулись излишки пива. Они, кстати, и выплеснулись, но уже, слава богу, после танца, когда мы сказали друг другу спасибо, и я побежал в туалет – он оказался чище, чем я думал. Для такого заведения это был очень чистый туалет. Сегодня мне все позволено| – ликовал я. Что же будет завтра/ – тревожился я. Каков статус этого южного человека? И на минуту забыл об ожидавшем нас конце света – ну, или, наоборот, хотел, чтоб он случился прямо сегодня, прямо сейчас! И уже думал, не позвонить ли де Селби, и сообщить, что не собираюсь я ему искать никакого Эйнштейна, пусть открывает свой D.M.P.

После окончания вечера в соседнее здание дома культуры переместилось высшее общество Питкяранты, к коему авансом был причислен и я. Было человек пятнадцать, а ключи от дома культуры принадлежали Евграфу Николаевичу, так что никто нас побеспокоить не мог. Были: Ильма, я, Евграф Николаевич, начальник местного ЦБК, начальник местной ТЭЦ, парикмахер, он же визажист, он же мастер педикюра, начальник РОВД, а также неприметная, но очень могущественная пустоглазая личность, местный чекист. Был и этот хуй, который встречал мою Ильму, по имени Эдик, надо же, его звали так же, как и меня. Я тайный Эдик. Были остальные приживальщики. Мой Вергилий, все это время ожидающий меня у дверей, бросился ко мне, получил свой пятачок, и был прогнан Эдиком, вернее, одним его горячим кавказским взглядом. Евграф Николаевич строго, но ласково сказал мне, вы у нас человек, так сказать, новый, не знаете еще, с кем нужно воды водить, мы найдем вам иного чичероне. У вас какие-нибудь пожелания вообще есть? Вы чем тут заниматься собираетесь, извините, если нескромно? В любом случае рассчитывайте на мою всемерную поддержку. Я вообще сюда приехал изучать карельский язык, выдал я заготовленную версию. Много читал о Карелии, Ильмаринен (Ильма!), Вяйнямёйнен, хочу прочесть «Калевалу» в оригинале, то, сё. О| растрогался владелец заводов, газет, пароходов, тогда я вам найду одного старика, который прекрасно говорит по-карельски. Вам стоит также побывать в нашем краеведческом музее, он находится на улице Ленина, соседнее здание с музыкальной школой. Следует понимать, что так изысканно он говорил только в моем переводе; речь его была довольно отрывиста, пересыпана нахами и бля, и каким-то особым жаргоном, который я сначала принимал за диалект карельского. Кстати, вы говорили по телефону с каким-то де Селби, говорил он, это не Гастон де Селби? Я знавал одного Гастона де Селби, это мой хороший друг. Какой де Селби/ не знаю я никакого де Селби| – слегка удивился я, соблюдая конспирацию, надеюсь, Евграф Николаевич не заметил фальши в моем голосе, и кляня себя за болтливость, а де Селби (хотя он был и не Гастон) за несвоевременный звонок – мысленно кляня, конечно, мысленно. Закрыв двери, Евграф Николаевич открыл другие двери, бара, содержащего преимущественно водку и еще какой-то странный напиток, напоминающий абсент, но не абсент, и все дружно начали пить, преимущественно странный напиток, а не водку. Пил и я, а что пил, уже не помню. Минут через пятнадцать непрерывной выпивки, дела компанейского, как было отмечено ранее, Евграф Николаевич к моему величайшему удивлению, сказал буквально следующее: ну, теперича нам здесь, так сказать, преотлично! ежели мы теперича даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может! И действительно, скинул с себя все, даже сапоги, и в одном белье начал ходить взад и вперед. Через минуту многие из пришедших тоже были в одном белье и радостно приговаривали: ну, теперь нам здесь преотлично! теперь ежели мы и совсем разденемся, так никто ничего сказать нам не смеет! Разделись, правда, не все: кое-кто ушел наверх, и Ильма с Эдиком тоже, кажется, ушли наверх, и я, кажется, тоже пошел наверх, но я не помню точно. И что было дальше, и где была Ильма, и где был я, я тоже не помню. Как будто провалился в какое-то черное небытие. Кажется, на этом месте я заснул. Думаю, на этом месте я заснул. Надеюсь, на этом месте я заснул. Во всяком случае, потом я точно заснул, потому что проснулся на следующий день в гостинице в одном белье, с раскалывающейся головой. Ведь нельзя же проснуться с раскалывающейся головой, в одном белье, в гостинице, предварительно не заснув. Не знаю, что там было – может быть, этим людям просто нравилось ходить в одном белье, охреневая от чувства собственной безнаказанности.

Первый, кого я увидел, проснувшись – был тот самый старик, Илья, с которым мы ехали в поезде. Это и был обещанный мне Евграфом Николаевичем чичероне и учитель карельского языка. Может создаться ложное впечатление, что, проснувшись, я сразу его увидел – нет, все было не так. Если говорить подробно (хотя и вкратце), то, проснувшись, я бросился к крану, а он не работал. Quelle ironie! Снаружи стеной лил дождь, а внутри воды не было. Я позвонил вниз и попросил принести воды, но администратор сказал, что это в его обязанности не входит, если я хочу, пускай спускаюсь сам и покупаю воду, ресторан у них есть внизу, есть также и ларек через дорогу, но там воды нет, только пиво. Через пять минут раздался стук в дверь; одумались, решил я, открыл, и

тогда-то и увидел этого самого Илью. Если быть точным. Он был мокр, с него текло, и я немного попил, украдкой выжав его кашне и шапку, пока он ходил в туалет. Можете вообразить себе мою жажду! Оказалось, он умеет говорить по-русски, просто не очень хочет. За неимением камина я провел его к батарее центрального отопления, которая, слава богу, работала, и мы проговорили несколько часов. Он сказал мне, что обучал карельскому языку многих ученых военнопленных немцев, которых ссылали в эти края при Сталине – их было много, но ни одной фамилии он не назвал, во всяком случае, ни одной фамилии я не запомнил. Кроме того, он рассказывал сказки участникам различных этнографических экспедиций, которых тоже было снаряжено сюда немало. Карелия – одно из мест, куда еще имело смысл посылать этнографические экспедиции, не так давно еще имело смысл, за сегодняшний день не поручусь. В сорок с чем-то лет он упал со скалы, и с тех пор у него дрожали руки и голова. Пока мы говорили, он сидел, съежившись, у батареи, обсыхая, усыхал, и выглядел теперь не так уверенно в себе, как в поезде. Я предположил, что дело в алкоголе, и он, в самом деле, оживился и с удовольствием сбегал за водкой в ближайшую лавку, когда я дал ему на это денег. Он был совершенно уверен в своем таланте рассказчика и думал, что участники этнографических экспедиций изрядно нажились на нем, продавая истории, которые он им рассказывал. Водка, которой я его угостил, показалась ему достаточной платой за историю о том, как его бабушка Вера видела в лесу лешего. История эта, адаптированная, сконденсированная, исправленная и сокращенная, сводится к следующему (он рассказывал ее от ее лица, в женском роде).

> Собирались мы однажды с дедом Николкой, мужем моим, к Янисъярви. От деревни по реке до устья реки было километров пять. Вода полная, окротела, пошла на убыль. Поспела морошка. Да и на палую воду пинегоров собирать на берегу моря. Взяли крошик и ведерко деревяное – ушатик. Ушатик поставили в крошни – это под морошку – и лодку направили легкую, небольшой анкерочик. Отправились. Я села в гребли, а дед правил. Поехали, силы большой не надо, по течению едем. Погода стояла хорошая, теплынь. Приехали мы на устье реки, ветер с моря, крик множества чаек раздается, летают, на камнях сидят и в море плавают. Будет удача, говорит дед. Это такая примета есть. Договорились, он пойдет по берегу моря на сухую воду собирать пинегоров неповоротливых. Их выбрасывает из моря на берег, из-за ветра с моря и падет вода, быстро уходит, они обсыхают. А я поднимусь по тропинке на угор и буду там брать морошку. Я одела крошни, поднялась, прошла лесок и попала на морошку. Сняла крошни, поставила на видное место, взяла набирушку – малую корзину. И беру, беру, быстро прибывает. И не заметила, как отошла от угора, далеко в бугры. А за буграми лес. А о бугры морошка крупная свисает с них, беру, не поднимая головы, высыпаю морошку в ушатик и опять беру, уже полное ведерко, осталось корзинку набрать. Вдруг что-то в кустах хрустнуло, я подняла глаза на бугор, а на бугре – сапоги. Сапоги не наши, не деревенские – с подковами. Я сжалась от страха, поднимаю глаза выше, вижу: бушлат длинный, свешивается на сапоги. Я ни жива, ни мертва, села на клочь, вижу: выше усы, борода, длинные волосы и шапка на них, хлопает глазами, язык показывает, правая пола шинели наверху и подпоясан красным кушаком (раньше была такая примета лешего). Да это же леший, – все его приметы. И еще почему-то скрипка в руке. Леший! Леший! Хочу кричать, а не могу, онемела, сама думаю: о господи, помоги мне. Стала тихонько молитву творить: уйди, нечистая сила, и перекрестилась. Вздохнула я и поднялась, а он отодвинулся. И я бежать с молитвой, бегу, бегу, повернусь, а он тут же, высокий, как столб, левая рука согнута и вложена в правую полу. Я снова бежать, повернусь и вижу, он стал далеко от меня, марево покрыло его, он приподнялся над бугром. Набежал ветер, зашумел лес, закричали птицы тревожно, загремел гром, а леший так и стоял перед глазами в сизой дымке. Я добежала до угора, спустилась по тропинке к морю. А дед Николка уже у лодки укладывает собранных пинегоров в лодку.
>
> Николка выслушал меня внимательно, перекрестился, хотя он и не верил в бога, и пошел на гору за крошнями с морошкой. Крошни далеко были видны, а лешего уже не было. Скоро дед Николка вернулся с крошнями за спиной и успокоил меня, сказав, исчез сатана.

Вода уже стала прибывать, и мы сели в лодку и поехали домой. Я рассказала в деревне всем про нечистую силу, про лешего, и все поверили: Николкина видела лешего, бродит он по округе, людей пугает. И всей деревней решили: нельзя ходить поодиночке в лес и на болото. У Николкиной было одиннадцать детей, они-то всегда помнили рассказ про лешего, и помнили завет, который дали всей деревней. В деревне сейчас никто уже не живет, но и в лес теперь как-то мало ходят в округе. Не стоит этого делать, сказал Илья, опасно.

Часам к трем дождь утих, и он ушел. Я собирался пообедать, и, совершая туалет, услышал, как хлопнула входная дверь. Причиною звука оказалась уборщица, или персональная горничная, любезно присланная, опять же, как она не преминула сообщить, Евграфом Николаевичем (я все гадал о причинах его странной расположенности ко мне). Звали ее Нина, характер у нее был легкий, грудь тяжелая. Она дважды была в Петрозаводске, чем выгодно отличалась от большинства жительниц Питкяранты ее возраста и положения. Как и Илья, она говорила по-русски (с премилым акцентом) и по-карельски. Не чинясь, она налила в тазик воды, стала отжимать тряпку и мыть пол, причем дойки ее весьма волнующе покачивались.

Я зашел в «Лас-Вегас». При свете дня он был пуст и скучен. Лениво протирал всевозможные стеклянные поверхности бармен. Экономили электричество, большой зал освещался только тусклым светом пасмурного неба через немытые окна. Кормили, впрочем, сносно. Дождь совсем прекратился; на улицах было так же пусто и скучно, как и в забегаловке. Я зашел в хозмаг и приобрел себе большие резиновые сапоги, без которых, как я понял, жить здесь было невозможно. Мои берцы годились больше для сухой погоды. За час я обошел весь город – делать тут было решительно нечего. Не ищи я Эйнштейна – –

Следующие несколько дней я еще иногда выбирался в город, но основную часть времени посвятил общению с Ильей. Я взаправду выучил несколько карельских слов (к настоящему моменту все уже позабыл), но главным образом – освоился, под коим словом понимается узнавание подноготной всех сколько-нибудь значимых фигур города, выспрашивание сплетен и т.д. Про Эйнштейна спрашивать я не решался, но, судя по тому, что он ни разу Ильей упомянут не был, если он в Питкяранте и жил, то был или фигурой слишком незначительной, или, наоборот, такой значительной, что разговор о нем мог быть сочтен излишним, опасным тривиальным (как разговор о дожде) или каким-нибудь иным в том же роде. Между прочим, узнал про Эдика: это оказался владелец лесопилки, расположенной в горах Пётсёвара, муж Ильмы, на самом деле дагестанец; на лесопилке он, впрочем, бывал лишь наездами, а так там жили другие дагестанцы, в большом количестве; у Эдика с Ильмой было трое детей, два мальчика и (средняя) девочка, младшему два года, старшему пять с половиной. Это объясняло, между прочим, величину груди Ильмы, нехарактерную, вообще говоря, для ее конституции, но не объясняло как раз саму конституцию. Обычно ведь женщины после родов раздаются. То, что Ильма не обабилась, вызвало новый приступ обожания и безнадежности и т. д. Противоборствуя ему, я решил препарировать свое к ней отношение, разъять его холодным логическим анализом, посредством коего и самому охладеть к ней. Скорее всего, решил я, необычное сочетание величины груди (идеальной), ширины бедер (идеальной идеальных) и худобы остального тела, вкупе, разумеется, с идеальными чертами лица, и обуславливали для меня ее привлекательность. Что касается Эйнштейна – о нем я, ка было сказано, ничего не спрашивал, но одна штука меня поразила, и я взял ее на заметку: описание Хозяина Леса в рассказе Ильи о своей бабушке. По описанию, Хозяин Леса был одет точь-в-точь как Вова, но у Вовы не было усов и длинной седой шевелюры, а также он никогда не играл на скрипке. Указанные признаки характерны скорее для Эйнштейна, но канонический Эйнштейн одевался совершенно по-другому, и, самое главное, у него тоже никогда не было бороды, и сложно было представить, чтобы он когда-нибудь ее отпустил. Теперь, что касается Евграфа Николаевича, мэра: Илья сказал, что он видал виды и не так прост, как кажется. Смутно упоминались его враги в районе Алалампи. Все мои дальнейшие расспросы ничего не дали, так же, как расспросы о чекисте, главном менте, управителе ТЭЦ и т.д. Разве что про парикмахера Илья нехотя сообщил, что человек этот предается содомскому греху, но с кем – тоже не сказал.

Когда стало суше, я стал выбираться за город и гулять вдоль берега Ладожского озера. Still no news of Einstein. Евграф Николаевич, Ильма, Эдик, главный полицейский мент и т.д. все как будто меня забыли. Единственный, с кем я встречался время от времени из питкярантской элиты, был управляющий ТЭЦ – он ходил на службу мимо моей гостиницы – но тот при каждой встрече прятал глаза, буркал что-то невразумительное и чуть не бегом пускался по улице Гоголя. С Ниной моей (уборщицей) мы сдружились, при мытье пола она без всякого стеснения подтыкала при мне юбки, я угощал ее водкой, она приносила хрустящие огурчики собственного посола и т.д. Она вообще была очень общительна, порой не знал, куда от ее общительности и деваться: она рассказывала о своих родственниках, о погоде на улице, о ценах в Петрозаводске и моде в Париже, – словом, как ментальный акын, обо всем, что даже не видела сама, а думала, воображала и вспоминала. Когда я видел, как она мыла пол, ее большие груди раскачиваются в такт движениям ляжек, которые, в свою очередь, раскачиваются с довольно большой амплитудой от того, что, во время мытья пола она, наклонившись, совершает похабные движения тазом, мой член самопроизвольно поднимался. То есть поднимался бы, дай я себе волю и пофантазируй немного о том, как вонзаю в нее свой нефритовый и т.д. – эта мысль способна была меня возбудить, но, повторяю, воли себе я не давал. Нина, казалось, это замечала (мое недовозбуждение), и вела себя провокативно, но я на провокации не поддавался (если они были) и много времени проводил на улице. Как-то я вышел в ларек купить сигарет, продавщица стала расспрашивать меня, кто я, что я, надолго ли я у них, издалека ли я, почему я еще не познакомился с хорошей девушкой (она может присоветовать парочку) и т.д. Я все ей рассказал, естественно, в определенных границах; после этого местные начали узнавать меня на улице и приветливо здороваться. Приходили смотреть на меня и из соседних деревень. Они очень мило и ненавязчиво пытались понять, сколько у меня денег, и сколько из них я готов потратить в пользу жителей города Питкяранты и окрестностей. Я почти никогда не оставался в одиночестве. Так, например, пройдя однажды с Ильей почти до берега озера, я спустился к воде, а Илья отправился по своим делам. Вместо него подошли два мальчика, которые до того незаметно следовали за нами в отдалении. Они пошли за мной по пятам, и, когда дошел до воды (избегать их дальше стало уже невозможно), остановился и оглянулся, им ничего не оставалось, как заговорить со мной, и они робко спросили, с трудом подбирая русские слова, простите, вы Блади? и вы правда платите за гостиницу десять рублей в день? Больше, сказал я. Двенадцать? Больше, сказал я. Пятнадцать? Еще больше, сказал я. Тогда они развернулись и ушли без дальнейших вопросов, или в презрении от моей чудовищной лжи, или в ужасе от моего чудовищного богатства. Когда они удалились, я встретил человека, который двадцать лет работал в Санкт-Петербурге, потерял там свое здоровье и приехал на родину помирать. Он почти забыл русский, так, что я не мог понять его; он тяжело дышал, подволакивал ноги, от него воняло потом и близкой смертью. Пройдя со мной двадцать метров, он остановился, не в силах идти далее, и жестами попросил у меня мелочи. Я жестами же показал, что мелочи у меня нет, достал из кармана большое красное красивое яблоко, вытер его о штаны и дал старику. Старик жестами показал, что у него нет зубов. Я протянул руку за яблоком, но старик сунул его в карман и заплакал. За стариком шли две симпатичные девушки. Мы стали улыбаться друг другу, они тоже едва говорили по-русски, но попытались рассказать мне, что стоит посмотреть в окрестностях. Они возвращались с вокзала, где пытались продать какие-то национальные головные уборы проезжающим в Мурманск туристам. Чтоб понравиться мне, они спели несколько народных карельских песен и показали мне свои уборы, надеясь их продать. Я показал им пустой кошелек, они не обломались, еще немного мне поулыбались, а потом свернули в свою деревню. Погода была отличная. Какой контраст не то что с профессиональными попрошайками, а даже с обычными нищими в средней полосе России! Мимо них пробегаешь, как бы стыдясь своего богатства, они смотрят на тебя так, будто ты им должен. Карелы же принимают поражение достойно, и от этого очень легко их противникам (люди, не идентично состоятельные, всегда противники, кто бы что ни говорил), и можно с чистой совестью не подавать. Может быть, они от голода погибать будут, а все равно можно им не подавать, и на душе будет легко и приятно.

В целом я облазил все окрестности, но Эйнштейн не находился. Мне нужно было расширять площадь своей скаутской территории. Иной раз я проверял почту: де Селби на связь не выходил.

Как-то утром ко мне зашел Евграф Николаевич и сказал, что-то вы совсем нас, так сказать, забыли, любезный Блади| Что ж вы не заходите в «Лас-Вегас»/ Я отвечал, что в «Лас-Вегас» захожу регулярно, и даже завтракаю там, но вообще обычно я единственный посетитель в вашем ресторане, одному там скучно и пусто, и экономят свет. Евграф Николаич был рассеян, он, конечно, все это про меня знал. Он думал о своем. И вообще, добавил я, не поехать ли мне куда-то в более глухую глушь, где, понимаете, настоящая Карелия, где не слышно русского языка, а то тут я не могу целиком сосредоточиться на «Калевале». Зачем вы так с нами, проникновенно посмотрел на меня Евграф Николаич, зачем? Могу поклясться, что в глазах у него стояли слезы. Вы вот что, голубчик, вы попробуйте еще с Ильей Парамоновичем? Вы посмотрите, может, все-таки получится. И заходите все-таки в «Лас-Вегас», да не утром, а ближе к ночи, когда огни, когда весело! И праздник жизни. Надо нам все-таки поближе сойтись, все-таки, понимаете, вы человек новый, так сказать, столичный... Я уверился в том, что он забыл, что до Питера я был в М***, мне стало легче на душе, я несколько расслабился. Да, вспомнил вдруг Евграф Николаевич, я как раз хотел вам сказать, зайти, позвать... У нас тут будет вечеринка, на природе, пикник, так сказать, поедемте на рыбалку? Будут все наши. И, видя мою нерешительность, добавил: Ильма с Эдиком тоже будут. Ну вы звоните, короче, мы выезжаем послезавтра, до завтрашнего вечера лучше сказать, ну, вы понимаете, там, повару распоряжения оставить, то, се...

Я обещался позвонить, и, когда мэр ушел, стал думать. Я пытался себе пояснить загадочное поведение мэра. Отчего он был так любезен вначале? Куда делась вся его любезность после того, как мы расстались почти неделю назад? Может быть, его нелюбезность связана с тем, что я не стал искать расположения местного общества, устраивать ответный прием и т.д.? Бог знает, каковы светские обычаи здесь, на краю мира; скорее всего, я что-то нарушил. Можно ли рассчитывать на осознание местными того факта, что их причудливую связь русского, финского, карельского, лагерного, кавказского, старообрядческого и делового этикетов столичному жителю не постичь, покуда он не прожил здесь достаточного времени! К тому же такому бегущему света жителю, как мне! Но что заставило его снова налаживать со мной сношения? Принял ли он какое-то решение относительно меня? Понял ли о моих чувствах к Ильме? ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ ОНИ ВО МНЕ ИЛИ НЕТ??? вот главный вопрос. Вероятно, и для меня решение ехать или не ехать на рыбалку будет судьбоносным. Они явно чего-то от меня ждут. Они должны быть как-то связаны с букмекерами, вот что я подумал. В своих страданиях по Ильме я совсем забыл о деле, а ведь если где и можно разузнать об Эйнштейне, то где как не у местного начальства, в руках которого вся жизнь этого города?! И в таком случае все мои колебания следует отбросить и на рыбалку поехать. Соображение против будет такое: я увижу Ильму, уже известно, что она будет с Эдиком, я буду страдать и мучиться и т.д. Но и в этом можно увидеть плюс: страдания облагораживают, большие чувства придают энергии и вдохновения, любовь очищает и исцеляет, так, что можно уже никогда и не мыться. Небольшая доза страданий излечит меня на несколько лет от рака, которого я ужасно боюсь, самое главное – действовать! действовать!! действовать!!! Лучше сделать и раскаяться, чем не сделать и сожалеть, я чуть не забыл, а ведь это был мой девиз в студенческие годы. Ильма возвращала меня в молодость, конечно, раньше у меня не было бы и тени сомнения – ехать-не-ехать. Голосую – ехать. Я взял трубку и позвонил Евграфу Николаевичу, но никто не отвечал. Ах да, конечно, он, наверняка, сейчас в «Лас-Вегасе»| Я сразу отправился туда, чтобы дать свое согласие.

В «Лас-Вегасе» опять было весело, и опять все за счет заведения, и опять я сидел и напивался, и для начала сосредоточился на вопросе о том, как выкинуть из головы Ильму. Может быть, сосредоточиться на Эйнштейне? Как и в прошлый раз, Ильма была здесь, но во время белого танца кружилась с Эдиком, и я заметил, как Эдик трогает ее *там*, предпочту не конкретизировать, и видно было, ей это нравится, и она опять в каких-то высоких сапогах и с цепью на шее, и такое у нее лицо, и мне опять тяжело на нее смотреть, но и оторваться я не могу, и весь этот комплекс переживаний, и т. д. и т. д. В дом культуры на сей раз не пошли, я не пошел, вероятно, сделал

что-то не так, допустил какую-то оплошность, мэр извинялся, но закрыл передо мной дверь, а Ильма была внутри!!! Впрочем, возможно, мне все это привиделось спьяну и т.д. Неизвестность больше всего распаляет любопытство, а вместе с ней разгорается и любовь, в моем случае, во всяком случае (во всяком случае, в моем случае), и т. д. Читатель легко может представить себе мои чувства и т. д.

Сам не свой я вернулся в гостиницу, открыл дверь и увидел жирные ляжки Нины, уборщицы, которая мыла у меня пол. Ответ на вопрос, как выкинуть Ильму из головы, пришел сам собой. Под халатом Нина была без лифчика и без трусиков. Ильма из головы так и не выкинулась, зато туда попала еще и Нина, осталась ночевать и была у меня весь следующий день. Весь тот день и всю следующую ночь, я раз за разом пытался и пытался выкинуть Ильму. Да, пожалуй, нельзя сказать, что я не старался.

Успокоившись, продолжаю. Описывать поездку нашу на озеро смысла нет: она неинтересна, да и скоротечна, домчали мы очень быстро, потому что близко: вся природа тут почти не тронута, а почти вся местность занесена в Перечень труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Карелия. Ехали все вместе на одном автобусе; с отверстиями в стеклах и корпусе, как будто пулевыми, обеспечивающими прекрасную вентиляцию. Как ни быстро мы доехали, какой бы прекрасной вентиляцией нас ни продувало, укачало меня еще быстрее, потому что дороги в Карелии ужасные, хуже их только дороги Вологодской и Кировской областей. О! дороги Кировской области! Только при двух губернаторах/наместниках/секретарях обкома их строили и ремонтировали, и народ до сих пор с благодарностью помнит их имена, точнее, фамилии, и говорит на каждом перекрестке: Бакатин и Белых. Белых даже один раз закатал в асфальт железнодорожный переезд, чтоб мягче было ехать прибывшему с визитом правителю, которых (прибывавших) за всю историю Кировской/Вятской области/губернии тоже было всего двое, и вот при Белых сложилась такая уникальная ситуация, когда одновременно был в столице «дорожный» управитель и его начальник, правитель страны. Обычно-то не было ни того, ни другого.

Прибыв, все мгновенно напились, успев лишь поставить донки, или закидушки. Эти донки суть чистые снасти, без удилищ, на них наживляют корм и оставляют лежать всю ночь на дне (оттого и название), а утром их поднимают и собирают с морских пастбищ тучный урожай рыб. Ночью дергать за леску или каким-нибудь иным образом тревожить снасти крайне не рекомендуется, чтобы не спугнуть гигантских рыб с медвежьими головами, которые единственно и ловятся на такую закидушку (с другой стороны, только закидушкой и можно поймать подобную рыбу). Совпадение счастливое, но сбыточное только в случае строжайшего воздержания от трогания снастей – условия в случае попойки примерно такого же выполнимого, как не думать о белой обезьяне. Поэтому никогда никому и не удавалось выловить гигантской рыбы с медвежьей головой. С другой стороны, возможно, это и к лучшему – если кто-нибудь выловит такую рыбу, кто знает, что может взбрести ей в голову; возможно, она небезопасна. В данном случае, говоря «все» (в предложении: все мгновенно напились и т. д.), я не имею в виду Ильму с Эдиком и вторым Эдиком, т.е. собой. Мы, трое трезвых, располагались следующим образом: Эдик сел в лодку и поплыл на озеро, я ходил вокруг и не знал, что делать, а Ильма занималась, вероятно, с детьми в Питкяранте: она не поехала, Евграф Николаевич меня обманул, чтобы заманить в свою избушку, угодья, рыболовецкую станцию, бог знает, для чего. В общем, когда мы приехали, отношение Евграфа Николаевича ко мне резко вдруг поменялось: из вежливого и даже слегка подобострастного оно превратилось в грубое и надменное. На любой мой вопрос он отвечал через губу, то и дело посылал меня, цитирую, на хер, конец цитаты; видя такое отношение начальника, и все остальные (в данном случае, говоря «все», я имею ровно тех же, кого имел в виду, говоря «все» в прошлый раз) тоже стали грубо и надменно говорить со мной через губу, а начальник полиции даже пригрозил, что заведет на меня дело по 282-й и 289-й статьям. Они напивались все больше, Эдик плавал в лодке и рыбачил, а я сидел и обтекал от их оскорблений, и не смел выпить ни капли. Время шло, а люди не менялись, во всяком случае, не менялись к лучшему, так же, как и в мировой истории – век чистоты, Сатья-юга, потом Трета-юга, Двапара-юга, и, наконец, Кали-юга, век

раздора. Почто выпало мне пройти первую и вторую эпоху и переместиться разом в третью или четвертую? Что за Кали-югой? Смерть? Тем временем оскорбления стали такими жаркими, что я почел за лучшее ретироваться и посмотреть закидушки. Неприятно находиться с такими людьми, которые тебя все время оскорбляют. Я вышел на улицу и сразу услышал, как внутри застучали по полу сбрасываемые сапоги и нестройный гомон наполнил комнату. Актеры создают белый шум словами «О чем говорить, когда нечего говорить/», а что говорила местная элита, я хорошо себе представлял: ну, теперича нам здесь преотлично! ежели мы теперича даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может! Я не знал, куда себя деть: единственную лодку занял Эдик, начинало слегка темнеть, впрочем, ночи были почти уже белыми, а по ночам было довольно холодно. Я ходил по берегу и смотрел на закидушки; по ним, конечно, никак нельзя было сказать, попалось на них что-нибудь или нет. Скорее всего, не попалось. Время шло, и гул в избушке становился все громче: казалось, все (без Эдиков и Ильмы), потеряв объект насмешек – меня – перешли к оскорблениям и угрозам друг другу. Окна были занавешены, я ничего не видел. Я пошел на пирс; там была моя закидушка, которую я решил проверить. Стемнело; то есть стемнело максимально возможно, учитывая, что ночи на севере относительно белые, однако сильная облачность сделала из этой части суток нечто похожее на ночь. Гудел дизель-генератор, смешиваясь с гулом людей, которым было преотлично. Я думал о том, почему ночи на севере называют белыми, ведь это же нелогично. Эдика было не видно (что, учитывая сгустившуюся темноту, было не удивительно) и не слышно, а в избушке и точно наступила Кали-юга, потому что послышались вдруг уже выстрелы и звон стекла, и в темноте пали на голую еще землю отблески – это в плотных шторах появились россыпи дыр от крупной охотничьей дроби. Я поспешно потащил закидушку – на ней что-то было! Я что-то поймал! Но что же? Увы – кажется, это был старый дырявый башмак военного образца, так называемая берца. Подробнее я тогда выяснить не успел, потому что включился вдруг яркий прожектор, дверь распахнулась, оттуда выскочили охуевшие от собственной безнаказанности мужики с ружьями, и с криками: где этот Блади?! – стали палить в воздух. Мне хотелось куда-нибудь исчезнуть с пирса, возможно, прыгнуть в воду, но это вызвало бы громкий всплеск, и меня бы обнаружили; поэтому я лег на доски, стараясь сделаться как можно площе и незаметнее, одновременно на всякий случай все же нащупывая воду ногами. Местный парикмахер сказал своим педерастическим голоском, что выебет меня; местный мент уточнил, что изнасилует бутылкой водки «Путинка»; управляющий ТЭЦ сказал, что скормит меня собакам; единственный конструктивный голос в этом хоре принадлежал директору ЦБК, который предложил, наконец, пойти на мои поиски и, найдя, повесить на ближайшей сосне. Так они и сделали (в смысле, отправились в лес; «они» – не считая Эдика и меня). Все разошлись, а местный чекист остался стоять у входа на пирс и сторожить избушку. Несколько раз он прошелся по пирсу, но я к тому времени почти совсем соскользнул в воду, и он меня не заметил, хотя смотрел своими пустыми глазами в темноту надо мной и сипел, тяжело дыша, как назгул. Меня спасло, что они включили прожектор: из-за него тьма вокруг казалась гуще, а усилившее гудение генератора позволяло мне дышать относительно шумно. Из леса раздавались беспорядочные выстрелы. Злосчастный пойманный башмак был у меня в руках.

Я бы уплыл, но, к сожалению, так и не научился как следует плавать, когда мы жили с Вовой в Ульме. Вова – тот плавал, как рыба, а я плавал довольно плохо. Поэтому положение казалось безвыходным. По пирсу ходит пустоглазый чекист, я привязан к этому же пирсу, и только темнота спасает меня; даже справься я с вооруженным чекистом и доберись до леса, там ждут меня сливки местного общества, по какой-то причине желающие убить.

Спасение пришло проницательный читатель уже, вероятно, догадался откуда. Рядом с собой я услышал плеск весел и шепот с сильным кавказским акцентом: Владимир, хватайся за лодку. Я схватился за подошедшую посудину, в которой сидел Эдик, попытался в нее забраться, она стала раскачиваться, и я, решив, что в этот раз безопасность, пожалуй, важнее комфорта, просто отдался воле гребца, пассивно держась за корму. Выловленный башмак я не бросил и положил внутрь анкерочика. Успешно и незаметно отплыв подальше, Эдик помог мне влезть внутрь и довез до

берега. Там мы незаметно подошли к автобусу, который стоял в отдалении от избушки; Эдик открыл дверцу водителя, завел двигатель и с шипением открыл переднюю дверь. Чекист на пирсе услышал шум и бросился к автобусу, паля с обоих стволов. Автобус взревел, уже не соблюдая никакой конспирации; я еле успел запрыгнуть внутрь, и мы помчались по дороге, и сзади нас выбегали сливки общества и стреляли по автобусу. Пригнись, да, дурак, что ли, яростно сказал Эдик; пулями разбило несколько стекол, точнее, сделало еще несколько дырок в дополнение к уже имеющимся. Мы скакали по плохой карельской дороге, а стрелки остались позади. От холодной воды я замерз, и Эдик включил печку. Мы оторвались и ехали уже аккуратно, огибая ухабы.

Каким-то фраппированным или удивленным он не выглядел. По пути он объяснил мне, что ничего удивительного не произошло: эти ребята часто напиваются на рыбалке, и тогда происходит разное. Бывают и жертвы. Это они пошутили так, объяснил Эдик. Вот увидишь, в понедельник будут с тобой говорить как будто ничего не произошло, скорее всего, будешь еще вечно «Лас-Вегасе» бесплатно кушать. Что-то типа инициации, понял я, но на всякий случай спросил: нас не задержат тут гаишники? главный мент же может им позвонить. Не мент, а уважаемый начальник РОВД, довольно резко ответил мне Эдик, а дозвониться не дозвонятся, там связи нет совсем. Несмотря на его уверения, мне было страшно, и зуб на зуб не попадал уже не от холода, а, скорее, от ужаса. Видя все это, добрый человек Эдик сказал, довезя меня до Питкяранты: можешь пока у меня переночевать, переоденешься.

От этого у меня, конечно, подскочило сердце. Я буду ночевать в одном доме с Ильмой! Еще больше оно подскочило, когда Эдик, привезя меня, сдал вместе с пойманной рыбой молчаливой жене и, ничего мне не сказав, развернувшись, ушел. А куда это Эдик ушел, спросил я. Возвращать автобус, и на рыбалку, ответила Ильма. Остальные же там остались, как они возвращаться будут? Несмотря на уверения Эдика, мне хотелось как можно скорее выбраться с территории, контролируемой Евграфом Николаевичем. Мне, наверно, в гостиницу, сказал я, вещи собрать. Она, увидев, что я испуган, не стала меня разубеждать, только мудро сказала, что в гостинице меня, если что, будут разыскивать в первую очередь. Как отсюда можно уехать! Взмолился я. Ильма только рассмеялась, накрывая на стол, и я ей поверил. Перестал пытаться как можно скорее убежать, решил так: если это и есть моя последняя ночь, то пускай я ее проведу как мужчина, наедине с прекраснейшей женщиной в моей жизни.

Но увы, не наедине. Ильма вела себя в высшей степени корректно и отстраненно, не давая мне поводов сократить дистанцию. Я поел, выпил вина, успокоился, переоделся, мне было постелено в гостиной, и я лежал, сытый, немного пьяный, в тепле и холе. К сожалению, Ильма не оказала мне ВООБЩЕ никаких знаков внимания и ушла спать в свою комнату. Что мне было делать? Я лежал на кровати и обдумывал ситуацию. Надо понимать мое психологическое состояние: я прощался с жизнью и хотел сделать хоть раз что-то героическое, и рядом лежала – как я понимал – женщина всей моей жизни. Лучше сделать и раскаяться, чем не сделать и пожалеть, повторял я себе свой студенческий девиз, стараясь накрутить себя, и этот девиз стучал у меня в висках. Так я довел себя до того, что, с колотящимся сердцем, встал и на цыпочках пошел в комнату, где она спала – то, что она спала, было понятно по ровному дыханию, доносившемуся с кровати. Я стоял в коридоре и заглядывал в ее комнату, и не видел ничего, пока глаза не привыкли к темноте. Я почти уже решился что-то сделать, как на меня наткнулся ее сын! Он, видимо, шел вслепую по коридору в туалет – и мне пришлось сделать вид, что я иду по коридору из туалета. Кто там, сказал ее сын, не открывая глаз, иди к лешему, сказал я с досадой, закрывая за собой дверь. Ситуация предстала передо мной в истинном свете – все это было так смешно, глупо и опасно к тому же, – что я лег на кровать, несколько раз взорвался и т. д., и больше оттуда уже не выходил.

Надо еще рассказать, что за башмак я поймал, и описать его дальнейшие приключения. Это был не просто так башмак, это был важный башмак, на левую ногу. Рассмотрев наутро при свете дня, я поразился его сходству с берцем, который носил Вова. Ботинок этот был *чем-то* наполнен, но чем, я сказать не могу: чем-то. Что-то, что шевелилось, устойчивое, как гироскоп, и такое же упрямое. Стоило поставить этот ботинок на землю, он поднимался как юла, второе сравнение, как

член, причем это всегда происходило так незаметно, что я ни разу не видел момента подъема – а только начальное и конечное состояния. Как будто он (ботинок) надувался каким-то газом, как надувается газом резиновая перчатка, которую ставят на бутыль при изготовлении браги. И еще – от него несло ужасным запахом. Я замотал ботинок в пакет, чтоб меньше пахло, но повонявало все равно прилично. Поэтому я с утра как можно раньше вышел из дома, чтоб не доставлять добрым хозяевам лишних неприятных ощущений, в первую очередь обонятельных. Его сходство с башмаком Вовы будоражило меня, тем более учитывая, что Вова пропал. Поэтому я решил так: что бы то ни было, а теоретически Вова мог добраться до Питкяранты и утонуть здесь. Так не похоронить ли этот ботинок, вполне могший остаться от Вовы, на местном кладбище? По всем мыслимым христианским обычаям. В городе было три церкви, лютеранская (на улице Калинина), пятидесятников (на Пионерской) и православная на Горького, и первым делом я, конечно, пошел в православную. Мы ведь русские, с нами Бог. Батюшки не было, а был какой-то его ученик, может, стажер, как они там называются. Впрочем, если ваше дело касается богословских вопросов, а не исповеди, сказал этот умник, вы можете говорить со мной так же, как с ним, я буду кормиться с прихода после отца ***. Услышав мою просьбу, он удивился и попросил показать содержимое мешка. Зажимая нос, он констатировал очевидное: башбак. Ну да, башмак, я так и говорил, сказал я. Закдойте скодее, сказал батюшка, и, вновь обретя возможность дышать свежим воздухом, набросился на меня с упреками, дескать, нечего приносить в храм божий экую мерзость смердящую, никто не будет хоронить башмак, башмак это ваше частное дело, выройте яму и похороните сами, башмак это не человек, ведь это не человек, а башмак, вы бы еще котенка попросили похоронить, в общем, выйдите из храма, это я не буду хоронить, это богохульство, не буду и все, спрашивать тоже богохульство, выйдите, молодой человек, Ибрагим, подойди сюда, пожалуйста. Конец прямой речи умника. Подошел здоровый дворник таджик Ибрагим, и я, не дожидаясь рукоприкладства, ушел. Я позже вернусь, сказал я, когда батюшка будет? Это как вам будет угодно, сказал стажер, не удостаивая ответом по существу. В лютеранской церкви был тот же результат, только премилый священник в очочках соблаговолил мне объяснить, что хоронять одну ногу нельзя, потому что в ней, в единственной ноге, очевидным образом не могла содержаться душа; вы бы еще котенка стали хоронить, высказал он мне то же самое соображение, чрезвычайно, видно, распространенное среди местного духовенства. Таким образом, к пятидесятнику я пришел подготовленным, и стал спрашивать: верно ли, что душа неделима, как атом? Верно ли, что человек без ноги все же обладает душой? он обладает душой целой или пропорциональной его телосложению? в таком случае, какая часть души содержится в ноге? А какая часть ноги содержится в душе? Те же вопросы в случае отсутствия двух ног вместо одной. Те же вопросы в случае отсутствия двух ног и одной руки. Те же вопросы в случае отсутствия всего перечисленного и еще одной руки. Те же вопросы в случае отсутствия головы. А можно ли хоронить человека без головы, если у него не было души? В таком случае, когда считается, что в человеке нет души? если душа исчезает одновременно с разумом, разве нельзя считать, что душа и разум суть одно? Пятидесятник вспылил и выгнал меня самостоятельно (а мужик он был дюжий), но это все равно: я и так понял, что ботинок мой хоронить они не будут. На обратном пути снова зашел в храм Вознесения Господня; наглый стажер, торжествуя, подозвал настоящего батюшку. Я увидел его и чуть не упал от удивления: этим настоящим батюшкой был не кто иной, как местный педераст, мастер педикюра, постоянный участник попоек у Евграфа Николаевича, а заодно и главврач местной больницы, которого я не упоминал (главврача) единственно из уважения к его профессии, чтобы не трепать название благородной профессии, а также в надежде, что он облагоразумится, и помимо того с тайной мыслью, быть может, впоследствии удивить читателя, как в случае с Вовой/Эдиком. Ну что, читатель, ты удивился? Да и сам я удивился будь здоров, особенно заметив и Евграфа Николаевича, выглядывающего из-за плеча у своего друга. Они дружески со мной поздоровались и провели в комнатку при церкви, ласково попеняв мне на то, что я вчера так рано ушел. Казалось, они не помнили о прискорбном инциденте. Да и я не мог долго сердиться на них. В комнатке у священника все дышало покоем, наводило на благостные размышления, было убрано

и мирно, казалось, сам Бог положил на нее свою длань и т. д. Батюшка сразу лишил меня надежд, сказав, что богословскими вопросами занимается его стажер (и указал на подлого подпопка), так что обращаться нужно к нему. Недопопок торжествующе улыбался. Так что разговор перешел на темы светские, и я обещал Евграфу Николаевичу (и всем присутствующим) прием. Было заметно, насколько ласковее отчего-то снова стал ко мне Евграф Николаевич. Я отношу это к тому, что он чуть не убил меня вчера, а теперь ему стыдно. Чтобы окончательно замять инцидент, я сказал, что собираюсь устроить бал, только немного надо освоиться, и, может, съездить в экспедицию. Евграф Николаевич прямо расцвел и запАх, изо всех его щелей покатился вдруг елей, – а может, миро или еще какая-нибудь смазка. Он снова стал зазывать меня в «Лас-Вегас», а, кроме того, в клуб, закрытый обычно для посторонних, сказал, что Ильма очень интересовалась, приду я или нет, у меня бесконечный кредит и т. п. Я поспешил, разумеется, откланяться. Батюшка, видя такое дело, на прощание сказал, что хотя, к сожалению, он и не может исполнить обряд над ногой, зато может молиться за упокой души моего друга, и это тоже будет бесплатно и т. д. Расстались мы совершенными друзьями, все трое не разлей вода.

В гостиницу пришел Илья и учуял смрад, доносящийся от ботинка, слабый из-за многочисленного обернувшего его целлофана, но весьма убедительный, особенно на тренированный нос, а нос Ильи был на такие вещи натренирован. Дай-ка сюда, сказал он, посмотрел на ботинок (я забыл сказать, что мы к тому времени перешли с ним на ты) и, внимательно рассмотрев, сказал: а, знаю, что это такое. Что? хотел я крикнуть, но умерил себя и не стал, чтобы не раздражать старика: знал, что сам расскажет. Это башмак, сказал он, у меня такой же есть, и так же воняет. Правый? спросил я в волнении. Правый, подтвердил Илья. Нашел на том месте, где брат тоже видел лешего, помнишь историю про бабку-то? Помню, сказал я. Так вот, старший брат тоже его видел, и видел, что леший ходит без обуви. А внутри у него есть что? спросил я. У кого? У брата? или у лешего? Да нет, у твоего сапога! А, внутри? нет, конечно, сказал он. Нет ничего. Только воняет сильно. А ты проверял? Да нет, чего проверять, воняет же сильно. А послушай, задохнулся я от волнения, а послушай, а можешь ты мне дать этот сапог? Какой сапог, ботинок, в смысле? Ну да, ботинок. Да нет, мне нужен же он, пригодится. Лучше ты мне отдай. Слушай, я тебе свои отдам ботинки, смотри, со своих ног, а ты мне тот. Ладно, давай. Теперь я обрел второй ботинок Вовы, но взамен него потерял свои берцы; ну и ладно, они годились для сухой погоды, можно было легко обойтись купленными в хозмаге резиновыми сапогами. Нет, нет, так нечестно, сказал Илья, возьми мои сапоги. Это будет справедливо. Возьми, возьми, я настаиваю. Илья никогда ни на чем не настаивал, поэтому я удивился и поменялся с ним еще и резиновыми сапогами. Внутри второго вовиного ботинка было что-то, то же самое, что и в первом, и смердело оттуда так же отвратно. Из двух ботинков смердело, по всей логике, в два раза сильнее, хотя этого было совсем незаметно: в случае обоняния кратность не ощущается.

На всякий случай я взял второй ботинок и теперь с двумя ботинками по пути явился в храм Вознесения Господня; наглый стажер, как и следовало ожидать, отказался похоронить и два ботинка. Ноль умножить на два все равно будет ноль, сказал он. Конец цитаты и одновременно конец математического правила. Впрочем, я и не ожидал от него милостей; думаю, что не похоронил бы он и целый труп, памятуя о нашем недавнем конфликте – ведь я мысленно послал его нахер! Путь мой, впрочем, лежал не в храм, а в компьютерный клуб «Онлайн» (хорошо упакованные и завязанные скотчем ботинки почти не пахли, я взял их с собой). Что же я обнаружил в компьютерном клубе «Онлайн»? Долгожданное письмо от де Селби! Вот оно, привожу его полностью (естественно, кроме обрамляющих элементов, как то: header, pohju, piä, subject, signature, ongi etc. и кое-каких интимных и прочих подробностей):

> Эдичка! – писал мне де Селби. – Как и обещал, пишу тебе второе письмо о том, что небесполезно знать любому человеку, вступившему на путь изучения квантовой механики. Это письмо будет посвящено второй идее, необходимой любому ученику. Идея эта вот какая:
>
> 2) присутствие сильного желания понять предмет размышления.
>
> Этот упорный поиск является вообще движущей силой в изучении квантовой механики.

Просите, и дано будет; ищите, и обрящете; стучите, и отверзнется. Это также практическое наставление ведущее к постижения понятия электрона. Но в связи с тем, что это вопрошение или поиск абсолютно субъективны, а биографическая литература ученых в этом отношении бедна информацией, его возможность может быть лишь косвенно оценена по различным обстоятельствам, связанным с самим переживанием. Этот упорный поиск, или пытливость духа, были свойственны Эйнштейну, который, как говорят, долго стоял в снегу, обуреваемый желанием узнать истину. Биографы де Бройля подчеркивают в нем отсутствие познаний в физике, и считают ненужным рассказывать о его внутренней жизни того периода, когда он занимался политикой. Долгий и опасный путь, который он проделал, чтобы добраться из Парижа в Мюнхен, требовал в те дни, вероятно, немало сил, особенно если учесть, что в Европе бушевала первая мировая война.

В результате чтения записей дискуссий, происходивших на первом Сольвеевском конгрессе, как писал спустя много лет сам Луи де Бройль, он «решил посвятить все свои силы выяснению истинной природы введённых за десять лет до этого в теоретическую физику Максом Планком таинственных квантов, глубокий смысл которых ещё мало кто понимал»). В нем, должно быть, пробудилось очень сильное желание познать, что в действительности все это означает. Иначе он не рискнул бы предпринять такое трудное путешествие. И когда он был в пути, ум его, должно быть, находился в состоянии большой духовной активности, самым упорным образом разыскивая истину.

Что же касается Дэвиссона, например, то он даже не знал, что спросить у учителя. Если бы он знал, ему было бы гораздо легче. Ему было известно только, что с ним происходит что-то неладное от того, что он чувствовал недовольство собой: он искал какую-то неизвестную реальность, о которой у него не было никакого представления. Если бы он мог определить ее, то это означало бы, что он уже постиг ее. Его разум представлял собой один большой вопросительный знак, не относящийся к какому-либо определенному объекту (вот такой: ?:)). А вселенная была подобием его разума, таким же знаком, висящим в пустоте (вот таким: ?:)), так как ничего определенного нигде не было. Такое блуждание во тьме продолжалось некоторое время и носило характер самый отчаянный. Это состояние ума и не давало ему понять, какой конкретный вопрос он мог бы поставить перед учителем. Тут он сильно отличался от де Бройля, который как раз знал, какую проблему ему нужно решить еще до прибытия в Мюнхен: его личной проблемой было понимание квантов. Разум де Бройля был, вероятно, более простым и более широким, в то время как Дэвиссон, подобно Эйнштейну, был, так сказать, интеллектуально «испорченным», и все, что он чувствовал, представляло собой общее умственное беспокойство, потому что он не знал, как размотать тот запутанный клубок, который от его знания становился еще запутаннее. Во многой мудрости – многие печали; кто умножает познания, умножает скорбь. Когда Милликен посоветовал Дэвиссону спросить учителя об «основном принципе квантовой механики», это было действительно большой помощью, потому что теперь перед ним было нечто определенное, за что можно было уцепиться. Его общее умственное беспокойство достигло особо острого состояния тогда, когда его уволили из телефонной компании Блумингтона. Плод его умственных поисков созревал и готов был упасть на землю. И тебе очень важно найти этот вопрос, якорь, за который ты зацепишься.

Стартовый толчок нашей науки – умственный поиск высшей истины, которую, как ни странно, не может дать интеллект: ищущий вынужден погрузиться глубже, минуя волны эмоций периодического сознания. Такое погружение сопряжено с трудностями, потому что он не знает, как и где погружаться. Он в полном замешательстве относительно того, что делать, пока неожиданно не натыкается на то, что открывает новую перспективу. Такой умственный тупик, сопровождаемый упорным, неутомимым и искренним поиском, является самым необходимым фактором, обусловливающим постижение квантовой механики. Этот поиск, который и есть умственная предпосылка квантовой механики, открывает но-

вый путь в жизни ученого. Поиск сопровождается интенсивным чув¬ством беспокойства, или, скорее, наоборот, это чувство беспокойства истолковывается умом как поиск. Так или иначе, все существо начинающего ученого сосредоточено на поисках чего-то такого, на что можно спокойно положиться. Ищущий разум взволнован до предела из-за своих беспощадных усилий, и когда это беспокойство достигает кульминации, он рушится или взрывается, и вся структура сознания принимает совершенно иной вид. Вот оно – постижение квантовой механики! Вопрос, поиск, созревание и взрыв! – таким образом развивается это переживание.

С точки зрения прагматики поиск часто принимает форму медитации, в которой умственного элемента меньше, чем самой сосредоточенности. Практикующий медитацию привязывает к чему-нибудь свои руки и ноги, как указано в известном руководстве Фрэнсиса Мэги «Как сидеть и размышлять». Такую же позу непроизвольно принимал Мерфи в одноименном труде Беккета – он привязывал себя к креслу. Такое положение, по единогласному мнению адептов квантовой механики, считается самым удобным; ищущий сосредоточивает всю свою умственную энергию на попытке выбраться из того умственного тупика, в который он попал. Поскольку разум оказался неспособным достичь этой цели, ищущий должен призвать на помощь другую силу, если он в состоянии ее найти, конечно. Разуму известно, как попасть в этот тупик, но он совершенно не способен вывести человека оттуда.

Сначала ищущий не видит никакого выхода, но правдой или неправдой он все-таки должен найти какое-то средство. Он достиг конца пути, и перед ним зияет темная пропасть. Нет света, который мог бы указать ему, как пересечь ее, а пути назад он тоже не знает. Он просто вынужден идти вперед. Единственное, что он может сделать сейчас – это просто прыгнуть, рискуя потерять жизнь. Может быть, это означает верную смерть, но и жить он тоже больше не в силах. Он в отчаянии. Однако что-то его все еще удерживает: он не может всецело отдаться неизвестному.

Когда он достигает этой стадии, всякое абстрактное мышление прекращается, так как мыслитель и мысль больше уже не противопоставляются друг другу. Все его существо представляет собой саму мысль. Лучше даже сказать, что все его существо представляет собой отсутствие всякой мысли. Дальше мы уже не можем описать это состояние на языке логики или психологии. Здесь начинается новый мир личного переживания, который может быть назван «скачком» или «прыжком в про¬пасть». Период созревания пришел к концу.

Эдик, главное понять, что этот период созревания, начинающийся с метафизического поиска и заканчивающийся должным постижением квантовой механики, не представляет собой пассивного спокойствия, а является периодом интенсивного напряжения, когда все сознание сосредоточивается в одной точке. Пока все сознание не достигает этой точки, оно продолжает упорную борьбу с вторгающимися идеями. Сознание может не сознавать :) этой борьбы, но упорный поиск, или постоянное всматривание в бездонную тьму, как раз свидетельствует о ней. Сосредоточение ума в одной точке достигается тогда, когда внутренний механизм созревает для конечной катастрофы. Она происходит (если посмотреть на нее поверхностно) случайно, то есть при ударе по барабанным перепонкам, когда произносят какие-нибудь слова или когда происходит какое-нибудь неожиданное событие, другими словами – когда происходит какое-либо восприятие.

На сем я заканчиваю свое второе письмо, посвященное интеллектуальной подготовке молодого квантового механика. Надеюсь, оно развлекло моего молодого ученика. Тут есть о чем поразмыслить! В третьем, и последнем письме я расскажу тебе о роли учителя в подготовке ученика и о ждущем тебя, даст Бог, интеллектуальном взрыве. Я чувствую, что ты уже почти готов. После этого ситуация с герром Э. должна разрешиться: или мы его находим, или понимаем, что делать дальше (и тут я очень рассчитываю на тебя, мой мальчик), или я открываю D.M.P. Помни, что судьба человечества всецело в твоих руках. Думаю, нет нужды напоминать тебе о необходимости строжайшей конфиденциальности!

Урок этот опять пошел мне впрок; контуры понимания квантовой механики, а также истинных причин желания де Селби найти Эйнштейна, замаячили передо мной, но вдали, вдали. Это было как обещание счастья. Для окончательного просветления я решился удалиться в леса в поисках ответа на вопрос, правда, пока, подобно физику Дэвиссону, я еще не знал даже самого вопроса. В любом случае он никоим образом не должен быть связанным с Ильмой, это очевидно. Чтобы миновать волны эмоций периодического сознания. Что касается того, куда идти, это я уже придумал, это придумалось само собой. В моем номере ждал меня Илья, и прибиралась на заднем плане Нина. В другое время я бы с удовольствием уделил ей внимание, например, шлепнул по попе, а она бы радостно взвизгнула, но сейчас было не до того: я стал расспрашивать у Ильи, где его брат нашел второй ботинок, и где он живет сейчас (брат, а не ботинок). Илья охотно объяснил, что брат его живет отшельником в горах Пётсёвара, это недалеко. Нужно доехать до Харлу, движение по трассе оживленное, ходят автобусы, грузовики и легковые автомобили, а потом километра три шлепать по грязи (тут как раз оказались кстати резиновые сапоги), и за сараем выйти на тропу, ведущую вверх, все вверх и вверх. Сначала Илья рисовал план на бумажке, потом, вслух поражаясь моей тупости, отправился домой за крупномасштабной картой. В течение всего нашего разговора (я к тому времени сносно говорил по-карельски, но теперь, увы, забыл этот прекрасный язык) Нина перестала мыть пол, подошла и стала слушать, трогая то правой рукой левую руку, то левой рукой правую руку, не зная, куда их деть. Стоило Илье уйти, как она с подозрением спросила, значит ли это все, что я скоро ухожу. Значит, сказал я. И... надолго? спросила она. Вероятно, надолго, сказал я. А... сказала она и замолчала. И стала снова мыть пол, но как-то медленно и печально, отчаянно вздыхая. Я собирал вещи в рюкзак и чувствовал неловкость, но говорил себе, что мне же нужно сосредоточиться на поиске ответа на незаданный вопрос| но, впрочем, чем громче говорил мой внутренний голос, тем более неловко мне было. Наконец я сказал: давай, что ли, чаю попьем, и она с готовностью села напротив, уставив мне в лицо вырез с большой грудью, и стала разливать чай. Мы пили чай, и мне нечего было сказать ей. Я спросил: ты расстраиваешься? Конечно, нет, сказала Нина, а руки ее дрожали. Не расстраивайся, сказал я. Я не расстраиваюсь, сказала Нина. Ты один хочешь идти? Я уткнулся в кружку. В чем преимущество большой кружки? Вот, например, ты научился управляться с голосом, ты научился управляться с мелкой моторикой, но лицо все равно тебя выдает; мышцы лица – самые большие предатели. Если лицо не очень маленькое относительно кружки – тогда то нос вылезает, то глаза, то уши, то скулы. Особенно глаза. В этом преимущество большой кружки или маленькой головы. Один пойду, да, сказал я в кружку. Что, не расслышала Нина. Один! Что-что? Один пойду! А. Ну вот. я не расстраиваюсь. Давай пить чай. И я убрал кружку от лица, чтобы пить чай, и я увидел, что Нина и сама говорит в кружку. И она хлюпала чаем, и руки ее, повторяюсь, дрожали, и даже когда чай по всем приметам должен был закончиться, и пришел Илья, передал мне топографическую карту и ушел, она все равно умудрялась им потихоньку хлюпать. Потом слабо встала, и, поминутно падая, принялась мыть пол, печально раскачивая большими сиськами. Я знал, что она жила рядом с гостиницей, пять минут. Полчаса на сборы, сказал я как будто в кружку. Иду обедать в «Лас-Вегас», выхожу оттуда и никого не жду.

В «Лас-Вегасе» я один последний раз увидел Ильму, сначала меня привычно пронзила боль от ее недоступности, но потом я решил, что самодисциплина важнее всего, и мне действительно стало легче. Ильма была обеспокоена; я впервые видел, как она проявляла какие-то чувства, впрочем, внешне слабые. Не видел ли я Рамзанчика, спросила она. Какого еще Рамзанчика, подумал я про себя с каким-то даже новым раздражением. Час от часу не легче. Конечно, я не видел никакого Рамзанчика. Нина явилась очень быстро, через пятнадцать минут, я пригласил ее сесть рядом, приобнял и как будто случайно кинул взгляд на Ильму; она, впрочем, не обращала на нас особого внимания (по крайней мере, внешне) (да и с чего бы) и скоро ушла; никогда не скажешь, что у нее внутри, так она бесстрастна.

Про Харлу и про то, как мы добирались до Ивана (так звали брата Ильи) можно много что порассказать (разобранная ж/д станция, ГЭС, разрушенные мосты и т.д.), но не в этом цель моего

разогнавшегося повествования. Лети вперед, моя повесть, как стрела, скачи, как вороной конь, беги, как Ахиллес! Иван выстроил себе хижину высоко в горах Пётсёвара (максимальная высота 187,4 м). Вокруг – множество озер: Хауккаярви, Ристиярви, Леппясенлампи, Лохилампи, залив Кирьявалахти Онежского озера (глубина до 30 м) и пр. Рядом – только лесопилка Эдика. На берегу Кирьявалахти имеется дом творчества композиторов. Утомленные жизнью бровастые композиторы-пенсионеры приезжают сюда и от безделья слоняются по берегу залива. Райский уголок. Иван был совсем стар, лыс, безобразен, одноглаз, пахло от него как от бомжа, вероятно, он никогда не мылся. Запах от моих ботинок на его фоне не выделялся. В автобусе на Харлу среди старушек в платочках, колхозников в сапогах и Нины, кажется, был и Иван, по крайней мере, сдается мне, кого-то одноглазого я там видел, но не очень в том уверен: во-первых, я был бесконечно пьян, выбрав, боюсь, свой бесконечный кредит в «Лас-Вегасе»; во-вторых, взгляд мой был затуманен; я не плакал, но не исключаю, что в глазах моих от расставания с Ильмой стояли слезы. Хорошо, конечно, что я сбросил с себя груз привязанностей и т.д.; но было немного грустно. Кроме того, куда девать Нину? Я клял себя за слабоволие, заставившее меня взять ее с собой. Когда мы пришли к Ивану, он уже был дома, как будто укоренился здесь и все время рос; впрочем, добирались мы медленно, потому что осматривали местные достопримечательности (разобранную ж/д станцию, ГЭС, гаражи, разрушенные мосты и пр.), долго не могли найти нужную нам тропку и т.д. Жизнь наша протекала следующим образом. По утрам я уходил на поиски Эйнштейна или Вовы и ходил по окрестностям весь день. Нина занималась привычным делом – убиралась в избушке, готовила еду, стирала белье. У старика от этого внезапно появилось много свободного времени и он или ходил в Харлу в магазин, или гулял с уставшими от жизни композиторами. Вначале он был не очень нам рад, но, благодаря Нининому ремеслу, его расположение к нам выросло. По вечерам мы ужинали, смотрели телевизор, Иван рассказывал новости и мы их обсуждали. Говорить мы могли только о том, что видели днем, или что показывал телевизор, или о том, что рассказал Ивану тот или иной уставший от жизни композитор, или о том, что видел старик в течение своей долгой жизни, или о том, как достали его хачи, и что хачей он ненавидит. На другие абстрактные темы говорить ни с ним, ни с Ниной было невозможно; иногда мне кажется, что у некоторых людей (скажем осторожно) такая способность не предусмотрена при рождении, типа как алексия или аграфия. Поэтому мы в основном смотрели телевизор. По ночам мы с Ниной трахались, правда, получалось это не всегда, потому что спали мы все вместе, в одной комнате, а спал Иван плохо, старчески.

Мои поиски, между прочим, частично оправдались успехом! Обойдя все озера, я ничего не нашел, и потому очень скоро мои поиски свелись к банальной рыбной ловле. Я приходил с утра на озеро, то на одно, то на другое, вытаскивал лодку (у старика около каждого озера припрятаны были лодки) и рыбачил. Однажды я рыбачил на Ристиярви, и клев был очень хороший. Я вытаскивал одного лосося за другим (или как там называются эти рыбы; ну, пусть будут лососи) и скоро наполнил ими чуть не всю лодку. Радостный, я поплыл к берегу, по пути держа приманку в воде, чтоб поймать самого большого, самого вкусного, самого жирного лосося. У самого берега что-то, как мне показалось, клюнуло, я стал вываживать, но держало намертво. Я подумал, что крючок зацепился за что-то на дне, ослабил и дернул. Леска пошла, но как-то странно сопротивляясь, так, что мне снова стало казаться, что на приманку попался большой, вкусный и жирный лосось. Потом would-be лосось снова уперся, и мне опять стало казаться, что это крючок застрял в водорослях. Так я и вытаскивал крючок: то мне казалось, что на нем сидит рыба, а то казалось, будто он застрял. Дергать приходилось все время с разной силой, но каждый раз леска не рвалась а подавалась еще ненамного. Подняв крючок почти к самой поверхности воды, я понял, что это все-таки никакая не рыба, а что-то довольно большое и неодушевленное, застревавшее каждый раз оттого, что оно то и дело цеплялось за водоросли. Я вытащил улов почти к самой поверхности воды, осталось преодолеть последнюю преграждающую ему путь особо прочную нитку. Я наклонился к воде, чтоб рукой чтоб освободить крючок, а заодно и рассмотреть, что там мне попалось. Освободить крючок оказалось не так просто, как я думал, на него, а вернее, на то, что было на

нем, намоталось много травы. Но то, что я успел увидеть, меня потрясло. Это было похоже на, впрочем, по порядку. Короче, я так разволновался, что стал как можно сильнее дергать крючок, чтоб поскорее рассмотреть ЭТО. Крючок все не поддавался, я дергал все сильнее, и одновременно пытался убедить себя, что глаза (пока что два глаза) мне не врут, и наклонялся все ближе к воде. Неожиданно крючок как-то очень легко отцепился, полетел вверх согласно моим усилиям, то есть согласно также божественным законам логики, и впился мне в глаз. От боли я выпрямился и чуть не выпал из лодки. В одной руке у меня был улов, доставшийся мне такой дорогой ценой, в другой удочка, а крючок от нее был у меня в глазу. От дикой боли я продолжил движение (начатое сразу после того, крючок внезапно освободился), леска пошла дальше, крючок вырвался из глаза, вернее будет сказать, бывшего правого глаза, потому что он (глаз) вытек на дно лодки. Шутка. Шутка. Конечно, ничего с моим глазом не случилось. Просто у меня очень хорошее воображение, а крючок пролетел совсем рядом. Когда вспоминаешь такое вчуже, становится так страшно, что подгибаются колени. Однажды в детстве я сидел на парапете на втором этаже и очень смеялся, не помню причины. При смехе я имею привычку отклоняться назад. Вспоминая этот случай, я не понимаю, как я тогда не упал спиной вперед на цементный пол внизу. В общем, мой улов состоял – тогда я не был полностью в этом уверен, а теперь можно уже сказать, не нарушив интриги – из кожаного пояса и ножен, висящих на нем. Пояс мог быть чьим угодно, но ножны точно принадлежали Вове. Следовательно, и пояс был Вовин. Я был в этом уверен, потому что обратил на ножны (и на нож внутри) внимание еще тогда, когда Вова зарезал полицая, а мне сказал, что не зарезал. Пояс с ножнами и цеплялся за водоросли.

В любом случае, от пережитого нервного потрясения я три дня болел. Иван, сам одноглазый, что-то почувствовал и теперь проникся ко мне натуральной нежностью, вместе с Ниной выхаживал меня и рассказывал новости и истории. Впрочем, про Эйнштейна или про Вову он все равно ничего сказать не мог. Про ножны же и пояс сообщил, что очень давно видел их или очень похожие на них на настоящем лешем. История его, адаптированная, сконденсированная, исправленная и сокращенная, была такой:

> Был такой случай. Я пошел в лес за грибами, за ягодами (за черникой) по Харлуской дороге (я тогда в Ляскеле жил). Далеко не подходя, там есть глубокий ручей. Под уклон меня обогнала легковая машина – в лес пошла. Она прошла, а я под уклон спустился; в гору поднимаюсь – выходит из лесу человек. Он эту машину тоже пропустил. Он остался на правой стороне дороги. Машина прошла, он на меня посмотрел, постоял. Я ближе стал подходить и пошел. Шел, шел, шел и свернул в правую сторону. Я все иду за ним. Потом он выходит на дорогу, посмотрел: я иду опять почти на одинаковом расстоянии. Шел, шел, ушел, опять ушел. У него ни сумки, ни корзины – ничего нету. Он идет один, пустой. Вот опять мы шли, шли, шли с ним вместе, и он опять свернул. И там перед высоковольтной линией, где идет высоковольтная линия, там есть болотце, и перед этим болотцем он сразу вышел на дорогу, на меня посмотрел и по дороге пошел в лес. Дошел до этой высоковольтной линии, встал, развернулся, на меня посмотрел и перешел на другую сторону дороги, и повернулся ко мне лицом. Ну, я как человек взрослый, мужчина, я не струсил, конечно, этого дела. Прямо иду навстречу ему. Осмотрел его. Резиновые сапоги на ногах, куртка, брюки черные, и я прошел. Я прошел, думаю, метров сто пятьдесят и свернул за ягодами. Только расположился за ягоды, этот дядька пришел ко мне, значит, метров, ну, сто, наверное, от меня; меньше. «Ола! Ола! Ола!» – до того он доорал там далеко-далеко; чуть где-то слышно женщина откликнулась. А что он ей кричал-то, спросил я. Он ей все кричал: «Але!» Что он может кричать? Говорить же не может на такое-то расстояние, так? А я все собираю ягоды. Потом женщина эта к нему пришла. Они говорили, говорили, говорили. Он говорит: «Я пойду в лес». И она от него ушла. Ну, и прошло минут сорок-пятьдесят, около часа, он походил где-то в лесу, пришел на это место: орал, орал, орал; там далеко, далеко она где-то откликнулась. Ну, он все стоит и кричит; я уж корзину добираю. Потом все стихло. Проходит, наверное, минут сорок, около часа; около пяти часов вечера. Идет мужчина,

женщина, старушка и ребенок лет двенадцати (десять – двенадцать) такой. Старушка та подошла ко мне, посмотрела, и они ушли туда, куда мне идти как раз за ягодами. Ну, я пришел, корзинку добрал; я перешел болотнику, пошел домой. Задержался: такая крупная черника. Собираю, этот мужчина и женщина уже идут обратно без старушки и без ребенка, в лес прямо, и никакая ветка им не мешает. Я же там был, там, в этом месте ни грибов, ни ягод, ничего нету, но они не наклоняются. Так они и ушли. Я вижу: дело не уха, надо мне выбираться отсюда. Повернул и домой ушел.

Давно это было? – спросил я, выслушав его историю. Давно было, давно, лет сорок назад, даже больше. Так вот к чему я говорю-то. На нем такой же пояс был и такой же нож, это я помню хорошо. А ботинки, ботинки на нем были??? Не помню, сказал Иван. Может, были, может, не были. Кажется, были, и левый сапог был на правой ноге, а правый на левой. Но точно не помню, точно не скажу.

Мы сидели втроем, смотрели телевизор и ели картошку с рыбой. По телевидению нам среди прочего показывали такую новость: в Питкяранте пропал мальчик пяти лет, Ибрагимов Рамзан, если кто видел, обращайтесь, вознаграждение, благодарность не будет иметь границ. Я сразу вспомнил про Ильму, не его ли она искала несколько дней назад/ Впрочем, мне до нее теперь нет никакого дела, мне надо сосредоточиться на вопросе, уже пора задать себе Вопрос, а потом искать на него Ответ. Нет, признаться, я лукавил, сказав, что мне нет дела до Ильмы, конечно, сердце мое кольнуло. Еще я думал вот что: что, что я делаю рядом с этими абсолютно чужими мне людьми? Иван очень хорошо ко мне относится, Нина более чем хорошо, но говорить мне с ними не о чем, только смотреть телевизор. Как будто попал в чужое племя, где говорят на другом языке. В принципе, так оно и есть. Если у кого-то сложилась иллюзия, что я говорил и говорю на одном языке с героями сей повести (на карельском) или с читателем (на русском), то это вредное заблуждение необходимо развеять. У каждого свой язык: некто А думает, что пользуется тем же словом (например, *любовь*), что и некто В, и что В понимает это слово так же, как А; на самом деле любовь А и любовь В не идентичны, они всего лишь омонимы, предоставляемые нам естественными языком (русским или карельским). Оттого, что слова звучат одинаково, пишутся одинаково, склоняются одинаково, некто А и думает, что они одинаковы; внутри же головы и он, и В переводит текст на свой внутренний язык. Еще раз скажу: ни в коем случае нельзя думать, что кто-то говорит с тобой на одном языке. Значения похожих слов у меня, Ивана и Нины расходились, пожалуй, максимальным образом. Тем сильнее мне нужно было сосредоточиться на поиске Вопроса.

Вопрос я нашел в ту же ночь. Мне тогда приснилось сразу два сна, равно важных и интересных. В первом сне мне чудилось, что я рыба, самый жирный, вкусный и большой лосось во всем заливе Кирьявалахти, и что мне в глаз впивается крючок. Меня пронзает дикая боль, и для того, чтоб избавиться от крючка, я хочу показать рыбаку, что он ищет на самом деле. А на самом деле он ищет кожаный бушлат человека, утонувшего тут совсем недавно. Бушлат этот лежит на дне залива, в определенном месте, его прижал ко дну якорь анкерочика, рыбы не могут добраться до мяса через искусственную кожу, так что остатки руки, плеча и спины так и лежат внутри. Я (уже не как лосось и не как Блади, а как Эдик) сосредоточился на том, чтобы хорошо запомнить то место, и назавтра же пойти и выловить остатки Вовы (а это, несомненно, была его куртка). Далее во сне я размышлял, хватит ли теперь остатков (ботинки, ножны, пояс, часть плеча, руки, спины, куртка) для того, чтоб похоронить Вову по-христиански? Этот вопрос меня очень волновал, потому что я чувствовал, что должен что-то сделать для Вовы. Я все лежал и размышлял, и размышлял над этим вопросом, и даже во сне не мог его решить (а во сне с Божьей помощью решаются почти все вопросы), и даже когда проснулся, не мог понять, хватит этого или нет. И когда утром я пошел на рыбалку на залив Кирьявалахти, я все время обдумывал этот вопрос, и когда поймал себя на этом в пятнадцатый раз, понял, что вопрос для медитаций наконец сформулирован. Звучал он так:

СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?

Этот вопрос, казалось мне (кажется и сейчас), похож на излюбленное высказывание Томсона, с которым он обращался к своим ученикам – «Я скажу тебе, в чем суть, когда ты скажешь,

есть ли множество мощности большей, чем счетное, но меньше, чем континуум». В самом деле, один сапог аналогичен счетному множеству (он есть тело, не обладающее душой), весь человек аналогичен континууму (как тело, обладающее душой). Если добавлять человека по частям к сапогу, когда можно дойти от неодушевленного тела к одушевленной твари Божией? Есть ли, более того, состояние тела, промежуточное между одушевленным и неодушевленным, подобно множеству мощности, промежуточной между счетным и континуумом? Я чувствовал, что эти вопросы я решу, или, другой вариант, размышляя над ними, набреду на истину, знание которой покажет мне, быть может, их бессмысленность.

Теперь у меня был предмет для медитации, но этот предмет я пока отложил в сторону, вернее, оставил в подсознании, чтобы он не мешал мне выловить из воды по частям Вову. Идти на залив было довольно далеко. По пути видел идущих цепью по лесу людей, слышал разговоры и лай собак. Были среди этих людей и полицейские, и солдаты, и бухгалтеры, и продавцы, и работники компьютерного клуба «Онлайн», и кассирша «Лас-Вегаса». Нескольких я узнал. Меня увидел местный батюшка (храма Вознесения Господня) и приветливо помахал рукой, расплывшись в глупой улыбке. Я машинально помахал рукой ему, а сам при этом размышлял о своем Вопросе. На Кирьявалахти нашел нужное мне место, виденное во сне. Глубина была метра два с половиной или три, но вода довольно илистая, так что сверху ничего было не видно. Я разделся по пояс и нырнул. Несколько раз я не мог ничего нащупать, понырял в разных местах, и, наконец, как и было обещано мне во сне, нашел якорь! А под ним какая-то ткань, может быть, и кожаная, в воде и в спешке не определишь. Поднять якорь я не мог, поэтому вынырнул, чтобы отдышаться, а потом со второго раза постараться отодвинуть его в сторону. Еще в воде я слышал какие-то звуки, а поднявшись, понял, что это очередь выстрелов, и увидел, что лодка вся дырявая, наполовину затопленная, и в нее медленно затекает вода. Я как-то не поверил происходящему и выглянул из-за лодки на берег. Там стоял Эдик (не я, а муж Ильмы) с автоматом, и полоскал ее выстрелами. Увидев меня, он заорал и дал еще очередь. Несколько пуль плеснуло вокруг моей головы. Я спрятался за не пригодную уже к употреблению лодку. Эдик стрелял и стрелял по ней, пока у него, судя по всему, не кончились патроны. Я набрал как можно больше воздуха, нырнул и довольно легко своротил якорь; пошарил, нашел обещанную куртку и, стараясь как можно дольше не выныривать, поплыл вбок, вбок, под прикрытие высокого мыса. Это было тяжело, я же говорил, что плохо плаваю? Зато ныряю (и выныриваю) хорошо. Вынырнул у самого берега, спрятался под утес и стал искать глазами Эдика. Его нигде не было видно. Потом на мысе, послышался топот, треск ломаемых сучьев, и над моей головой пролетел в воду Эдик. Приводнившись, он поплыл к моей лодке, я воспользовался этим, вскочил и побежал. Эдик оглянулся и пьяным голосом заорал, потрясая промокшим автоматом: я тебя все равно найду, сука! все равно догоню!!! Я убежал, конечно, пока он там барахтался пьяный, промчался, натыкаясь на сучья, снова приветливо помахал рукой батюшке, кажется, издали увидел мельком Ильму, и кустами, кустами добрался до хижины Ивана. Там поспешно кинул в мешок к ботинкам, ножнам, финке и поясу Вовы его куртку, Нине сказал собираться. Ивану объяснил, что на меня почему-то объявлена охота; хачи с лесопилки хотят меня убить и подговорили к этому русских и карелов. Ох ты ж господи, сказал Иван. Опять эти хачи. Сколько от них бед земле русской. Иди к моему старшему брату, он живет в Алалампи, найдешь по карте. Хачи туда не суются, там свои хозяева, буки. Они с хачами в контрах. Но буков ты ни о чем не проси, они хуже хачей, если против них идти. Не хотел пока говорить, но, сдается мне, они должны знать что-нибудь о твоем... Энштейне, что ли. Иди, иди. Иди прямо сейчас, на ночь глядя, ничего не поделаешь, бери тушенку, сухари, все бери. С хачами я разберусь. Брата зовут Илья, так же, как в Питкяранте. Передай ему, что Иван... что Иван... в общем, слушай, Рамзанчик у меня. Это хачевский щенок, буки будут довольны. Паролем будет слово де Селби, запомни хорошенько. Де Сел Би. Иван привел из подвала Рамзана Ибрагимова. Точно! Это он, это оказался сын Ильмы и Эдика, как я и думал, но не был до сих пор уверен. На, поешь, сказал Иван и дал ему печеньку. Рамзан взял печеньку, она раскрошилась у него в руках, но он съел те крошки, что прилипли к ладоням. Пить хочу, сказал Рамзан неожиданно сиплым голосом. Иван поднес

ему железную кружку. Корми его этими конфектами, по две конфекты в день, и давай ему еще, что попросит, сказал он и передал мне кулек. Но конфекты обязательно, пренепременно.

Мы ушли под покровом ночи, не успев как следует собраться. Иван торопил нас. Ну, с богом, сказал он. Мы русские, с нами Бог. Посидим перед дорожкой. Ну все, ну все, пора. Ну, все. Ну, давайте. Я был без куртки, в плаще Ивана, в резиновых сапогах Ильи-младшего. Уходил вместе с Ниной и Рамзаном, нес в мешке, помимо провизии, запасы свои и Вовины. Вовиных запасов стало уже, кажется, больше, чем моих, но я не терял надежды их похоронить. Или, может быть, вернее было сказать, что самого Вовы стало уже больше, чем моих запасов. Стояли самые белые ночи, но конкретно о той ночи у меня почему-то воспоминание как о кромешной. Отойдя, значит, в кромешной тьме на двадцать шагов, оглянулись. Иван стоял в ярко освещенном проеме двери и крестил, крестил дорогу за нами. В такой темноте нас ему, конечно, не было видно (повторю, что это странно; ночи были белыми). Отойдя еще на полкилометра, мы услышали со стороны избушки выстрелы, и, чуть позже, зарево. Похоже, Эдик поджег избу, сказал я Нине, и так оно и оказалось. Впоследствии выяснилось, что хачи пытали Ивана, выкололи ему единственный глаз, но он, невзирая на пытки, послал их по ложному пути – якобы мы идем в Алатту и собираемся там выйти на трассу, это нас и спасло. Потом Эдик лично облил избу Ивана керосином, запер и поджег. Они же не дураки, увидели, что я забрал все продукты. Иван, не имея возможности бежать, умер в огне и в дыму. Вечная ему память, потомку Рюрика. Мы с Ниной прибавили ходу и к утру были уже на полпути к озеру Рюттюярви. От Рюттюярви нужно будет идти на север, стараясь не выходить за пределы постепенно расширяющегося к северо-северо-востоку клина, образованного двумя малопроезжими дорогами: одна к озеру Калатонлампи, другая к поселку Рускеала. В этом клине располагается множество озер и озерец, для порядка и каталогизации расположенных мной по алфавиту: Аккаламли, Алуслампи, Валкеаламли, Витаилампи, Йокилампи, Калатон, Калатонлампи (2 штуки), Карьяланлампи, Катя, Кесколампи, Колмиколка, Колмисоппи, Кувая, Мусталампи, Ниметенлампи, Пахалампи, Пернолампи, Пертьярви, Питкявехка, Питкялампи, Питкяярви, Полулампи, Путкулампи, Риуталампи, Рихилампи, Рутаналампи, Рюкали, Рюттюярви, Самаколампи, Сукслампи, Суолампи, Сурхаукалампи, Сяркилампи, Умпилампи, Утрилампи, Хаукалампи, Хиеталампи, Хиярви, Ятяскелампи. В результате мы должны будем упереться в огромное озеро Вахваярви и, обойдя его справа, выйти к Руоколампи, откуда вдоль железной дороги можно выйти к Алалампи. Поселок, как и все тут вокруг, занесен в Перечень труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Карелия. Несмотря на это, через Алалампи через день проходит и останавливается поезд Санкт-Петербург – Костомукша. Маленькая станция, которой повезло. Официально в поселке проживает (т.е. зарегистрированы) шесть человек, в том числе Илья-старший. На самом же деле близ поселка, в тайном месте между озерами Алалампи, Руоколампи, Вахваярви, Хиярви, Ритариламли давно расположена колония и тайное поселение букмекеров при ней.

Рассвет, как было сказано, застал нас на дороге, ведущей к Калатонлампи. Я вышел первым, огляделся: дорога, как и следовало ожидать, была пустынна, внутри воображаемого круга диаметров в несколько километров и с центром в нас изо всех зданий был только заброшенный склад взрывчатых материалов, и мы, желая сэкономить время, пошли по дороге на север. Шли ходко. Вот мелькнул слева длинный край водной поверхности. Сверившись с картой, я определил наше точное местоположение: здесь озеро Рюттюярви выходило к дороге. Мы отошли от дороги вдоль северного берега, чтобы перекусить, отдохнуть, в конце концов, выспаться после ночного перехода. Не успели мы углубиться в лес, как услышали тарахтенье мотора, нескольких моторов. Проехали полицейские мотоциклы с колясками. Один остановился напротив озера, остальные поехали дальше. Бежать куда-то и собирать вещи было поздно, мы затаились в кустах, я на всякий случай прихлопнул мальчику рот. Мотоцикл постоял, полицейские о чем-то поговорили, вышли к озеру отлить, один сказал, пойдем в лес, второй сказал, ты че, дурак, в какой лес. Походили по опушке, первый все уговаривал второго пойти в лес, второй ссылался на то, что пусть первый у себя в Петрозаводске ходит в лес, у нас тут лешие водят, никто из местных не пойдет, понял? Я из

Питера, говорил первый. Тем более. Ты понимаешь ли, что такое лес вообще. И т.д. В общем, я хорошо их слышал, и понял так, что в лес они не пойдут. Еще я понял, что дорогу, видимо, перекрыли, и нам туда соваться не следует. Может, я и ошибался, но на дорогу идти не следует. Не следует.

Мы поели готового, не разжигая огня. Мальчик съел свою конфекту. Компаса у нас не было и мы пошли сначала вдоль берега, а потом в северном направлении, взяв от озера направо, так, чтобы солнце тоже было справа. Прошли не так уж много, потому что из-за полицейских толком не отдохнули. Решив, что мы в относительной безопасности, я скомандовал привал. Никогда не было у меня такой благодарной армии. Нина ловила каждое мое слово, а пацан был странно пассивен, почти даже не разговаривал, а только просил иногда поесть; я не думаю, что он сразу признал мой авторитет, я не настолько самонадеян: пассивность эту я объясняю одурманивающим действием конфект. Я наслаждался властью, но решил не быть слишком уж жестоким тираном, поэтому весь этот день был относительно легким. Мы провалялись до ночи, в ночи никуда не пошли, а потушили костер и пили теплый еще чай. Для парня у меня был спальный мешок, который я завязывал так, чтобы он не убегал, привязав к тому же его ногу к своей ноге цепочкой, а с Ниной мы спали на ее плаще, прикрывшись моим (то есть Ивановым, земля пухом) бушлатом, обнявшись и обогревая друг друга, в том числе при помощи пенетрации. В первую же ночь, думая, что мальчик спит, мы занялись любовью, предварительно на всякий случай укрывшись плащом, так что деталей видно не было, угадывались только общие очертания и смутное шевеление. В разгар действия я посмотрел на мальчика и увидел, что он лежит на боку с открытыми глазами и равнодушно смотрит на нас. Нина едва ответствовала моему, так сказать, восторгу, такова была ее особенность, только охала, когда делила наконец мой пламень поневоле; я предпочел решить, что мальчик видит через тьму только неясный вектор нашего движения, и, думал я, так же он, вполне возможно, смотрел на Ильму и Эдика, когда они трахались в их квартире в Питкяранте, а он, например, ходил попить водички, как в тот день, что я ночевал у них. От этой мысли я завелся сильнее и скоро кончил; post coitum omni animal triste: я подумал, что, не попадись он тогда у меня под ногами, все могло быть совсем иначе. Мне стало грустно, но я решил, что пора мне в очередной раз перестать думать об Ильме и т. д. Несмотря на все происходящее, на секс и все остальное, я, конечно, думал о своем вопросе, а именно

СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?

во всяком случае, загнал его в подсознание, и вопрос крутился у меня в голове, по крайней мере, я так думаю; конечно же, при всяком удобном случае я думал о нем и сознательно. Нет, нет: женщины, трудности похода, мальчик, лес, озера, полицейские, Эдик, Евграф Николаевич, конечно, не могли сбить меня с мысли. **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?**

Проснувшись утром, я увидел, что вокруг, нисколько нас не опасаясь, прыгают зайчики и белочки, летают непуганые птички. Я, сколько знал, сказал Рамзану, кто как называется, и он, похоже, впервые проявил какой-то интерес хоть к чему-то. Поэтому я впоследствии часто говорил мальчику: смотри, Рамзан, вот зайчик. А вот белочка. А вот, смотри, лисичка. Волков и медведей не было. По ночам слышался страшный ежиный топот; человек, который никогда не ночевал в лесу (каким был до недавнего времени я) не мог бы никогда подумать, что ежи так топают. Казалось бы, маленькие создания, но, видимо, при движении они очень сильно размахивают лапами/ Должно быть, так. Также по ночам мы видели звезды; с одной стороны, их видно лучше, чем в городе, но, с другой стороны, условия и правда довольно-таки белой ночи и вертикально стоящие деревья все-таки закрывают обзор и не дают в полной мере насладиться созерцанием созвездий. Я показывал что-то Рамзану, но звезды его очевидно интересовали не так, как животные.

Весь второй день мы бодро шли по лесу, но никуда не вышли; заблудиться было особенно негде, так что я не беспокоился. Если идти от Рюттюярви на север, то выйдешь к Питкяярви, Кате или Валкеалампи; обогнув одно из этих озер, попадаешь в область с миллионом маленьких озерок; двигаясь мимо них на север, выйдешь, наконец, к Вахваярви, а дальше совсем просто. Проблема была в том, что мы шли на север от Рюттюярви в течение целого дня, но ни на какое

озеро не наткнулись. По пути мы собирали грибы-ягоды, к чему Рамзан никакого интереса не проявил, но целым профессором показала себя Нина; постепенно все разошлись друг от друга на большое расстояние, переаукивались, мальчика я держал в зоне видимости, а в Нину верил, верил в ее разум и чувства. Мальчика, впрочем, постоянно кормил конфектами. Вечером мы собрались вместе, Нина приготовила грибовницу, поели, посидели у костра, стало скучно, легли спать. Я смеха ради нашел Полярную звезду (если правильно нашел), лег ногами на север, чтобы проверить, правильно ли определил стороны света днем. Ногу мальчика я опять привязал к своей ноге, и опять ночью он не спал, и смотрел, как мы с Ниной занимаемся любовью и проч. Утром я встал, найденное ночью северное направление по другим признакам (кора на деревьях, муравейники) оказалось скорее южным, я стал сомневаться: правильно ли я определил Полярную звезду; головой или ногами на север я лег; не шевелился ли я ночью; не переворачивал ли меня кто-нибудь, пока я спал. Требовало внимательного рассмотрения только предположение 2, потому что я знал за собой склонность отождествлять диаметрально противоположные понятия: нуль и бесконечность, право и лево, кнут и пряник и т.д., особенно, если сконцентрировался на них. При концентрации я запоминаю не точное положение параметра, а то, *как* его можно вычислить. Поскольку по запоминаемому мной способу можно обычно вычислить равно параметр и его противоположность, впоследствии я не всегда могу их различить. Вот и теперь: я не был уверен, где север, а где юг; небо еще ночью заволокло тучами, и призвать на помощь солнце я не мог. Но страшно мне не было: на юге в любом случае было Рюттюярви, на севере Питкяярви, Катя и Валкеалампи, на западе и востоке дороги, по которым всегда можно выйти к жилью. Нине тоже не было страшно, потому что я был ее героем, она беззаветно верила в мои способности, волю и ум, а Рамзану было все равно, следовательно – тоже не страшно. Я подумал и решил довериться своим ногам, т.е. идти в том направлении, куда они мне указывали, решив, что если б меня переложили, то я бы, наверно, проснулся. Мы пошли на (по моему мнению) север, но, в принципе, было совершенно неважно, куда мы пошли: в условиях пересеченной местности и отсутствия солнца мы, естественно, не могли выдерживать однажды взятое направление; конечно, я старался выдерживать *генеральное* направление, но уверенности в том, что я его выдерживал, у меня нет, вернее, есть уверенность, что не выдерживал, судя по тому, как долго и бесплодно мы бродили. В целях экономии провизии собирание грибов стало не забавой, а насущной необходимостью, так что Нина снова отошла от меня далеко, и мы снова стали перекрикиваться. Вдобавок ко всему, Рамзан потерял какую-то свою игрушку, красного пластмассового поросенка, на мой взгляд, очень безвкусного, но мальчик был к нему привязан, и это было единственное, что заставило его разреветься, слово неверное, расхныкаться, мальчик был, как уже неоднократно сказано, пассивен до крайности, он шел и скулил, поросенок, поросенок, а я кричал э! а Нина отвечала ау! и я шел, стараясь двигаться на север, и внимательно смотрел под ноги, и искал грибы, а если видел ягоды, то показывал их мальчику, и тот их ел, при этом скуля: поросенок, поросенок. Голос Нины теперь был то справа, то слева, все было как будто в тумане, хотя и при хорошей видимости, единственно что ограниченной деревьями. Я начал слегка пугаться, что мы никогда уже не выберемся, кричал Нине гораздо громче, чем раньше, чтоб она подошла к нам, но ее голос раздавался совсем слабо и издалека, и каждый раз не с той стороны, откуда я ожидал. Интенсивность криков Рамзанчика поросенок поросенок тоже внезапно усилилась, мне было не слышно Нины, я хотел было заорать ему тише ты! но одновременно заметил две вещи: первая – то, что усилилась не только интенсивность, но и модальность криков мальчика, теперь он кричал скорее радостно; вторая – красный пластмассовый поросенок. Я не сразу понял, что это тот самый поросенок, и сначала сказал, что смотри-ка, вот похожий поросенок, повезло тебе, а Рамзан стал сердиться и говорить, что это не похожий поросенок, а его личный поросенок, а я стал сердиться и говорить, что своего поросенка ты потерял, но потом до меня дошло-таки, что это тот же самый поросенок, ибо откуда тут было взяться другому поросенку? Можно подумать, весь лес кишит детскими пластмассовыми красными безвкусными поросятами. Тогда я уверился, что мы-таки заблудились. Я внимательно осмотрелся, чтобы запомнить местность: ничего запоминающегося.

Кажется, место специально было спроектировано Богом как эталон местности, лишенной каких-бы то ни было характерных признаков. На это можно возразить, что «лишенный каких-бы то ни было характерных признаков» – это очень яркий признак, и я такое возражение приму; но это место было лишено даже этого только что сформулированного яркого признака (а именно «лишенный каких-бы то ни было» и т. д.) В любом случае, даже если не лишено – признак этот не имел никакой практической ценности, и запомнить местность по нему было невозможно. Поэтому я развернул очередную конфекту, дал ее Рамзану, а обертку прикрепил скрепкой к дереву. На всякий случай написал Нине, чтоб не срывала, и мы пошли дальше. Как обычно, переаукиванье с Ниной было совершенно рэндомным и по направлению и по силе звука, каждый участок леса казался теперь знакомым (и одновременно незнакомым), я с подозрением смотрел на каждое дерево, мальчик нянчил своего поросенка, а яркая бумажка на дереве все не появлялась. Она обнаружилась как раз, когда я решил, что мы куда-то все-таки продвигаемся, и на ней была отметка Нины, что она нашла белый гриб. Мы прошли к тому времени километров пять. В следующий раз со следующей отметкой Нины она обнаружилась через десять, а потом через все двадцать (по моим ощущениям) километров. Я решил, что до следующей той же самой бумажки (сорок километров) мы больше не дойдем и потому скомандовал привал. Рамзан лег и сразу же заснул, я привалился к стволу дерева с бумажкой и тоже заснул. Нина пришла, развела костер, сварила грибы, я проснулся, мы поели и в тот день впервые со времен Питкяранты занимались любовью наедине, в смысле, без подглядывающих глаз.

Это нас леший водит, сказала Нина после того, как все закончилось. Какой такой леший, не говори ерунды, леших не бывает. Нет, ты послушай, Вова, милый, сказала Нина, и рассказала одну историю из своей жизни. История эта, адаптированная, сконденсированная, исправленная и сокращенная, такова:

> Однажды пошла я в лес за грибами. Далеко зашла! Вижу, место незнакомое, мне стало жутко. Лес какой-то страшный, дремучий. Стала оглядываться, и слышу: деревья затрещали, как будто кто-то воет, не то собака, не то волк. Тут мне совсем страшно стало. Увидела я тропинку, пошла побыстрее, смотрю: тропинка заворачивает, и меня на то же место вывела. Смекнула я тогда, что это леший меня водит, и тогда-то вспомнила, что мама мне говорила. Перевернула куртку и платок на левую сторону, сапоги переобула с ноги на ногу и проговаривала: шел, нашел и потерял. Тут из леса и вышла. Нет-нет, это ерунда, сказал я, вот увидишь, завтра и так выйдем. Видишь, звезды на небе? сказал я, имея в виду, что развиднелось, завтра будет солнце. Нет-нет, леший, снова заговорила она. Мужик один из Вахтана собрался по грибы. Пошли они в лес, несколько человек. Он немного поотстал от них, и так и пропал. И пропал. Искали его везде девять дней. На девятый день он проснулся под стогом у Вороваткина, а это километров сорок от Вахтана, и сам не помнит, как шел, что с ним было. Видно, леший таскал его все эти дни. Посмотри на звезды, дура, сказал я. Посмотрела, покорно сказала она. Выйдем, выйдем, вот увидишь. Она мне поверила и благодарно засопела в грудь.

Перед сном я размышлял вот о чем. В народных приметах есть три таких тезиса про лешего: 1) правый сапог у него надет на левую ногу, левый сапог на правую ногу, верхняя одежда шиворот-навыворот и т. д.; 2) он может «водить», т. е. являясь или не являясь человеку телесно, может сделать так, чтобы тот не мог найти дорогу, пускай бы она была даже совсем рядом; 3) если заблудился в лесу, одним из способов для того, чтоб найтись, является переодеть одежду на левую сторону, поменять местами обувь и т.д. Хорошо. Как же тогда поступать, если встретил в лесу человека, с переодетыми сапогами и в одежде шиворот-навыворот – обычный это человек, который заблудился и хочет выйти из леса, или все-таки леший? В любом случае, такому персонажу лучше, наверно, не доверяться. Впрочем, я быстро перестал об этом думать, потому что меня больше интересовал вопрос, **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?**

Выспаться вообще было невозможно, потому что одна заря спешила сменить другую, дав ночи всего полчаса. От всего этого, казалось, ночи вообще не было, не было ритмического чередования света и тьмы, наглядного образа движения Земли и движения жизни в целом. Это как-то меня мучило и не давало ни выспаться, ни отдохнуть. Нина, похоже, тоже очень уставала, несмотря на то, что бодрилась и постоянно собирала грибы. То и дело, что собирала грибы и ягоды. Я ни разу не видел ее спящей: когда я подымался, она уже бодрствовала, щебетала, костер был разведен, еда приготовлена и т.д. – за одним исключением (исключение относится к словам «когда я видел ее спящей»). Дело было так. Как раз в ту ночь я, хоть и с трудом, но заснул, и мне снилась, как обычно, Ильма, и я всегда стеснялся к ней подойти, но тут, в моем сне, она работала чем-то типа телефонистки или продавщицы в «Евросети», т.е. по социальному положению ниже меня, и была очень простой, как тут говорят, и веселой, веселилась и хохотала, и оттого я подошел к ней и тоже стал веселиться и хохотать, и мы как-то весело и легко проводили время, и остальные работники этой «Евросети» тоже шутили и смеялись, я имею в виду, этого конкретного киоска «Евросети», и около окна стоял какой-то тоже продавец, и он был симпатичный малый, пока не оказался вдруг Эдиком-дагестанцем, только он звался почему-то Ким Меликян. Я не успел никак среагировать на это неожиданное обстоятельство, потому что тут же перенесся в другой сон, в котором мы все находились в светлой не то кухне не то гостиной, там были Нина, моя мама, мои два сына, среди которых один Рамзан, а второй покуда не родился, и в эту кухню не то гостиную вошла какая-то, наверно, цыганка или дагестанка с двумя своими сыновьями, здоровыми взрослыми кудрявыми цыганами не то дагестанцами, цепко оглядела всех присутствующих и сказала что-то вроде того (точно не помню, сны ведь забываются быстро), что ты, голубушка, это она спокойно обратилась к маме, будешь тут у нас в рабстве, и дети тоже, и все вы. Мы тут пока поживем. Вот этот, она не то чтобы показала на меня, даже не посмотрела, но имела меня в виду, сейчас уйдет, ну, недельку, может, продержится, а что будет с ней (это про Нину), тогда и станет понятно. Говорила она это с такой уверенностью, что я просто опешил – на это, видно, и делается расчет у таких людей (которые заявляются в чужие дома и берут людей в рабство). Я слушал ее и ох.евал, она была так уверена, что они поселятся в моем доме и будут помыкать нами, и создадут мне такие условия, что я уйду через неделю и никак не попытаюсь защитить своих – и мое ох.ение, видимо, как-то отражалось на лице, потому что она прервала свой ласковый спич и сказала вдруг, э, нет, я ошиблась, недели две, наверно, все-таки придется подождать, и взглянула на своих сыновей, и те угрожающе напряглись и подобрались, но в целом ничего не предпринимали, а она продолжала методично – я бы даже не назвал это угрожать – унижать мою маму. Видимо, дело происходило все-таки на кухне, потому что у меня под рукой оказался огромный тяжелый нож для рубки капусты; я подошел с этим ножом к одному из ее сыновей и замахнулся, чтобы стукнуть его по голове, например, или по груди – словом, дать понять, что тут такие дела не пройдут, но как-то стушевался, все-таки убивать человека мне не приходилось, я решил отрубить ему палец или сделать что-нибудь в этом духе. Тот только смотрел на меня и не шевелился – ну как, дышал, конечно, но в основном не шевелился. Нина тоже была странно пассивна, я уж не говорю о моих детях. В общем, единственными активными участниками сцены были только старуха и я. Мне и палец-то ему отрубить не удалось, я помахал ножом и отошел. Это все было довольно страшно, но тут он начал шевелиться, и стало еще страшнее. Там еще была какая-то, сестра, что ли, и вот он держал ее за шею, так приобняв, и я стал кидать в него всякой кухонной утварью – кружками, ложками – но они до него не долетали, попадали в основном по сестре, а если долетали, то как-то слабо, не причиняя никакого вреда. А я-то думал, я кидаю ловко, как хоббит! Он еще пошевелился, вроде бы даже по направлению ко мне, и все это под монотонный говор старухи. Я решил, что настало время применить руки, подскочил к нему и стал бить, но одна рука у меня не двигалась (видимо, во сне я на ней лежал), от страха я не мог ничего сказать, вытащил вторую руку и стукнул его два раза, и так обрадовался отсутствию привычной беспомощности, что проснулся – и обнаружил, что бил я Нину, которая лежала рядом со мной, прямо по лицу. Нина проснулась (это и был единственный раз, когда я видел ее спящей), заплакала, я ее обнял, она долго вздрагивала мне в грудь, потом успокоилась и мы заснули.

На четвертый день, как я и обещал Нине, показалось солнце, и мы очень быстро, взяв северное направление, добрались до озера. Определенно это было Питкяярви, Кате или же Валкеалампи. Мы быстро обошли его и до темноты продвинулись на север далеко, как только смогли. Тут уже местность то и дело пересекали разные тропинки, от которых мы, впрочем, выбирая место для ночевки, на всякий случай удалились. В эту ночь Рамзан снова видел, как мы ритмично движемся под плащом и т. д. Повторяю, что все не описанное здесь время я размышлял о вопросе квантуемости тела в смысле содержания в нем души. У меня отросла борода, я запаршивел, не мылся и т. д., – словом, куда делся прежний аккуратный Эдик? Исчез, как в воду канул, нет старого Эдика, а есть только новый Смок Белью, вот кто есть таков.

На пятый день солнца опять не было, зато нам на помощь пришли тропинки и озера. Очень скоро выяснилось, что непосредственно вдоль озер идти сложно, берега все поросли тростником, идти вдоль воды было невозможно. Мы пошли, отклоняясь от воды, по тропинкам и, кажется, опять начали блуждать. Но прогресс какой-то был: местность, в общем, стала понижаться и заболачиваться. По вечерам на озера опускался туман и стоял всю ночь, оставляя росу, которая тоже испарялась с жаркими лучами солнца. Нина опять заныла про лешего, про то, что надо переодеть одежду на левую сторону и т. д., и т. п., но я говорил ей, что леших нет и т. д., и она так мне надоела, что я вновь отослал ее искать грибы или же молчать, и чтоб не переодевалась: замечу, что она переоделась – не буду с ней говорить. Пришлось применить столь сильную угрозу потому, что другие средства были исчерпаны. Нина ушла, забрав Рамзана, надувшись, мы снова переаукивались; заблудиться тут, впрочем, было сложнее, озера играли свою ограничительную роль.

Вообще лес и город малоотличимы: город есть каменные джунгли, лес есть древесный город. Есть в нем свои улицы, авеню, проспекты, места для парковки и т. д., логика которых сложно познаваема, но может быть описана. Я спустился под уклон, пошел в гору, и тут сзади раздался шум, как от легковой машины. Я спрятался в кусты; меня по не поддающейся логике лесной улице обогнал синий «Москвич», вернувшийся будто из советских времен. А кусты были как тротуар. Выглядел он вполне безопасно. «Москвич» проехал, я вышел на дорогу, огляделся: сзади шел какой-то мужик, тоже безопасный, явно грибник. На всякий случай я все же свернул от него направо, но тут же устыдился своего страха, вернулся обратно, шел, шел, а тот мужик все за мной. Перед ЛЭП обнаружилось болотце, я встал на краю, нащупал в мешке финку Вовы и стал дожидаться прохожего. Тот немного помедлил, но пошел дальше и прошел рядом со мной – тут я увидел, насколько он испуган. Прошел на деревянных ногах мимо и с облегчением углубился в лес. «Москвич» уехал куда-то далеко. Не обращая больше на грибника внимания, я стал кричать Нине але, але, она откликнулась издалека, пришла с Рамзаном, мы стали снова ругаться про лешего, я ей стал угрожать, что пойду в лес, она снова ушла от меня с ребенком. Минут сорок я злился и успокаивал себя вопросом **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?**, потом не выдержал, снова заорал Нину, она снова пришла, настаивая на том, что нужно вывернуть одежду и переобуться, но не решаясь без моего разрешения, и мы, надувшись, пошли дальше вместе мимо грибника. Нина на него внимательно посмотрела, но ничего не сказала, и я видел, как тот от страха обмер, а как только мы ушли, подобрал свою полупустую корзину и рванул туда, откуда пришел. Мы снова стали ругаться, я взял Рамзана и пошел куда глаза глядят, не хочу с тобой идти, сказал, а Нина робко пошла следом.

К вечеру поднялся ужасный пронизывающий ветер, лес зашумел, деревья стали гнуться до самой земли. Чтобы Рамзан не пугался, я стал говорить ему: вот зайчик, вот лисичка и т. д., а он был необычайно бойкий для себя и отвечал, дескать, это не зайчик, а белочка, а я вел его за руку и отвечал, что да, точно, перепутал и т. д. И вот так мы шли, шли, и подошли к какой-то опушке, словно бы лес заканчивается, и вдруг я услышал ужасный дикий человеческий крик. Посмотрев в сторону крика, я легко обнаружил его источник: маленькая старушонка по фамилии Чекушина, в платчонке, удивительно громко кричащая для своей комплекции и возраста. Странное дело: пока она не закричала, я ее не видел. Но важнее, кто был рядом со старушкой. А рядом с ней стояла на коленях Ильма и смотрела на меня с Рамзаном, но нас, казалось, не видала: лицо ее, как всегда,

была бесстрастно, но глаза наполнены слезами. Но еще важнее, чем Ильма – кто был рядом с ней. А рядом с ней стоял Эдик со своим автоматом; он закричал: а-а-а, сука, попался, и стал в меня стрелять, но не попал, пули сбили листья над моей головой, Эдик стрелял слишком высоко, чтоб не попасть ненароком по своему Рамзанчику. От неожиданности я тоже заорал: блядь, сука! – и побежал обратно в лес. Задним умом я понимаю, что собирался вернуть мальчика, оставить его на опушке; если б старушка не закричала, возможно, я бы не заметил ее, Ильму и Эдика; скорее всего, тут бы Эдик меня и прикончил. В общем, так или иначе, а я убежал, и дул ветер, и за мной бросился Эдик, но я-то уже знал все тропинки в этом буреломе, к тому же деревья угрожающе скрипели, в общем, я оторвался. Эдик был не один, а со своими джигитами, вслед мне летели, видимо, еще пули, но, очевидно, то были выстрелы от отчаяния, и никто не рискнул углубиться за нами в лес. Я оторвался, побежал по тайной тропе, на ту же тропу передо мной выскочила перепуганная Нина, и мы помчались, роняя грибы, втроем по тропинке, предположительно – на север. Вскоре тропинка расщепилась под тупым углом; я говорил, что нужно бежать направо, Нина – что налево, а еще она говорила так: шел, нашел и потерял. Конец цитаты. Так мы спорили и не могли сойти с места (Рамзан был как овощ, он был, и его как будто бы не было), и ни к чему не могли прийти, и я хотел было схватить ее за руку и потащить, но следующие события избавили меня от этого. Ибо ветер дул все сильнее, и во время нашего спора ветка березы над левой тропинкой вдруг хрустнула и обмякла, загородив дорогу; мы единодушно восприняли это как знак и побежали по другой тропе; мы двигались, пока хватало дыхания, углубились в лес и заночевали там в последний раз: на другой день вышли к Вахваярви и к вечеру добрались до Алалампи. Было, оказывается, совсем близко.

Справедливости ради, Нина один раз в лесу меня обманула, по глупости своей, неумышленно. Я расскажу, как это было, а было это довольно изящно: она была обута в туфли без каблука, и в поисках грибов забралась в совсем уж какое-то мокрое место, и хлебнула этими самыми туфлями воду. Хлебнув воды, она тут же выскочила на сухое место, сняла туфли и перевернула стельки – с тем, чтобы мокрая верхняя поверхность каждой стельки оказалась внизу и не мочила ей ступню. Однако в этом случае стелька на левую ногу оказалась бы в правом ботинке, а стелька на правую – в левом. Помимо того, что это было бы нарушением моего запрета, так было еще и неудобно ходить; поэтому Нина положила стельку из правого ботинка в левый ботинок, стельку из левого – в правый. То, что это равнозначно переодеванию обуви, в голову ей не пришло. А ведь стелька – это определяющая часть туфли, особенно если без каблука.

В поселке Алалампи, вернее, в станционном здании, где обитали официальные шесть жителей, мы легко нашли Илью-старшего. Он был слеп и по этой (я думаю) извинительной причине был сначала неприветлив, но, услышав волшебное слово «де Селби», которому меня научил Иван, помягчел, предоставил нам ночлег и т. д. Я зарядил мобильник и отправил своему де Селби эсэмэску, что поиски продолжаются, возможно, я напал на след, кроме того, я нашел вопрос, над которым стал размышлять, а именно **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** – в общем, вскрывать банку с D.M.P. пока рано. Есть хочу, сказал Рамзан. Я дал ему конфекту. До этого момента он молчал, как овощ, и Илья-старший его не слышал. А кто это у вас, спросил он. Это пацан, Рамзан звать, Иван велел передать, что он у него, ну, теперь не у него, конечно, а у меня, вообще-то. Что ж ты сразу не сказал| вскричал Илья, давай его сюда, раз так, то вам не у меня ночевать, а в самом главном корпусе| Он позвонил по телефону, сказал, что Рамзан у него, тем временем налил нам водки, сказал, что накормят нас в поселке, сейчас привезут; и верно, минут через пятнадцать подъехал джип, мы с Ниной и с Рамзаном сели в него, и нас повезли в лес; было темно, и точного маршрута, как нас везли, я не знаю, но из последующих событий и из того, как я успел выучить топографическую карту, привезли нас в район между озерами Алалампи, Руоколампи, Вахваярви, Хияярви, Ритариламии. Джип подъехал к воротам, просигналил, открылся шлагбаум, мы въехали внутрь. Территория была ярко освещена, она состояла из нескольких зданий с чисто выметенным двором, или, даже сказать, плацем между ними. Нас подвезли к одному из невзрачных зданий; не спрашивали, кто мы, где мы, откуда мы, дали

ключ от комнаты, провели в столовую, накормили/напоили водкой, чаем, горячей картошкой с мясом, солеными огурцами, рыбой, в общем, понятно, все как в обычной гостинице, даже лучше. Видно было, что мы тут как бы почетные гости, и к нам со всем уважением. Рамзана забрали, на расспросы отвечали, что отведут в главный корпус. А мы где? А мы в административном здании. В общем, мне-то наплевать было, куда его отведут, его тупая покорность уже подзаебла. После тяжелого путешествия мы с удовольствием поели, приняли душ, потрахались (всё совместно) и проспали до двенадцати утра следующего дня. Перед сном Нина поразила меня тем, что скинула свои ботинки и стала голышом ходить по номеру, приговаривая: ну, теперича нам здесь преотлично! ежели мы теперича даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может! Логично было думать, что когда-то она участвовала в подобных оргиях с Евграфом Николаевичем, так что я хотел посмотреть, чем заканчиваются обычно такие похождения, но она все ходила и ходила, как маятник, и я, убаюканный ею, заснул. Проснувшись, мы позавтракали в той же столовой, потрахались, приняли душ, пообедали (всё совместно). Ставни на окнах были закрыты снаружи. Вышли прогуляться вокруг здания – то есть, хотели выйти. Выяснилось, что комплекс зданий, зацентрованный плацем, окружен стеной с колючей проволокой и сторожевой вышкой. Часть зданий была похожа на бараки, из чего я сделал вывод, что мы в колонии. Гулять по колонии нам не разрешили, объект режимный, но за шлагбаум выпустили. Мы вышли за ограждение, и увидели, что при колонии имеется поселение, с домами, улицами, продмагом и т.д. Улицы были чисто выметены, пьяных нигде не было видно, поселение вообще больше походило на европейское (в идиллическом представлении о нем), нежели на российское. Вернувшись, я даже спросил, нет ли здесь интернета, и он – та-дам – был. Я попросился поработать в сети. Тетя-администратор проводила меня в комнату на втором этаже, в единственный кабинет с Интернетом, с придыханием сказала она, при этом слышно было, как она почтительно, с заглавной буквы произносит Интернет, Господин Интернет. Я дождался, когда она уйдет, и с нетерпением открыл почту (забыл сказать, что во время прогулки по поселку получил эсэмэску от де Селби, что он отправил мне письмо; связь в поселке вообще была отличная). Вот это письмо, привожу его полностью (естественно, кроме обрамляющих элементов, как то: header, pohju, piä, subject, signature, ongi etc. и кое-каких интимных и прочих подробностей):

> Эдичка! – писал мне де Селби. – Как и обещал, пишу тебе третье письмо о том, что небесполезно знать любому человеку, вступившему на стезю изучения квантовой физики. Это письмо будет посвящено третьему и четвертому аспектам, необходимым любому ученику. Аспекты эти следующие: 3) учитель (то есть я! :), приходящий на помощь борющейся душе, указывая ей путь, и 4) переворот в сознании, который уходит корнями в неизвестную область. Но сначала хочу тебе сказать, что ты выбрал для медитации очень хороший вопрос. Я чувствую, что совсем скоро он сможет раскрыть тебе врата квантовой механики, если, конечно, ты будешь упорен в своем стремлении.
>
> 3. Когда происходит раскрытие сознания, помощь научного руководителя оказывается полезной, потому что она вызывает конечный взрыв, к которому мы все и стремимся. Как Дэвиссон, который даже не знал, что спросить у Адамса, изучающий квантовую механику часто не знает, что ему делать дальше. Если он будет продолжать так жить, то умственная рассеянность может кончиться бедствием, либо его переживанию не будет суждено достичь конечной цели, так как оно может прекратиться у порога достижения стадии полной зрелости. Как часто случается, ученый удовлетворяется достижением промежуточной стадии, которую он по незнанию принимает за совершенство. Научный руководитель нужен не только для того, чтобы побуждать ученика к дальнейшему восхождению, но и для того, чтобы указать ему цель.
>
> Что касается указания, то это вовсе не указание с точки зрения разума. Адамс устроил так, чтобы Дэвиссона уволили из телефонной компании Блумингтона; Макс Планк закурил, а Эйнштейн сказал Ричардсону, что ему следует увидеть облик, который был у вселенной

еще до Большого взрыва. С точки зрения логики все эти указания не имеют смысла, они находятся за пределами рационального мышления. Мы можем сказать, что они являются чем-то потусторонним, так как не дают нам никакого ключа, указывающего, с чего мы можем начать наши рассуждения. Но поскольку постижение квантовой механики не имеет ничего общего с рациональностью, то указание не обязательно должно иметь обычный смысл. Пощечина, удар по плечу или какое-нибудь изречение, несомненно, исполнят роль указания, когда сознание ученика достигнет определенной стадии зрелости.

Поэтому зрелость, с одной стороны, и указание, с другой, должны быть своевременны, если один не созреет, а другой не укажет, то желаемый результат может никогда не быть достигнут (!) Когда цыпленок готов вылупиться из скорлупы, курица-мать чувствует это и проделывает клювом отверстие, и – о, чудо из чудес!!! – на свет появляется другое поколение куриной семьи.

В этой связи можно, вероятно, сказать, что это указание и руководство, наряду с предварительным физическим снаряжением ученого определяет содержание его опыта в квантовой механике и что, когда этот опыт достигает стадии полной зрелости, он неизбежно прорывается, принимая форму переживания, о котором мы говорим. В этом случае можно сказать, что само переживание, если мы можем его получить в его чистейшей и первоначальной форме, представляет собой нечто, совершенно лишенное какой-либо окраски – религиозной или научной. Таким образом, это переживание можно рассматривать всецело как психологический фактор, который не имеет ничего общего с кинематикой, термодинамикой или с каким-либо особым физическим учением. Но могло ли это переживание иметь место просто как факт сознания при отсутствии физической предыстории или духовного беспокойства?

Психологию ученого нельзя все-таки рассматривать в отрыве от физики, а также от определенных научных направлений. То, что переживание, о котором говорит квантовая механика, вообще как таковое имеет место и формируется, в конце концов, в виде системы интуитивных прозрений, в основном обусловлено научным руководством, каким бы загадочным оно ни казалось, так как без него само переживание невозможно.

Именно поэтому истинность понимания квантовой механики должна быть подтверждена научным руководителем, и именно поэтому история нашей дисциплины уделяет так много внимания ортодоксальной передаче истины. Тот, кто достиг такого понимания самостоятельно, без научного руководителя, принадлежит к натуралистической школе еретиков-самоучек. «Дэвиссон попросил: «Умоляю тебя, подтверди ты», – однако Ричардсон ответил: «Мои слова имеют мало веса. В Чикагском университете сейчас пребывает сам Джеймс Джин, и люди, пришедшие отовсюду, толпами осаждают его, желая получить указания по квантовой механике. Давай пойдем к нему...» Этот отрывок, правда, не встречается в автобиографии Дэвиссона, возможно, он был добавлен в более позднее время – но этот факт не умаляет силы аргумента, выдвинутого Ричардсоном.

4. Наконец, если раскрытие сознания в квантовой механике не кончается состоянием просветления, то можно сказать, что это раскрытие еще не достигло кульминационной точки, так как когда это происходит, то сознанию не остается ничего другого, как прийти к конечной развязке. Это как кончить. Если ты не кончил, то ты, считай, не потрахался. Без просветления нет квантовой механики. Но, к сожалению, этот вид просветления можно описать только в терминах квантовой механики. Когда ты его испытаешь, ты поймешь.

Но поторопись! Я вижу, ты очень обеспокоен грядущим концом света и т.д. Я верю, что ты достигнешь просветления до того, как я открою банку с D.M.P. Когда ты в полной мере постигнешь квантовую механику, ты не будешь так сильно расстроен. К чему огорчаться? Ведь ты познал Истину. В том же случае, если квантовой механики ты постичь не успеешь, исчезновение всего кислорода в атмосфере тебя, несомненно, удручит – но исключительно от незрелости твоего ума. Мне бы не хотелось, чтобы было так – но если так случится, я,

как ты понимаешь, не расстроюсь. Ведь я квантовую механику понимаю. Еще раз, хотя это и излишне, напоминаю о конфиденциальности и прочая. Обнимаю тебя с нежностью.

Прочтя это письмо, я понял, что время не ждет. Поэтому, потрахавшись опять после ужина с Ниной, я усиленно принялся размышлять над своим вопросом: **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** Пока я размышлял, Нина опять стала ходить голышом и приговаривать: ну, теперича нам здесь преотлично! ежели мы теперича даже совсем разденемся, так и тут никто ничего нам сказать не может! За этим действием меня (нас) застали сотрудники администрации. Ура| сказали они. Мы, наконец, нашли вам место для жизни не в четырех стенах темницы, а на воле. Завтра с утра вы переезжаете. Я хотел возразить, что вовсе не хочу жить на воле, меня устраивают стены темницы, раз здесь есть интернет, кормят и в любое время выпускают гулять, но по пустым глазам и жестко сжатым губам представителей администрации понял, что решение они приняли окончательное, далось оно им нелегко, менять они его не будут; а раз так, то зачем зря ссориться? Не стал я спрашивать и о нашем статусе, и когда и куда нам можно будет уйти; поднимать эту тему было пока рано, а если здесь тайное убежище букмекеров, как я понял из слов Ивана, то нужно было сделать все возможное, чтоб узнать судьбу Эйнштейна или Вовы. Я сказал себе: лучше сделать и раскаяться, чем не сделать и пожалеть, помни, Эдик, конец цитаты. Поэтому я просто выторговал себе: 1) право приходить сюда работать на компьютере с Господином Интернетом; 2) чтобы в наше новое жилище в поселении нам приносили еду из столовой; 3) чтобы, если что-то понадобится, я всегда мог встретиться с кем-нибудь из администрации, в любое время дня и ночи. Администрация пошла на мои условия с видимым облегчением. Кажется, они меня опасались, но почему опасались – остается для меня непонятным до сих пор. Возможно, потому, что я умел работать в Интернете.

С утра мы перенесли свои пожитки. Поселили нас в самом центре. Я сразу же принялся за поиски, в первую очередь, конечно, исследовать на предмет Эйнштейна местное питейное заведение. Проблема была в том, что во всем поселке не было питейного заведения! Тут было-то всего несколько улиц, я быстро прошел по центру, но из кандидатов на питейное заведение увидел только продовольственный магазин. Тогда я стал ходить по поселению концентрическими кругами, постепенно расширяя круги, подобно спирографу. Это было довольно скучно. Улицы были пустые, только попадется иногда баба с ведром или человек в белом плаще и с портфелем под мышкой. На одной из улиц мне попался священник, обычный священник, только почему-то с донельзя расцарапанным лицом. Он пристально посмотрел на меня, а когда мы разминулись, вдруг сказал: Эстрагон! Я обернулся. Он смотрел на меня. Видимо, это меня он имел в виду. Я привык к тому, что здесь я Блади, поэтому в целях сохранения инкогнито и конспирации, о которой заклинал де Селби, развернулся и пошел дальше. Эстрагоон! снова позвал меня священник. Это вы мне, спросил я. Кажется, вы ошиблись. Как это ошибся, всполошился он. Разве ты не узнаешь меня, Эрвина? Как я могу вас помнить, сказал я, когда вы старше меня раза в два? Да как же ты меня не узнаешь? Я знавал твоего папу, видимо, Савву! Тебе был годик, когда я пришел к нему прощаться, как раз уезжал в сей приход. Я еще поднял тебя к лампе и стал смеяться, и ты тоже стал смеяться, и нафурил мне прямо в рот! Вот это было меткое попадание! И ты сейчас как две капли на него похож, я даже подумал: если кого я тут и вижу, так сына Саввы Никитича, похож на него как две капли воды. Неужели не помнишь? Вы ошиблись, сказал я, изображая сердечнось, меня зовут Блади, а батеньку моего зовут Спиридон. Он, правда, Никитич, и, говорил, у него есть брат – может, это и есть Савва? Я могу быть на него похожим, то есть, на его сына похожим, на вашего Эстрагона. Священник посмотрел на меня недоверчиво. Может, и так, пробормотал он, может, и так, и снова оживился: в любом случае, приглашаю отведать у меня, чем бог послал! Если вы племянник Саввы – вы мой друг навеки. И он объяснил мне, где живет – церковь и поповский дом располагались в конце улицы. Я обещал, что приду тотчас же, схожу только за женой, и мы разошлись. Мне было не по себе. На самом деле я Эстрагон Саввич, для друзей Эдик, и очень похож на отца.

Попа звали Эрвин Шредингер, он был из поволжских немцев. Не буду утомлять читателя под-

робностями нашего знакомства и последовавшей не лишенной приятности беседы под водочку с картофанчиком, а сразу перейду к важному: собираясь к нему в гости, я прихватил все, что осталось от Вовы: ботинки, куртку, пояс с ножнами с финкой. Не можно ль похоронить их здесь по-христиански, спросил я. По-христиански, засмеялся отец Эрвин, по-христиански нет. В них же не осталось души. Эта фраза послужила рубильником, включившим вопрос, над которым я размышлял все это время. Может быть, отец Эрвин мой учитель, а не де Селби, думал я, сначала робко, а потом со все возрастающей (в ходе дельнейшего разговора) уверенностью. А? может быть, он? Я спросил у него: **СКОЛЬКО ЖЕ НУЖНО ИМЕТЬ ТЕЛА (В ПРОЦЕНТАХ), ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** Отец Эрвин сказал мне, что тоже долго размышляет над этим, и что у него есть некоторые наметки. Эта задача, сказал он, схожа с несколькими другими. Я скажу тебе, в чем суть, когда ты скажешь, например, есть ли множество мощности боль-шей, чем счетное, но меньше, чем континуум (я про себя отметил, что это любимое высказывание Томсона, которым он парировал вопросы надоедливых учеников). Да, да, сказал я, один сапог как бы аналогичен счетному множеству (и тело не обладает душой), а весь человек – континууму (и тело обладает душой). Я тоже об этом думал. Отец Эрвин посмотрел на меня с уважением. Да, ты многое знаешь. Но есть и более сложный пример. Ты знаешь, что такое принцип неопределенности и отчего он возникает? Что такое – примерно представляю, отчего возникает – нет, сказал я. Так я и думал. А возникает он от того, что любая квантовая частица находится одновременно в двух противоположных состояниях, в их смеси, или суперпозиции. (Ооо, я этого не знал, сказал я). Тут Нине стало скучно, и она отправилась домой. Так вот, любая частица есть смесь этих двух противоположностей, в полном соответствии с диалектикой Гегеля! (Это поразительно, поддакнул я). Но если взять, например, кота! продолжал разглагольствовать отец Эрвин. (Да-да, возьмем кота?..) Про кота этого сказать нельзя! Например, возьмем два разных состояния: «кот жив» и «кот мертв». Кот, принадлежа к микромиру, либо жив, либо мертв! Третьего не дано! (Ну, философски, может быть, он смешанном состоянии...) Никакой философской еботни! Физиологически он жив или мертв, ну! (Физиологически да.) Ну вот. Получается, частица в микромире находится в смешанном состоянии, а в макромире нет. Так? (Ну, так). А раз так, то в какой момент частица переходит из микро- в макромир? В какой момент исчезает неопределенность? Нет ли какого-нибудь среднего состояния, скажем, мезомира, и в чем оно выражается? (Что оно?) Ну, это состояние. (Ааа.) Ничего не напоминает? (Ааа, ну да, да. Континуум-гипотеза!) Именно! Счетное множество это микромир, континуум это макромир. Что между? А я радостно закричал: сапог Вовы это микромир, мертвый Вова это макромир. Что между? Именно! пьяно закричал отец Эрвин. Я задумался. Так, значит, нельзя похоронить Вову частично? Вот этого я тебе и не могу сказать, сказал отец Эрвин. Мы ведь только что это обсуждали. На всякий случай – не буду.

Когда поздно ночью я уходил от него, все, казалось, встало на свои места: я решил эту проблему, думал я, а отец Эрвин – мой учитель; это было так называемое ложное просветление, об опасности которого предупреждал меня де Селби. Решение, казалось мне, гениально простое: любая часть тела обладает душой. Любая. Точно так же и в любом счетном множестве есть зачаток континуума. Это решение простое и гениальное, думал я. И, кстати, аналогично и во мне есть немного Благодати, и я, значит, имею право проводить обряды и таинства. И втихаря решил, раз так, тайком похоронить останки Вовы. Кроме того, у Нины от его запаха болела голова, она постоянно жаловалась на это, а я не мог оставить друга без погребения. Выйдя за порог, я отправился ночью на погост. Запах мертвечины от моего мешка легко растворился в стойком смраде кладбища. Лопаты у меня не было, я решил пока припрятать где-нибудь свой мешок, а потом похоронить, попозже. В поисках удобного места я ходил между могил и в лунном свете рассматривал надгробия – я оценивал их не с эстетической, а с практической точки зрения. Найдя самое большое надгробие, почти склеп, в виде полой пирамиды, я спрятал внутрь мешок, и выпрямился, чтобы фамильярно погладить по щеке фотографию на могильном камне, сказав, вот так-то сынок, или такие дела, отец, или погладить по лысине и сказать лысая башка дай пирожка (такая вдруг пришла в мою пьяную и веселую голову фантазия). Башка на фотографии была не совсем

лысой, так что пошутить про пирожок не удалось бы, но охота шутить у меня пропала, и вообще я мгновенно протрезвел: на меня с фотографии смотрел сам Эйнштейн!!! С высунутым языком, та сама каноническая фотография авторства Альберта Сасса! Единственное отличие – Эйнштейн тут был с бородой! Фамилия, однако, была совершенно другая: Петров не Петров, Сидоров не Сидоров, – но это совершенно определенно был Эйнштейн, пусть и отпустивший бороду. Само провидение заставило меня спрятать мешок под именно этот памятник. И это в тот момент, когда я получил ответы на все вопросы! Непонимание тяжелой подушкой навалилось на меня. Откуда здесь Эйнштейн, в лагере его врагов? Как он умер? Почему у него такое роскошное надгробие? Может быть, он был союзником букмекеров? Не уходил ли отсюда кто-нибудь после его смерти? Настоящий ли это Эйнштейн или опять двойник? Почему никто не видел Вову, хотя вокруг валяется столько его останков? Столько вопросов! Так я понял, что просветление мое было ложным – при истинном просветлении либо не возникает такого количества вопросов, либо они тебя просто не волнуют. Спасибо тебе, Эйнштейн (если ты на самом деле Эйнштейн)! Отец Эрвин сразу стал подозрителен, расспрашивать его нельзя. Но желание понять, что случилось с Эйнштейном, что случилось с Вовой, что вообще происходит, меня охватило страшное. Это должно быть как-то увязано и с моим, оказывается, не до конца разрешенным вопросом **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** Кажется, только тут я понял, о каком таком страстном желании писал мне де Селби в своем втором письме. Спасибо тебе, де Селби, мой дорогой учитель! Спасибо тебе, Эйнштейн!

А дома ждал меня еще один сюрприз! После испытанного мной экстаза и разочарования, и в связи с теми событиями, которые последуют дальше, сейчас я могу изложить только один сухой факт: Нина сообщила мне, что она ждет ребенка. Ребенка! Насколько я помню, я воспринял эту новость на удивление спокойно, и решил для себя, что будет мальчик, и назвать его следует Альберт. Вот и все, что я помню об этом.

С наступлением темноты улицы поселка всегда становились удивительно пустынны. Отец Эрвин объяснил нам это так, что все жители боятся лешего и прочих непонятных лесных тварей, которых много в этих местах, и в подтверждение рассказал мне несколько историй. Вот краткий конспект, адаптированный, сконденсированный, исправленный и дополненный:

> У них в деревне дядя Миша заядлый охотник был. Как-то он в лес ушел на двое суток. Рябчиков настрелял и в охотничей избе в сенцах повесил. И вот ночью услыхал в сенцах шум. Подумал, лиса пробралась, рябчиков ворует. Выскочил, а там экий несуразный не то человек, не то кабан: мохнатый, вместо ног копытца, нос и глаза, как у человека, и на двух ногах ходит. Как увидел дядю Мишу, зло глянул и уже на четырех ногах в лес побежал. А приходил-то, видимо, за рябчиками. С тех пор дядя Миша в лес ни ногой. А вот еще что было. Один знакомый отца Эрвина, царство ему небесное, тоже охотником был. Однажды пошли они с соседом на охоту, заплутали, на избушку набрели. Там и остались ночевать. А как ночь наступила, стал кто-то в дверь стучать, колотиться. Подумали, что звери; за ружья схватились. Выглянули на улицу, и нет никого. Потом в окна колотились, стал кто-то в дверь вламываться. А не видать никого. Тут-то они пуще прежнего испугались. Поняли, что это не звери, а сила лесная, и давай креститься, Бога поминать. Так с ружьями до утра и сидели. А к утру все спокойно стало.

Услышав такое, Нина решила никогда не выходить ночью, даже на огород; она почувствовала вдруг большую ответственность за ребенка. Даже днем она почти не выходила на улицу и сидела дома, дурея от безделья и постоянно моя полы, начищая сковородки и т.д. Возможно, она, сняв туфли, ходила по дому, приговаривая: ну, таперича нам здесь преотлично и т.д. Что касается меня лично, то я не верю ни в лешего, ни в силу лесную. Все всегда имеет рациональное объяснение в рамках квантовой механики. Разумеется, это не значит, что все безопасно, но понять можно все. Поэтому я решил выходить на свои поиски по ночам, сторонясь, однако, освещенных луной улиц (ибо ведь никто не запрещал жителям поселка смотреть по ночам в окна) и держась по возможности в тени. И вот в первый же день (вернее, во второй, потому что в первый я пил с отцом Эрви-

ном; еще вернее, в четвертый, потому что до этого мы два дня провели гостями внутри колонии) я вышел, прячась в тени, с намерением все разведать; что именно мне делать, я еще не придумал; так, разведать. Подойдя к избе, от которой был хороший обзор ворот зоны, я постоял в густой тени пятнадцать минут; все это время ничего не происходило. Тогда я обошел зону по периметру, но все равно ничего не происходило. Я щелкнул пальцами, фиксируя Момент, когда Ничего Не Произошло. Потом лег на землю за поленницей, изрядно присыпавшись поленьями и высунув наружу только голову. Все равно ничего не происходило. Когда мне совсем надоело так лежать, прячась, перед рассветом уже, в самый темный час – чего ради? никто не мог оценить моей маскировки, – и я решил уж было пойти домой, как кое-что все-таки произошло. А именно: из ворот зоны вышел человек с большим мешком, и, оглядываясь, перебежал освещенное пространство, направляясь как раз к той тени, где лежал я! Я плотнее вжался в землю. Человек остановился у поленницы и закурил. Я старался не дышать. Прямо передо мной переминались и приплясывали его сапоги. Я видел даже пепел, падающий между ними. Он постоял, видимо, оглядываясь по сторонам, помедлил – и тут раздался характерный звук струи жидкости, падающей с высоты примерно семьдесят сантиметров и натыкающейся на препятствие, а я ощутил тепло и (тоже) характерный запах аммиака. Как ни было мне противно, а я промолчал, внутренне радуясь своей изобретательности, заставившей меня закопаться в бревна. Человек отлил (мочи было немного, но сам факт!) и быстрыми шагами пошел прочь. Когда я понял, что он отошел, я рискнул поднять голову – человек прятался в тени соседней избы. Он снова огляделся и перебежал в тень следующей избы. Я же тем временем выбрался из-под поленьев и перебежал под укрытие второй избы. Когда он перебегал к четвертой избе, я перебегал ко второй избе и так далее. Когда он перебегал от избы номер $n-1$ к избе номер n, я перебегал от избе номер $n-3$ к избе номер $n-2$. Я мог перебегать только одновременно с ним, когда он не способен был обзирать окрестности. Так мы бегали с ним от избы к избе, пока не добежали до самого конца деревни, где стояла изба, служившая церковью. Неужели собирается в церковь? думал я. Или в лес? Человек заскочил за церковную ограду. Он открыл сарай, и его осветила мгновенная вспышка. Это, как уже догадался проницательный читатель, оказался отец Эрвин. Он нашел в сарае лопату, снова закрыл дверь, оглянулся (я спрятался за оградой) и пошел на погост прямо к могиле Эйнштейна или псевдо-Эйнштейна. Я еще в прошлый раз обратил внимание, что там был большой участок перекопанной земли. Отец Эрвин вырыл на этом участке яму, вывалил туда содержимое мешка, еще раз оглянулся и ушел домой. В ту ночь я не стал смотреть, что он зарыл, у меня не было лопаты, да и погост хорошо просматривался из дома священника. Но я узнал многое, очень многое.

На следующий день я попросил в администрации лопату и, для конспирации, прочий хозяйственный инвентарь, и заодно посидел в Господине Интернете. Написал несколько постов в livejournal, обновил статус в facebook, зачекинился в foursquare. Проверил почту – писем от де Селби не было. Вечером мне необходима была помощь Нины. Она заболела какой-то странной агорафобией, смешанной с никтофобией; как только она забеременела, ей срочно стало необходимо начать обустраивать гнездышко, как она выражалась. В подтверждение того, что ей не хочется выходить на улицу, она привела следующую смехотворную историю (адаптированный, сконденсированный, исправленный и сокращенный вариант прилагается):

> Был у меня дед. И вот ушел он как-то в лес мох драть для коров. Я пойду, говорит, присмотрю это место, а в выходной пойдем. Через два года мы нашли его косточки.

Разумеется, я ее переубедил – теперь, ближе к концу истории просто не хочу тратить время на описание этого. В общем, вечером мы пошли на разведку. Спрятались в лесу еще в сумерках, так, чтобы хорошо просматривались ворота церковной ограды. Ждали, ждали, ждали, ждали – не дождались. И на вторую ночь тоже не дождались. Зато жена стала избавляться от никтофобии, ее стало легче уговаривать. Только на третий день Шредингер снова пошел вечером в зону. Мы выждали для верности минут пятнадцать, я пошел на разведку, а Нина осталась на шухере. Подойдя к надгробию (псевдо?)-Эйнштейна, я остановился. Где копать? Ночь была безлунной, ничего видно не было; можно было ориентироваться только на запах. Мертвечиной воняло сильнее, чем

прежде, до рези в глазах, до тошноты. Я потыкал там и сям лопатой, везде штык скоро упирался во что-то, вязко не дающее продвигаться дальше. Как будто в войлок, или – правильно – в труп. Однако для трупов было бы слишком мелко, отец Эрвин копал слишком маленькие ямы, ведь он высыпал в них что-то из мешков. Вывод тут мог быть один – ежели это люди, то расчлененные; но, возможно, это и не люди. Читатель уже понимает, кого закапывал отец Эрвин, ни к чему прикидываться и мне и считать его идиотиком. Однако можно понять и меня – в тот момент я, не будучи идиотиком, все-таки подумал, что там расчлененные люди – я же знаю, как обходятся в наших тюрьмах с зэками. Я думал, что отец Эрвин исследует тот самый вопрос, что исследовал и я – **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** – и с этой целью расчленял живых людей. Вполне рабочая версия, учитывая наш вчерашний разговор и мою сосредоточенность на этой теме. Закончив свое исследование, я вышел за ворота, окликнул жену, и мы благополучно добрались домой, никем не замеченные, не особо, кстати, и скрываясь. Все окна еще горели, было не так уж и поздно. В каждом окне люди склонились над книгами и газетами. Светилось небо и над колонией за забором, адским огнем над инфернальным местом, где букмекеры убивают и расчленяют заключенных. На минуту мне показалось, что я слышу вопли терзаемых, но, конечно, это было чистое самовнушение. Нина с началом беременности стала наотрез отказывать мне в сексе – это что, предрассудок такой? считается грехом? – в общем, секса у нас в ту ночь, да и ни в одну из последующих, не было.

Раз так, а также в продолжение своего расследования, несколько дней подряд после этого я приходил поработать в Интернете на ночь. Старушка-администратор сначала проверяла меня каждые пятнадцать минут, потом каждый час, потом просто стала запирать административное здание, и отпирать меня с утра. Я переписывался с де Селби, размышлял над своим вопросом, бездумно ходил по дебильным ссылкам из фэйсбука, количество моих записей в живом журнале исправно росло. Кстати же открыл новый вид медитации. Вместо медитации пассивной, когда, сосредоточившись на своем вопросе, забываешь все остальные мысли и очищаешь голову, можно практиковать медитацию активную: когда предмет созерцания загоняется в подкорку, а голова очищается сёрфингом по интернет-ссылкам; бесконечно забитая голова по законам диалектики это то же самое, что бесконечно пустая, как нуль и бесконечность, право и лево, кнут и пряник, север и юг, и т. д. Этот способ работает, попробуйте. При помощи него я решил множество проблем, но главную – **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?** – решить не мог. Главным, что влекло меня на ночь в зону, был, конечно, Эрвин Шредингер: меня интересовало, зачем он сюда ходит; я чувствовал, что разрешение загадки Эйнштейна и Вовы близка. Предусмотрительно я подружился с лагерными собаками: теперь они не лаяли, чувствуя во мне чужака, а виляли хвостом, выпрашивая колбасу.

Из окна административного здания была видна вахта на входе. Наблюдая за Шредингером, я вычислил его расписание: он приходил каждый вторник, четверг, субботу, как пионерская правда. Входя внутрь, он сразу шел к главному зданию, пропадал там до утра и выходил еще затемно со своим мешком с расчлененными трупами. Хотя меня запирали в административном здании, ничто не мешало мне выбираться в окно, а утром забираться обратно. Этой возможностью я до поры до времени не пользовался, выжидая удобного момента – а на самом деле просто трусил, конечно, до тех пор, пока очередное письмо от де Селби не заставило меня поспешить. В нем он говорил, что не видит во мне, своем единственном и последнем ученике, прогресса, как и в расследовании, им затеянном и мною осуществляемом, и потому примерно через неделю, если положение дел не изменится, он открывает банку с D.M.P. Я слезно написал ему, что не стоит этого делать, но он был непреклонен. Тогда я решился устроить вылазку. Как только пришел отец Эрвин, как всегда, пересек плац и исчез в главном здании, я выбрался из окна и вдоль стенки добрался до него же; по открытому пространству идти пришлось метров двадцать, потому что ближайшее окно корпуса было открыто по случаю духоты; меня никто не заметил. Собаки бросились ко мне, но, получив свою колбасу, оставили меня в покое и ушли ее есть. Забравшись в главный корпус, я очутился в длинном гулком коридоре, куда выходили двери многочисленных аудиторий; все в

целом напоминало здание типичного НИИ или даже высшего учебного заведения. Все аудитории были открыты, это было очень кстати: когда кто-то проходил по коридору, я прятался в ближайшей двери. Люди проходили по коридору довольно регулярно, все они были в белых халатах, некоторые в масках, некоторые в противогазах. В одной из аудиторий висело несколько белых халатов, я взял один; надел я также и противогаз, под него, для верности, шапочку и ватно-марлевую повязку; с точки зрения конспирации стало поспокойнее, хотя борода мешала очень сильно. Впрочем, там все были с бородой, как-то обходились.

В одной из ярко освещенных аудиторий Шредингер с толпой ассистентов делал свой знаменитый опыт. Мне не пришло в голову поискать фамилию отца Эрвина в Яндексе, а так бы я тоже знал, как, несомненно, и мой глубокоуважаемый читатель, в чем заключается его классический опыт. Описание опыта висело на стене аудитории; кроме описания, был там и подробный чертеж адской машинки в трех проекциях и в разрезе. Внутри нее (прошу прощения за описание того, что, без сомнения, известно всем, но для меня было внове, и зафиксировать этот опыт необходимо) находится счётчик Гейгера и крохотное количество радиоактивного вещества. Вещества этого так мало, что в течение часа может с равной вероятностью распасться или не распасться лишь один атом; если атом распадается, срабатывает реле, спускающее молот, который разбивает колбочку с синильной кислотой. Еще внутри аппаратуса сидит кот, который отравляется или не отравляется кислотой в зависимости от того, распался ли атом. Естественно, рано или поздно все коты Шредингера умирали; вероятность пережить опыты под номерами 1,2, ..., n составляет $1/2^n$, так что при количестве опытов, стремящемся к бесконечности, вероятность выжить стремилась к нулю. Шредингер экспериментировал с контрольным временем, с количеством котов, с количеством синильной кислоты и т.д. – все для того, чтоб решить вопрос, аналогичный моему (СКОЛЬКО НУЖНО и т.д.), связывающий микро- и макромир. Де Селби был прав: букмекеры действительно ведут опыты по преодолению принципа неопределенности; если они как-то смогут обойти этот принцип, они обретут власть над миром. Теперь я понял, что Шредингер уносил из зоны. Просвещенный читатель давно об этом догадался, а я понял только сейчас. Это никакие не заключенные! Да и вообще – много ли тут настоящих заключенных? Я склонен был думать, что жили здесь исключительно сотрудники секретного букмекерского НИИ, и занимались они разнообразными опытами, из которых мой бедный ум хоть как-то, хоть отчасти мог постичь только шредингеровский и экспериментальную проверку континуум-гипотезы, см. ниже. Большинство записей состояли из каких-то закорючек, интегралов, корней квадратных, бета- и сигма-функций, степеней, логарифмов и т. д. В прострации я стал ходить по коридорам и рассматривать документы, научные статьи и т. д., оставляемые беспечными учеными безо всякого присмотра. Выяснилось, что эта строго засекреченная организация называется Научно-исследовательский институт Принципа Неопределенности Гейзенберга имени Эйнштейна (НИИПНГЭ); что финансирование его было хотя и скудное, но позволявшее закупать котов в достаточных количествах; что институт этот существует с 1927-го года, сразу же после открытия Гейзенбергом этого закона, и курировался он лично Луначарским. Имелась здесь и лаборатория континуум-гипотезы, сотрудники которой лично считали бесконечное количество объектов, чтоб экспериментально проверить, есть ли множество между счетным и континуальным, но результатов пока нет (по крайней мере, так было написано в отчетности). Опыт этот был начат энтузиастами еще при царе, до основания Института, и продолжается несколько поколений.

Нашел я здесь и исследование, касающееся души, правда, поставлен был не тот вопрос, который волновал меня **(СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША?)**, а другой, но тоже интересный. Теоретики НИИПНГЭ сопоставили душе два параметра – ее координату (в смысле, расширительном к обычному пониманию – грубо говоря, положению в каком-то пространстве, возможно, даже «пространстве душ») и импульс (понимаемый в приблизительном смысле как воздействие ее на окружающий мир, или то, что она сейчас делает). Тогда из принципа относительности следует такой вывод относительно души: нельзя достоверно одновременно сказать, где находится душа и чем она занимается.

Произведение статистических погрешностей этих параметров будет не меньше половины постоянной Планка ($\hbar$ = 1,054571726(47)x10^{-27} эрг • с). В терминах энергии и времени – нельзя предсказать вспышки активности и пассивности души. В частности, например, когда человек живой, более или менее понятно, *где* локализована его душа – приблизительно (по общему мнению) в теле. Соответственно, *чем* душа человека занимается при жизни, никто не знает. Другой крайний случай – после смерти, когда, наоборот, с большей определенностью можно сказать, *чем* душа занимается (вкушает райское блаженство, поджаривается на сковородке и т. д. – как ни неточны такие сведения, все равно это больше, чем то, что мы знаем о душе при жизни), но с меньшей определенностью можно сказать, *где* она этим занимается. Неизвестный исследователь из НИИПНГЭ ставит резонный вопрос: с одной стороны, мы имеем дело с душой точно так же, как с элементарной частицей (применяем к ней принцип неопределенности Гейзенберга и проч.), с другой стороны – работаем с ней как с макрообъектом: смотрим, что с ней будет после перерождения, приписываем ей какие-то деяния (или недеяния), форму и линейные размеры. Нет ли здесь противоречия?

Выяснилось также, что главой института является не кто иной, как сам Эрвин Шредингер; из года в год он проводит свои опыты на кошках и собственноручно хоронит их, унося из зоны в мешках (котов, а не расчлененных людей, как я подумал сначала). И, конечно же, то, что он священник, оказалось ширмой. Никакой он был не священник.

В противогазную сумку я складывал самые важные, по моему мнению, документы НИИПНГЭ, которые находил. Все полученные сведения настолько оглушили меня, что я не знал уже, как выйти из главного корпуса. Я совершенно потерял ориентацию в пространстве. К счастью, на одной из стен висел план аварийного выхода при пожаре, я быстро сориентировался и дошел до открытого по случаю жаркой погоды окна. Вышел я тем же путем, что и пришел, никто меня не заметил, кроме собак, снова рванувших ко мне в поисках колбасы, но ничего не получивших, и столпившихся под окном административного здания, куда я залазил, приветливо виляя хвостами. Внутри главного здания я, наконец, снял противогаз, и меня ждал очередной ШОК. На противогазе отпечаталась в зеркальном отражении татуировка, которую я лично накалывал Вове на лысый череп. Как Туринская Плащаница, только не лицо, подумал я. Теперь у меня не было сомнений, что Вова мертв. Принюхавшись, я услышал едва уловимый знакомый сладковатый запах гниения.

Вернувшись утром, я сказал Нине, чтобы готовилась вечером тайно уходить. Все мне теперь в общем было более или менее понятно. Букмекеры относятся к Эйнштейну амбивалентно, понял я. С одной стороны, они не хотят, чтоб он разоблачил их грязные делишки, надежнее всего его убить; ситуация такая же, как с Кольцом Всевластья: прятать бесполезно. С другой стороны, не будь его (Эйнштейна), не было бы и всех букмекерских технологий; в честь него называют институты, ему ставят памятники, из его тела творят новый мир. Ситуация, неоднократно описанная в мировой литературе: Уран и Кронос, Кронос и Зевс, Апсу и Энки, Имир и Один. Во всяком случае, ясно, что Эйнштейна здесь ни в каком качестве нет (по крайней мере, живого), и в окрестностях он вряд ли тоже есть: окрестности наводнены шпионами букмекеров (Илья, Иван; похоже, все, кто с бородой, имеют какое-то к ним отношение), от них не скрыться. Остальное восстановит могучий ум де Селби по похищенным мной документам. Вова, очевидно, тоже добрался до института, но живым выбраться не сумел, и его останки были разбросаны по близлежащим лесам и озерам; это только подтверждает крайнюю опасность экспедиции. Жаль, что букмекеры и де Селби на разных сторонах баррикад: занимаются они одним и тем же делом, и, объединив усилия, они могли бы перевернуть мир! Днем я зашел к Эрвину (никакому не отцу Эрвину, а просто Эрвину) под предлогом помолиться и поговорить о религии, зашел на погост, вытащил из-под (псевдо-) Эйнштейна останки Вовы и присоединил к ним найденный в центральном корпусе противогаз. Мне не хотелось вот так вот просто уходить в тайне, по-английски; рассказы Шредингера, Нины, Ивана, Ильи, женщины в поезде про силу лесную и про лешего на меня все-таки немного подействовали; невозможно долго жить в кислой среде и хоть чуть-чуть не раствориться снаружи. Возможно, мне было страшно; возможно, мне было грустно возвращаться в М***, к его смогу,

шумным машинами, самолетам, полицаям, ухоженным дорожкам и скучным бюргерам; как, интересно, чувствовал бы себя Смок Белью, возвращаясь к журналистике и ненавистному «высшему свету»? Букмекеры были моими врагами (как враги Эйнштейна), но они были по-своему честны и преданы науке; жаль, повторю еще раз со всей убежденностью, что мы оказались по разные стороны баррикад, даже нет, по разные стороны одной и той же баррикады, на противоположных ее склонах. Здесь я встретил свою любовь, свою вторую любовь, и, хочется верить, живи я здесь не скрываясь, ответил бы и на мучающий меня вопрос **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША.** О том, чтобы быть перебежчиком, я и не думал – деселбиевский аргумент D.M.P. перевешивал все остальное, да и то, как поведут себя букмекеры, узнав о моем предательстве, являлся открытым вопросом. Кстати, следовало позвонить де Селби, чтобы он, не дай бог, не решил пока уничтожить мир, как раз тогда, когда к нему скоро должны приехать важнейшие документы – зная его, я был уверен, что он захочет сначала, как минимум, решить загадку института букмекеров. Я решил отдавать ему документы частями, так хватит надольше. Я набрал его номер, но телефон молчал. Не было сети. Вообще обычно связь здесь была хорошая. Ну что ж, перезвоню через полчаса, решил я. Однако и через полчаса сети не было.

Как мне не хотелось уходить из поселения при зоне, точно так же мне не хочется, грустно или, быть может, страшно заканчивать эту книгу. В попытке оттянуть описание дальнейших событий буду цепляться за события и остановлюсь на инциденте с нищенкой, сидящей перед церковью. Она приняла странную позу, которую я все чаще вижу у нищенок и в М***, характерную особенно для выходцев из Средней Азии: нечто среднее между стоянием на коленях и лежанием; чтобы не упасть, под мышкой у нее был зажат посох, которым она упиралась в землю, почти лежа, но все-таки не лежа, а стоя на коленях под неестественным углом. Перед ней была картонка с надписью «ПОМАГИТЕ УЕХАТЬ В ПИТЯРАНТУ АГРАБИЛИ МОШЕНИКИ НЕТ ДЕНЕГ СЫНУ ТРЕБУЕТЬСЯ ОПЕРАЦИЯ», и она непрерывно плакала. Я мимолетно подумал, что где-то ее видел, рассеянно кинул ей копеечку – впрочем, копеечки у меня же давно не было, я дал ей яблоко, добытое в столовке в административном здании. Блади, не ходи домой, беги сразу, прошелестела нищенка. Не ходите туда, Уормолд, вас хотят отравить. Холодок прошел по моей спине, я бросился к нищенке и заорал: что? что?!? – но она только отворачивалась, пряча от меня свою бессмысленную таджикскую голову, прикрытую платком, и испуганно прятала яблоко. Ветер дул и дул, и стремительно становилось холоднее. Начиналась осень.

В недоумении и с плохими предчувствиями я вернулся домой. Ветер трепал мою бороду. Нина была какой-то грустной. Собралась, спросил я ее. Собралась. День тянулся медленно, но вот наступил и вечер. Собралась, спросил я Нину. Собралась. Ну, пошли. Нина нервно посмотрела на настенные часы и сказала: погоди, давай через пятнадцать минут. А что такое? Ну... давай через пятнадцать минут. Живот прихватило. Ну, давай, куда спешить, давай через пятнадцать минут, сказал я. Я ее понимал: мне тоже было уходить как-то стремно. Она сидела там не пятнадцать минут, а все двадцать пять. Я пока пытался дозвониться де Селби, но сети все не было как не было. Весь день сегодня сети не было. Наконец Нина вышла. Ну что, готова, спросил я ее. Готова. Ну, пошли. Сейчас. Давай присядем на дорожку. Когда мы присели, раздался стук в дверь. Кто бы это мог быть, фальшиво удивилась Нина. На пороге стояла вооруженная охрана лагеря и Эрвин Шредингер собственной персоной. Ну, кто здесь украл наши документы, преувеличенно весело и кривляясь спросил Шредингер. Кто у нас тут Владимир? Нина отошла ко мне и поцеловала в губы, взасос. Мы не целовались давно, давно. Не время тут целоваться, подумал я, а Шредингер сказал: взять его| Вохровцы схватили меня, связали за спиной запястья и потащили наружу, а Нина-Иуда, осемененная мной, плакала, уж теперь и не уверен, искренне или нет. Прощай, Нина, сказал я, а она отвернулась от меня и сказала: Товарищ Роман, оружие из-под дров выдано сегодня кому следует. И один из вохровцев, по имени Кошкин, сказал: спасибо, я всегда считал вас верным товарищем, а Нина ответила: нет, я только с сегодняшнего дня верный товарищ. Больше я ничего не видел и не слышал.

Поволокли меня в «церковь» к Шредингеру. Волокли вдоль улице по всей ее длине, а жители стояли и смотрели, без видимого удивления. Наверно, так же волокли и Вову в его последний час. В подвале церкви (правильнее ее теперь называть домом Шредингера) стоял такой же аппаратус, т.е. адская машинка, что в главном корпусе института (зоны? колонии?). Лаборатория была оборудована звукоизолирующей дверью и камерами наружного обзора. Так. Разденьте его, сказал Шредингер ментам (это он меня имел в виду, меня надо было раздеть). Менты раздели меня и снова связали, и руки, и ноги. Обрейте. Солдаты намылили мне подбородок и стали брить. Осторожно, не поцарапайте, сказал Шредингер. Мне стало смешно – его-то лицо было все в шрамах. Во время процедуры он сухо сказал, что я, возможно, видел его опыты на кошках в институте. Мало кто знает, что такие же опыты можно проводить на людях. Это будет революция в науке, и Шредингер уверен, что с помощью человека сформулированную им проблему (вы ее помните) возможно будет разрешить. Опыт несколько раз проводился на Рамзане (вы его привели), и он выжил. Надо понять, выживет ли произвольный человек; так еще лучше. Смерть от синильной кислоты весьма мучительна, сожалею. Вообще я против излишней жестокости. Идите. Копайте ему могилу рядом с Эйнштейном, сказал Шредингер солдатам, закончившим меня брить. Возвращайтесь через час, к окончанию эксперимента. Солдаты (они же менты) ушли. Связали они меня плохо, и Шредингер это знал, поэтому не стал тратить время на классическую речь злодея, не раз погубившую других безумных ученых, таких, например, как доктор Нимнул или Лекс Лютор, хотя у него в руке и был пистолет. Он всего лишь добавил, что, возможно, я найду утешение в том, что у меня есть уникальная возможность провести инвертированный эксперимент Шредингера – посмотреть через час, увижу ли я его, Шредингера, если выживу, или же бесплотного духа, если не выживу. Воспринимайте себя как исследователя, а меня как кота, сказал Шредингер. Голый и связанный, под дулом пистолета, я стоял на цементном полу перед его адской машинкой. Шредингер начал открывать дверцу, не снимая меня с прицела. Только одно. Скажите, жив ли Эйнштейн? спросил я. А зачем вам это знать? Не скажу, ответил Шредингер. А Вова? Дверца открылась, и оттуда ВНЕЗАПНО выскочил дико мяукающий КОТ! He Deus ex machina, но CATTUS ex machina! Выскочив, он вцепился Шредингеру в лицо; теперь я понял, отчего у того столько шрамов на физиономии. Мало того, КОТ вцепился так удачно (для меня), что задел когтями его глаз, и тот не преминул вытечь, что было очень любезно с его стороны. Теперь Шредингер стал одноглазым, Шредингер окосел! Из своего старого сна и фантазии, описанной ранее в надлежащем месте, мне знаком был этот болевой и психологический шок, и я знал, что в течение как минимум минуты Шредингер не сможет ничего контролировать, к тому же атакуемый обезумевшим КОТОМ. Пока он боролся с КОТОМ и пытался справиться с шоком, я, напрягши все силы, освободился от пут на руках (я ведь говорил, что они были наложены кое-как), и к тому моменту, как Шредингер начал что-то видеть и что-то соображать, толкнул его вместе с животным в его же аппаратус, закрыл дверцу и повернул рычаг. Рычаг, запирающий дверь, был автоматически связан с включающим рубильником, и над дверцей зажглось табло:

НЕ ВХОДИТЬ!!! ДО ОКОНЧАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА ОСТАЛОСЬ: 00:59:59,

причем последняя цифра 9 стала меняться на 8, 7, 6 и т.д., а слова НЕ ВХОДИТЬ!!! безвкусно моргали, как будто окруженные тэгом <blink></blink>. Солдаты снаружи, копавшие мне могилу, благодаря звукоизоляции ничего не услышали. Мою одежду они оставили в лаборатории; быстро обыскав лабораторию Шредингера, я отыскал свой рюкзак, а также мешок, в котором лежали останки Вовы: сапоги, куртка, противогаз и пояс с ножнами с финкой. На верстаке я обнаружил синие приметные штаны и уже не очень удивился, увидев на них заплатку, которую сам поставил когда-то Вове на задницу, и услышав знакомый приторный запах мертвечины. Внутри штанов, как и внутри ботинок и куртки, *что-то* было, я опять не стал проверять, что. Посмотрев в камеры наружного обзора, я увидел солдат, копающих яму около памятника Эйнштейну и то и дело откидывающих в сторону ошметки мертвой кошачьей плоти. Один из них стоял, курил, и смотрел на дверь лаборатории. Выйти незаметно не было никакой возможности.

Внезапно что-то случилось. Солдаты побросали лопаты и побежали со двора, оставив только одного караульного. На табло горело 00:45:25, и я решился на побег. Пистолет Шредингера все еще лежал около адской машинки. Я поднял его и увидел, что он разряжен. Я стал обшаривать лабораторию в поисках патронов или на крайняк чего-нибудь острого или тяжелого, чтобы, неожиданно открыв дверь, оглушить солдата; нашел штыковую лопату и снова посмотрел в камеры наружного обзора. Я медлил, собирая все свое мужество, чтобы выйти, так сказать, совершить coming out. Пока я медлил, заметил, что нищенка, предупреждавшая меня утром, постепенно подползла к солдату (который стоял спиной к воротам и корчил рожи прямо в камеру), цепляясь посохом за неровности почвы. Когда он ее заметил, было уже поздно. Нищенка размахнулась и запустила в него костылем. Костыль должен был попасть солдату в переносицу (и убить его), но у него была хорошая реакция, он успел отклониться, и костыль всего лишь вышиб ему глаз. Не слишком ли много одноглазых в этой рассказанной вкратце истории? Впрочем, сколько есть, столько уж есть, и ничего тут с этим не поделаешь, а лгать в угоду правдоподобности я не приучен. Рефлекторно солдат нажал на курок автомата и не отпускал его, поливая все вокруг свинцовым огнем. Одна из пуль попала и в скрытую камеру, через которую я наблюдал за происходящим, и разбила его. Я стал слеп, не в буквальном, слава богу, смысле, а просто перестал видеть, что происходит на улице. Выскочив за дверь, я увидел следующую картину: солдат катается по земле, а нищенка лежит у калитки, по всей видимости, мертвая, потому что по груди у нее расплывается огромное темное пятно. Подскочив к солдату, я рубанул его по рукам, выхватил автомат и дал по нему (солдату) очередь. Очередь мою никто не услышал, потому что со стороны института автоматные очереди раздавались с гораздо большей интенсивностью. Солдат задергался и затих, а я тем временем бросил автомат, подбежал к нищенке и снял с нее платок. Это была Ильма, казалась она какой-то постаревшей и безнадежно мертвой; я убедился в последнем, послушав сердце, приложив ухо к губам и т. д. Глаза ее остекленели, а изо рта вытекла струйка крови. Но все равно она была прекрасна, возлюбленная моя, она была прекрасна! Даже в смерти она была прекрасна (при жизни, конечно, лучше, но все равно, все равно), и я ничем не мог ей помочь, ничего не мог поделать. Я не удержался, развернул ее лохмотья и посмотрел на сиськи. Правая (от меня левая, поскольку мы располагались во фронтальном положении) уцелела. На шее висела цепочка с крупными звеньями. Сиськи, судя по уцелевшей, были еще прекраснее, чем я думал, хотя это казалось невозможным... Но медлить было нельзя! Со стороны подземной лаборатории зашевелился недобитый солдат, со стороны института выстрелы стали то ли ближе, то ли громче, то ли и то, и другое. Издалека я видел, что перестреливаются две армии: 1) безбородые полицейские и элита Питкяранты (в том числе Евграф Николаевич, Эдик, педик, пустоглазый чекист) и 2) бородатые букмекеры – защитники зоны-института. К выстрелам стали примешиваться взрывы, заухали гаубицы – в общем, началась настоящая полномасштабная война. Я снял с мертвого тела Ильмы цепь, и, как был, голышом, побежал в лес, захватив свой рюкзак и мешок с останками Вовы.

Я старался забирать в сторону все более и более густого леса. За мной, вероятно, кто-то гнался, Эдик, или уцелевший солдат, или это леший, или сила лесная пыталась поймать меня в свои сети, но я был неудержим, как Усэйн Болт, как Асафа Пауэлл, как Майкл Джонсон, как Криштиану Роналду! И так же уворачивался от защитников соперника, то бишь от веток, норовящих выколоть мне глаз. По крайней мере, так мне казалось, по крайней мере, так я видел. Еще до темноты я добрался до (как я узнал впоследствии) Контиолахти, где официально жил один человек, а неофициально – ни одного. Переночевал в заброшенном доме на берегу Большого Янисъярви; одежды у меня так и не появилось, я обмотался какими-то валяющимися там тряпками; зато у меня была лопата. Теперь я был счастливым обладателем полного комплекта Вовы; еще я сумбурно думал о своем вечном вопросе и почти достиг просветления. Мне казалось, что теперь хоронить его по-христиански можно, но полной уверенности еще не было. Утром я нашел на берегу анкерочик и поплыл куда глаза глядят – вдоль берега до Янисъйоки, вниз по течению под красивейшим железнодорожным мостом, высоким, с круглыми арками. Было совсем холодно и понятно, что наступила осень. Странная пассивность охватила меня, все мне было все равно, как

Рамзану после конфект – как он там? жив ли? бог знает... Я плыл в глубокой задумчивости, размышляя о бедной вовиной душе, как ирландский монах в куррахе. Перед Хямекоски вдруг снова появилась мобильная сеть; возможно, я вышел из зоны действия университетских глушилок, или питкярантские все-таки добили институтских, не знаю; важно, что тут же я услышал звонок – вызывал де Селби. Этот-то звонок и послужил внешним толчком, вызвавшим мое просветление. Трубку я не снял, сбросил, потому что мне мгновенно стало не до того. Да, я все-таки разрешил вопрос **СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ПРОЦЕНТОВ ТЕЛА, ЧТОБЫ В НЕМ БЫЛА ДУША**, и счастливое его разрешение, как падающие костяшки домино, вызвали решение всех известных мне (и сформулированных в этой книге) вопросов. Я понял, что Вову можно хоронить, и с самого начала можно было хоронить, и я собрал Вову и похоронил: в ботинки заправил брюки, скрепил их поясом с ножнами, заправил в них рубаху, приладил сверху противогаз; закидал полученную композицию сырой землей. Сделал крест из двух сухих веток, связав их цепью Ильмы. Этот крест будет стоять недолго, символизируя собой краткость и человеческой жизни. Похоронив Вову, я позвонил де Селби; Учитель снял трубку и первым делом поздравил меня с тем, что теперь я один из них (нас), Понимающих квантовую механику. Эксперимент Шредингера завершился, и я оказался живым перед лицом наблюдателя – Бога.

Написание книги, особенно про квантовую механику, сходно с изучением квантовой механики. Сначала тебя охватывает недовольство существующими книгами по квантовой механике; потом ты размышляешь о том, какая должна быть твоя книга по квантовой механике; потом ты выбираешь себе учителей, тыришь осколки из других книг по квантовой механике; по мере приближения к последней точке теряешься, заходишь в тупик: ради чего это все? Что логически ты объяснишь читателю? Потом вдруг взрыв! Интеллектуальный прыжок! И ты уже все понимаешь. Можно объяснять, можно не объяснять – книга готова. Конечно, остаются какие-то мелочи, но квантовая механика уже тебе благодарна. Вот ты и кавалер квантовой механики, дружок.

Вот и моя книга готова. Осталась пара страниц, какие-то мелочи. Теперь я попробую объяснить читателю природу своего просветления, то, что я понял. Понятно, что просветление не передать при помощи слов и без предварительной большой работы слушателя; предполагаю, что предыдущей своей повестью я проделал за читателя большую часть работы; человеку, готовому к пониманию квантовой механики, нижеследующие рассуждения могут оказаться полезными, а тому, кто постиг ее при помощи учителя – банальными. Человеку не готовому эта книга бесполезна.

Душа – не материальный объект. Она – функция, зависящая от бесконечного (но счетного) множества параметров. Одним из этих параметров может быть существование материального носителя (тела), других может не существовать. Поэтому душа может не обладать собственными линейными размерами или формой. Душа в обыденном состоянии вообще не существует, или существует, примерно, как функция $y = \sin x$. Но где-то же существует функция $y = \sin x$, где-то же существует душа! Несомненно, она существует в пространстве, о котором догадывался еще Платон. В платоновом пространстве, или в пространстве идей, у души имеются свои свойства – и масса, и размеры, и деяния – все это из пространства идей транслируется в обыденный мир. Деяния души в мире идей отражаются в нашем материальном мире. Поэтому она и микрочастица, и макрочастица, и все, что угодно. С помощью квантовой механики ее описывать очень легко. Поскольку наличие материального носителя является всего лишь одним из параметров души, она, душа, существует и с телом, и без тела. Вопрос бессмертия души решается сам собой. Если душа не перерождается ни в какое тело, то она остается в Чистой земле, или в раю – в зависимости от религии – указанный параметр становится нулевым. Нирвана – всего лишь обнуление одного из параметров души. Наконец, к вопросу о количестве душ. Если параметров бесконечное количество, каждый из них можно назвать за конечное время, то их не более чем счетное количество. С другой стороны, душа такая невообразимо сложная штука, что она зависит от всего, абсолютно от всего. Поэтому параметров не менее, чем счетное количество. То есть их ровно счетное количество, не больше, не меньше. А функций, зависящих от стольких параметров, ровно континуум,

не больше, не меньше. Ровно континуум душ существует, столько же, сколько точек на любом отрезке, столько же, сколько точек на всей числовой прямой, столько же, сколько точек на плоскости, столько же, сколько точек во всем пространстве! При этом они одинаково равномерно могут заполнить весь мир, а могут только кончик иглы – таково свойство континуума.

Понятнее ли стало неподготовленному читателю? Я думаю – нет. Но это максимально близко к изложению, возможному человеческим языком. К сожалению, как писал мне де Селби в своем третьем письме, этот вид просветления имеет смысл описывать только в терминах квантовой механики; но если это имеет смысл описывать так, то это автоматически не имеет смысла описывать. Когда читатель испытает просветление, он поймет.

Одновременно я участвовал еще в одном эксперименте Шредингера. Поселение при институте букмекеров можно воспринимать и как адскую машинку для де Селби. Если б де Селби до меня не дозвонился, я бы умер для него, и он уничтожил бы в атмосфере весь кислород. Я вовремя вышел из-под глушилок, и этот эксперимент тоже оказался успешным. Я не умер, следовательно, кислород в атмосфере остался, в подтверждение чего ты, читатель, читаешь эти строки. Эксперимент оказался успешным не для меня, тут де Селби был прав. Для большинства остального человечества, хотя, конечно, для тех, кто умрет завтра, это было бы неважно. Кто знает, когда будет следующий эксперимент? Возможно, он уже идет.

Ведь любое путешествие есть опыт Шредингера с котом. И неизвестно, кто наблюдатель, а кто кот. В Хямекоски я нелегально сел в порожний грузовой вагон и добрался до Санкт-Петербурга.

Александра ЦИБУЛЯ

***

на исходе спины
у истока кораллов и пиний
на участке волос непристойных
где вереск могильный
поблескивает
халцедон негоциант пиррихий

так и ходить
по порочным губам гиацинтов
по головам асфоделей
по раковым шейкам

где супермаркет сияет
как предложение неприкрытое
орфей опускается в ад долгожданный
орфей держит путь на парнас
со станции электросила

***

в портупеях, линялые,
смиренные, как грибы,
неотвратимые, как крушение плагина,
делирий и аменция выходили пройтись:
анфиладой лежали засаленные дворы,
мы входили победоносные, лучезарные,
гремели стаканами, как мечами.
девушки нас встречали, надевали венки,
кто-то блюда сменял и кассету переворачивал

***

разметены
как после любви
розовые кусты

Александра Цибуля участница Майского фестиваля новых поэтов, Фестиваля свободного стиха в Санкт-Петербурге, Ландшафтного поэтического фестиваля «Пушкинские лаборатории». Лонг-лист премий «П» (2010) и «Белла» (2013). Публиковалась в журнале «Гвидеон», на сайтах «Мегалит», «Полутона», «Литературная карта России». Первая книга «Стихи» вышла в рамках книжной серии проекта «Ухо Ван Гога» в 2011 году.

и душным виденьем набоковским
куцая рыжая твоя борода
как девичий пух

где стены дружные поют и хороводят
где осторожно двери задыхаются

и на счете моем лицевом
недостаточно средств

***

вот же они, милые, дорогие,
обнаруженные, безнадзорные
уважаемые пассажиры.
с признаками парения,
следами
вытекания воды.
белые. голубые.
да вот же, вот же они.

***

П. разверзлась высокая и прекрасная как Божья Заря.
Сегодня нас настигает внутриутробная скорбь.
На нас обрушивается веселье.
Нам не до смеха.
Мы убываем. Мы заостряемся.
Моя подруга идет и смотрит на свою расцарапанную руку,
Я не могу ее разбудить.
В такие минуты от нее отлетает дух.
Она видит себя со стороны. Она говорит:
В клинике неврозов очень красиво, там есть рояль и ваза.
Есть внутренний двор и цветы, за ними ухаживают.
В магазинчике неподалеку мужчина берет водку и пакет.
У него спрашивают: водку и пакет? Да, водку и пакет.
Мы убываем. За нами ухаживают.

Моя подруга говорит: я устала, музей большой.
А я ей пою:
нам бы только доплакать до той стены
никакими свирелями не отмолить
как бы мне тебя не пролить

Алексей ПАЛИЙ

ВОДА И ЖЕЛЕЗО

Рассказ

Я наконец-то приподнялся, спустил ноги с кровати и стал нащупывать тапочки. Наткнулся, разумеется, на своего пса. Он заворчал, но не проснулся. Ноги продолжали осмотр. Вот, что-то похожее. Не налезают. Значит, шлепанцы жены. Наверное, вставала ночью и надевала мои тапки. Надо искать с ее стороны. Я окончательно встал и обошел кровать, стараясь не наступить на собаку. Деревянный пол неприятно холодил ноги. Ну, где же они? А, вот, торчат из-под кровати.

За окном чернело зимнее утро. Повернул кран – ничего, второй – то же самое. Никаких признаков воды. Все-таки замерзла, падла. Наверняка между кухней и коридором, где труба проходит через самый холодный стык. О, господи, за что мне это все? О таком ли я мечтал, когда переезжал из квартиры в собственный дом? Я отодвинул сундук, оставшийся от прежних хозяев, и засунул в щель фен жены. Он проработал минут десять, вода так и не пошла. Стало ясно, что на работу придется идти не умывшись.

– Ира, просыпайся, вода замерзла.

– мммм...Что?

– Ты ведь вставала ночью, почему не проверила?

Как будто если бы проверила, что-нибудь изменилось. Но кого еще упрекнуть в случившемся? Не собаку же, в самом деле.

Лицо я умыл уже в офисе. На работе получилось отвлечься от грустных мыслей о замерзшей воде, настроение улучшилось. Работа вообще явление полезное, если правильно использовать.

Вечером я глубже затолкал фен в проблемную щель. Собака пыталась сунуть любопытный нос и получила легкую оплеуху. Жены дома не было, ушла на фитнес. Хорошо ей, в сауне посидит, потом помоется. Фен проработал минут десять и, перегревшись, отключился. Краны безмолвствовали.

– Да где же ты замерзла, тварь?! – крикнул я и пнул ногой сундук. Собака прижала уши и убежала на подстилку.

Жена застала меня сидящим на диване и разбирающим по парам носки. Это занятие всегда меня успокаивало. Вдобавок я был вроде при деле, и просить меня заниматься чем-то еще уже неправильно.

– Отогрел воду?

– Нет.

– Что будем делать?

– Весну ждать.

Жена обиделась. А что я еще мог ответить? Что труба, скорее всего, замерзла под землей на входе в дом и мне туда не добраться? Это я и сам себе пока боялся сказать. Все еще надеялся, что ледяная пробка образовалась где-то в доме. Пол холодный, из щелей дует.

На следующий день я прошел всю трубу с феном от и до. Безрезультатно. Дальше она уходила в пол и потом под фундамент. Где-то там вода и прекратила свой бег. Вспомнилось идиотское слово «кристаллизация» и объяснение какого-то сантехника, как лед внутри трубы распростра-

---

Алексей Палий родился в 1975 году в г. Николаеве УССР. В 1997 окончил ГМА имени Макарова (СПб). Работает специалистом по организации международных перевозок. В 2011 окончил курс «Литератор» при Институте культурных программ СПб (мастерская Каралиса Д.Н.). Публикации в журналах «Невский альманах», «Аврора», «Нева», сборниках прозы. Живет в Санкт-Петербурге.

няется со скоростью чумы в средние века. И вот уже труба промерзает до самого люка. Я отогнал это видение, взял ведра и пошел на колонку.

Каждое утро я первым делом отодвигал занавеску и рассматривал градусник. Больной был стабилен – минус двадцать. Прогноз тоже не радовал перспективами. Жена приспособилась ездить мыться в спортклуб. Она не ворчала на меня, просто смирилась. От ее смирения стало еще хуже. Как будто она от меня ничего другого и не ожидала.

Надо было что-то делать, а что и как – непонятно. Только собака не замечала нарушенного комфорта. Вместо мытья лап я после прогулки обтирал ее снегом. Она фыркала от удовольствия, вызывая у меня зависть к чужой неприхотливости. Я перестал покупать ей лакомства, а однажды на прогулке дернул за поводок так, что чуть не задушил.

В выходные решил перетащить в сарай сундук, доставшийся от старых хозяев. Давно обещал жене, да и надеялся на частичную амнистию за воду. Сундук стоял в углу, казалось, с самой постройки дома. Вроде я его когда-то открывал. Наверняка, увидел внутри кучу хлама и закрыл до лучших времен.

Крышка поддалась со скрипом. Первым туда засунула нос собака. Чихнула, разочарованно посмотрела на меня.

– Да, вряд ли здесь колбаса хранится. Пошел отсюда.

Внутри на застланном желтыми газетами дне лежали валенки, два гладких камня и старая книжка. Весьма странный клад. Книжку оставлю из любопытства, а остальное в сарай, в сарай. Я схватил сундук за толстые ручки и дернул, стараясь не задеть бесплодную трубу.

Телевизор бубнил, безуспешно пытаясь развлечь сальными шутками. Я лежал на диване и листал найденную книгу. «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», С-Петербург, 1899. Лохматый, словно кукурузный початок, переплет. Твердая, почти деревянная обложка с пятнами. Мудрость предков. Поможет решить вопрос с водой? Я открыл наугад. «На чужие ноги лосины не натягивай». Мой нервный смех зазвенел в комнате.

– Что радуешься, воду отогрел?

От испуга я закашлялся. Жена вошла тихо, не разбудив собаку.

– Пока нет. Зато сундук вынес. Можно на то место коробки с твоей обувью сложить.

– У меня обуви меньше, чем у тебя. Что читаешь? – Она взяла у меня книгу, полистала. – Вот же, специально для тебя написано.

– «Что имеем, не храним, потерявши, плачем»? Тоже мне новость.

– Ниже.

– «Усердие все превозмогает». Может, мне ладонями трубу тереть, как древний человек?

– Ну, от лежания на диване она точно не отогреется.

Я отшвырнул книжку и пошел одеваться.

Подпол был ужасен. Что-то хрустело, в рот лезла высохшая паутина. Я старался ползти, чтобы не удариться головой о бревна, на которых стоит дом. Наверняка у них есть специальное название. За три года проживания у меня не хватило времени изучить хотя бы теорию. Да и в практике особо не преуспел. Подложить дощечку или забить гвоздик еще мог, а вот сделать что-нибудь серьезное...

Дом был пятидесятых годов. Я еще шутил – живу, мол, в сталинском доме. Продала мне его Алла Сергеевна, старушка, уезжавшая к сыну в Минск. На мой взгляд, покупка была удачная – свой дом в тихом месте Петродворца по цене однокомнатной квартиры. Пусть старый, деревянный, но с большим перспективным участком. Жена немного поворчала: «на земле работать надо», но тоже была рада переезду. Новый дом, который я собирался построить, очередной год оставался «в планах». Мне казалось, что для начала стройки надо подобрать время поудачнее, как в финансовом, так и в психологическом плане. Или должно произойти нечто, обладающее огромной побуждающей силой. Такое, что я сразу пойму – вот оно, пора. Время шло, ничего не менялось.

Я полз к трубе с фонариком и феном в руках. В три приема отогнул ржавую сетку, которая чуть не выколола глаз. За ней лежали несколько крысиных скелетов. Главное, жене о них не рассказать, а то из сантехника придется переквалифицироваться в крысолова. Еще несколько движений локтями – и я у цели.

Труба уходила в землю у самого фундамента, я включил фен. «Усердие все превозмогает» – логичное, но такое скучное высказывание. Мне больше по вкусу разгильдяй Лао Цзы с его посиделками на берегу реки. Я водил феном вдоль трубы, визуализируя тающий лед и струю воды из крана.

Через несколько минут в районе кухни раздался глухой удар и всплеск. Ура, потекла, родимая! Люблю тебя, Козьма Прутков. Ползти ногами вперед было трудно, но радость придавала мне сил.

Я выпрыгнул из люка, как советский танкист в Берлине.

– Ну как, все хорошо? – спросил я жену.

– В смысле?

– Вода пошла?

– Нет.

– А что здесь стукнуло?

– Собака миску с водой опрокинула.

Мне очень сильно захотелось взять жену с собакой и закрыть их в сундуке, который я отнес в сарай.

Как оказалось, с человека довольно безболезненно слезает налет цивилизации. Перед сном я ходил на колонку и набирал два ведра воды. Звездное небо не обещало скорейшего потепления. Я представлял себя деревенским мужиком, презирающим городской уют. «Водопровод в доме, ишь чего удумали, пижоны. Проще надо быть». Под сапогами хрустел снег, полные ведра больно чиркали по ногам.

По моим расчетам ощутимо потеплеть должно было к началу апреля. И мы уже поняли, что продержимся без особых проблем. Будни забирала работа, выходные доставались музеям или кинотеатрам. Только спал я все хуже. Снились монстры и несданные зачеты в институте.

Мы возвращались домой после просмотра очередного фильма, когда у забора нас встретил сосед Иван. Это был бородатый мужик лет пятидесяти. Он жил в соседнем доме с визгливой женой, которую я немного побаивался. Видели его редко, как и любого другого человека с нашей улицы. Все же мы дети большого города, свои заботы, свои маршруты.

– Леха, – обратился он ко мне. – Лед-то, короста, скоро ко мне полезет.

– Какой лед?

– С твоего участка. Вон у тебя его сколько наросло. Решай с ним, коростой, что-нибудь.

Мы вошли во двор, я оглядел участок. Действительно, он стал выше, хотя зима выдалась малоснежная. Первая ступенька крыльца исчезла под слоем льда. Как это я раньше не видел? Говорят, если лягушку кинуть в холодную воду и постепенно повышать температуру, она сварится и не заметит.

Жена выдала вердикт:

– Замерзшую трубу прорвало. Вода наверх поднимается и замерзает. Скоро действительно соседа затопим. Залёдим, точнее.

Как просто ей подобные диагнозы ставить. А разбираться придется мне.

– Да ладно, обычная наледь. Каждую зиму такая.

– Надо воду перекрывать.

Легко сказать. Люк находился через дорогу, и его местоположение я мог бы указать с точностью плюс-минус пять метров. Где-то там, в кустах, под снегом. Легче найти сокровища и купить трехэтажный коттедж. Есть в начале улицы один подходящий.

Лазать с лопатой под кустами мне надоело минут через двадцать. Морозный вечер не добавляет энтузиазма при работе на отрытом воздухе. Где же прячется чертов люк? Лед крошился под лопатой, но не выдавал своих тайн. В темноте я больно ткнул лопатой себя в ногу, яростно выругался и пошел домой.

– Дорогая, надо подождать. Придумается что-нибудь.

– Давай аварийку водоканала вызовем.

– Ага, они мне за незаконную врезку голову открутят.

– Давно надо было проект согласовать. Говорила тебе.

Говорила, вот молодец. Жены говорят правильные вещи. Делать только их приходится мужьям. Я плюхнулся на диван и открыл книжку Козьмы Пруткова. Решил полистать с самого на-

чала. На свободных местах страниц виднелись строчки, написанные карандашом. Кто-то использовал книгу для своих записей. Я присмотрелся и постепенно стал различать текст.

Решил все записать. Зачем? Мне страшно. Как не было год назад, когда немцы начали бомбить Минск. Или в тридцать восьмом, когда забрали Сережу. А сейчас совсем невмоготу. Казалось бы, мне шестьдесят, одинокий. Жить осталось немного, и то, если повезет. Я совершенно не знаю, как мне поступить завтра. Точнее уже сегодня. Через два часа мне идти на работу. На новую работу.

Вчера бригадир Дайнис обрадовал меня, сообщив о присвоении следующей рабочей категории с повышением оклада. И только я подумал о новых башмаках, добавил, что работать надо будет в третьем цехе.

Третий цех занимается изготовлением фугасных бомб для Люфтваффе, и я должен буду вытачивать запальные стаканы для взрывателей. Невыход на работу гарантировал отправку на виселицу в Александровский сквер.

Что могу сказать о себе? Сейчас у меня нет даже имени, только номер – двести тринадцать. Жена умерла, сына забрал НКВД. Учитель русской литературы до войны. С приходом немцев срочно переучился на токаря.

Пишу сейчас все это и немного успокаиваюсь. Только бы хватило свечки.

Бомбили немцы жутко. Казалось, город будет раздавлен. В центре горело все, что я видел. Металл перекрытий пылал и гнулся. Госбанк, почта превратились в ничто. И через несколько дней они вошли. Прогнали через Минск сотни пленных, позже стали гнать евреев. Скинули с постамента памятник Ленину, потом увезли на переплавку.

Меня отправили нарезать болты. Время зациклилось как моток ржавой проволоки. Барак – цех – барак. В воскресенье выбирался на базар купить еды. От баланды, что выдавали на работе, давно воротило. Очень хотел новые ботинки, даже прицепивался. Но уже, наверное, не успею. Покупать их ценой жизни своих соотечественников? Я прекрасно понимаю, что туда придет работать кто-то другой, конвейер не остановится. Однако в жизни есть вещи, которые не объяснить обычными чертежами. По словам гауляйтера Кубе, мы должны быть благодарны немцам за освобождение от большевистского террора. Я сразу вспомнил, как ночью увезли Сергея. Да, он прав, мы сильно пострадали от произвола властей. Но правда, сказанная немцами, – чудовищная ложь. Ибо сказана для оправдания намного большего преступления.

Доходили слухи, что в одном из сел, куда согнали несколько тысяч евреев, произошло восстание. Приговоренные смели несколько кордонов фашистов и, оставляя сотни безоружных убитых, ушли в леса к партизанам.

Но я совершенно один и до партизан не дойду.

Пишется с трудом, давно не держал в руках карандаш.

Все, пора.

Двести тринадцатый. Май 1942-го.

В комнату ворвалась жена. Стащила с антресолей рюкзак и принялась запихивать свои вещи. Я не сразу понял, к чему это она.

– Дорогая, что случилось?

– Надоело. Все. Я к маме.

– С чего вдруг?

– Вдруг? Вода не вдруг замерзла, дом не вдруг разваливается. Сейчас встретила соседку. Она визжала, что вызовет милицию, если мы не перекроем воду.

– Да погоди ты...

– Погодить??? – она надвинулась на меня, сжимая в руках бюстгальтер. Я отодвинулся, опасаясь получить им по лицу. – А сколько можно годить? Только умеешь годить и гадить. Тут ничего само не решится. Надо уже делать.

Она застегнула молнию на рюкзаке. Собака, положив на лапу голову, с грустью смотрела на нас.

– Позвони, когда станешь хозяином, – жена сняла с вешалки шубу.

На меня накатила волна черной, густой ярости. Почему и за что я очутился в эпицентре мировой несправедливости? Делал, что мог, хотел как лучше. И в результате...

Я сорвал шубу с плеч жены.

– Забыла, кто тебе ее подарил? Не хозяин, говоришь? – слова выплескивались раскаленной лавой. – Иди голой, если хочешь!

Несколько секунд она смотрела на меня, потом протянула ладонь к моему лицу, видимо, пытаясь успокоить. Я ударил ее по ладони и с шубой убежал в комнату.

Хлопнула дверь. В окне мелькнула жена, одетая в легкую осеннюю куртку, на плечах висел рюкзак.

Бог знает, сколько я пролежал, глядя на потолок. Подняться казалось нереальным. Перекатился к одному краю, к другому. Закусил угол подушки и разрыдался.

Когда я нашел в себе силы сползти с кровати, уже стемнело. Медленно, как в трансе, я оделся и вышел на улицу.

Лом неохотно дырявил заледенелый снег. Я поделил участок возможного расположения люка и прочесывал его. Грюк – ничего. Грюк – пусто. Морозный воздух царапал ноздри. Грюк – опять мимо. Внезапно захотелось лизнуть сталь лома. Стоп, не дурить. Грюк – звяк! Я отбросил лом и схватил лопату. Через десять минут люк был очищен. Победа. Ну все, остальное потом когда-нибудь. Потеплее только станет. Ага, тогда я всю улицу залью. Нет уж, Алексей, доводи до конца.

Крышка люка приподнималась на сантиметр и падала обратно, злорадно чавкнув. Снова и снова я вгонял лом в щель. Наконец мне удалось просунуть с другой стороны лопату. Я подналег и отодвинул люк. Под ним был лед. Твою же мать. Все бесполезно. Наверняка промерзло до дна. Столько точно не продолбить.

Собака встретила меня радостно. Вот ведь существо, за один час соскучилось, как за целый день. Надо отдохнуть, почитать. Я вспомнил про двести тринадцатого. Он сейчас идет на работу. Конечно, не сейчас, все давно закончилось. Но мне казалось, что старик все еще не сделал свой выбор. Вот у кого безвыходное положение. Не то, что кусок льда в колодце.

Я залез в кладовку, где хранились инструменты, купленные в редкие моменты жажды деятельности. А ведь мне искренне хотелось стать настоящим хозяином. Бензопила, газонокосилка. Вот, то, что надо – коробка с новеньким перфоратором.

Лопатка перфоратора вгрызалась в лед. Слой снимался за слоем. Осколки я выгребал руками. Плевать, пусть хоть до центра земли придется долбить. Вся ночь впереди.

Перфоратор резко ушел вниз. Я упал, накрыв отверстие колодца, словно амбразуру. Все, похоже, лед кончился. Остатки за полчаса выдолбил ломом. В колодце плескалась черная вода с отражением луны.

В ход пошло ведро. Сначала держал его за ручку, потом пришлось привязать веревку. Труба с краном все не появлялась. Почти во всех домах на улице погасли окна. Я заскочил на секунду домой и включил свет в комнате. Стало не так одиноко.

Наконец ведро ударилось о что-то твердое. Еще несколько заходов – и показалась труба. Она поднималась со дна колодца и буквой «Г» уходила в бок. У сгиба торчал заветный кран. И дотянуться до него не было никакой возможности.

Я задрал голову. Луна приглашающе улыбнулась. В легких стал зарождаться вихрь воя, который через секунды вырвется из горла и перепугает окрестных собак.

– Отрыл все-таки ее, коросту?

Позади меня стоял сосед и смолил папиросу.

– Ты, это, прости мою Людку, что она на твою бабу наорала. Но сам понимаешь, лед ползет, а вы печку боками давите. У нас же тут все просто. Не сделаешь чего-нибудь – можно утонуть или замерзнуть.

– Да ладно, понял я. Только все равно бестолку. До крана не достать.

Сосед подошел к колодцу. Сделал сильную затяжку и бросил окурок вниз.

– Делов-то на полшишки. Сягай вниз, подержу.

Я медленно опускался головой вниз, сосед крепко держал за щиколотки. А вдруг он меня сейчас выпустит, закроет крышку люка и заберет мой дом? Я нервно усмехнулся.

Кран повернулся неожиданно легко. Наверное, ждал меня, как святой Грааль своего избранника.

– Поднимай! – закричал я и на всякий случай зажмурился. Глупые опасения оказались напрасными, меня потащило вверх.

– Ну как там?

– Закрыл, – вздохнул я и добавил, – коросту.

Координаты бывшей хозяйки дома, Коваленок Аллы Сергеевны, я нашел в адресном бюро Минска. Созвонился, сказал – собираюсь отправить ей бандероль. Объяснил, что именно.

Мы с женой ехали в сторону почты.

– Прочти еще раз, – попросила она.

Я открыл Козьму Пруткова на странице, где позже нашел вторую часть записей двести тринадцатого. Она была написана другим почерком – неровным, почти детским. Сперва подумалось, что писал другой человек.

Все, победа, пусть и такой ценой. Главное выбор был сделан, выбор оптимальный. Уже три дня как я без работы. Но жив и почти здоров. И смогу честно смотреть в глаза людям и сыну. Я уверен, что он вернется.

На работу я пошел. В третьем цеху стояли такие же ДИПовские станки, как и на моем прежнем месте. Дайнис выдал наряд-задание. На верстаке уже стояли несколько заготовок для запальных стаканов. Я вставил одну в патрон.

Идея пришла мне в голову, когда я, обессилев от безвыходности, вошел в цех. Не лучший вариант, но на первый раз должно было сработать. Потом придумал бы что-нибудь другое.

На первой же заготовке я сделал резьбу с другим шагом. Улыбнулся, представив, как фриц безуспешно будет вкручивать взрыватель.

– Чему радуемся? – раздался голос с легким акцентом.

Рядом стоял Дайнис.

– Работу люблю. А здесь и платят в два раза больше.

– Сейчас проверим, как ты ее любишь. Только контрольную гайку принесу, – он быстро удалился.

Надо же быть таким идиотом! Старый осел, конечно, они проверяют все детали. Мало ли что им иваны наработают. Надо бежать. Куда? Далеко я убегу с больными ногами и в ботинках почти без подошв.

Заготовка с неправильной резьбой еще была в патроне. Я включил станок. Вдалеке показался Дайнис. Самадайка литовская.

Я глубоко вдохнул и сунул руку под вращающийся барабан. Взвизгнул резец, меня разорвало на миллион частей и сознание отлетело.

Пришел в себя в лазарете нашего депо. Фельдшер Коля смотрел прямо в глаза. Он улыбнулся и почесал голую грудь под пиджаком... Правая рука пылала. Попробовал ей пошевелить, безуспешно. Кисть была замотана старой тельняшкой. Она была почти полностью бурой. Коля проследил мой взгляд.

– Все, интеллигент, не щупать тебе больше девок этой лапой. Один палец остался. Только в носу ковыряться.

Чтоб усмехнуться, мне пришлось сделать огромное усилие. Коля отпрянул, наверное, улыбка получилась страшная.

Меня рассчитали, удержав стоимость испорченной заготовки. Станок, к счастью, не пострадал.

Инвалиду в оккупации придется немыслимо тяжело. Но мне есть чего ждать.

Коваленок Семен Игнатьевич. Май 1942-го.

Автобус остановился у почты. Через несколько минут записи начнут свой путь обратно в Минск.

Санкт-Петербург, 2012

Александр ВЕРГЕЛИС

Рассказы

Секунда малодушия

Бывают странные встречи. Странные разговоры. Но главное даже не это. Ну встретился чудаковатый человек – не в человеке дело. А дело всё в ощущении чего-то необычного. Потому что каждый встреченный двуногий субъект – это дверь. И она либо заперта, либо приоткрыта. Но никогда не распахнута настежь, никогда. И мы сами, каждый из нас – тоже дверь. В эту дверь осторожно стучатся или нахально ломятся. А мы не пускаем, даже когда уверены, что раскрыты всем ветрам. Чаще всего мы просто выглядываем в щель через цепочку – вернее, тот, кто находится в нас, неизвестный нам самим – осторожно и неуверенно выглядывает из нас во внешний мир.

Да, да... Наверное, это бывает с каждым: на секунду, на полсекунды вдруг начинаешь чувствовать себя как будто чужим всему, что видишь вокруг. Чувство такое, будто тебя схватили за шиворот и выдернули из другой – по-настоящему родной тебе действительности и впихнули в эту – странную, нелепую, как будто кем-то мучительно выдуманную реальность, которая отказывается говорить с тобой на привычном тебе языке, и только издевательски копирует твою подлинную жизнь. Это как задремать в маршрутке и очнуться, в недоумении озираясь по сторонам: где я? кто я? Думаю, это бывает с каждым. Просто не каждый способен поймать себя на этом ощущении и запомнить его. Оно мимолетно, эфемерно, и нужно усилие, чтобы его схватить. В первый раз мне удалось это в тот вечер, когда я ждал Катю на Горьковской.

Катя опаздывала – как всегда. Я сел на скамейку и подумал: а что если она делает это не только по причине своего легкомыслия и неумения следить за временем? Не может ли быть в этом вечном получасовом ожидании предоставляемой мне возможности подумать: а так ли уж мы близки с ней, чтобы встречаться, ходить по улицам, держась за руки, говорить друг о друге «моя девушка», «мой парень»; чтобы постоянно обмениваться слюной и спать вместе, наконец? Что если Катя, сама того не подозревая, дает мне маленькую передышку, чтобы в один прекрасный момент я мог хлопнуть себя по лбу и сказать: «Да ведь мы не нужны друг другу!» В самом деле, Катя ничем не лучше своей предшественницы. Стоило ли расставаться с Витой в поисках чего-то лучшего, если с Катей меня связывает то же самое – потребность в сексе, необходимость ходить с кем-то по кинотеатрам и клубам, страх одиночества... Но ведь ни с одной из своих подруг я не терял ощущения одиночества. С одной мне было весело, с другой интересно, третья крепко держала меня за яйца, но ни одну я не любил по-настоящему...

Народу вокруг было много, были и пары, и я думал о них: они такие же, как мы с Катей, они вместе просто потому, что так принято – молодому человеку иметь рядом девушку, а девушке – молодого человека. Быть одному просто неприлично. Это все равно что жить случайными заработками без постоянной работы. А между тем я снова поймал себя на мысли, что мне было бы легче, если бы Катя не пришла вовсе. Тогда у меня будет свободный вечер. Пусть этот вечер не

Александр Вергелис родился в Ленинграде в 1977 году. Работал школьным учителем, журналистом, служил офицером в пограничных войсках. Публиковался как поэт, прозаик и критик в литературной периодике России и дальнего зарубежья. Лауреат премии журнала «Звезда» (Санкт-Петербург, 2006), премии имени Бэллы Ахмадулиной «Бэлла» (Верона, 2013). Автор книги стихов «В эпизодах» (2010). Стихи переводились на итальянский язык.

закончится так, как все остальные, проведенные с ней. Я переживу. Да, но что я буду делать один? Гулять? Читать в своей комнате? Смотреть телевизор? Не пройдет и трех дней, как мне снова захочется быть с ней, а если не с ней, то с кем-то еще. Значит, она все-таки нужна мне? Пусть не более, чем все предыдущие, но – нужна?

Да, как нужны друг другу все эти проходящие мимо, держащиеся за руки, идущие в обнимку или просто рядом, тошнотворно называющие своих избранников и избранниц «заями», красивые и не очень, модные и безвкусно одетые, пьяные и трезвые, разные, разные...

Народу кругом – тьма. Конец рабочего дня, все едут домой, да не особенно спешат – белый июньский вечер не торопит спуститься под землю, а зовет погулять среди пыльной городской зелени. Две молодые клуши с колясками курят и треплются, забыв о своих чадах; не смирившиеся со своей старостью крашеные бабки на скамейках сыплют хлебные крошки ленивым голубям, какие-то мордастые туристы в спортивных костюмах напряженно фотографируются на фоне павильона метро. А я разомлел на вечернем солнце, как завороженный, глядя на зеленый пластмассовый теремок с буквами WC, на щедрую россыпь окурков под ногами, на проходящие мимо женские фигуры. На другом конце скамейки какая-то пышная дама чистит апельсин, рискуя повредить свой алый маникюр a la граф Дракула. Ей хорошо за пятьдесят, но для этого дедка в пиджачке и сандалиях она еще молодуха. Благообразный старикан с белым университетским ромбом и блестящей медалью на лацкане застыл напротив невольной соблазнительницы, опершись обеими руками на палку, и ленивый теплый ветерок приводит в движение его нежные, как у ребенка, белые волосы.

Наверное, это и есть счастье – спокойно сидеть после работы на скамейке возле метро «Горьковская» и ждать свою девушку. Я часто направляю поток своих мыслей в эту сторону. Разумеется, я счастлив. Да, я совершенно счастлив. Абсолютно. В этом я постоянно пытаюсь убедить себя, а если не получается, напоминаю себе о Фейгельмане, соседе по даче, бывшем прокурорском работнике, которому дали пять лет за взятку. Вот он-то может только мечтать об этом, вот ему-то мое сидение на скамейке в сквере показалось бы раем. Подумать только – могу встать и пойти куда захочется. А в субботу, между прочим, поехать на дачу. И посему грешно мне сетовать на какие-то мелочи жизни и требовать лучшей доли. Мне не нравится моя Катя? А у Фейгельмана вместо Кати – сосед по камере.

Да зачем трогать Фейгельмана – вот этот старичелло тысячу раз позавидовал мне, красивому, двадцатидвухлетнему, у которого, как говорит наш гендиректор, всё еще спереди... Между тем дама, доев апельсин, уплыла, а этот нежновласый патриарх так и стоит, глядя на пустое место, напоминающее о любительнице цитрусовых аккуратной горкой оранжевых корок. Он смотрит на следы пиршества, я смотрю на его благородный профиль и не сразу понимаю, что глаз, нацеленный на останки апельсина – стеклянный. А второй, здоровый зрачок, который воровато выглядывает из-за носа с едва заметной горбинкой – смотрит как раз на меня. Да, всё это время старик смотрел именно на меня. Постояв еще немого, он поворачивается в мою сторону, и тут я вижу, что правая половина его лица совершенно не похожа на левую. Она как будто пересажена от другого человека. Та часть лица, на которой слезится единственный зрячий глаз, стянута к уху в мучительной извиняющейся полуулыбке. Старик поднимает свою палку, которая при более пристальном рассмотрении оказывается вполне изящной тростью, замечательно диссонирующей с этими сандалиями, надетыми на коричневые носки. Итак, он поднимает свою третью ногу и довольно ловко сметает со скамейки апельсиновые корки. Потом садится, сложив свои сухие тонкопалые кисти на трости, упертой в землю.

Я отчетливо помню всё, что было потом. Я помню это лучше, чем что-либо другое, произошедшее со мной за все мои завидные двадцать два года. Странное дело, очень странное дело.

– Я знал, что мы встретимся, – его голос был сух и тонок, как и его пальцы, которые заметно дрожали. Старик сильно волновался, безуспешно пытаясь сохранить спокойствие.

– Я знал, что увижу тебя, – произнес он через минуту уже громче, приподняв трость и резко опустив – как будто желая воткнуть ее в землю.

Он смотрел вперед, не на меня, и я видел лишь его неестественно улыбающийся профиль. Зрячая половина его лица говорила со мной, в то время как фальшивый глаз был уперт в темноту. В ту минуту я чувствовал себя сделанным из пластилина. Пластилиновым было все во мне, кроме глаз. Я не мог пошевелиться, и только затравленно косился на эту странную физиономию, выплывшую из вечернего миража. Старик тоже изредка, как хамелеон, выворачивал свой маслянистый глаз в мою сторону, не поворачивая при этом головы. Он молчал, но не думаю, что он ждал от меня ответа. Это был монолог – монолог, который готовился им всю жизнь.

– Сначала я сказал себе: брось, Паша, это не он. Это не может быть он. Но то, что сегодня разглядел мой единственный глаз, давно увидело сердце. Да, сердце...

Старик церемонно приложил правую ладонь к левой стороне груди.

– Сердце во мне еще живое, и поэтому я страдаю. Я очень страдаю, Сева!

Он не выдержал и всхлипнул.

Сева? Так, оказывается, меня зовут... В другой раз я бы, наверное, расхохотался. А еще – спровоцировал бы его, вступил бы с этим сумасшедшим в диалог и постарался бы запомнить в этом абсурде всё до мелочей, чтобы потом в лицах передать это Кате. Она ведь еще та хохотушка. С ней весело – вот что укрепляет наши отношения... Но тогда кровь во мне как будто загустела, стала вязкой, как сгущенка. Я мог только сидеть и слушать.

– Сева, Сева... Что я говорю! Ты ведь всё и так видишь, ты знаешь даже то, чего я не знаю...

Его мокрый зрачок опять уткнулся в меня.

– Ты знаешь, что стало с нашей Лилей.

Помолчав, он снова всхлипнул и стал шарить непослушной рукой в кармане пиджака. Я догадался – он искал платок.

– Видишь – я плачу, но это слезы облегчения. Мне, правда, легко сейчас, Севочка...

Старик промокнул платком оба глаза – живой и мертвый.

– А может, всё и не так, как нам тут представляется. Может, на самом деле ты остался таким, каким был. Может быть, все вы так и остались самими собой, и ваша смерть не умудрила вас?

Я постепенно отошел от первоначального оцепенения и подумал: буду слушать внимательно – потом перескажу всё Анатольичу – он по первой вышке психиатр. Анатольич – это наш сисадмин. Сам чокнутый на всю голову. Он говорит, что большинство людей – шизофреники. Между тем старикан продолжал свой параноидальный бред.

– А я всё думаю: а что если смерть действительно кладет вечные печати на глаза и уши, залепляет глиной уста, стягивает тугими пеленами душу? Что если и ты – вовсе не ты, а лишь слепок самого себя, тень, отбрасываемая пустотой? Но нет – всё мое существо, вся моя вера восстает против этой мысли. Смерти нет. Бог сохраняет всё. Помнишь ту надпись над воротами, где мы гуляли втроем с Лилей? Deus conservat omnia. Я всегда верил в Бога, ты знаешь. Вопреки всему.

Он перекрестился, снова повернул в мою сторону свой водянистый глаз и растерянно спросил – то ли меня, то ли себя самого:

– К чему это я?

На него было жалко смотреть: дряхлое тело, дряхлый ум. Мозг, отказывающийся работать. Но он довольно быстро нашарил потерянную было нить своего рассуждения:

– Ах, да. Бессмертны мы, Сева, вот в чем штука! И это-то меня больше всего не устраивает. Да, да, я бы предпочел исчезнуть, раствориться, стать пылью под ногами следующих поколений. Но вся беда в том, что мы бессмертны. Бессмертна и наша память, и наша совесть... Вот что подразумевали те, кто говорил о загробном воздаянии, об аде.

Пока он говорил это, справа от меня примостилась девица в красной юбке. У нее были хорошие ноги, и она это хорошо знала. У нее были просто отменные ноги – именно такие, какие мне больше всего нравятся – не худые, но и не слишком полные... С золотистым загаром и маленьким фиолетовым синячком на ляжке. Откуда этот синячок? От слишком страстных телодвижений

партнера по постельной акробатике? Она села рядом со мной с явным прицелом меня зацепить. Ей скучно в этот вечер, и она безумно любит секс с первым встречным – об этом в ней говорило всё – её поза, её как бы случайные скользящие взгляды, то, как она одета и накрашена. Вульгарно, но волнующе. Как жаль, что с минуты на минуту должна была явиться Катерина. Да и в словах этого философа проклевывался какой-то тревожащий смысл. Я отвлекся от ног соседки справа и снова посмотрел на него. Он, оказывается, проследил за моим взглядом.

– А ты всегда нравился девушкам, – старикан понимающе хихикнул. – Помнишь Оюшу из параллельного класса? Оюша, она же Троля... Как мы её дразнили, помнишь? – он засмеялся, если тяжелый горловой хрип можно назвать смехом. – Вот папаша-то ведь какой был изувер! Назвать дочку сначала Троленой – в честь Троцкого с Лениным, а потом, как Шмидт на весь Союз прогремел, взять да поменять дочке имя. Молодец, держал нос по ветру! Ха-ха!

Старик смеялся – как плакал. Из его единственного глаза капала смола.

– Была Тролена, стала Оюшминальда! Отто Юльевич Шмидт на льдине! Ах, бедная, бедная... А Лиля её жалела, помнишь? Лилечка всех жалела. И меня, наверное, тоже. А я Оюшу жалел... А записки её помнишь? Ну, которые она тебе через меня передавала? Бедная, бедная сова! Вылитая сова ведь была, помнишь? Что с ней потом стало? А впрочем, нет, не говори, я и сам скоро про всё узнаю. Про всё и про всех...

Он потер лоб ладонью, и неуверенно добавил:

– Или не узнаю... Послушай, может быть, ты действительно и сам ничего не знаешь, не помнишь? Может, ты – как сомнамбула, как зомби не знаешь, кто ты сам? Может быть, ты пришел ко мне, чтобы я тебе всё рассказал? Неужели впереди действительно забвение?

Старик задумался. Потом махнул рукой.

– Нет, нет, я давал себе слово, что ничего не стану у тебя выведывать про то, где ты сейчас... Но скажи, ты что-нибудь помнишь? Ты помнишь нашего военрука, инвалида империалистической? Про него еще говорили, что у него нога из железа. А немку помнишь? А зоологиню?

Он спрашивал – и как будто не ждал ответа. Так разговаривают со стенами и тенями. Я посмотрел на часы. Катя всё не появлялась. Чтобы остановить этот словесный поток, я достал трубку и набрал её номер, чтобы услышать сплошные длинные гудки. Она не отвечала.

– Опаздывает, да еще и трубку не берет, – бормотнул я с деланным недовольством, тихо, но отчетливо, чтобы старик услышал. Я делал вид, что озабочен только опозданием своей «заи». На самом деле на Катю мне в те минуты было наплевать. Придет, не придет – какая разница...

– А я вот всё не заведу никак, – старик, по-видимому, имел в виду мобильник. – Да и вряд ли уже когда-нибудь. Не успею. Да и незачем мне. Я, Сева, в жизни мало что успел. Хотя вот и доктором наук даже стал, и женат был дважды. И ты знаешь – оба раза счастливо. Просто моя первая – она под трамвай попала. А вторая... Трудно жить с инвалидом, ты понимаешь. Нет, она молодец – целых пять лет со мной маялась. Решила собой пожертвовать ради героя. А женщина собой видная, поклонники были всякие. Мне даже как-то легче стало, когда она ушла. Трудно постоянно принимать жертвы...

Старик опять впал в задумчивость.

– А помнишь, мы втроем с Лилей фантазировали насчет будущего, представляли, как состаримся. Ты что, серьезно думал, что в будущем старости не будет? Ты ведь петушился тогда, говорил: таблетки от старости, дескать, изобретут.

Он прищурился, глядя на меня, потом отвернулся, дернув плечом. Помолчав, снова разлепил свои пергаментные губы.

– А ведь ты оказался отчасти прав. Ты ведь вечно – восемнадцатилетний. Даже в этом твое превосходство, Сева. Даже смертью своей ты меня обскакал. Нет, что я говорю? Смерти нет. Ни твоей, ни чьей-либо другой. Ты ведь не умирал, Сева. Я это еще тогда понял, когда тебя не нашли. Многих после той атаки собирали по кускам – так и бросали в ямы руки да ноги, а чьи они – Бог весть. Немцы хорошо работали, и то поле вспахали отлично. Но тебя-то уж точно не нашли. И если бы я не видел, как на том месте, где только что был ты, вырос огромный земляной куст – я бы

тоже думал о тебе, как о дезертире. Но в том бою не было дезертиров. А был Сашка Плотников, Борька Аптекарь, да вот ты. Но если Сашку с Борькой угробила лотерея войны, ведь кого-то в той атаке должно было убить, и слепой случай указал на них, и еще на полсотни таких же, как они; да, если они погибли от немецких осколков, то тебя-то убил я.

Старик посмотрел на меня. В его единственном глазу стояла убийственная тоска. У тоски был сиреневый отлив.

– Нет, выстрелить в спину я бы никогда не смог. Я бы даже не смог тогда признаться себе, что желаю тебе смерти. Я и не желал её. Так, во всяком случае, мне казалось. Я тебя любил, ты же знаешь. Но было мгновение, я вспомнил о Лиле, и что-то чужое, холодное вползло мне в сердце.

Он снова приложил правую ладонь к груди.

– И в ту секунду я вдруг подумал: мы же на войне, и кого-то из нас могут убить. А тот, кто вернется живой – тот и будет с ней, с Лилей...

Я не помню, где по вечерам в июне заходит солнце, но мне кажется, что тогда оно раскаленным красным шаром повисло над Петропавловкой. Оно висело и долго не могло сдвинуться с места – хотя давно должно было спрятаться за силуэтом собора. Или это моя фантазия латает прорехи памяти? Да, наверное, так. Оттуда, где мы сидели, крепость вовсе и не видна. Откуда этот образ – красное солнце над шпилем? Так в воспоминания подмешивается что-то еще... Но в том, что я с точностью до слова помню всё, что говорил мне старик, сомнений у меня никаких нет.

– Оказывается, для совершения сделки с дьяволом не нужны ни бумага, ни кровь из пальца... – помолчав, страдальчески улыбнулся он. – А нужна только секунда, огромная секунда, в пространстве которой ты весь отдаешься одной мысли – страшной мысли, Сева. И даже самый чистый человек пусть не зарекается от этой секунды.

Он теребил сухими, как песок пустыни, пальцами свою трость. Слова, подобранные задолго до нашей встречи и расставленные по порядку, как паникующие солдаты ломали строй, толпясь у выхода в смятении.

– Так вот, понимаешь... Я подумал: «А вдруг тебя убьют? Тогда я приду к Лиле, и мы... вместе поплачем о тебе». И когда я представил себе это, тебя не стало. Помнишь свисток? Помнишь старшину Хоменко с огромным острым кадыком, и как он орал: «Уперед! За Сталина!»? Ты был впереди. Ты всегда был впереди, ты обогнал меня на шестьдесят лет, Севочка. А я плелся за тобой, я искал тебя повсюду – потому что не видел тебя мертвым...

Он замолчал. Последние слова были сказаны им с усилием – как будто чтобы произнести их, ему нужно было преодолеть какой-то тяжелый спазм. Он как будто боролся с удушьем, его правая рука приподнялась и застыла на полпути к горлу.

– Тот, кому я продал душу, не замедлил наложить на меня свою печать, – взглянув на меня, старик засмеялся, и опять своим рыдающим смехом. – Ты видишь, каким я вышел из того боя.

Он, вернее, обе половинки его лица – слепая и зрячая, смеющаяся и печальная, посмотрели на меня внимательно. Что он мог прочитать в моем осовелом взгляде? И тем не менее, он как будто увидел то, что хотел увидеть:

– Ты хочешь сказать, что всё это – напрасные терзания? По-твоему, я ни в чем не виноват? Ты и пришел, чтобы сказать мне это?

И тут я неожиданно для себя самого разжал челюсти, сведенные незнакомым напряжением, и отчетливо произнес:

– Да.

Он не мог смотреть мне в глаза, он опустил голову и всхлипнул.

– Я и сам иногда заставлял себя думать так. И говорить себе, что мое секундное желание твоей гибели и тот земляной куст, который вырос там, где ты пробегал, сжимая трехлинейку с двумя патронами и крича от страха – тогда все орали от страха, потому что выжить шансов не было никаких – так вот, я внушал себе мысль, что эти две вещи не связаны друг с другом. Мое малодушие

– это только мое малодушие, а снаряд, который не оставил от тебя ни петлички, ни лычки – это совсем другое, правда?

Я снова – но уже гораздо лучше владея собственными челюстями и голосовыми связками, сказал:

– Да.

Теперь он не пытался сдерживаться. Внутри у него включился и свободно заработал механизм рыдания. Прежде он смеялся, как плакал, а теперь плакал – как хохотал.

– Вам плохо? – сунулась к нему, неуклюже закрывшему лицо растопыренными пятернями, усатая тетка в спецовке, собиравшая мусор в большой черный пакет.

– Ему хорошо, – спокойно сказал я и встал со скамейки.

Я шел по дорожке, посыпанной каменной крошкой. Я никак не мог вспомнить, кого я ждал на этой скамейке, как зовут ту девушку, которая должна была прийти и взять меня за руку. А когда она окликнула меня сзади, я не обернулся, потому что забыл и собственное имя. И пока я шел по дорожке мимо странно одетых людей, одуревая от невероятного количества фантастических автомобилей, не узнавая свой город, который я знал когда-то совсем другим, – с женщинами в белых платьях, с постовыми, с трамвайными звонками, с сиренью, которая пахла совсем не так, как сейчас – пока я шел, я всё думал, знает ли он про Лилю...

Конечно, знает. Ведь после госпиталя он поехал к ней. И увидел гору кирпичей на месте ее дома. Но разве он говорил мне об этом? Нет, не говорил... Откуда я же это знаю? Откуда я знаю место, где стоял ее дом? Почему, проходя мимо, я всегда печален? И в тот вечер, идя, как лунатик, по городу – чужому мне и одновременно родному – я неожиданно оказался там – на перекрестке двух узких, как ущелья, улиц, где ловил закатные лучи стеклянный многогранник, волей чьей-то больной фантазии возникший на месте чахлого скверика. А скверик этот когда-то разбили здесь после того, как женщины и подростки, худые и бледные, разгребли груды кирпича и штукатурки, под которыми...

Нет, скажите мне, откуда я знаю всё это? Откуда я знаю?

Катастрофа

Главная тайна этого мира начиналась за забором, за небольшим неровным полем, по которому среди красноватых валунов петляла едва заметная тропинка, терявшаяся в колоннаде смолистых стволов, в еловых сумерках, в широколиственной непроглядности.

Когда какой-нибудь бесконечной городской зимой кто-нибудь рядом произносил это слово, он вздрагивал, в его ноздри ударял запах мокрого мха, хвои и прелых листьев.

Его Лес был единственным, других не существовало. Все прочие скопления деревьев, виденные им из окна электрички или в телевизоре, в его представлении были всего лишь оторвавшимися от того, главного Леса клочками. В то же время он знал: Лес не бесконечен. Там, за ним – очень далеко – что-то есть. Там, за Лесом было все, чего не было здесь, по эту сторону. Но добраться туда было едва ли под силу ему, маленькому и слабому... Ведь Лес был огромен, и тоже прятал в себе целые миры. Зимой часто снилось озеро с дикими гусями, с островами, с таинственной лодкой. Грезилась круглая поляна, посреди которой стояла замшелая избушка с низенькими окошками. Внезапно за деревьями начинались горы с пещерами, в которых кто-то таился.

Летом и в начале осени ходили в Лес с отцом, ходили далеко – целый час шли, с обязательным привалом на поваленной ветром огромной сухой ели, похожей на костяк доисторического ящера из уютной вечерней книжки, шли до места, где дорога сказочно расстраивалась, и не хватало только камня с высеченной на нем надписью: направо пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь, сам пропадешь... Отец называл это место «вилкой» и вел дальше по левой тропинке – туда, где были подосиновики – большие, на крепких щетинистых ногах. Но ему-то казалось, что если

пойти прямо или направо, можно было увидеть и не такое. Однако отец почему-то неизменно сворачивал налево. Отец говорил: там грибов нет. А что там? А что там есть? Ничего, ничего там нет интересного. И тогда снова мечталось: вот вырасти большим и пойти не так, как обычно, а туда, куда уводили в неизвестность другие, нехоженые лесные коридоры.

На дачу приезжали почему-то всегда вечером. Дом был на самом краю поселка, и пока кто-то из родителей возился с ржавым замком, отпирая замшелую калитку, он смотрел на черные еловые шпили над треугольником крыши, упиравшиеся в низко растянутую над землей огромную и подробную карту звездного неба, и не знал, кого следует благодарить за то, что мир в своей сердцевине таинственен и немного жутковат – особенно когда в доме растопят печь, когда напоят чаем и есть еще полчаса перед сном.

Он любил выйти на крыльцо и постоять под желтой лампочкой, защищенный круглым пятном света от надвинувшейся прохладной темноты, издававшей загадочные звуки – шорохи, шелесты, шепоты. На свет летели мошки и мотыльки, и где-то совсем рядом шумно буравили воздух охотившиеся за всякой воздушной мелочью невидимые, появлявшиеся лишь на миг летучие мыши. Лес – черный и, казалось, совершенно немой, внезапно откликался жуткими голосами: «У-у!» А однажды как будто валенок кто-то бросил из темноты – шур-шур-шур – пролетело мимо большое, продолговатое. Он догадался: сова.

Однажды он видел, как заблудившийся свет то появляется, то исчезает среди почти неразличимых в сумерках деревьев – это сосед, такой же дачник, искал с карманным фонариком сбежавшего, как оказалось, навсегда, маленького, совсем игрушечного бульдожика. Мама тогда объяснила: наверное, соседскому бульдожику больше понравилось в лесу, вот он там и остался. И в ту же ночь приснилось, что так оно и есть. И беглец сам об этом поведал, потому что бывают ночи, когда человек, особенно ребенок, может понимать язык зверей и птиц, и даже услышать голоса деревьев и трав, а если повезет, то и камней.

– А может, тебя волки съели? Или сова унесла? – спросил он бульдожика, на что тот только засмеялся, показывая все свои зубы и бряцая медальками на шее.

Так в Лесу появился еще один обитатель. Кроме него их было много – всяких, и добрых, и злых. Все они переселялись туда из каждой прочитанной на ночь сказки. Жил-был там и Коловертыш, и ведьма Марина, и Кот-Котонай, и лютый зверь Корокодил. Рвала там одолень-траву мертвая Рогана, искал Рай-дерево Волк Самоглот, топтался Слон Слонович с мягким хоботом, пролетала над деревьями в поисках неизвестно чего Страфиль-птица, всем птицам птица.

Но когда немного подрос, они ушли обратно – в книжки, пожелтевшие, сморщившиеся от сырости. Однако Лес не пустел, он оставался обитаемым и таинственности своей не терял.

Когда исполнилось двенадцать, решился на путешествие, пошел обследовать не хоженые с отцом лесные тропы и убедился, что Лес огромен и для непосвященного непроходим. Дело было не в размерах даже, а в том, что время и пространство там были не такими, как везде. Он шел посолонь, но солнце все равно оказывалось у него за спиной. Он бродил весь день – до сумерек, и хотя двигался всегда прямо, в конце концов вышел, искусанный комарами, исхлестанный ветками, там же, где и вошел, внезапно увидев за деревьями желтые прямоугольники окон, услышав дальний лай поселковых собак.

Да, Лес оставался таинственным. Правда, таинственность его стала другой. Она была сродни таинственности того глянцевого альбома, который был привезен отцом из города и который так хорошо было листать перед сном. Фридрих Давид Каспар – так звали художника, и не понятно было, где у этого старинного человека с огромными бакенбардами имя, где отчество, а где фамилия.

Он был почти уверен: если пройти Лес до самого конца, а идти бы пришлось невероятно долго, то, конечно, выйдешь на край обрыва, поросшего огромными соснами и дубами, и впереди откроется чудесный, пленительный вид – неоглядная долина, гигантская зеленая чаша, на дне которой, как на старинной карте, рассыпаны тут и там утопающие в молочном тумане городки с островерхими крышами, деревни с ветряными мельницами. И конечно, там будет река, сере-

бряно-изумрудной змеей лежащая посредине, прикованная к земле каменными дугами мостов.

В той долине все было так, как здесь, но немного иначе. С наступлением осени злые ветры рвались туда, обдирая свои холодные бледные руки, но никак не могли дотянуться до цели – Лес защищал, обступая долину с трех сторон, и ветры, боясь заблудиться, отступали, возвращаясь туда, где стоял ветхий деревянный дом с шиферной крышей. Бродяги с досады толкали дом со всех сторон, силясь повалить его, по-волчьи выли в трубе, разбрасывали по двору мусор, пригоняли с севера стада серых туч. Но чем сильнее была непогода, тем уютнее сиделось у жаркой печки с раскрытым альбомом на коленях и думалось о том, что там, за Лесом – тоже ночь, и тоже осень, но не такие – другие. Здесь небо было обито тремя слоями войлока, и местоположение луны угадывалось лишь по мутному пятну света. Там же, над долиной, небесный свод был идеально чист и являл взорам досужих аборигенов всю свою многозвездную роскошь, посреди которой торжественно сиял отполированный до блеска диск из слоновой кости.

Жители долины ложились поздно, по вечерам они, накинув на плечи шерстяные пледы, садились на аккуратные деревянные скамейки и откидывали головы назад. Это у них называлось «выпить перед сном чашечку лунного света». Видимо, эта ежевечерняя привычка и делала насельников долины такими добродушными и покладистыми. И если тот бульдожик все-таки не был съеден волками и пересек лесную бесконечность, он попал в хорошие руки. «Без миски с супом тебя там не оставят», – мысленно говорил ему, счастливый, засыпая после чая с сырниками.

Нет, мысли о блаженной долине вовсе не означали, что по эту сторону Леса всё было серо и постыло. Ему нравилось приезжать сюда. Он любил здесь даже то, от чего все дачники разом сбегали в город, – холод и сырость поздней осени. Даже вид оборванца, который принимал его Лес в ноябре, до снега, не очень-то удручал его. В это время Лес становился прозрачным и тихим, и таинственности своей не терял. Он по-прежнему был необъятен и непостижим. Он уже не спешил притворно разболтать свои тайны бесчисленным множеством своих язычков, пожелтевших, упавших на землю и готовых исчезнуть под первым снегом. На полгода он принимал обет молчания, и в немоте своей был едва ли не более красноречив, чем раньше.

Когда исполнилось тринадцать, стало ясно, что никакой блаженной долины с рекой по ту сторону Леса нет, а есть, по-видимому, такая же земля, как и здесь, в поселке. Но разочарования не было, жизнь все равно умудрялась оставаться таинственной и огромной, причем везде – и в огромном, таинственном Лесу, и где-то далеко за ним, и даже здесь, в поселке. И сделав всего несколько шагов от края поля, углубившись на несколько деревьев, ему уже казалось, что он приобщен к недоступной другим огромной тайне. Особенно нравилось, войдя в Лес вечером и прислонившись к дереву, смотреть сквозь черно-серую путаницу голых ветвей на дом, где в это время сидели перед телевизором родители. Из Леса и сам дом, и весь наполовину опустевший поселок, и далекий Город, из которого он приехал сюда, казались другими. Из Леса мир понимался иначе.

Однажды зимой, в Городе отец подозвал его к себе, с лукавой улыбкой ткнул пальцем в экран ноутбука – туда, где ультрамариновая утка с обрезанными крыльями тянула свой приплюснутый нос к серому пятну, окруженному какой-то зеленоватой мутью, накрытой желтой сеткой ломаных линий.

– Узнаешь? – спросил отец, загадочно улыбаясь.

Нет, он не узнавал. А между тем утка оказалась заливом, серое пятно, в которое уткнулся утиный нос, являло собой Город.

– Это из космоса, со спутника, – сказал отец.

Земля, снятая с неимоверной высоты, была похожа на пятнистую военную одежду. Преобладал темно-зеленый. Это леса, – объяснил отец. Темно-синие, как анютины глазки, черные и светло-голубые пятна означали озера.

– А вот и наша дача. Узнаешь?

Нет, он снова не узнавал. Тогда отец несколько раз щелкнул мышью, укрупняя масштаб, и зелено-серая масса уступила место беспорядочному построению из неровных и разноцветных

геометрических фигур. Он увидел рваное по краям покрывало из лоскутов. Это были поля – те самые, которые проезжали на электричке. Он вспомнил ржавый гусеничный трактор, груду валунов и большое аистиное гнездо на мертвой сосне.

– Вот наше садоводство, – отец показал на сужающийся кверху прямоугольник, исчерченный прямыми линиями. – А ну-ка, найди наш дом. Ну, на самом краю. Ищи пожарный водоем. Нет, на другой стороне.

Он беспомощно шарил глазами по этому странному рисунку и никак не мог найти. Отец снова пощелкал мышью, и уже можно было различить не только крыши домов – красные, серые или ослепительно блестевшие цинком, но и деревья, и автомобили.

– Ну вот же, видишь! У самого леса.

То, что отец назвал лесом, из космоса выглядело как небольшой зеленый ромб, одним своим ребром смыкавшийся с одной из сторон того прямоугольника, которым, как уверял отец, был их дачный поселок. По своим размерам обе геометрические фигуры были примерно равны.

– Это что – Лес? – спросил он.

Отец увеличил изображение. На экран наползли как будто ватные комочки, только зеленого цвета – деревья.

От маленького серого квадратика – то есть от дома, крытого шифером, тянулась по зелени, то пропадая, то появляясь снова, слабая, похожая на старый шрам линия, расщепленная на конце.

– Это дорога. Вот здесь, у камня мы идем влево, здесь собираем красные. А тут подберезовики. Ну? Помнишь?

Он, конечно, помнил. Он помнил, что и эта дорога, и березняк, и осинник, где не переводились их грибы, были лишь краешком, лишь маленькой освоенной частью непознанного мира, лишь коротким многообещающим вступлением перед началом долгого увлекательного рассказа. Но живая карта, которую с таким увлечением разглядывал отец, утверждала, что этот ничтожно маленький зеленый ромб и был тем Лесом, который так манил его летом, а зимой заполнял собой всё видимое пространство его снов.

Теперь его убеждали поверить в то, что по ту сторону Леса, почти сразу за осинником, проходила линия электропередач (металлические опоры, если присмотреться, можно было разглядеть), за которой была заброшенная лесопилка (ржавого цвета прямоугольничек), старое кладбище, три блочные пятиэтажки и силосохранилище (что это такое?). Дальше шли беспорядочно разбросанные деревни, станции, поля, водоемы, леса. А сам Лес оказался так мал, что когда отец снова пощелкал мышкой, и космический корабль с фотографом на борту начал стремительно уходить вверх, в безвоздушную черноту, от тайны тайн осталось лишь пятнышко, лишь зеленая крапинка, которая вскоре потерялась в бессмысленной пестроте земного пространства. В эту секунду беззвучно и безвестно схлопнулся, превратился в точку большой, таинственный и обитаемый мир.

Владимир МЯЛИН

***

У марта колеи слепой,
В которой рельсы, лёд и стужа,
Жужжит ветряк сторожевой
И мелет воздух неуклюже.
И не спеша бежит по ней
Гремучий чугунок состава.
И ломит кости и суставы
Весенней песенке моей...

***

Нет, рай не сад... А если бы и сад,
То лишь на срок – и лишь наполовину,
Где веют хлеб и борова палят,
Картошку тащат, навалив на спину.
В корзины сыплют виноград рябой,
В снопы закатные колосья вяжут,
И товарняк проходит дровяной,
Дудит в трубу и светится поклажей.

***

Бесплодной смоковницей в печке горю.
Журчу и вздыхаю,
журчу,
говорю...

Ночей безучастность, бессмыслие дней
понятны и дверце
чугунной
моей.

И дверце чугунной,
и вольной трубе.
И даже –
о, копоть печная,
– тебе.

Владимир Мялин родился в 1961 году в Москве. Член Союза писателей России. Печатался в журналах «Арион», «Волга», «Интерпоэзия», «День и ночь», «Бег», «Российский писатель», «Московский Парнас». Автор книги стихов «Из ближнего рая».

***

Мы лампочки смеха над вечной душой,
Мы – куклы над сумрачным телом.
Простишь ли нам, Господи-Боже, большой, –
Нам, маленьким, оторопелым?..

Простишь ли руками захватанный свет,
Беспамятство ночи? Простишь ли
Забытую варежку, смятый билет? –
Дыханье – и влажные губы в ответ
С мороженой радостью вишни?..

***

Горний свет в чечевичной похлёбке,
Что-то птичье в дрожании свеч.
И живу я, надменный и робкий,
Как моя чужестранная речь...

Как моя золотая сивилла
В лоскутах и дорожной пыли...
Или это душа выходила,
Шебурша по подвалам земли?

Или вечность со свечкой грошовой,
Нахлебавшись унылых бобов,
В светлый дом возвращается снова
Из заветренных тёмных дворов?..

***

светлой памяти Т.В.К-Л.

...И просит нарезать харита
Грамм триста «российского» сыра.
И блещет в глазах васильковых
Отроду граненый бриллиант.
И Райка кладёт на прилавок
Громадную жёлтую шайбу,
Облитую воском пчелиным
С цветочных Эллады полей...
И жертвенный нож отрезает,
Блестя, за пластиной пластину.
Забрав свой торжественно свёрток,
Харита уходит, смеясь.

Уходит она за туманы,
Уходит она за заборы,
Минует она гаражи.

И к дому подходит, где лира
На стенке висит на гвоздочке,
Висит на гвоздочке, прибитом
Поэтом московских дворов.
И он называет Тамарой
Младую, как масло, хариту
И гладит её по головке,
По шёлковым белым кудрям.

А утром вставать на работу,
А утром идти на работу,
Идти по мосту, там, где ветер
Тебя продувает насквозь.

И слушать гудки и составов
Гремящие звенья, и видеть:
Внизу – с тепловозных амвонов
Косые восходят дымы...

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Одесские рассказы из недалекого прошлого

Бриллиантовая нога

При советской власти в Одессе жил один потомственный ювелир – Хаим Осипович Ермолицкий. Когда он решил эмигрировать, КГБ установило за ним круглосуточную слежку. Комитетчики не сомневались, что он попытается вывезти свои бриллианты. Увидев, что он купил на толкучке две пары обуви на толстой подошве, они поняли, что он хочет спрятать драгоценности в них. И они оказались правы. Дома Хаим задернул занавески на окнах, взял дрель, просверлил в подошвах отверстия и всыпал в них камни. А дырки аккуратно заклеил. Потом надел туфли и походил по комнате. Бриллианты издавали такой страшный скрип, что от ужаса старик вспотел. Но поскольку никаких других планов их вывоза у него не было, он махнул рукой и сказал: «Будь что будет!» Бриллиантов у него, в принципе, было не очень много, поэтому хватило одной пары обуви. А вторую он подарил своему племяннику Мише.

В назначенный день Хаим отправился на морской вокзал. Пароход на Хайфу отходил оттуда. Миша поехал провожать его. В машине Хаим страшно разнервничался.

– Миша, знаешь что? – сказал он племяннику. – Мне – 80 лет. Зачем мне эти сокровища? Я хочу поцеловать Святую землю и спокойно умереть. А тебе они еще пригодятся.

После этого он поменялся с Мишей обувью. На вокзале Хаима сразу же направили к таможенникам, которые уже были предупреждены. Они вежливо попросили его разуться и разобрали его новые туфли на составные части. Они были так уверены, что отправят этого афериста не в Израиль, а в полностью противоположную сторону, что даже расстроились. Тогда они позвонили куда надо и говорят: в туфлях ничего нет, что делать? Им отвечают: потрошите чемодан, пиджак, штаны, если есть кепка, потрошите кепку. Они так и сделали – ничего! Снова звонят куда надо, те: выворачивайте его наизнанку, невозможно, чтобы не было! Таможенники, недолго думая, отвезли несчастного в больницу, где ему промыли желудок, заставили выпить литр контрастной жидкости, сделали рентген и снова ничего не нашли. На этот раз уже те говорят: трудно поверить, но, видимо, мы таки ошиблись, извините за беспокойство. Тогда эти таможенники умыли руки с мылом и разошлись по домам. А на следующую смену заступила новая группа таможенников, в которую входила младший лейтенант Татьяна Николаевна Луговская.

Это была простая советская женщина 55 лет, которая в силу обстоятельств личной и трудовой жизни находилась в довольно-таки депрессивном состоянии духа. Причин для этого было – хоть отбавляй. Как раз в тот день ее кошка родила шестерых котят, и раздать их не удалось. Ни одного. Раньше брали, а сейчас говорят самим жрать нечего. Тогда она с тяжелым сердцем налила полведра воды и утопила их. А кошка все норовила заглянуть в ведро, чтобы выяснить, что хозяйка делает с ее детенышами. При этом мяукала таким диким голосом, что это мяуканье стояло в ушах у Татьяны Николаевны все время, пока она ехала на службу.

За своим обычным делом Татьяна Николаевна надеялась отвлечься от пережитого, но не тут-то было. В кабинете ее ждал Ермолицкий. На старике, как говорится, не было лица. А если точнее, то на нем вообще ничего не было, кроме синих ситцевых трусов и частично белой майки.

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации прозы: «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал» и др. Автор трех книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

– Это кто? – спросила она.

– Та застрял тут один, – объяснили ей небрежно.

Татьяна Николаевна подошла к старику, посмотрела его документы и спросила:

– Хаим Осипович, у вас есть, что надеть на себя?

– У меня есть желание умереть и не видеть этого кошмара, – ответил Хаим Осипович.

– Вас кто-то провожает? – спросила таможенница.

– Племянник, – сказал старик и слабо махнул в направлении двери, через которую он вошел в это чистилище.

Тогда Татьяна Николаевна вышла в зал, где толпились провожающие, и спросила – есть ли среди них племянник Хаима Осиповича Ермолицкого.

– Есть! – тут же нашелся тот.

– Молодой человек, – сказала Татьяна Николаевна. – По независящим от меня причинам костюм и обувь, в которых Хаим Осипович собирался ехать на свою историческую родину, пришли в негодность. Но вы не волнуйтесь, сам Хаим Осипович почти в полном прядке. Ему просто надо переодеться перед отъездом.

– Я могу только снять с себя, – предложил племянник.

– А сами пойдете домой в трусах и майке?

– Послушайте, в Одессе пешеход в трусах и майке – нормальное явление, – нашелся племянник. – Может, он с пляжа возвращается, а может, вышел мусор выбросить. Но появиться в таком виде за границей таки неловко. Зарубежная пресса может это неправильно истолковать. Вы меня понимаете?

– Ну, давайте, что там на вас есть, – вздохнула Татьяна Николаевна, и через пять минут Хаим Осипович надел на себя джинсы своего племянника, его футболку «Адидас» с тремя красными полосками на плечах и совершенно новые туфли, где лежали все сбережения его жизни.

– Как вы себя чувствуете? – спросила младший лейтенант Луговская.

– Лучше, – лаконично ответил Хаим Осипович и пошел к трапу.

Кладбищенский романс

Вопреки слухам, Альберт Эпштейн никогда в жизни не эмигрировал в Америку. До конца своих дней он прожил в доме № 17 по улице Пишоновской, работая кантором на Втором Еврейском кладбище. Он пел с детства, в основном цыганские песни под гитару, но набожные евреи обратили внимание на его голос и решили сделать мицву его бедной маме Берте Наумовне Эпштейн.

Перед тем как начать свою кладбищенскую карьеру, Альбертик честно сознался, что на еврейском он знает только одно неприличное выражение – и все. Благожелатели ответили, что в наше время редкий человек знает больше. Именно поэтому так ценится работа кантора, который хоть на выходе из этого мира может напомнить евреям об их корнях.

– Что я сам знаю о своих корнях? – спросил Альбертик.

– Все относительно, молодой человек, – ответили евреи. – Вы можете петь, но не знаете о корнях. Мы знаем о корнях, но не можем петь. Ваш предшественник не знал оф-идиш даже одного неприличного выражения, поэтому относительно него вы – академик.

– Как же он выходил из положения?

– Он часто повторял слова «абысалы парнус» и «фотокарточка на память». В некоторых комбинациях слов заключена особая сила. Так говорит Каббала.

Короче, с появлением Альбертика на кладбище его семья просто ожила. От работы на свежем воздухе он окреп, на щеках горел румянец. На работу его возили на темно-серой «Волге» Газ-23, как если бы он был не рядовой кантор с Молдаванки, а сам Иосиф Кобзон.

Но в один прекрасный день на Второе Еврейское кладбище принесли большого человека в сопровождении родственников из Бруклина. Эти тут же вычислили, что кантор поет на иностранном и вдобавок листает страницы не слева направо, как все грамотные люди, а наоборот. Триумф

обернулся позором. Гости повернулись к Альбертику и стали так свистеть и кричать «бу-у!», как если бы это было не кладбище, а стадион. На то, что у них стоял незакопанный покойник, им было наплевать. Я вам говорю: у этих американцев может и есть кое-какие знания, но культуры – никакой!

Что же сделал Альбертик? После стольких лет исполнения его эрзац-кадиша на цыганской мове сама судьба предоставила ему возможность воспользоваться той одной единственной фразой, которая связывала его с его народом.

– Знаете, что? – сказал он провожающим. – Если вам не нравится, как я пою, так поцелуйте меня – не буду говорить куда – и будьте мне здоровы!

Так и сказал, но только другими словами. И короче.

От этих слов делегация свистунов опешила.

«А может, он все-таки пел на идише? – подумали они. – Просто у него акцент такой странный. Одесский. Когда мы сами переходим на английский, то у нас в Бруклине нас тоже не все понимают».

Короче, когда они покончили с погребением, они вызвали директора кладбища и сказали: «Слушайте, верните своего кантора назад и передайте ему вот этот пакет, чтобы он на нас не держал зла». С этими словами они уехали, а Альбертику позвонили и попросили вернуться туда, где без него жизнь остановилась уже окончательно.

Да, спрос на него был очень высокий. Клиенты таки любили, когда он пел про «абысалы парнус» и «фотокарточку на память». От этих слов они плакали еще горше и лучше жертвовали на бедных.

Правда, после того инцидента провожающие должны были указывать в анкете, будут ли на кладбище гости и родственники из-за рубежа. Если да, им говорили: «Значит, ситуация такая – либо вы исполняете кадиш сами, либо кадиша не будет. А если вы хотите музыку, так у нас в синагоге сегодня вечером будет вечер цыганской песни».

И всем было хорошо.

Конец света

Когда Валерий Леонтьев впервые приехал в Одессу, в городе начался страшный ажиотаж. Все хотели попасть на концерт новоявленной звезды. А он должен был выступить в филармонии.

Зиновий Альтер был самым знаменитым в Одессе портным. Обшивал всех местных начальников. Он, как говорили знающие люди, умел брать, но давал качество. Поэтому Зиновию казалось, что на предстоящем концерте он должен си-деть в первом ряду рядом с другими уважаемыми людьми города. Для этого он по-звонил одному заказчику и сказал, что за два билета в первом ряду готов отдать любые деньги. И тот таки устроил ему два билета за любые деньги.

Когда Зиновий со своей усатой женой Милой заняли места, то слева от себя он обнаружил председателя горисполкома, а справа, сразу за милочкиным бюстом – начальника МВД. Но кто мог знать?! Сейчас бы он, конечно, предпочел сидеть не в этой компании, а, скажем, рядом с директором Первого гастронома Семеном Ильичем Горкиным – тот устроился в безопасном четвертом ряду рядом с во-допроводчиком Серегой Ждановым. Серегина сестра работала в филармонии бух-галтером и по блату достала ему хорошее место. В этом было что-то символичное. Директор гастронома и простой водопроводчик сидели рука об руку, олицетворяя собой союз интеллигенции и пролетариата, что было возможно только в Советском Союзе при наличии правильных родственников.

Но если на уровне директора гастронома и горводопровода эта спайка казалась более или менее органичной, то в первом ряду ситуация сложилась иначе. Невооруженным взглядом было видно, что начальникам неловко за то, что на таком ответственном мероприятии рядом с ними сидит лицо еврейской национальности, какими бы швейными талантами оно ни обладало. И какими бы интернационалистами ни были начальники, они всё же стояли за соблюдение мини-

мальных приличий. Это было написано на их лицах такими большими буквами, что Зиновий понял, что зарвался.

Ему стало так стыдно за себя, как только может стать стыдно настоящему еврею. Он изо всех сил вцепился в руку своей Милы, словно удерживал сам себя от того, чтобы не извиниться и если не выйти из зала, то хотя бы поменяться местами с Горкиным. Все-таки тот был ближе к начальству по партийной линии. И эта линия обеспечивала куда более интимную близость, чем даже та, которую Зиновий испытывал к горисполкому или МВД, когда они стояли перед ним, разведя руки в стороны, а он, уперев лысину в их живот, измерял объем бедер.

Душевное напряжение Зиновия было таким сильным, что он уже не обращал внимания на то, что у горисполкома плохо вставлен рукав в его чешском пиджаке, а у МВД такие оттянутые на коленях брюки, что смахивают на трикотажные шаровары.

Что касается Горкина, то он ни минуты не жалел, что сидит в трех рядах от МВД. Тот отправил за решетку двух его предшественников, хотя они исправно поставляли дефицитную колбасу в его ведомственный буфет. Это означало, что отправка Горкина на скамью подсудимых была делом времени.

Но не эти сложные отношения определили исход вечера.

У сидевшего рядом с Горкиным Жданова был знакомый кочегар Фима Шлак, с которым он встречался на пляже в Аркадии и играл в преферанс на деньги. И такая пошла у этого Шлака полоса невезения, что он проигрался в пух и прах, задолжав Жданову 40 рублей.

Перед тем как ехать на концерт, Жданов зашел к Шлаку и, не получив денег, крепко накостылял ему. Он был выше Шлака на голову и весил кило на 15 больше. Тогда побитый Шлак пошел к соседям и одолжил 25 рублей. Больше они ему дать не рискнули, но на время он откупился от кредитора.

После того как Жданов откланялся, Шлак сел на велосипед и погнал на работу. При этом он приговаривал: «Я тебе такой концерт устрою, мало не покажется». Кто мог подумать, что энергопитание филармонии осуществлялось через его предприятие?!

На работе Шлак залез в трансформаторную будку и положил железный лом на два провода, которые нельзя было соединять ни при каких обстоятельствах. В результате этих безответственных действий во мрак погрузились десятки кварталов от Пересыпского моста до Греческой площади. Светло было только в районе трансформаторной будки, которую со страшными завываниями приехали тушить не менее полдюжины пожарных машин.

Короче говоря, Леонтьев вышел на сцену, обнаружил, что микрофон не работает и, извинившись, уехал в гостиницу «Лондонская», где его уже кое-кто, не будем уточнять кто именно, ждал.

Когда на сцену вышел человек с фонариком и объявил, что из-за аварии на силовой станции концерт отменяется, первым поднялось на ноги МВД.

«Так! Всем следовать за мной!» – негромко дало оно команду, но большинство подумало, что им пока торопиться некуда.

Между тем МВД и горисполком двинули куда-то во мраке, слепо переставляя ноги и роняя на них негромкие, но тяжелые матюги. Наконец входная дверь хлопнула за ними, и Зиновий выдавил:

– Это был натуральный конец света!

– ТАМ свет есть всегда, – многозначительно заявила Мила и добавила: – Теперь ты понял, что надо ехать?

В отличие от мужа, Мила была антисоветчицей. Она никогда не работала и поэтому могла судить о политической ситуации в стране, не боясь испортить отношений с заказчиками.

– Я понял, – ответил Зиновий, для которого вся политическая ситуация в стране свелась к той, в которой он чисто случайно оказался в первом ряду партера одесской филармонии.

Нащупав в боковом кармане пиджака зажигалку «Ронсон» – подарок одного капитана загранплавания, он щелкнул ей и, подняв над головой, повел жену на выход.

И следом за ними потянулись остальные.

Александр УЛАНОВ

***

Вода, обосновавшаяся внутри, спрятавшаяся в пещере. Обзаведясь цветом, национальностью. Собирая родственников. Вязкая в кругах, стараясь течь, а не литься, не показываясь на свет, провожая искры от легких к сердцу. Притворяясь, что она, подносчица припасов, и есть жизнь. Только месть и остается у застоявшейся.

Но вспоминает что море, разъедает пути, бьется гранями соли, гремит в ушах, проклинает, горит, еще одна, не боясь, не зная, гонится и гонит, тащит за собой всю оболочку, взрывает изнутри.

Пока не море.

***

ожидание вместе когда друг друга когда вдвоем третье позволяя ожидать врозь каждый свое близко не все равно так продолжается между воздух не нитка арки деревьев живы птичьей пуговицей песчаной иглой путь держу в голове в одну сторону другие на тепло змеи не ждут коты руки между иду

***

по буддистской пустыне замерзая бумагами за взъерошенной ящерицей умывая работой в другую за вращающейся дрожью одежд успеть о карте неба спящим конусом в круг юга новыми холмами для праздника старых камней сороконогий хлеб переносной пещерой в тени укропа и беличьего хвоста сон будущим оскским солнцем

***

берегу тепло в море в горле за костями в мыши вдали в касании светло-серая морская боль перелетных слов воздух о воздух дерево ждет письмо поднимает снег арка светло-серая где шипит луна тенью на дожде волной встречи половинками ветра падая в проглаженный ключ

Александр Уланов родился в 1963 году. Окончил Куйбышевский авиационный институт. Доктор технических наук. Работает в Самарском аэрокосмическом университете на кафедре конструкции и проектирования двигателей летательных аппаратов. Автор нескольких книг стихов и малой прозы, около 300 статей о современной русской и зарубежной литературе (публикации в «Ex Libris НГ», «Знамени» и др.), переводов с английского (современная американская поэзия), французского (Поль Валери), немецкого («Сонеты к Орфею» Р.М. Рильке). Лауреат Премии Андрея Белого 2009 года (за литературно-критические статьи).

***

щепка раковинами теней разделенным огнем хлеба углами барабанов слабостью утра жары зеркалами мака в кровь коленями ноября колючка сетью песка не найти выдержать разделение переменой падения в близость травы снега этим и вроде да птица возможных углов спящая в самом быстром изгибе переставленной ночью кольцом тумана ковыля касающегося быть

***

желтым запахом камня для метеоров реки ящерицей по волне ночной спине той же страницей бесконечностью падения полетом по себе ходом норами частью следа языка дождя секундой за каплей начиная вблизи сухой клубникой губ не мешать звать удерживаясь от когда очень осень яблоком тлеть длить

***

нет здесь ты за моей спиной и я за твоей выгнули место набирая в карманы скорость превращаясь в путь на встречу в море замер(з)шее и в(з)рывающееся в еще продолжая дельфина под окном цветов декабрьского поля шахматной ветреницей серой стеной реки держащей над хрупкой улиткой ниткой туда

***

по трамвайной траве между змееносцем и скорпионом участвуя в шаге кофе углом угля вести дорогу об арках невозможных разговорах на волос вопроса ивой навстречу взлетом слоем за каплей сквозь пену башни иным инеем переменой миллиметрами метро стилем к цветкам волн

***

семечками гладкими китов сороконожек пухом касание живет внутри даром длящимися косточками оставляя пространство для бега от чужого плавания крошащимися подошвами не никогда возвращаясь поездом горячего песка к постоянной потере улиц открытой к тебе под звездами попадающими в локоть морского камня

***

рано поздно течет в обратную сторону мхом на запястьях перепонками на пальцах влагой неоткрывающихся глаз досады согревая(сь) касанием пухом объемом огня бегущего уверенно исчезая кругами расширяясь теряя притяжение химерами камня ступенями холма пока не дождь до середины стены порохом птичьего винограда входя в окно

Марина ПАЛЕЙ

Из цикла **«ВЗМАХИ РУК НА РЕЧНЫХ ПОВОРОТАХ»**

её парень в тюрьме
он один у неё на уме

...жёны, мужей к ней не бойтесь пускать,
не войте, не бейтесь об стол головами:
когда ваши мужья заваливают её в «приват»,
то есть в кровать –
водкой, стишками, руками, ногами,
им счастливей с нею ни разу не стать
значит, они останутся счастливы с вами

её парень в тюрьме
она – в своём тереме, словно в трюме
узилища, лепрозория гетто это угрюмей
персонал: кухонный газ,
унитаз,
зомби-ящик
на голых плечах – драный, весь в пятнах, плащик

она – словно скелет в скафандре,
перст без деспотичной дистальной фаланги,
мумия кошачьего фараона –
лежит часом за часом
под воющим африканским мясом
молча и отстранённо

затем – как-то пугающе изумлённо –
словно на лабораторном столе высоком
подопытная, вся в красных разрезах, мышь,
что дёрнулась, в самом конце, под высоковольтным током

***

не знаю, наступит ли Конец Света,
но знаю точно: наступит конец лета
я даже знаю, когда он именно наступает:

Марина Палей родилась в Петербурге, с 1995 года живет в Нидерландах. Многочисленные публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Волга», «Урал», «Нева» и др. Тринадцать книг прозы издано в России и восемь – за рубежом. Проза переведена на английский, финский, немецкий, шведский, японский, итальянский, французский, нидерландский, норвежский, словацкий, словенский, эстонский, латышский языки. Финалист премий «Букер», «Большая книга», им. И.П. Белкина (дважды). Лауреат «Русской премии»-2011 (роман-притча «Хор»).

в начале мая – тогда уже ничего не тает –
кроме сердца, конечно, – и небо глупеет от просини,
и что остаётся ждать, кроме осени, осени

не знаю, наступит ли Конец пролитию крови,
но знаю точно: не будет конца для моей любови
я даже знаю причину бессмертья такого:
она просто вернётся под своды *исходного крова* –
бомжевать по-над небом, что звёзды жёлтые скалит...
потерпи её в сердце твоём – скажешь, она и свалит

***

мне досталась война, война –
и краткие передышки,
чтобы продолжать войну
до победного крандеца
не встревай поперёк,
ты, половецкий мальчишка,
твоё сердце не перегонит моего свинца

не встревай – ни на суржике, ни на инглиш,
ни даже на идиш,
на каком – безразлично мне – всё про суму да тюрьму
ты меня не увидишь, мальчик, даже если увидишь
я тебя не пойму, мальчик, даже если пойму

не молчи, бормочи, бормочи – про имидж брутальный,
про дельтапланы, батискафы, байсиклы, поезда
голубка веточку притаранит в твою бомжеватую спальню,
нуаровая блондинка отыщется без труда

а всё же мне страшно
и ровно в двенадцать – куранты,
и воспалённой простатой горит над Кремлищем звезда
и в шесть – куранты,
и краснорожие, «с дяревни», курсанты
уходят, как их отцы, неизвестно куда

здесь пересадка, мальчик:
сквознячно, склизко, вокзально,
и куру варёную жинки жуют и жуют в поездах
и везут поезда – вместе с жинками, курами –
веточку в чью-то спальню,
чтобы тот, кто в спальне,
мог истерзать её в прах

Владимир НАВРОЦКИЙ

Ластик

или вот, поучительная история о мальчике Ластике, обитавшем
на колхозном рынке, в рядах, где торгуют черной малиной
среди бабок, приветливых к мальчику, а для покупателей страшных
бабок с чёрными пальцами, прилавков неестественно длинных.

Как однажды Ластик, заскучавший от черной малины и рынка и бабок
отправился в путешествие, для чего поплыл через окружавшее рынок
тёплое озеро с лилиями и водомерками, и вскоре приплыл обратно:
оказалось, что озеро замкнуто на себя, без складок и без разрывов.

Потому что ни мальчика Ластика, ни водомерок, ни чёрной малины – нет.
Их иллюзорное бытие обусловлено калькулятором одной из бабок.
Небольшая машина Тьюринга, встроенная в калькулятор,
одну секунду времени Ластика обсчитывает около тысячи лет.

Да, хозяйки тоже не существует, но её калькулятор все-таки есть.
Это трудно понять, это не объяснить, да и незачем объяснять:
как становится ясно ближе к концу, это рекламный текст.
Позвоните сейчас, закажите карманное устройство бытия
на рассыпухе серии К155.

Дженнифер

У Дженнифер дом, небольшая лавка: соль, бакалея, мыло.
Приходится биться, приходится помнить полсотни разных вещей.
Вот только в подвале чуть-чуть повело несколько кирпичей
а впрочем, стена и без них стоит, забила назад, забыла.

Потом, через год, заметила – выдвинулись опять,
впихнула. Потом через месяц – лезут и лезут, б..дь.
Придвинула бочку. Ну вроде бы держит. Что бы ей не держать.

Назавтра спускается Дженни в подвал – бочка в другом углу.
И дырка в стене, и три кирпича лежат под дырой на полу.

А меж кирпичей, лежащих ребром
в вершинах равностороннего треугольника,
земля благородно-серая, с праздничным отблеском,
комками диаметром с голову школьника.

Владимир Навороцкий родился в 1979 году в Якутии. Окончил Пензенский государственный университет. Публиковался в альманахе «Вавилон», в журналах «Воздух» и «Знамя». Работает удаленным программистом. Живёт в Пензе.

И Дженнифер смотрит на землю и видит, что жизнь почти что прошла,
а как бы и не было, словно бы, девочки, вовсе и не жила
бежишь, говорю, суетишься, а после
нечего рассказать,
но вот – концентрат свободы лежит
для той, кто посмеет взять.

и Дженнифер хавает серую землю, жрёт кусок за куском
Ушла, возвращается (где и взяла-то) с эдаким туеском
Бегом по соседям – волшебную землю подбрасывает в дома.

Так в городе Лондоне начинается чума.

Montana

Бесполезные факты: часы «Монтана», погружённые в синий гель,
умирают – от влаги, прошедшей по кнопкам – уже через пару недель,
Пропищав одну из мелодий, памятных жившему в девянос-
Девяностые годы. Звука не слышно: гасит гель для волос.

Ностальгировать сладко, как ваву чесать. Поколенье семь шесть – восемь два!
Приходите в мой дом, приносите «трансформеров», «Денди», игру «За рулём».
Я наполню *сифон* и достану игру «Эрудит», поиграем в слова,
И ещё я открою *несвежий гель*, и мы все им *обмажемся*,
ну и всё что потом. Всё, что потом.

Но моё поколенье молчит по углам, как рассыпанное драже.
Нет, они не придут (в этих кофточках с ромбами – славно, что не придут)!
Стены гелем сочатся (сильной фиксации), его по колено уже.
Плюх туда вниз лицом – и без пауз, одними шестнадцатыми,
пищу «Yankee doodle».

Арсений ЛИ

Τερψιχόρα

Черты грубы и неумелы
как будто делал ученик,
но тела, ветренного тела
неподражаемый язык.
Пляши, безмолвная подруга,
не узнаваема ни кем.
Ни имени, ни даже звука.
Я нем.

Разлука

– Мы въезжаем в тоннель – близорукий автобусный свет.
Машинально – вот деньги, мобильный, перчатки, билет.
Сколько ни проверяй, всё равно позабудешь одну.
Пусть себе обнимаются, глядя в карманную тьму
одиночества близкого. Тот же, кто их невзначай разлучит,
наблюдает в окно за мельканием тускло подсвеченных плит.

***

Это большое тело, много в нём всяких штук,
за которыми глаз да глаз обязательно нужен –
Зубы и волосы, пальцы нелепых рук,
голос надтреснутый, верно, особенно голос.
Врать одинаково всем, не любить никого,
словно себя, точная, брат, наука.
Этот пустырь, прежде, просто сухой водоём –
больше ни звука.

Арсений Ли родился в 1977 году в Ленинграде. Окончил биофак УрГУ им. А.М. Горького. Поэт, дизайнер, один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Публиковался в журналах «Арион», «Волга», «Урал». В настоящее время живет в Москве.

Антон СИМОНЕНКО

***

Огромная вода вокруг
прогулки пешей по поселку,
прыжок в далекую игру –
наш мореходный день веселый,
когда вода и здесь и там,
в тумане видим головами –
преследует нас по пятам
словарик с добрыми словами.

***

Откуда, не возьму я в голову,
немного музыки и север целиком,
зелёных насаждений молодость
откуда пробивается звонком?
Ты говоришь: сезонные явления,
круговорот. Но вдруг недоворот,
а мне нельзя, повысится давление,
и я таблетку отправляю в рот.

***

В толк не возьму, так тонок лес весной,
ледником вокруг нависли ёлки,
ни слез, ни оттепели, или совестно,
что два патрона ждут в двустволке,
прозрачность предназначена кому,
вопросы, как следы, висят над головою,
то так, то по-другому долго одному
идти и говорить,
шептать с самим собою.

Антон Симоненко родился в 1986 году. Закончил исторический факультет МПГУ. Лонг-лист премии «Дебют» (2010). Публиковался в антологии «ЛитератуРРентген» (Составитель Елена Сунцова, предисловие Дмитрия Кузьмина. – New York: Ailuros Publishing, 2012).

***

Собака знает, и хозяин знает
маршрут прогулки, кто кого ведет
сквозь тени, что дробясь и исчезая
в тени огромной, холодят поход.

В руке позвякивает ошейник,
вязаный в обнимку с шеей шарф,
по тишине скользим без нарушений
на фонаря желтеющего шар.

***

Внезапных лиц вблизи
разглядывать узоры,
шептать, сквозить, скользить
наверняка,
на красный, на зеленый
светофора,
зима легка.

***

Летает линия дороги недалёкой
в разреженности сосен и берёз,
берётся ощущение полёта
откуда? Утро и туман исчез,
туман и нет, обманывает лес
чешуйчатый, и так – никак, и через
осинник придорожный по петле,
как в первый день творения все двери
невидимы, и холод на земле.

Павел УЛИТИН

«Волга» продолжает знакомить читателей с наследием Павла Улитина (1918–1986). В 5–6 номере журнала за 2012 год был напечатан «Татарский бог и симфулятор» (см. также реплику З. Зиника «Беженец из собственной эпохи». «Волга». 2012. № 7–8).

Текст «Ксенофоб» создан в начале 1970-х, в нем есть все характерные приметы стиля Улитина – переплетение обрывков разговоров и цитат, вкрапления иностранного текста, размышление о природе творчества, современниках и политике. Все это создает текст необычайной плотности, завораживающий то недомолвками, то предельно прямым высказыванием.

Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Значимые особенности оригинального текста, которые не представляется возможным адекватно воспроизвести в данной публикации:

с.95-103 сшиты;

с.10, 25, 107 представляют собой фигурные тексты;

красная лента пишущей машинки использована на с.11-13, 59, 60 (за исключением английского текста), 61 (за исключением английского текста), 62 (за исключением английского текста), 63, 64 (за исключением английского текста), 65-67, 76, 77 (за исключением английского текста), 78, 79, 85-94, 97 (с начала и до слов «Именно так все и происходило», 98 (за исключением английского текста), 113 (со слов «Просто такая процедура.»), 114, 120.

Рукописные вставки отображены курсивом, в т.ч. зелеными чернилами на с.73 и 117.

Некоторые фактурные моменты отражены в примечаниях, помещенных в квадратные скобки.

Публикация и подготовка текста И. Ахметьева. Комментарии И. Ахметьева, З. Зиника, О. Рогова. Переводы иноязычных фрагментов Т. Александровой, И. Ахметьева.

КСЕНОФОБ 120 стр

1

НА ТЕБЕ ОДНИ ТРУСЫ, ОНИ ИДУТ ВНИЗ С УДОЧКАМИ. У ПЕРВОПЕЧАТНИКА КТО-ТО ЖДЕТ, В ТАЧКЕ ОДЕЖДА И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ. ВПЕРЕДИ НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ РАДОСТЬ, НО ХОРОШО МАХНУТЬ РУКОЙ И СДЕЛАТЬ ВИД. КОГДА ЕСТЬ НАДЕЖДА. А СЛЕВА ОТ ФЕРЕЙНА – ОТКОС И ДОЛИНА БОЛЬШОЙ РЕКИ, ТАМ ВСЮДУ ЗНАКОМЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ МЕСТА, НО НЕ ТОТ СЕЗОН. А ВРОДЕ ПОЛОВОДЬЕ. А ОНИ ИДУТ ВДВОЕМ И ЧТО-ТО СКРЫВАЮТ. ОНИ ДОГОВОРИЛИСЬ: НИКОМУ НИ СЛОВА. И ОДИН ДЕРЖИТСЯ ТВЕРДО, А ДРУГОЙ КАК БЫ ИЗВИНЯЯСЬ. НО ОБА ИДУТ, НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ, ВНИЗ ПО ЛУБЯНСКОМУ ПРОЕЗДУ. А МНЕ НАДО ТОЛКАТЬ ТАЧКУ-КОЛЯСКУ ВПЕРЕД, МНЕ НЕ ТАК ХОЛОДНО, КАК НЕУДОБНО.

2

А ГДЕ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ? ЧТО-ТО ЕЩЕ БЫЛО. ГДЕ-ТО ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ И ПРОИЗОШЛО. НО НИКАКОЙ ЯСНОСТИ, ПУТЬ ДАЛЕК, Я ДЕЛАЮ ВИД, ЧТО ОБИЖЕН. МЕНЯ ЖДУТ, ЭТО Я ТВЕРДО ЗНАЮ. ОНИ ЖДУТ ГДЕ-ТО В НАПРАВЛЕНИИ ИВАНА ФЕДОРОВА. НО ТОЛКАТЬ ТАЧКУ НАДО БУДТО НЕТУДА. ЧТО ЖЕ ИЗМЕНИЛОСЬ? ПОЧЕМУ НИКОГО НЕТ? ЧТО БЫЛО ПЕРЕД ЭТИМ? ПОЧЕМУ ТАКАЯ ПЕРВОБЫТНАЯ ТИШИНА? ГДЕ ЖЕ ГОРОД? ГДЕ ЖЕ ВСЕ? А ОНИ ИДУТ, БУДТО УЗНАЛИ, ЧТО РЫБА ДУРОМ ПРЕТ. ОНИ СПЕШАТ, ОНИ БОЯТСЯ ПРОПУСТИТЬ МОМЕНТ. ИХ ВОЛНУЕТ, СКОЛЬКО КОМУ ДОСТАНЕТСЯ. Я КАК БУДТО УВЕРЕН, ЧТО ДЕЛЕЖКА БУДЕТ НЕ БЕЗ МЕНЯ. ИЛИ НЕ БЕЗ КОГО-ТО, КТО МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕТ. Но ВМЕСТЕ С ТЕМ

3

ОНИ, ДУРАКИ, НЕ ЗНАЮТ, ЧТО РЫБА ТЕПЕРЬ НЕ ТА. И ВСЕ НЕ ТО. И ВСЕ ЭТО ТЕПЕРЬ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ. ЭТО ВСЕ ИЗ ЖАДНОСТИ И ПО ИНЕРЦИИ. ГДЕ-ТО ЧТО-ТО СЛЕВА И СЗАДИ – ПРОЙДЕНО, УШЛО, БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ. ЧТО-ТО ВСЕЛЯЕТ НЕСУСВЕТНУЮ УВЕРЕННОСТЬ, ХОТЯ ПО ВИДИМОСТИ НЕТ НИКАКИХ ОСНОВАНИЙ. ЗАКРОЙ ГЛАЗА, ВСПОМНИ. КУСОК МОСКВЫ ОТВАЛИЛСЯ, КАК ОТРЕЗАННЫЙ НОЖОМ. НО ДЕНЬ, НО ВЕСНА, НО СОЛНЦЕ, И ЕСЛИ НАДО СПЕШИТЬ ВНИЗ, ТО ЧЕГО ЖЕ Я ДОЖИДАЮСЬ? РАНО ЧТО ЛИ. НУЖНО УБИТЬ ВРЕМЯ. ПОЧЕМУ ОНИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ? Я ИХ ПЕРЕХИТРИЛ. ТУТ ОШИБКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. НО ПОЧЕМУ НАЛЕВО? И ЧТО ОСТАЛОСЬ СЗАДИ? ДОЛИНА БОЛЬШОЙ РЕКИ, залитая ВЕСЕННИМ СОЛНЦЕМ, – ЭТО СЛЕВА ВПЕРЕДИ.

4

ТУТ ГДЕ-ТО СПУСК. УТРО. НО ВСТРЕЧА ВПЕРЕДИ. НО ВРЕМЯ ТЕРПИТ. НО ЗАЧЕМ ЖЕ ТОГДА ВСЕ МЫ ТАК ТОРОПИМСЯ, А?

ГЛАВНЫЙ МАКАБРИЧЕСКИй АБЗАЦ
взят из КИСЛОГО ВИНА, это 74-я
стр. у Бидструпа, 3-й том.

5

КОНЕЦ НАЧИНАЕТСЯ

4.2.72

Двух страниц вполне достаточно. 2 экземпляра для такой вещи – это ровно в 2 раза больше, чем нужно. Черная тушь когда-то отмечала уникальную неповторимость почерка. Не все этим объяснялось, но когда машинка вышла из ремонта, тушь уже ничего не значила. По привычке человек портил бумагу большого формата. Все хорваты против, один формат на всех хорватов. Правда ль, это племя злое не боится наших сил?

Внимание остановилось на одной странице, но выписок не было, и все забылось. Тетради с выписками далеко от Москвы читались как новинка. Однажды карманный формат был оправдан ношением в кармане, а потом по привычке нарушалась традиция настольных книг.

Про убежище в каньоне: старик читал книгу, а старуха отвечала по телефону. Эту книгу не задушишь, не убьешь. Старый еж в горах Кавказа тоже этим занимался. Еще меньше было от «зайцы тоже огрызаются». Ритмы «Пятой ноги», а может абзацы «Сюр-хода» – они тоже носились в кармане. Как дурак с настольной писаной торбой. Очей очарованье было позавчера, вчера было отвращенье.

Это как роскошный бювар, дорожный подарок для путешествия в Несесэр. На 32 стр. романа про шагающие ядовитые растения. У такого не могло быть продолжения. Жуткое продолжение. Первая глава так и называется – «Конец начинается». Законченность таких построений оправдывалась чем-то еще. Название романа П. Краснова попало на информацию о князе Святополк-Мирском по ошибке. Автор – Струве, а не Краснов.

И ОНА ПОШЛА ГУЛЯТЬ ПО СВЕТУ ВО ВСЕМ СВОЕМ ПОГАНОМ ВЕЛИЧИИ. Это про книгу П. Краснова, а не про сочинение «От двуглавого орла до пятиконечной звезды». Такая великая ересь.

6

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА. ВРЕМЕННО.

A MOVABLE FEAST 21.1.68
А У ВАС ? 8.3.72
У нас всегда праздник БЕЗ ВАС.

I will show unto thee the judgement of the great whore that sitteth upon many waters. The Revelation of St. John the Divine, Chap. l7, v.2: With whom the kings of the earth have committed fornication, and the inhabitants of the earth have been made drunk with the wine of her fornication. So he carried me away in the spirit into the wilderness. It was a flowering wilderness. I was there with Avis Everhard. Это была лучшая женщина Америки

Nobody cares for if you'll be hanged or knighted. A chivalrous plan, if I am not mistaken. And you are the slave of a slave: a double mistake. Only the end justifies, but they want to get justification at the very beginning. It approaches, and they don't see any differences. They hope so. They are most optimistic about it. All the world is quiet, but it is the quiet before the storm. The soft summer wind stirs the redwoods, there are butterflies in the sunshine, and the soft murmur of the sea, it is so quiet and peaceful. С точки зрения Лондона, коне

And I cannot, so far read all the newspapers from London. A month passed. You dear, sad, soft, most melancholy WRECK of a promising human intellect that it has never been my lot to behold.

SEMICOLON to be continued in the Second Grass, but «tryn-trava» can be translated only as «vanitas vanitatum». С точки зрения автора ЭККЛЕЗИАСТА даже Джек Лондон – пижон, а о Ездре и речи быть не может, но мы все равно продолжаем любить Джека Лондона. Лондон – это вещь.

7

КОНЕЦ НАЧИНАЕТСЯ

4.2.72

THE WESTERN END BEGINS

I felt that from the moment I woke. And yet, when I started functioning more sharply, I misgave. After all, the odds were that it was I who was wrong, and not everyone else – though I did not see how that could be. He could feel her big soft tit against the back of his head. She squirmed around, her tit

against his cheek now, just touching, then bent over and kissed him hard, her lips opening a little at a time. Then she was unbuttoning her blouse and she reached down for his hand and put it inside her blouse and then right on this great big soft moon of hers. He just wasn't interested, he really wasn't, but he just couldn't help it, he started getting hard anyhow and she was sitting with her leg right on it and could feel it getting big. And she took her clothes off. She played with him, but it didn't work. Then she took his hand and put it between her legs but that didn't work either. And then he had her legs spread a mile and was going into her and felt bigger and harder than he'd ever been in his whole life. And he wanted more than anything in the world just to fuck her to death, to make her cry from fucking her so hard, only he went soft again and couldn't. Then I knew things were awry. The way I came to miss the end of the world was sheer accident: like a lot of survival, when you come to think of it.

THE END BEGINS 4.3.72

И она пошла гулять по свету во всем своем поганом величии. Такая великая абракадабра. Великолепная чепуха. Гигантская ерунда. ЧУШЬ.

8

Дикая утка, сделав круг над нашим кварталом, полетела над садом детской больницы куда-то к Ново-Девичьему монастырю. Видно птицу по полету. Откуда она взялась в центре Москвы? Сбежала из зоосада?

В большой колокол теперь бьют по воскресеньям или большим церковным праздникам, вот когда пасхальный звон будет слышен от колокольни Ново-Девичьего монастыря. А это что за шум? Мне сказали, так работают ракетные установки там же. А ты думаешь, у них теперь золота не хватит на самую большую луковицу? Хватит. Они только не хотят афишировать.

Учитель физики на улице Качалова, видимо, и до сих пор там живет. В этом доме, а напротив опять же государственная тайна. Может быть, Юра там живет. Или Леня. Кто знает.

9

С дубов, тополей и лип в старом саду железнодорожной ДИ-станции я ходил и сбивал, стряхивал утренний иней. Под ногами на редких лужах похрустывал тонкий лед. Наш режим – утренняя прогулка, а лучшее время для сложных занятий – все-таки с 6 до пол-восьмого. Статью Радека и нудные страницы по историческому материализму можно читать с успехом только с утра пораньше. Странно, что диалектический материализм поддавался логике, а исторический – ни в зуб ногой.

Анатолий Хорьяков был моим философским собеседником на дорожках парка культуры и отдыха. Как много он знает. Как много. Он целыми часами рассказывал про греческую философию и третий закон мат. диалектики. Михаил Силуанович ему подарил том стихов Пушкина. Пришлось взять на 3 дня и читать 2 месяца. Это так же трудно, как на турнике «крутить солнце». Пока мы еще и до «луны» не добрались. Кое-что кое-как. Колька Майров уехал.

10

Поздний и почти запоздалый ренессанс старого интереса Кватроченто к харакири застал меня врасплох. Но я все-таки пошел навстречу. Пора сматывать удочку. Почему бы нет. Даже Ал. спросил: когда будет восстановлен «Анти-Ураган?» Я посмотрел на него нарочито непонимающим взглядом. Мы такого не видали никогда. Предположим. Почти. С того года на дне рождения, когда были сказаны слова про священное писание.

25.8.71
Читать вслух впрочем можно: почти как гимн звучит эта Богоматерь Цветов, если серьезно воспринимать и не обращать внимание на богохульства и непристойности. С точки зрения гермафродита, конечно, но не только. Точку зрения можно формулировать и так: пожизненное заключение у тебя, так ты еще и не так запоешь и не то еще напишешь. Конечно, Ж.-П. Сартр тут преувеличивает, но видимо так нужно. Пока. Вот каков этот Жан Женэ по-английски.

Мы вышли из «Иллюзиона», и ты опять сказала: «Хочется в кино. А теперь бы в настоящее кино». Это история кино. Это не кино.

11

ПРО К С Е Н О Ф О Б А главным образом

НА КРАСНОЙ ЛЕНТЕ

«ДОМИК У МОРЯ», конечно, лучше для названия переплета имени Юло Соостера. Я все время думал, что лорд Кипанидзе – это он, а оказывается это она в «Неделе». Еще не вышел Тэрбер по-английски в последнем пособии для изучающих итальянский язык, а в «Неделе» уже лежит новая подборка Тэрбера, в том числе и на тему, которую можно считать м ы з а с т о л б и л и еще в каком году? Наверно, в 1961 году, а может 62-м. Из этих дат только Ю. Сварожич в кафе однажды извлек удовольствие. Я приготовил ему «Кирпичный завод» /издание «Огонька»/, потому что его любимый писатель В. Максимов давал ему в свое время читать его в рукописи. Теперь это называется «Дуся и нас пятеро» или что-то в этом роде.

В тираж вышли итальянские приключения. Твой приятель Есенин заявил Курту Вальдхайму знаешь что? И начинается какая-то мура. Он 4 дня читал штудировал 14 страниц нобелевской лекции и знаешь, что ему понравилось? Про ООН. Мол – это организация защищает государства, а надо защищать отдельных людей.

12

Еще немного и будет повторение «Черного хлеба». Был такой в 1968 году. Он еще более «беспредметный», чем «Четыре кварка». Грустный п. дракон пойдет в бассейн, но у него нет шапочки. Звонить надо ему с утра пораньше. А как найти такую песню про поезда и чтобы никто не догадался, что навсегда?

Невсегда так будет. Не все кончается КОНСПЕКТОМ Романа. Не все кончается разговором в новом мире. «Звезда» попалась самая захватанная, чище не было. Для письма слишком много, для книги маловато. Кстати, и лента красная кончилась, можно сказать. Ее черная часть истрепалась, шрифт надо почистить, «Мосфильм» нас ждет с другой стороны.

13

Таким же способом консервирования уже готовых страниц мы занимались и раньше. Вот я видел где-то оглавление к «Резиденту». Вон душа идет ко дну. Как в Ростове-на-Дону, когда Веры Пановой еще не было, Микоян знал Забулдыгу, а Софронов на «Сельмаше» учился работать напильником. Самая громкая фамилия была, кажется, Киршон. Ее настоящая фамилия – Вельтман, об этом сообщил Микоян в своих мемуарах.

Реже приводилось цитировать «Шутовской хоровод», а Гальперин тут не при чем. Но ему приятно будет узнать, что его подозревают в авторстве перевода Олдоса Хаксли в 1936 г. Уже ушли домашние заботы. Не надо ни зарплаты ни работы. Автобус под липой. Наш сосед солдат ловко устроился: и служба и жена под боком. У него тоже завистников много. Как у Глазунова на Волхонке. На улицах Рима уличные художники РАБОТАЮТ БЕЗ ДУРАКОВ. Это первый вывод Ю. Титова в Италии. Кстати, в каких номерах «Паэза сэра» нужно искать его портреты? Я нашел удобный способ в читальном зале на 4-м этаже коротать время. Пока принесут заказанные книги, можно полистать газеты и журналы в открытом доступе.

14

ПЕРВОГО ШАГА Я НЕ СДЕЛАЛ

В ДЕНЬ ДОКЛАДА О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

/про Льва Толстого на уроке физкультуры/

Это что. Она читала «Истребление тиранов» и даже «Весну в Фиалте». Он был озадачен: это тоже романы? Разве у него так много романов? Или это рассказы? Уточнения не потребовалось.

КСЕРОКОПИЯ – вот как это теперь называлось. Раньше они про кагебэшников просто перефотографировали, а теперь у них светокопировальная машина идет в ход. Дешево и сердито. Мы ее видели в Сокольниках. Это про какую ЛБ сказал: «Машина для фальшивомонетчиков». Теперь такого адреса нет, да и переулок, наверно, переименован в улицу Маши Хочуйольской.

Как 7 переплетов. Уже потеряло значение. Как размолвка старых друзей. Именно такими методами они действовали и будут действовать. Он про Вас знаете что говорил? Вот его показания. Вот его слова. Вот он расписался. У Аверинцева такое не может быть. Он и купит «Теологический оксфорд. словарь» за 80 рублей. А 120 рублей не заплатит, по-моему, и Ульяновская библиотека. Он будет мой друг, – сказал Айхенвальд в Таганке. Он мечтал подружиться с тем самым великим Оржавиным, в котором он тоже разочаровался.

А он не босс.

С постоянным припевом: а для издевательств над Жаном Женэ и Ж.-П. Сартром выберите другой закоулок. Нельзя ли для прогулок по журналу ОГОНЕК за 1927 год выбрать слова Дж. Б. Шоу, а не фотографию пана Пилсудского?

Мы входим в их планы вот каким путем. Но я теперь стираю карандашные пометки с библиотечных книг.

Я испугался осложнений вокруг НОЧИ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА. Она потом посильно мстила. Но все-таки на правах учительницы 10 класса. Она со мной была на ты, а я с ней был на Вы.

15

Но он спутал с АНТИ-УРАГАНОМ

АЗИАТСКИЙ ЛАНДЫШ был когда-то в буквальном переводе. И

И сука

И скука вот беда, мой друг. Эти 65 страниц работали в другом направлении. Ну и пусть. Я их убедю. Я их убежу. Я их убеждю.

Русский язык не терпит такого самохвальства. Не хвалися, молодец, на рать идучи. А хвались, девка, с рати идучи.

Нельзя ли для прогулок подальше выбрать
ЗАКОУЛОК?

А главное – твой друг из ГВП, однажды, усвоив, будет требовать продолжения: а полный текст где? Это тоже дайджест? А где полный текст?

Вот и все наклейки. Накладки. Мелодрама про великого Павла Мочалова. Не Островский, жаль. Но хорошая пьеса. Про русский купеческий характер хорошо, здОрово, особенно если актеры – твои друзья. Вам бы теперь в Коктебель. Вам бы теперь драматическую. Впрочем, накладок и там – придраться есть к чему.

16

Мокрый мартовский снег, нападавший за ночь, – всю ночь падал снег, – таял тут же налету, и на решетке балкона висели капли, как будто от дождя. Можно сказать, сверху шел снег, а внизу уже был дождь. Такая погода стояла и стыла в саду. Не буду я вспоминать. Речь шла о будущем. С точки зрения еще не потухшей звезды, материя буйно веселилась, не дай Бог.

Ритуал из синих переплетов заморочил голову и ушел. У нас разный подход даже к цитатам из Достоевского. Оказалось, там много знакомых. Один раз он побывал везде. Нельзя сказать словами «Былого и дум», не процитировав «Человека-невидимку». 22 минуты после звонка. На 22 года опоздало приглашение. Он еще молодой, он еще сумеет развернуться. Так говорили мы когда-то. Дурная личная жизнь иногда даже способствовала. Уже все сказано в этом смысле. Из-за одной речи можно было спокойно умереть.

Осторожно уходило равнодушие. Молитва помогла. Мне приходилось переводить с библии короля Якова. На всякого не угодишь. Задумался и махнул рукой. Что-нибудь другое. «Парень с гитарой» и был попыткой дать что-нибудь другое. Единственный случай, когда я имел возможность процитировать «блэкгардокраси» /хамовластие – плохой перевод/.

Русская поэтесса оценила. Еще бы. Книга, где Андрей Белый посвящал ей стихотворение, была в другой библиотеке.

17

It is almost always a mistake to order a second bottle. The magic had departed from the wine. But you are a jolly good fellow and it is easy to compel you to do what you did not want to do. So we bought another bottle and went to the people who were waiting.

It was the last and the most dreadful Thursday. Never in my life. Endless source of innocent merriment, it was some time. The conversation grew more and more tedious. I simply didn't want to stand up and go home. They still talked, laughed, argued, but things were not the same. Somehow, you weren't being witty any longer.

18

IT IS ALMOST ALWAYS A MISTAKE

TO ORDER A SECOND BOTTLE

20.3.72

Где-то в районе дня рождения. Не так все это происходило. Даже мне захотелось изучать чего-нибудь, к чему у меня никогда не было способностей. Она не будет английским языком за-

ниматься бескорыстно. Его рассказ меня поразил. Учили христианским чувствам и благодати, а такая злость, злорадство и жестокость. Хоть бы сделали вид. Кто там был на этот раз козлом отпущения? Один знакомый Агаты Кристи.

Сопротивление у Ж.-П. Сартра по-русски. Список будущих жертв: ты стоишь там первым, но тебя вызовут последним. Не обольщайся, первым стоишь ты по алфавиту. Кто автор? А мы знаем кто. Или Леня Невлер или Саша Курепов. Себя заучивает наизусть – вот чем он занимается. Скучное, прямо нудное занятие, надо сказать, но ему чем-то нравится. Ну и пусть. Ну и пусть.

Не так все это происходило. Но говорить об этом скучно и неинтересно. Или мало данных или некому рассказать. Два дома на ножах.

19

17.10.62

Swiss shelters

The Swiss Cabinet yesterday published a 12-year plan to provide shelters against nuclear attack for four million people – the entire civil population of Switzerland.

[вырезка из Daily Worker]

20

Не надо было ставить даты. Там важно было
«сам из дат», но еще важней «сам без даты».
Ужасный тип. Ужасные младенцы. Кто научил их на свою голову.
Его же его оружием.

Лучше всего озаглавить так: «Лодку можно взять напрокат, но где тут копают червей?» Это про пущинские тетради, переплетенные в переплет из-под книги Пипера «Рыболов-универсал». Начинается словами «Сначала был клев», а кончается словами «почитайте заключительную главу». Общей нумерации нет, так приблизительно 100 стр., вроде общей тетради.

14.1.72

– Вы найдете его у Кенги.

И они поехали в этом направлении. Должность Кенги в этот год исполняла первая публицистка «Дек. искус.». Большой переполох: не стал жевать чертополох. Это было утром 14 декабря, видимо, чей-то еще новый перевод.

В доме Кенги рассказ про кость «Вкусно!» См. Дело № 3 или 2 перед «В ожидании Похлебкина» /Зи. Зи. 1971/. Он ОДИН и чувствует себя немножечко ОДИН-надцати-ЧАСТНО. Это «илевноклокиш».

Персонажи у этой сказки в апреле 1962 года. Писатель Борис Владимирович Заходер все-таки в заключение передачи для маленьких. И за то спасибо. Без 20-ти 11. Это ты уже хулиганничаешь. Это уже безобразие. Я не пойду на Ульяновскую улицу смотреть выставку испорченных книг.

А Ваша жизнь была расшвыривать слова, от коих не кружится голова. Погодите, она еще закружится. Первый раз на Оке – это лето 1969 года, спасибо.

[на обороте:]

24.3.69

Как будто законы жанра. Есть только – есть только – есть только 2 рода: машинка работает и не работает. Вот попробуй и ты увидишь. Зелеными чернилами на линованной бумаге, при чем линейки не вдоль, а поперек. Именно это и описывалось. А хотелось сказать про грозу в Орловской области, как она показана в кино. Описание грозы. А таймень вот как был пойман. Тут не хватало кадров, тут все было бы важно и интересно.

21

Г Л А Г О Л

НЕПРАВИЛЬНЫЙ, но спрягается все-таки

12.1.72

Наказание другое, преступление было то же самое, и несколько лет размышлений на эту тему. Я вспомнил по какому поводу. Весь 61-й год прошел под знаком встречи в новом мире. Там был отработанный пар и цитаты из «Снегов Килиманджаро» и восклицание «Сам Борис Бродский!» и даже открытка провокационного характера, написанная, видимо, в адрес Виктора Гудкова по поводу заговорщиков 30-х годов. А он не помнит. Подложил свинью и забыл. Точно так же он совершил преступление.

Если фразеологический словарь из ваших цитат, то, конечно, в первую очередь разговор других знатоков поэзии Киплинга в тот год, когда выплыли на поверхность «Роковые яйца» Михаила Булгакова, но еще не все прочитали, и был спор: директор Рокк, следовательно «рокковы яйца». Горбатов – критик такой был в 20-х годах, писал об этом, и я читал, но не обратил внимания. СЕЧЬ другая, чулки длинные, погиб Запорожец, конечно, а, может, наоборот теперь генерал, кто их знает. У них тоже чудеса бывают.

Гениальный государственный гипнотизер, конечно, жив, но я не знаю его фамилии, поэтому мог и пропустить такие известия. Правда нам нужна в первую очередь, а потом кино-неделя, а потом вечорка и литературка. Бог мой, сколько макулатуры. Разворот аккуратно вынут, может, они сами сделали. Интересно все-таки с точки зрения ученических сочинений в языковой группе.

Тихо, мирно, без всплесков, спокойно и навсегда уходили зрители ИЛЛЮЗИОНА. Зажегся красным светом «выход», твой кинофильм кончился, дорогой, пора подниматься и уходить. На твое кресло тоже 4 новых претендента, хотя кресло не ахти какое. Ни в чести ни в радости. Никто такой судьбы добровольно не выберет.

22

“It may be shit to you, but it’s our bread and butter”.

МОДАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ нам нужен был как зеркало, а для других ну просто путеводная звезда, и это хорошо. Вот почему главным было сказать в 1959 году: НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН УМИРАЛ.

НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ УМИРАЛ

20 ДОБРЫХ СЛОВ 14.1.72

Испортить такую вещь. Как важно было вспомнить во время. Почти как спасти чужую кошку под дождем, когда она упала с 3-го этажа. Чортов вонючий кот требовал постоянного внимания,

испортил все удобства отдельной двухкомнатной квартиры, но амбивалентно, уважая чужие заботы, нельзя не согласиться: братьев ваших меньших никогда не бить по голове. Поэт Лащенко отошел от поэзии, для меня всегда было загадкой. Теперь для него и В. Набоков не загадка. Как экслибрис из голицынской библиотеки: 7 000 томов. У меня есть какая-то книга с экслибрисом крон-принцессы, значит это из Германии? Или австрийский трон? Один рассказ Агаты Кристи – как вклад Головчинской в чтение Олдоса Хаксли: откуда два комикса? Комиксы тоже бывают разные. Когда был бы ты богатым, ты б другой сложил напев. Ты б порезал розы эти.

Мели, оратор на эту тему: мелиорация и все рацеи, и солдат с рацией. Был такой текст. Карманный формат не носился в кармане, настольная книга лежала на пианино в таких штабелях, что раскрыть ее себе дороже. Легче новую написать.

А правда, что Миша Эстрин на мотоцикле въехал в мавзолей или это легенда? Что и было переведено с английского: «Конечно, может это и есть гавно для вас, но уж извините, для нас – это хлеб с маслом» Дата – 30 окт 70 г.

Stercus tibi sed victus meus
30.10.70

23

Then he sat down opposite her and gazed at her abstractedly, wondering if it was true that one could be in love with two women at the same time.

Тут должна быть цитата из Айрис Мэрдок. Была где-то, но я не помню, как ее найти.

У Чехова в 3 томе «во всем своем ПОГАНОМ ВЕЛИЧИИ» – это где? Какой рассказ? Кажется «Ниночка», а может «Руководство для начинающих мужей».

В Гане обратный переворот. Пока неизвестно, какие это полковники: черные, красные или желтые. Черные в общем конечно. Но куда они повернут, завтра узнаете. Всякое бывает в жизни пострадавших летчиков /шашлык из классового врага/. Был такой ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ и даже, кажется, ВЕТЕР В АВГУСТЕ. Но август другого года. Я помню стук костылей по асфальту Большой Садовой улицы за 9 месяцев до падения Парижа. А Нкруме оправдывался: золото он получил за сочинение «Последняя стадия империализма».

24

– Я всегда стыдила этих лбов: посмотрите, как товарищу Ле Нангу трудно: и русский и английский сразу, а вы? И он у меня всегда был отличником. В сущности одна ошибка: с видом, но русские виды – это головоломка и для русских, так что молодец он, а еще говорят: азиат. Азиаты тоже бывают разные.

Тихо мирно покидало, уходило благодушие, и французские тетради не заменили Вас. Сменив, не заменили их тоже. Цитаты из английской литературы. Я заметил, пейзажная фраза у Эптона Синклера меня раздражает своей ненужностью. А описание снега у Комптона Маккензи – своей простотой. Еще раз снег покрывает всю Ирландию, теперь уж я знаю, что это из «Дублинцев». Из-за музыкальности построения придется взять и русский перевод.

У меня была иллюзия продолжения через машинку, а оказалось – только через глаза нового читателя. И то при условии, что эти глаза, как кружка пива у ирландца Б. Бихэна, отражены еще раз при повторном чтении. Трудно сказать об этом проще. Но на ваш вопрос всегда есть 2 ответа. Нет. Условно, всегда только один имеет значение. Нет, шедевра не существует, если его не видел мой друг, элитарный теоретик.

МОДАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ

ЦЕНИЛСЯ СВОЕЙ МОДАЛЬНОСТЬЮ: за далью Даль, Ожегов и Ушаков, но Молоткова никогда. Он дал идею – да. 14.1.72
У нас теперь не то. Об этом расскажет вам другой такой Марсель Пруст, если вы останетесь живы. Если. Кроме того, мне казалось, что переплеты под альбомы «Ка-Бэ» тоже как бы предохраняют от зловредного обаяния первого впечатления на читателей из г.б. Может, интересно для историка.

25

СТАРИКУ ПРОСТО НЕ СПИТСЯ.
А кто восстанавливать будет?

Я таких жестов никогда не делал. Кусок города Глазго отвалился, как будто отрезанный ножом. Мы спешили на съемку. Нет, это звезда спешила на съемку, а мы спешили в кино. Теперь он считает, что самое время сидеть в кафе. Там такие фотографии делают скрытой камерой, что ахнешь. Прямо звезда экрана, а не наша знакомая. Ты не очень-то трепись, что там сигареты стоят 25 лир. Я умру за правду. А за справедливость даже Моисей говорил «Не ври!» Про 8 наследников был удивительный рассказ, жалко, что я не все понял. Один сын погиб на войне. Главная истица была бедная З. Райх. На Толстую обиделись: позорит нашу «хвамилию». Это было, конечно, лет 30 тому назад.
26.3.72
воскресенье
его д.р.
надо позвонить
А у Вас?
А когда будет что происходить у Вас? Но от повторения меняется восприятие Его особый путь, опаснейший чудак. Его отличный особый путь, такая дальняя дорога. Для лексики великолепная книга. Иначе дело было в читальном зале. Агония нашей планеты. Тут не скажешь: смерть вашего мира, увы.

[обведена ладонь]

26

Про источник про колодец
ПРАЗДНИК ВСЕГДА С ТОБОЙ – хорошо декларировать, а как остановиться?

Здорово умел он накуриваться перед тем, как спуститься в метро, а то ВЫ.

ЛОДКУ МОЖНО ВЗЯТЬ НАПРОКАТ, НО ГДЕ НАКОПАТЬ ЧЕРВЕЙ ? Пущинские тетради на Оке в 1969 г. А ваша жизнь – расшвыривать слова. Он дошвыряется. Он дошвырялся. А ваша жизнь была когда-то – расшвыривать слова, от коих не одна кружится голова. Погодите, она еще закружится. Сначала был клев, а потом подъехал патруль на моторной лодке. На узкой коричневой магнитной ленте не остались четыре части РЕКВИЕМА 1965 года. А жаль. Что же нам делать с Джойсом по-русски? – спрашивал в 1933 году князь Святополк-Мирский, приехавший год тому назад из Лондона. Через 3 года он был арестован, но самый интересный разговор все-таки был записан в книге «Ни дня без строчки». Ю. К. Олеша получил палкой по спине И ЗА ДЕЛО.

27

Зеленая тетрадь с лодкой на обложке – разница небольшая: аккуратно написано. 12 фраз для диктанта дадут невообразимый бред. Если я возьму «Критерий». Непонятно, откуда взялись абзацы «Еще одной затоптанной страницы». Чем это все кончится? Кончилось диалогом на одной машинке. Из-за большого формата не берется вместе, трудно сопоставить. Резко прозвучало письмо. 20 добрых слов о тахте – тоже декларация, я помню факт.

Ритуал. 28.2.72

События не просматриваются. Если там что и было, то никаких следов. Законченность такой структуры – только лексика для диктанта. Еще сложней. Нужно иметь две головы.

Где-то на этом повороте. Трудно представить себе такую тишину. Попер на Хопер. Но если на Хопре заповедник, то может быть. Нужна другая песня. Еще одна. Я ее найду. Я попробую вспомнить дни жаркого лета. 20 раз – слишком много. Такие слова не запоминаются. Если выбрать только французские цитаты, то сразу видно: жизни не хватит. Это ваша жизнь, мадмуазель. Мы будем созерцать ваши успехи.

«Евпомп» работал с помпой. В учебнике Головчинской есть два комикса на рассказы Олдоса Хаксли. Найти вырезку из газеты: доктор Обиспо. Вот.

Вода тихо плескалась у берега. Обрывистый берег, поросший лесом, а у самой воды песок. Тихо плескалась вода, а слова были из Гоголя «Чуден Днепр при тихой погоде». И еще какая-то песня.

Так нельзя читать такие вещи. Что я делаю? Нужно искать подтверждения слухов или опровержение клеветы. Об этом нам говорили раньше, но мы не верили.

28

У ДОЖДЯ была другая лихость. Там было что-то связанное с иконами.

Шеф благосклонно отнесся к иконам. Кто вас знает, сложные вы люди. Но в общем, пожалуй, льете водку себе в глотку и воду на нашу мельницу.

У французского переплета мы остановились из-за девочки в белой кофточке, потому что она была в красной юбке, а синяя шапочка исчезла налево вверх по мраморной лестнице музея на Волхонке. Инцидент был другим кандидатом искусствоведения.

Кусок цикуты – себе дороже: зачем такое напряжение? Я лучше буду брать цитаты на английской машинке. Раскрыл Ж. Сименона и стал читать отмеченные карандашом страницы. Все казалось подстроенным, но на самом деле был такой разговор:

– Мы не считаем его социально опасным, но он не поддается лечению.

Ветер дул вдоль по улице, начиная с площади. Я отказался, а он был огорчен и чуть-чуть обижен. Ветер черной тропы для ваших актеров дул мне в лицо, и я отворачивался. Я же не знаю, для кого этот кинофильм. Для меня это «Личный врач президента» по наслышке. Читали, но не видали.

Оказалось, что там нехватало сильного солнечного освещения, и тогда коричневый загар не будет восприниматься как задерганная цитата. Я до сих пор не знаю, как называется «Миллионерша» у Б. Шоу. И работа над саблинским изданием не нашла своего читателя. Нет стимулов. Ему нехватает стимулов. А у меня их слишком много, но он мои стимулы если не презирает, то не хочет брать во внимание, для него они вовсе не стимулы.

Был такой с и м ф у л я т о р на Потешной улице.

29

Если все это так продолжалось, то хорошо.

Я не в восторге был от такого продолжения. А может это он и есть Боб Похлебкин,

а мне не сказали?
FREE FALL p. 139
made a sound that was half a laugh and half a sigh

«I am a commissioned officer and a prisoner-of-war. I demand to be treated in accordance with the Geneva Convention.»

Dr. Halde made a sound that was half a laugh and half a sigh. His smile was sad and expostulatory as if I were a child again, making a mistake in my classwork.

«Of course you are. Yes indeed».

Своенравные импликации у таких систем, ничего не скажешь. Ошибка, когда не было продолжения. Разговор все время продолжался, только собеседники уходили.

Вот за что люблю Россию больше всех. Слова Бернарда Шоу из другой книги.

But nobody wanted to talk about her. But I don't see the difference. But no explanation is needed, you poor boy.

Me and cook had a look at your book.

that bloody sod p.126

Did you see the bastard who threw that bloody battle? I could kill that bloody sod!

That very night she came to my spartan room and we made love, wildly and mutually. After all, we were communists and our private life was our own concern. The world was exploding. None of us would live long.

and the air was thick with smoke and importance p.88

Братья Похлебкины у писателя Кочетова выполняли другую функцию.

(30)
4

Томительная скука была в тот день на этой улице. Для Семена Владимировича роман «Ермак» – да, увы.

Лучшая виолончель СС погибла страшной смертью в 1971 году. Как они разгадали почерк? Требуется 6 стр. БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ не прибилась к нашим берегам.

Ты сейчас занимаешься мниизмом.

Вот что.

Мангуста заставляют жрать капусту, он должен быть вегетарианец, если не желает убивать кобр. А мясо кобры – все-таки пища для ума. Он все-таки не вегетарианец, хоть и пацифист.

Вот как. Такая перекличка ничем не хуже новой страницы. Жаль только, что старые недочитаны. Этот роман с гестаповцем, говорящим по-английски лучше самого англичанина, поступил к нам со стола бангладэшника. Он об этом знает. Будет делать вид, что это его возмущает.

Недобрые глаза с увеличенной фотографии. У меня не будет таких возможностей. На ленте не было. Великая собеседница беседовала с Генрихом Белем по-немецки. Бидструп уехал в Данию. Ни слова Гамлет о датском государстве. Несерьезный человек, с точки зрения камикадзе.

Японская информация кончилась в туалете ссорой жены с мужем. Через мой труп, сказал муж. Я так не хочу, сказала жена. Четверга сегодня не будет. Г. Р. рассылает телеграммы. Было хорошо один раз. Не видно, если не дыбом. Красного телефона нехватало. Мы ушли, нас больше не было. Все остальное было без нас.

Там все зависит от мамы.

(31)
11

1 дубль

И не попрощавшись даже с Улитиным, которого он успел полюбить в Москве за его могучий ум и горячее сердце, Мрожек уехал к себе в Польшу. Чем таких больше, сказал он, – тем лучше. Таких бы побольше, – согласилась Польша по-русски, но в Москве об этом знал только Ю. СваричовскиЙ.

Мало того.

Не было продолжения у разговора с Аланом Силитоу. Вы мне, а я Вам. Ну, – сказал я, – у вас такое для Вас и без меня найдется. Вот таких читателей вы нигде не найдете, Вы только присылайте нам побольше книг. Все свои книги, мы их прочтем и все хорошее о них вам скажем.

Святой пошел на это дело. Бандитов это задело. Какой же он самосожженец, если жив до сих пор? Плечистая пречистая дева так и знакомится: «Мать Ермолая». А что, по-моему, хорошо, мне нравится.

Какие рассказы про Дамаск и про прекрасную даму в маске я слышал в тот раз на дне рождения. И им, действительно, грош цена, этим усилиям юмориста-сатирика, который, по его мнению, отрабатывает хлеб дружбы и варенье признания за чужой счет. Дедушка, одень свои очки и вместе со своей бабушкой не забудь про свои грешки-стишки. Не забудь рассказать о Ксенофобе.

1922 год для И. Андроникова.

От этой обиды может излечить только 37-секундный вой и четырех-минутный танец радости, как с травмой у преданной собаки.

У Нины Милициной много было рассказов для лондонских пропагандистов. Это были счастливые дни, по утверждению автора романа «Свободное падение». Одну страницу вслух – как 19 страниц из «Жизни Арсеньева», только не издательства «Московский рабочий». Там их не оказалось.

– А «Белый обелиск» есть?

– И «Черного» нет, распродан.

В книжный магазин на главной улице пришел Марк Б.

(32)
12

У конспекта романа было другое продолжение. В данном случае мы поменялись удочками.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА. ВРЕМЕННО. АСАРКАН НЕ АРЕСТОВАН. ВРЕМЕННО.

Удивительный читатели
народ: все у них наоборот.

I'm trying the new paper. It is the only RITUAL I can allow myself. Not so cheap, by the way. ОСТАНОВКА. ПОКА. А у ВАС ? Exactly, what I thought. Perfect piddling piffle, as I thought, of course. Опять ошибка. 22.2.72

Excuse me, in English or Latin our claim is the same. Translated it means something like: «It may be shit to you, but it's our bread and butter». Уже было такое.

STERCUS TIBI SED VICTUS MEUS.

So much for this item.

Ты хороший, ты за мир, ты даже интернационалист, ты должен повторять это каждый день 1416 раз, а то никто не заметит. Если не повторять, они не поверят. А вы повторяйте бесконечно, не стесняйтесь. А я чем занимаюсь?

1
про г. по-английски

(33)
13

Еще 14 месяцев до Чейн-Стоксова дыхания.

Еще 14 событий до нашей окончательной победы над китайскими марксистами.

STERCUS TIBI SED VICTUS MEUS

Конечно, может быть, это дерьмо и мура для вас, но для нас – это пища для ума и даже больше того.

22.2.72

Ужасно быть красивой и близорукой, ах как я Вас хорошо понимаю.

Vulgar and stupid but you cannot say that about the face. The face is childish and female as Renoir liked to paint with his penis. Matched her hands? Why no, you couldn't tell it at once. AUCH NICHTS. Ohne Mich. But there is one BUT about it. Why not. Mit diesem Trank im Leibe:

«Ich bin Kavalier wie andre Kavaliere».

Und renne zu und bin ein echter Mann als ob ich h tte 24 Beine». 6 Hengste.

Потому что жеребцы в Лондоне продаются на гинеи. Опять ошибка. Нейтральные слова по-английски, а табу по-русски. Разве так можно. РАЗВЕ ТАК МОЖНО. Р А З В Е Т А К М О Ж Н О .

Конечно так нельзя. Главное – от такого добавления обесценивается все предыдущее, т.е. его читать уже не только досадно, но и неинтересно.

2

(34)
14

Инфантильный курс, электрические упражнения, новая методика, совершенно неожиданная для старых методистов, а новая она для самой методистки, а вообще ей 200 лет. РИТУАЛ / 24.2.72 /

В таком же смысле 6 страниц про кафе и про кофе, что когда-то было в ЦИКУТЕ, но лучше все-таки про башню с привлечением «Лгун и обманщик». Лучше так. Замороженная тетрадь, память о полицейской машине. Про кафе лучше, только все-таки через 2 интервала и с привлечением хотя бы В. Никулина, если умер Ю. Соостер. Еще один вариант Глокой куздры.

70 рублей за «Дар» хотите? Хотим, только у нас 2 – 50 на это дело, не больше. Слова отозвались с неожиданной стороны. Они горьки, ваши упреки: как 2 шага назад, кто виноват и что делать.

Актрис в «Мещанине во дворянстве», а «Актеров» в – «Конармии по Бабелю», «Идиота» можно не смотреть. Шекспиры этого племени, а нужна цитата про умеренное великолепие. Все хорошее в меру, а все плохое чрезвычайных размеров, – но нужна отработанная фраза, рисунок пером, а хотя бы и перевод с английского. Он уже тоже не потрясает копьем, а когда-то был Шекспир своего племени. Куда девался старик, читающий книгу из пергаментных листов ?

Буквально: бред под Бонапарта. Не страдайте манией преследования, друг мой, а страдайте вы лучше манией величия, хотя бы на бумаге. А вы сами устраиваете театр на Арбате. Машинка сама дело знает. Один раз в 5 лет.

Ее письмо мы читали в «Палате № 7».

Инферналка-самозванка, но потом привыкли. Нет, она не бывшая подопечная доцента Л. С. Юсевич, и не ее мама была Инесса Арманд. 2 брата Похлебкина передали привет трем космонавтам, все мировые знаменитости 21 века. От классика 21-го века слышу. Очень интересно для историка.

3 дубль

(35)
15

Конечно, для него обидно-оскорбительно звучит это стихотворение из подворотни: «Хорошо быть кошкою, хорошо собакою: где хочу, засмеюсь, где хочу, заплакаю». Выходит, и одна страница, если есть ЧУЖОЙ ЗВУК З. Д. Авестина или вообще отзвук, может идти на правах «65 страниц для одного читателя с воззванием-лозунгом «Пора сматывать УДОЧКУ» –

Выходит.

А что я ответил на 732 страницы, напечатанные на машинке Симоной де Бовуар и которые я еще не переплел в виде трехтомника, а? Я ответил как Ж.-П. Сартр, по рассказу Симоны де Бовуар в «Вопросе о верности». А Я ОСТАЮСЯ С ТОБОЮ, не нужен мне кофе турецкий и Африка мне не нужна. Вот именно. Практически-прагматически, на теоретическую телефонно-платоническую этическую проблему. Вопросы этики и проблемы практики. Ответы, зафиксированные по-английски. «Мы с вами, уважаемые романЭс, написали такую книгу, что ИМ И НЕ СНИЛОСЬ». Чего же боле?

(36)
16

Странно, что абзацы были другие. Про тезку не сказал. И про Дрезденку, где они виделись. Конечно, она не помнит. Он тем более.

А МНЕ НУЖЕН МОСТ ИЛИ ПЕРЕКЛАДНЫЕ ЛОШАДИ

От чего к чему? От вчерашнего романа к сегодняшней машинке. Дэвид Уокер, «Чортов спуск», такой дешевый популярный развлекательный роман про любовь, предательство и шпионку. У нее такое имя – жжжуть! – графиня Таня фон Зуденбах. Такая чистокровная арийка, садистка, нацистка, сексуалка, инферналка. Это она держит пистолет на обложке. Жалко, что Вы ничего не понимаете в лыжах и в альпинизме и вообще. А то бы Вы схватились и не отрывались. И посвящен роман – знаете кому? Лучшему другу Синявского и Даниэля в Лондоне. Вот так. Вот мы какие. А какие вы, об этом и спрашивать нечего.

(37)
17

Иногда это большая сермяжная правда, иногда это просто ерунда. Как посчитать количество слов. Косноязычие, конечно, и как его преодолеть. /В искатели косноязычия писатель в старину не метил./ Как Володя Паулус читал «Борьбу с безумием». Как Валя Никулин «Люди, годы, жизнь». На этом самом месте произошло знакомство. Тут мы помирились. А за этим столиком сидел Саша Свободин и говорил о Хлебникове и Джойсе.

Я вспоминал все повороты старой дороги, и вдруг остро почувствовал необходимость «подняться хлебнуть воздуху». Возможно, что и не так нужно перевести название романа. Не один клочок бумаги, но и кое-что еще. От формата зависела цитата. Четырехэтажная тавтология. Любым способом открой РИТУАЛ. Я бы упражнялся в падежах целый день с утра до вечера.

Законы и обычаи юных пионеров. Не то чтобы я хотел увидеть ее еще раз голой, но пройти по дорожке – да. Стежки-дорожки. Две-три радости, и как они пришли к власти. Это живут Гноевые, она теперь на нас и не смотрит. Железная лодка. Такое полезное знакомство. Видимо, так писалась «Первая комната».

– Ты говорил: «Клава передает: Вася, уходи немедленно или тебя расстреляют.» Значит, знал что-то?

Это же партийное расследование и разговор по этому поводу на рыбалке на берегу Дона. Это говорили два учителя по поводу стихов в немецкой газете. Запись сделана 3 июня 1955 года.

(38)
18

Впрочем, устарелая информация.

Из другой оперы. Не для этого опера.

Открыть бы про рыбную ловлю в апреле месяце 1955 года.

Суббота, 2.5.70

ВСЕ ОТТЕНКИ АЛЕЮЩЕГО ВОСТОКА

Я не понимаю ваших шуточек. Я тоже. Ох не поможет ему и «эс-цэ-ха» на Малой Бронной. Или он ходит на улицу Кирова?

Он стоял тут же, долговязый молодой парень в скромном костюме и в ручной микрофон наговаривал русские слова:

– Советский народ любит ходить прямо, я знаю. Но тут вы должны ходить путем зигзага.

Речь шла о павильоне «Род человеческий» на американской выставке в Сокольниках летом 1959 года. Был такой текст с датой 16.8.59, не помню, куда попал. Самое главное прошло мимо наших глаз. Именно тут, оказывается, произошла та самая перебежка, которая сыграла роковую роль для Кима Филби. Бежал бродяга, а мы и не заметили. Мы просто не обратили внимания. Я даже не знал, что и ЧЕРНАЯ ТРОПА тут же пролегает.

Снова по черной тропе мы увидели только в кино. Впрочем, об этом – «Детективная история». АМЕРИКА В СОКОЛЬНИКАХ на Орфика не произвела впечатления. Он был занят вычислениями и подсчетами, кто сколько получает и что где дороже.

Завидная неозабоченность.

Впрочем, только видимость. Только на первый взгляд. А на самом деле – эти выводы, копишь, поэт, ты полвека.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗЪЕЗД
У ПАРАДНОГО
ПОДЪЕЗДА

(39)
19

Лучше было бы сказать: свиноподобных рож. Вот и я тоже так подумала. Но дело, конечно, не в этом. Ну хотя бы в том, что мы этих стихов не знали в 58 году. Было бы легче. И это неважно. Можно и так сказать. А кто она сама такая? Почему она так говорит об Асаркане? А вы знаете, что значит его фамилия? Его фамилия значит, что он прямой потомок Моисея, вот только пергаментный свиток, на котором все было записано, утерян. Кто породил кого и так далее, ну я не знаю, как это называется. Когда он дал залп монолога на чистейшем иврите, его приняли за приезжего, за приехавшего оттуда. А что бы вы хотели? Но я Вам ничего не в силах предложить. 5 копеек за килограмм Уайлда, это бывает. И 10 копеек за Бернарда Шоу, ценю ваше остроумие. А хотите этот самовар? Он одновременно и перемалывает кофе по турецкому способу, павловская бронза, хотите? Для Вас ничего не пожалею, раз Вы так чешете на нашем родном великом старинном языке.

– А кто она такая сама?

– А она тоже сказала: «Не посрамим русского дворянства подлым антисемитизмом!»

– Это не она!

– Мало того. Она не только это сказала, но и практически доказала эту мысль, выйдя замуж за еврея и сделав ему сына.

Про палатку утиля можно до бесконечности. Я тоже видал японку, которая читала КАМАСУТРУ задом-наперед. У меня только связей нет. Т.е. связи есть, но неподдерживаемые. Я даже на велосипеде ни разу не остановился. А вообще мог бы по 32 кг макулатуры привозить на багажнике.

(40)
20

Все оттенки алеющего Востока уже в 18 г. уже в одной главе «Красный Кавказ». Хлеб с валерьянкой где? В «Неделе» за апрель 1966 года, там, где серьезный Райкин беседует с писателями недели. Шашлык из к.в. возможен и без учебника географии, но все-таки лучше под рассказ о чужом путешествии. Если бы я был уверен, что стихи про Остоженку написала она. Слова про Натали Саррот.

Трудно остановиться, поэтому и идет подчеркивание, размазывание и вообще привычка ставить точки, исчерпывая воду в колодце до последнего ведра. Он больше никогда не читал вслух. Актер-чтец в Диккенсе, они утверждают, загубил нового Диккенса, который начался в романе «Наш общий друг» в связи с появлением непривычной женщины. Таких у Диккенса никогда не было.

Слова по-английски не играли роли для читателя, потому что читатель их не прочитал и даже не был уверен: нужны они тут или это вообще случайность. Уже в апреле 1955 года были слова про химическое убежище от кошмарной действительности, но я не сумел ими воспользоваться.

На берегу реки Парагвай по пути в Матто Гроссо («Великий Лес», самые дикие места Южной Бразилии) стояли еле одетые Шекспиры этого племени и, угрожая нашему пароходу, потрясали копьями. Это мы их научили. На свою голову. В апреле я рыбалил с каюков на нашей улице, когда еще не спали мутные воды п о л о в о д ь я на озере, которое соединилось с водами большой реки и залило лес и луг и поляну на несколько километров. Вот выдерживается вино урожая 1966 года, а толку мало.

В апреле 66 года «Неделя» сообщила про хлеб с валерьянкой. Это что. Учебник географии прямо удивляется, как много рыбы всплывает, если бросить одну палочку динамита.

(41)
2

Еще один – 4-й по счету – экзамен. Про гиблое дело я не буду. Нечего гневаться. Нечего Бога гневить. Такое было письмо. В мае 56 года – вот когда. Можно целиком оставлять рядом с открытками из ТБ, которые писались главным образом для врачей, а не для родственников.

Капитан ракетных войск был когда-то. Я про него вспомнил в БОН-е. Еще бы. Не так конструктор кораблей, как бравый капитан-«академик». Ужасно много возможностей для вешенского гонора. «Фотографические группы тупых свинообразных рож». Я эти стихи не буду цитировать. Они относятся к одной буржуазной стране, которую я не собираюсь описывать. В Южной Америке все найдешь. Там Чили ударилась в китайщину «чин чина почитай». А уж про Боливию и говорить нечего. Вот, может, только Великий Уругвай остался великим Уругваем. Но что он может сделать один?

ЭТО КАК У Р А Г А Н.

А Н Т И можно не ставить.
В данном случае. В других ритмах – через день по 10 страниц на машинке, а один раз даже 40 страниц за 2 дня, 80 страниц карманного формата. Этим не ограничивался диктант для Слонопотама. По его мнению, с людоедами именно так надо разговаривать.

(42)
20

Дайте мне 150 рублей, я буду ухаживать за вашей могилой. Участвуйте в нашей игре, возьмите наши игрушки. Найдите мне покупателя на мои стихи, я в затруднительном положении, прошу 5 рублей за копию. ВСЕ НА ПРОДАЖу, он уезжает в далекие края. Или вы угомонитесь или мы вас вышлем в Израиль. Но я русская! Что я там буду делать?

Три целковых с вашей милости.

Даже И. С. Тургенев возмущался такой постановкой вопроса. Тут не знаешь, как писать новеллу на своем великом могучем русском языке, а они думают, что я буду по-французски. Письмо – да, хоть на немецком, хоть на британском, роман – нет. Роман пусть пишет Захер Мазох.

Чем провинился ваш оброчный мужик?

Подъезжая под Ижоры, вы совсем ожидовели, но откуда мне знать, что они все евреи, для меня они Ростропович, Пастернак, Багрицкий, Эренбург. Не посрамим русского дворянства антисемитизмом! Ох милый, погоди, то ли будет впереди!

Описание Любы Менделеевой мне понравилось, я только не могу найти. Сама Нина Ивановна забыла. Когда она предлагала почтить панихидой? Четырехэтажная тавтология могла бы помочь заполнить требуемые 25 печатных листов. Но он неопытный халтурщик, он еще не умеет.

Опять полковник ФС перелистывал «Ошибку пекинской тюрьмы» и упрекал сына, что он не прочитал «Сагу о Форсайтах». Переплет для одного читателя нельзя показать другому, в этом был когда-то смысл. С разговорной речью на языке такая же история: они ревнивы, про одну нельзя показать другой, одна вытесняет другую. Из какой жизни вы пишете. Из абстрактной с намеками на своих друзей, понятными только узкому кругу наших знакомых. А вы не хотели бы принадлежать к узкому кругу? Широкая женщина.

(43)
21

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗЪЕЗД

У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

А иные просители плачут. Таких не видел. И заплатишь и заплачешь.

Тысяча островов торжествовала в тот день, наверно, свою победу. Тысяча машин в Хрущевском переулке, а я шел в душ.

Шестой уж год тихо-спокойно и вдруг такой день. Я прошел мимо Люксембурга с удвоенной осторожностью. Я нес в портфеле грязное белье. А вдруг они подумают. Ведь никогда нельзя знать, когда они подумают.

Опять ерунда.

Перепады
РИТМА и АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ
не прошли бесследно, но я думал, что обойдусь без цитат.

Я не заметил разницы.

Поток открытых приглашений в ЛТПБ прекратился. Главный штабс-маляр отправлен послом в Пекин. Исследователь театральной жизни уехал в командировку. Стихи перестал писать. Раз не присылает, значит нашел себе другую.

Я ему отправил цитату с 1971 страницы из Б. Стивенсона. Пусть знает, что есть такие книги. Жизнь пчел лучше всех у Дос Пассоса в главе «Красный Кавказ».

2.5.70

ЖИЗНЬ ПЧЕЛ И ЗАКАТ ВЕЩЕЙ, ну и конечно, Т. – краеугольный камень всякой свободы.

(44)
22

Это была жутко действующая система. На эту систему мы полагались, а потом она отказала. Не было возможности печатать на толстой бумаге с двух сторон. Пожалуй, перечень событий. Возможно. С придачей ситуационных чувств, разных прочих шведов. Вот напрасно. Когда это надоело, началась другая история. Вон что. Зазвонил телефон. Господи! Еще раз. Эту фразу я не буду брать на машинку. Вон какие законы. Я буду всем рассказывать, какой она хороший человек. Видимо, любовь начинается с перечитывания. Улыбнись мне, хороший ты человек. Захоронили. Захватчики бесились, нам было плохо. Тихая такая девочка была. Автоматчик не пошел первым. Еще не было такого. Тут смешно будет потом. 4 часа на чужой машинке, а потом холод чувств. Не буду я делать такого пода. Знай кому давать. Ты знаешь, кому дал? Ты дал моему злейшему врагу. Ошибки надо исправлять. Вот еще навязалась на мою голову. Так продолжать не было смысла. Сейчас мы откроем английскую машинку. Вот что происходит с лентой. Другие ритмы. Пора чинить карандаши. Just what I wanted. A case of need. Those sedentary men of letters, with their sagging tremulous paunches – they were enough to make one hate the very thought of literature. Now you know, it is from «Brief Candles». In winter we get up at night and dress by yellow candle light. What she told herself three times became true. She had an enormous capacity for auto-suggestion. И этого не нужно было делать. Теперь я знаю. Еще утром подумал: напрасно я тащил корзину до трамвайной остановки. У них же все легко получается. На первый взгляд. Я нажал на педали и поскорей проехал мимо стен крепости. Она хотела что-то от меня узнать, но мне не понравились наводящие вопросы.

(45)
23

Началось все это не вчера, поэтому можно не волноваться. Удручающе некрасиво. Как 16 стр. соч. под наз. «Пятая нога».

Другие пейзажи мне и не снились. Два дуба. Мимо дуба. Дубовые листья. Солнце в дуб, он дуба дал. Меня озадачили цитаты из Ж.-Ж. Руссо. Нарушение или не нарушение? Это пародия или это гимн в честь «Исповеди» Руссо, у которой был только один недостаток? Похоже на диктант с малоинтересными цитатами.

Сохрани мои письма, я по ним напишу книгу о рыбах России на реке Ока. Он сохранил. Книгу о любимой женщине он писать не собирался. Некоторые письма зачитаны до дыр. Два разорваны, но клочки сохранились, т.е. они разорваны не до конца. Я их зачем-то берегу. Такой просьбы не было. Ты прикуривай, милый, сигарету листочками моих писем. Кокетничала немного.

Охотники за рукописями только повышали цену, и за хранение и за чтение приходилось платить дорогой ценой. Мужеством и преданностью. Это уже перевод с английского. Дать дубли в «Конспект романа»? Тогда будет четыре конспекта и ни одного романа. Именно это считалось главным.

3.9.71

В этом переулке только один дом по-настоящему особняк: одноэтажный и с воротами в сад, во двор и рояль никому не мешает и вообще как в 18 веке. Номер 7 или 9? Конечно, я не знаю, как это претворялось на практике. Нам не дано ни прочитать ни предугадать. Ни слова про ЦИКУТУ. Он и не поймет.

(46)
13

Его рассказ про рыбалку – да: «Вот бежит собака» /это про Ю. Казакова/. Чем-то возмутительный по существу. Вот именно это борщ. Такого я не едал в 70-х годах 20 века. Щи я ел в 60-х годах 20 века. Потом, когда пошло про Мимозу, мне стало скучно и неинтересно. А эти гимны-псалмы этому нехристианскому богу тем более. Культ – да, он сам признается. Что мне сказать, пока он до меня с окурком не добрался? Что я в восторге? Нет. Что я внимательно читаю? Да. Что я от почты жду чего-нибудь? Нет. Хватит и того, что я перестал опасаться и бояться вскрывать письма. Милые бранчливые отношения: они ссорятся, они тешатся, они ревнуют, они ревностно относятся к друзьям наших друзей. Зачем вам это нужно? Не на свой счет. Хотя кое-что, конечно, отзовется. Английская цитата с четырьмя именами уже вызвала пол-страницы. Очень интересно, но ничего не понятно. А я был доволен именно этой одной страницей. Там, может, 12 или 14, но в другом направлении. Мне не понравилась выписка. Впрочем, последняя треть страницы оправдывает весь контекст. Что пародия не на Ж.-Ж. Руссо, это не важно. Важно было выяснить подходы к такой пародии: просто усеченный синтаксис и монтаж указателя цитат, больше ничего не надо. На 106-й странице стало впервые интересно. Про Шпенглера Падение Запада. А мы надеялись на восхождение Востока. Мы просто верили. Именно дневник Симоны де Бовуар в первые годы жизни. Там она разворачивалась. Сейчас она сдерживается и даже немного побаивается. В своих кругах они не стесняются, это я давно знал. Но я не знал, что редакция «Нового мира» – тоже свои круги. Лучше всего он сказал про Б. Заходера.

(47)
14

/ Опять по поводу. Опять вместо того, чтобы писать, начинается описание бумаги или пера или красок, которые я собираюсь выдавливать из тюбика на палитру. Лежэ.
ТАКОВ РИТУАЛ
6.9.71 /

А вот затоптанная страница была не такая. И дайджест рядом с ней тоже. К ним и нужно возвратиться. Чертя за кругом полный круг. Кругами – про это один абзац из детективной истории.

Три абзаца надо найти. Из трех абзацев выписать 28 слов. ВОТ ЕГО 28 СЛОВ с той страницы и являются главный криминалом и даже табу. Впрочем, если упоминать имена. Если нет, то обычная история на тему «у поэтов есть такой обычай ВКС ОДД». Не больше. Но что-то на обратной стороне, что тоже можно процитировать для атмосферы того года, когда «Кирсанов МНЕ читал стихи». Один день московского журналиста. Был такой.

Как не утонуть в бумагах на большом формате – не коллекционировать Асаркана из «Недели», но это же – тоже не метод. А кого же тогда хранить и коллекционировать? ТВОЕГО Ан. Макарова? Был такой грозный часовой рядовой выдающийся публицист, каждый день писал с утра до вечера, каждую неделю печатал письма в «Известиях». Всякое бывает в жизни пострадавших летчиков. А это портрет сына Гогена на Таити.

Мне будет сниться страшный сон. Толкователь снов Мартын Задека говорил: гроб видеть – к счастью или к деньгам, в общем, это очень хорошо – видеть во сне гроб. Я, конечно, лягу в него, только с вашей стороны это БЕСТАКТНО. Она им так и сказала.

(48)
15

Не вчера это началось, но завтра может кончиться. Поэтому не надо заводить новую картотеку и выписывать шифры и названия книг, которые вы все равно никогда не прочтете. Это сделает кто-то другой. Это будет делать кто-то еще.

24 возвращения 40-й точки зрения, а я давно решил: т.з. 24-го года важнее всех остальных.

Мокрая ветка, целый толстый сук от тополя свалился на асфальт и долго лежал после дождя и бури. Тополь хрупкий. Тополь легко ломается. Он стоит 66 лет, а потом сломается.

Вода действительно очистилась. А сом отчего уснул? От вони. От нефти. От ядовитых отходов. От мутной воды нечистых вод большой реки в центре города, только и всего.

Тут пришлось остановиться.

71 точка зрения – самая неинтересная: она просто повторяет 12 предыдущих.

/суббота в сентябре 4.9.71/

/понедельник в сентяб
6 сентября 1971 г.
6.9.71 /

МЕНЬШЕ ВСЕГО уход в каждый день – ритуал. Это не дневник, это месячные заметки с надеждой подвести итоги через год.

(49)
17

Я не считал, но по-моему под тысячу. Конечно, надо продолжать. Я не считал из суеверия и предрассудков. Возможно, всего-на-всего 732 страницы. Одно я знаю – в 2 тома не поместятся. Нужен трехтомник обычного формата. В книгу формата парижского первого издания «Улисса» все войдет во всяком случае.

МНЕ БУДЕТ СНИТЬСЯ СТРАШНЫЙ СОН

И я опять буду тосковать из-за того, что не переписал летние тетради из Эстонии. Теперь в моде метастазы.

Одна цитата из романа Киплинга по-русски могла бы заменить несколько страниц старых рассуждений и одного абстрактного рисунка неопределенного содержания. Это про корпорацию змееловов, а не про создателей своей вселенной.

Если ее ударить по левой щеке, она как кобра укусит тебя за правую. Вот какая она христианка. Она как Кант. Она как Лев Толстой: принимает оба завета только в своем изложении. Не надо так про нее. А то она обидится и переедет в лагерь наших личных врагов.

Я посчитал: 16 страниц, 16 цитат, но пародия не получится, пока не будут связующие звенья. Иногда это вольный пересказ, например, «А она ему: оставь женщин и займись математикой».

Это сразу же после открытия «Я прихожу в ужас: один сосок не похож на другой» /стр.280, Исповедь Ж.-Ж. Руссо/. Да, нельзя так. Нужен особый порядок.

(50)
18
6.3.73

р и т у а л

19 сентября

воскр., 19.9.71

Ваша трезвость выше
нашей разговорчивости, и это
отзывается.
Нам не дано предугадать,
но слово отзывается почти раскаянием.
Заботы профессионалов были несколько другого
порядка.
ЗА НЕИМЕНИЕМ ЛУЧШЕГО еще раз.

Заботы, тревоги, и письма, конверты, слова и стихи. Считаю и это стихийным бедствием. Перенеси это. Переставь время, измени на прошедшее и подумав о будущем, предварительно плюнув через левое плечо. Татьяна верила преданьям простонародной старины. Собранье пестрых переплетов, небрежный плод. Сотворивший чадо не сотворил чуда. Таким же путем острили все прохожие на улице Горького. А на главной улице приезжие остряки дожидались чего-то другого.

Сумбурным образом мы читали как анекдот, но вывод был самый решительный: «Пусть это случается с кем-нибудь еще!» Как будто это от нас зависит.

Саня! Ты Саню видишь? Вон он. А ты видишь, Саня пришел? Ну вон, вон, с кем это он? Кто это? Ах вон что. А вот идет Андрей Дмитриевич. Хорошо хоть он не Андрюша.

А он выбрал 4-й вариант. Еретику евангелье читали, а он выбрал 4-й вариант.

51
8

Именно этой волны и нехватало. Это выдумка. У этой фразы нет перевода и не будет эквивалента. Чужой вкус – да. Еще бы. Любопытство маленькой девочки. Не твои досуги и возможности – несомненно. Я читал вслух и думал: слишком много неопределенных намеков на события и людей, о которых я не собирался рассказывать. Клочки бумаги, исписанные в разных направлениях, – совершенно не поддается прочтению. Да и письма тоже из-за этого почерка не так легко читать. А вслух вообще прочитать невозможно. Комментарии немного смущают. Да, вспомнил я наконец. Нужно было преодолеть звуки враждебной речи и от чужого языка перейти к радостному восклицанию: не все кончается на уроке русского языка в 5 классе. Знаменитый шедевр одного из величайших писателей нашего века. Потрясающий роман. Необходимое пособие для всех психиатров и криминалистов. Еще что-то. Заплатите всего-на-всего 1 доллар 25 центов. Не пожалеете. Такой книги вы еще не читали.
Тихое незаметное течение у реки. Даже трудно определить, в какую сторону она течет, где у нее

верх, где низ. И рыба есть. Вон мальчишки несут в прозрачном мешочке улов. Почему-то все употребляют целлофан и для рыбы и для грибов. Чтобы видно было?

Впрочем, нужно открыть английскую машинку. Тогда не будет недоразумений с цитатами. Опять ведь их постановка вопроса меня озадачит. Я ведь ничего не имею против. Пусть будет так.

52
5

Забавно, что из этого что-то все-таки выходило. Нужно удивляться, что выходило. Меня беспокоил звук в тишине. И то, что я не берусь за неоконченную работу. Что мужчины знают о женщине. Для сына на японском языке. А сын читает по-китайски. Вы должны удивляться его успехам, раз пришли в наш дом.

Жуткая кустарщина, это верно. Я разлюбил печатать на английской машинке. Не могу писать диктант. Когда-то я страдал от необходимости писать сочинение и тогда с удовольствием записывал цитаты. Амба и симфулятор. В чем радость цикуты? В ее портативности и даже, как это ни странно, в законченности. А всего каких-то 48 страниц, не больше.

Сантиметры, сантименты, – кажется и по-русски так можно острить. Тут есть какой-то смысл. Впрочем, если сказать наоборот. Сантименты, сантиметры? Нет, там речь шла о квадратных миллиметрах слизистой оболочки. Такая физиология, при которой ученик учит анатомию в первый раз. Это никогда не скучно, но иногда все-таки надоедает. Требуется отдых.

С этим отрицанием отрицания он никогда не может расстаться. Я помню упор на логику, а потом даже на аргументы и доказательства.

53
7

Нарушение заветов состояло в том, что я не переписывал летние заметки, но слишком увлекался зимними впечатлениями. Это, конечно, и есть та самая забава, которая не должна нас тревожить.

Звуков было достаточно. Мы должны убрать машинку. Сейчас попробую читать вслух. Из-за этого отзыва специалиста я стал уважать приемник. А то я думал: на тебе, убоже, что нам не гоже.

Тихо-мирно сходило на-нет любимой занятие. Я не заметил перехода. Как бы ни старался, все равно. Этот микрофильм у другой художественной системы. Кстати, я тоже не вижу, чтобы владелец извлекал пользу из своих двух магнитофонов. Пишет по старинке: пером по бумаге и даже редко прибегает к пишущей машинке. Тут пошли совсем фантастические рассказы. Надо полагать, не вчера у них было начало.

Кто мои друзья теперь? Студенты и студентки. И не твое собачье дело спрашивать. А кто ТВОИ друзья теперь? Министры, послы, нобелевские лауреаты? И ты с ними на ты?

(54)
16

Тут его спасает масштабность стройки. Требуются художники-декораторы. Остановись на одном слове, и будет не то, что ты хотел сказать. На каком формате, вот вопрос, который никогда не стоял, когда бралась первая попавшаяся бумага. Ибо была потребность. И я ему простил наглые

выходки. А он сделал вид, что не помнит. К этому пейзажу я подлечу с другой стороны. Сколько раз снился. Кто кому. Если она заметила, тогда в книге что-то есть. Надо прочитать все-таки. Почему-то так получается. Как будто бы тетрадей много, но я к ним иначе отношусь. Знак законченности. Можно выбрасывать. Потерять и забыть, чтобы потом начинать сначала. Мысль постучала в дверь, а я ее не пустил. Я сделал вид, что не слышу. Мысль звонила по телефону, а я не подошел, в квартире никого не было, и меня никто не позвал стуком в дверь. Лучшая бумага портилась таким образом. Как там было сказано? «У тебя тоже есть накладки, но я их на тебя не накладываю». Разве это признак разрыва? Ничего подобного. Милые бранятся, только тешатся. После ссоры так полно, так нежно возвращенье любви и участья. Мистер Паркер Пайн, специалист по устранению несчастья, его тоже кормит масштабность цивилизации. В деревне он был бы гадалкой и у него всегда можно достать выпить. Ах вон что. Тогда нужно это дело отметить. Сюда мы поместим такое, чего никогда не было. В знак того, что я не писал на такой бумаге. Без даты. Без звука. Без продолжения. Я переводил с языка мозговых извилин прямо на машинку, глядя в пустое пространство перед собой. Что-нибудь такое.

55
1

Это называется: удочка закинута? Пусть это случается с кем-нибудь еще! Странные вещи творятся вокруг великого предприятия. Ленту, пожалуй, нужно сменить. Я не знал, зачем нужно было показывать старую стенограмму. Тем более в такой обстановке. Способ сохранения старой кожи? Вы не могли бы им сообщить? Еще что-то более туманное и резкое в адрес старого соавтора. Меня поражает такое отношение. Впрочем, минимально. 7 лет там было. Все зависит от интенсивности отношений. 17 дней достаточно, если речь идет об одной неделе в августе. Лучше всего, конечно, без упоминания имен. Ладно. Сделаю. Очень нескоро, но сделаю. Я не знал, что они меня держат за старика-переплетчика с лицом из красного сафьяна. Я буду ходить в мастерскую, что возле Сивцева-Вражека. Пусть мне будет плохо. Вот так же и с чтением одной книги. Меня не просили делать выписок, я и не буду. Выходит, иногда чужой взлет воспринимается как прозрение. А чаще свой собственный как пустое место. Как бы там ни было. Как бы там ни было. Что-то еще насчет преданий простонародной старины и снов. Карточные гадания все-таки опускаются. Он умер под забором. Никто об этом не знал. За исключением этих двух случаев, все в общем процветают. Хмык. Не такая реакция, но все-таки. Весьма туманно и проблематично.

56
4

Саня! Ты Саню видишь? Кто это. Ах вон что. А вот Андрей Дмитриевич идет. Ну хорошо, что не Андрюша. Пети не было. Да, кстати они развелись. Она неизвестно за кого, а он хочет на Ире Кристи, а она не соглашается. Между прочим, Юра ответил. Но столько версий его ответа, что я не хочу и повторять. А Леша? А Леша примолчался. Почему он не прямо Лене, удивляюсь. Кстати, можно было бы позвонить, сказать, какое тут безобразие, но никто телефона не знает. А она знакомится так: «Мать Ермолая». Хорошо, правда? А Юра уцепился за цепь и хочет разорвать, а сзади его еще один держит. А Ленка кричит: «Он моего отца освободил!» А Вавка: «Что – отца, он меня освободил». Но вы же все-таки не родственники. А пускают только родственников или очень близких людей. Похоронили рядом с Эренбургом. А вид у него был со всем примиряющий. Просто удивительный вид. Алик с ней пришел, у него плохой вид. Мити не было, по-моему. Впрочем, кто-то еще сидел в машине, а стариков много было и старушек и откуда они все узнали, а?

Рукою Пушкина написано «Записки актера Щепкина»<.> В «Неделе» можно прочитать про

то, как начинался роман со стенографисткой. Евгения Шварца интереснее читать, чем самого Андерсена. Зачем ему полный Андерсен? Ведь он же не сказочник по специальности.

Вот бумага, которая выносит и острое перо и зеленые чернила. С этого и надо было начинать. Пан славист все помнит. Доктор Т. сказал: «А тот профессор, который читал записку, арестован, так что Вы не беспокойтесь». Маргарита Феликсовна в метро была вежлива, впрочем, она всегда была вежливая.

57
2

ПЯТЬ ПЛАСТОВ

В этом переводе Эразма Роттердамского он видит 5 стилистических пластов.

Его беседы теперь:

– Журнал «Наука и религия» состоит из двух отделов.

– Религия и наука.

– Совершенно верно. Так вот в разделе «наука» ты должна себя так поставить, чтобы тебя постоянно печатали по вопросам света и тьмы в разделе «религия».

– Зачем мне это нужно?

– Дура, тебе там заплатят. Ты понимаешь: ЗАПЛАТЯТ!!

Пауза.

Мысль однако была всем ясна, но он продолжая ее развивать, стал цитировать самого себя:

– И ЗАПЛАТЯТ ДАЖЕ ДЕНЬГИ, ЕСЛИ ТЫ
АКТУАЛЬНО ЭТИ ВЫРАЗИШЬ МЕЧТЫ.

Этого ему тоже показалось мало. Тогда он стал рассказывать многочисленные примеры из своей многоопытной жизни. Сколько? Когда срок? Через 2 года? Через 3 года тебе не нужно будет переводить Томаса Мора.

58
3

Тут конечно. Левик. Помню.

Спросите у Миши Ландмана. «Он учился с Храмовым? Это тот Храмов? Он сказал: хрущевский Маяковский». Вот для него Мрожек и написал «Последнего гусара».

Дайджест по всем волнам за все лето. Он и дал его. А то, что он будет потом целый год рассказывать в разных домах, это будет его полный текст. Главный вопрос: почему не глушат Израиль по-русски? С провокационными целями.

РАССКАЗЫ ВЛАДЕЛЬЦА «ПОБЕДЫ»
КОГДА ОН ОСТАЛСЯ БЕЗ ПОБЕДЫ И МАМЫ

59
6

Зловещий шопот-шелест тополиных листьев, возможно, будет буря. Ураган с женским именем «Рита» /ах мастер, где твоя Маргарита?/ – ждите сообщений. Дневник ночного сторожа у него великолепный. На другую главу пороха не хватило. Из другой главы надо выбросить все про себя. Глава, по крайней мере, про натурщицу живописца-ташиста в кафе.

«Народ бессмертен» тоже требует отдельной главы. Но уже Олег Ефремов это дело исчерпал.

Голос В. И. Качалова облагородил рассказ про испанского земледельца. Жил он по евангелью Фомы, а евангелья Фомы тогда еще не было. Оно появилось на французском только в 1959 г. А по-русски только в 1972 г., но в какой компании. Евангелист Фома попал в хорошее общество.

<60>
9. (?)

От «Кляйн Адлер» мы взяли закладку, и вспомнили машинку ОРЕЛ. Ну и конечно фразу «Это он еще не знает, что в то же самое время я был приглашен к самому ОРЛУ». Вот так постепенно мы пере – ВСПОМИНАЕМ все главные страницы из «Четвертой чашки чая» и нечего переписывать – никакой необходимости. Все-таки. «Угробь»? Это он еще не предвидел сказку Тэрбера «Однажды мангуст получил повестку из военкомата». Take care to get what you like or you will be forced to like what you get.

А я что говорил?

«Абстрактную прозу» /1959/ тоже можно переписать с употреблением латинских букв английской машинки. Я не позвонил потому что было поздно и вообще это был первый раз. А первый раз вы сами знаете.

«Как бы в зад не ударили православные» <-> вот главное, что не запомнил из «Нового мира» владелец «Победы». Теперь у него «Жигули» или «Запорожец», но мы будем по-ПРЕЖНЕМУ называть его владельцем «победы». /Стоял рядом с серым бьюиком Шостаковича у дома композитора, это его МОНОЛОГ, но главы тут не получится./ Впрочем, весь ПОПЛАВОК /1960/ – это глава о владельце «победы».

61
10

See how we trifle. Look at us running like hell. Did you see me swimming? What I was doing, do you see, is called swimming. Exactly the point when trype and hogwash are the right words. Tripe and hogwash. But it is better than nothing. Better trype and hogwash than nothing at all.

Я буду жрать компоненты, не надо мне щей. Ты уж извини, ты мне не указывай, я даже лук купила для окрошки. Щи будут готовы вечером, но есть их мы, может, не будем. Они у нас останутся на завтра. Не угрожай. Мы их будем есть завтра, ты посмотри, какое я купила мясо. Мясо суется под нос. Вижу.

Узенький карманный формат с появлением «Телевидения и мы» и Инны Натановны С. в такси у Центрального телеграфа вынудили меня цитировать Тютчева в тупике и, кажется, личном направлении. Я не считал это ошибкой. Эту ошибку можно не исправлять. А с олиной бабушкой дело хуже. Я так и не выяснил, почему в апреле 1940 года на столе у секретарши или управделами ИФЛИ лежала моя фотография.

Кстати, второй бокал вина я пью за плавающих и путешествующих, а вторую кружку пива за то, чтобы Ю. Титов преодолел «ее депрессию» и свои слова «уличные художники работают без дураков». Еще бы. Я недаром теперь читаю «Паэза сэра» в читальном зале библиотеки на Ульяновской улице. Пока не видел ни портретов ни сообщений. Пока. Разумеется, я пропустил 3 месяца. И не только я. Еще бы. 25 копеек за одну газету.

62
11

«Пловец» и «Личный врач президента» тоже сюжетно оформляли целую эпоху. Одного этого вполне достаточно. Линию Профьюмо вставить в пьесу «Империя села на мель». Глазами велосипедиста на события истории с точки зрения водопроводчика. Не отбивайте хлеб у Жванецкого

и Райкина. Жванецкий хорош сам по себе. Райкин тем более. Но голос Качалова вдруг напомнил о старинных возможностях давно прочитанного романа. Жил он по евангелью Фомы. Через 14 лет прочитал евангелье Фомы. Когда он писал, такого просто не существовало. Фотография надменного азиата. Татарский бог в золотой тюбитейке на фоне не им прочитанных книг.

Had we not better teach our children to be better citizens than ourselves ? We are not doing that at present. The Russians a r e. That is my last word. Think over it.

But the spider spins her web. «You men do not understand the rapture one can find in a glance or a handclasp, but, I swear to you, the sound of your voice fills me with a deep, strange feeling of joy as no passionate kisses ever could do.»

There are so many girls. And they all expect you to remember them as if there was only one in the world.

(63)
12

Клоун веселился по другому образцу. Паяц безмолвствовал и мотал на ус. За это молчание Ганя его не любила. И что он в нем находит? Ни слова не сказал.

Абзацы строились из расчета 125 слов на одной странице карманного формата. Но вот где-то хранится «Мутная вода» в таком виде – и от этого ни холодно ни жарко. Последний подарок тоже не сдвинул с места. Мало французских цитат носилось в кармане, это верно. «Дура, твой последний шанс» – это для Жени Солдатовой и Вали Никулина. Был такой разговор. Чтение сказалось на зависти. Мучительно завидую. Умеют жить люди. Я решил готовить уроки в двух экземплярах на большом формате на двух машинках. Пора форсировать профессиональные привычки. Ошибка, конечно. Поднимаясь по лестнице, вспомнил автора «Квадрильона». Ему хуже. Конечно, хуже. Трудно быть ведущим публицистом, когда у тебя нет журнала.

Ужасная штука произошла с маленьким переплетом. Новую ленту надо купить. Кого надо, тот не приходит. А ходят в разной суете разнообразные не те. Вот видите, у вас аллюзия на Крылова, а у него на Голсуорси. Этот прием называется РЕМИНИСЦЕНЦИЯ. Последнее убежище эрудита-маразматика. Пригласить, попросить не забыть принести захватить книгу, если она еще сохранилась. Уже зачитали? Вот что такое очередь.

РИТУАЛ 1964 года наводит тоску и сон. Но аккуратно напечатан, скучно только. Нудятина про свою грусть и печаль. Их привлекала легкость и шутовская сторона. А разве он не всегда веселый? А он тоже боится дурного глаза? А когда я получу «Любовь под вязами»?

(64)
24

The sun of not your life. Exactly. As though I were a nut and he were a woodpecker. I must conclude by warning you that it is a must for you to read the whole body of work and not page here page there. Otherwise you will not understand anything. But you are not compelled to read. But nobody makes you to read at all. It's not for you.

Красочные рассказы из жизни кредиторов Нобелевского лауреата. А главное – все это повторение, повторение, не больше. Какие блины? Музыкальные? Платите неустойку. Заплатили, но не пустили. Где у меня была фотография Ростроповича в Лондоне. Еще не родился ребенок, а он уже говорит «второй сын». А если девочка?

Паяц смеялся, клоун веселился, жизнь шла на антресолях. Я заходил иногда по дороге с рабо-

ты в книжном магазине на главной улице СССР. Очень важно для аллюзий на одну книгу. В 1893 году ей было 17 лет. А в Петербурге 1903 г. ей было 27 лет. А вышла замуж, когда ей было 34 года. – Вы не записали, что она сказала про меня: «Ты, я вижу, ороковела». Она сказала ОРОКОВЕЛА. И письмо Вы не так читаете, дайте, я Вам покажу.

Выходит, что ее интересует только то, что она сама говорит. Еще больше – что говорят про нее ее подружки и знакомые. Если вы правильно записали, хорошо. А вы как? Вы все переврали. Это по-вашему остроумно?

Солнце не моей жизни закатилось в доме у Речного вокзала. У меня нет ее телефона. «Огарки» – это не ее книга. Но она у нас зачитала стихи издания Зиновия Гржебина и даже «1920 год» Шульгина. Она просто не помнит.

(65)
25

Еще меньше. «20 страниц в жанре –
ЛИТЕРАТУРА НАЧИНАЕТСЯ С ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ».
Ваш верный, Ваш единственный пока еще находит время для открыток и посылок и бандеролей и вообще. Ценить надо. Он меня завалил корреспонденцией в первую половину года, и я чувствую себя в долгу. Хотя эпизод есть эпизод и вообще мы договорились. Есть и накладки. Бывают. Например, «Угробь!» «Ну разве так можно?» «А ты угробь! угробь! угробь!» Три раза повторил. Ритмы разговора для него этого требовали. Впрочем, мысль началась с адреса на букву «гэ». Мол-напрасно в том направлении что-то, а вот Звево относится с энтузиазмом и это надо только приветствовать. Я согласился с преамбулой.

20 лет поезда Москва-Ленинград – это собственно, надо сообразить, сколько я забыл из того, что я когда-то помнил наизусть. Теперь мне и до «Недели» нехватит «Евгения Онегина». Две главы пешком – это 5 километров. Это я усвоил еще в турецком городе Азове у Мариупольского моря.

«Холстомера» так цитировать нельзя. «Кирпичный завод» без Ю. Сварожича тоже. Но надо отметить карандашом название прогрессивной организации и вообще осторожней с книгами из библиотеки. Я их должен предупредить. Меня уже не ждут «Спокойные дни»?

Я отвык от таких разговоров: «тебя обскачет любой пятикурсник Лит. института». Ну и вообще. Зато мне в главном повезло. Да. Тебе повезло. Ты получишь форму № 6: это все равно, что ты бы сдала экзамен. Да, тебе повезло. Да, конечно. Да. Я открою, только у меня ничего нет наготове. Я напрасно сказал «Диктантов больше не будет». Будут.

(66)
26

«Как будто я орех, а он дятел: долбит и долбит». Так начинается повесть Олдоса Хаксли «После фейерверка». Продолжения не будет. У бассейна протоптали дорожки по траве и эфиопы ввели лондонский обычай сидеть и лежать на газонах под деревьями, но больше всего меня привлекает скамейка под двумя дубами. Дубки. Самая крайняя скамейка у большого красивого красного кирпичного дома, про который мне надоело рассказывать всю информацию, которую я почерпнул из путеводителей, Асаркана, «Хождения по мукам» и разговоров москвичей и искусствоведов. Это Васнецов? Да. Это его солнышко? Да. Тут, пожалуйста, сразу же налево в Курсовой переулок. Теперь прямо. Теперь направо. Вот тут у тополя мы приехали. Спасибо.

Можно долбить и похвалами и комплиментами. Тоже будешь как орех, которого долбит дятел. Нет. Я все-таки получил удовольствие. «Отработанный пар» – вот главное в старой стенограмме 1961 года. Еще не нашел. Ваши заботы. Мы договорились: ни слова в этой главе о ваших

заботах. Тогда удивительные сюжеты А. Свободина в кафе. Если хотите. Если хотите. «Мангуст» или «Азиз Несин про кафе» – я этого не помню наизусть, поэтому буду говорить приблизительные слова. Прелесть сидения в кафе заключается в количестве цитат, которые придут в голову, когда ты сидишь и ждешь кого-то. Когда ты не ждешь – тоже, но хуже. Но лучше когда ждешь. Еще печальней постоял он у дверей и написал без машинки открытое письмо. Слово «повелительно» взбесило. С этого слова и началось.

(67)
27

Точно так же получилось с марихуаной у Нормана Мэйлера. Мало того. Он утверждает, что точно так же обстояло дело у доктора Фрейда с кокаином. Профессор Геллерштейн спросил строго:

– Разве Фрейд был кокаинистом?

Я послал его к Норману Мэйлеру.

в двух экземплярах

Я опять нарушаю традицию. Впрочем, самая сильная из них – традиция нарушать традицию, Так что в общем все в порядке. О прощании с Раздорами я опять ни слова.

29-го я была у Дуси. А в кино мы ни ногой. Вот нарушение традиции «Кто куда, а мы в кино». Два переплета с английскими цитатами первой очереди. Расхолаживает злодей. А злодейка только начинает читать вслух Альбера Камю схода – у мамы в Петербурге 1903 г. это называлось «а ливр увэр». Так вот она читает для папы и мамы роман «дерзкий незнакомец».

Скамейка под дубом помнит интимные события: «Она меня уговаривала два дня по 4 часа». Ладно. Она его уговаривала не менять социально-экономическую формацию России, но в данном случае она заботилась о России, а он принял эту заботу на свой счет. Ладно. И это не страшно. Но ОТРАБОТАННЫЙ ПАР был еще когда? Чья это лексика?

(68)
28

Тут слово предоставляется товарищу Колдунову. /По последним событиям опять «он одобрил», но надо же сказать, что последние события были КОГДА?/

Мы шли по коридору дома № 10 к лифту. Лифт после 11 вечера работал только в другом дальнем конце. Так я и не выяснил, кто написал роман о дискуссионном троцкистском клубе в Москве 1925 года. Вика все помнит. Она даже этого писателя помнит. Но Валерия Варсонофьевна говорила какие-то невнятные слова.

Возле арки на Варварке, где советовал повеситься Юрий Карлович Олеша в первом издании романа «Зависть» (одна страница из 20-х г.г. в доме хозяйки «Атомного оружия» /1949/), мы ждали автобуса, чтобы ехать на Неглинную. Хватит с меня одного наводнения.

Я не знал, что у меня сохранился подробный пересказ статьи князя Святополк-Мирского о Джеймсе Джойсе в Москве 1933 года. Отец Лии Майзельс в тот день читал именно это книгу. Мы делали стенгазету. Меня заставили рисовать карикатуру на Злату Потапову. Меня уговорили и потом, видимо, гордились, что сумели уговорить. Собственно, уговаривала одна Лийка Майзельс.

Шура Гозенпуд все помнит.

Нина Нестурх все помнит.

Сережка Чертков тоже все помнил, только он уже умер. Так я с ним и не поговорил.

69
7

СВИСТ ПАДАЮЩИХ БОМБ отвлекал от поэзии И. В. Гете. Он наглядно демонстрировал, что есть время для стихов и есть время для правды. Правда в погребе жарким летом заключалась в том, что холодные вареники с вишнями, вымазанные в сметане, не могут отвлечь от завывания пикирующего бомбардировщика – как и стихи Гете – когда он на тебя пикирует.

Ты не знаешь немцев. Ты знаешь, какие были немцы. И ТАК ДАЛЕЕ по-наслышке замах большой, рублевый, мысль на копейку, потому что чужие впечатления. Разговор в автобусе был настолько бестолковый, что до сих пор невозможно понять: зачем я его выслушивал?

ЧЕТЫРЕ КВАРКА ДЛЯ ДОКТОРА МАРКА /14.12.69/

Боже мой, зачем все это нужно было?

Что ненужно. Что ненужно. Это верно, что ненужно. И волноваться тоже ненужно. Волноваться нужно было раньше.

РИТУАЛ ТЕПЕРЬ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ

14.7.72

Я не беру пущинские тетради. Я не беру «ТИГР – 68». Слишком явно. 8-го ветра не будет. Семи переплетов вполне достаточно. А оглавление погибших сочинений хранится в папке с надписью «Хранить вечно». «Сугубо доверительно» – так начиналась рукопись С. П. Писарева в 1952 году. Это было письмо товарищу Сталину, но товарищ Берия подшил его в протокол под дырокол и отправил товарища Писарева опять в тюрьму.

(70)
29

такая мура, мать моя родина, дальше некуда

ДАЛЬШЕ НЕКУДА

НО ВАША ЖИЗНЬ БЫЛА – расшвыривать слова, вы помните, вы все, конечно, помните. Была да сплыла. Слова, от коих не кружилась голова. Из Пиндемонте, из Ефрема Сирина, из «Четьи-Минеи», из псалтыря, из протопопа Аввакума – кто переводил, а кто и так шпарил. На самом деле тут Пастернак говорил о себе, а не о Маяковском. Такое было первое приближение к тем словам, про которые он сказал: не стыжусь. От повторений стало тошно. От аллюзий пришлось отказаться.

Это верно, что они занимались ерундой. Но странная правда была в тех поисках, которые приводили к результату все-таки. Эпопея страха и поэма ужаса не так запоминались и не так действовали, как комические абзацы из такой сказки. Короче и убийственней. Правда, никакая сказка еще не натолкнула человека на поступок, но тут дело не в поступках. Поступки

рождаются независимо. У меня была иллюзия создать типический приход к типичному решению в типических обстоятельствах. Вздор. Оказалось, путей прихода столько же, сколько приходящих или могущих придти. Идеи художественного произведения не существует вообще. Есть фикция, к которой прибегают критики и теоретики. Именно так все и происходило. В такую точно жару, забравшись в погреб ветхого дома на Юге, я пытался читать вслух «Фауста» Гете под завывание германских бомбардировщиков. Не получилось. Не получалось. Я сделал вывод: нельзя отвлечься. Свист больше действует, чем поэзия и даже правда.

71
30

Требования из двух слов: «Освободить Синявского» или «Уважайте конституцию» или «Распустить колхозы» или «Дайте нам ДОКТОРА ЖИВАГО». Необязательно «Долой Б.Б.» или «г.б.» Смешно ставить такую цель /назад к п.к./. Академик – не герой, мореплаватель – не плотник.

Тут опять заговорил нищий:

– Некуда деньги тратить!

– Наворовал?

– Ага, теперь твоя очередь.

– Я буду удивлять.

– Чтобы удивлять, мозги надо. Мало иметь голову на плечах, надо еще чтобы она работала.

Много таких крикунов-говорунов видали. Болтунов развелось тьма, прямо девать некуда. И все всё знают. Прямо слова не дадут сказать.

Когда передохнет это старичье, мы за это дело не так возьмемся. Слыхали? Это сдохнуть. Я уже слыхал это еще в 1937 году. Но тогда была надежда.

{НЕ УВЕРЕН, НЕ ОБГОНЯЙ

ПЕРЕХОДЯ УЛИЦУ, ПОСМОТРИ НАЛЕВО

Вот именно. Меня все время заносит налево.

Мы все это выбросим в мусоропровод.

КОГДА У НАС БУДЕТ МУСОРОПРОВОД
МЫ ЕЩЕ НЕ ТАК БУДЕМ ВЫБРАСЫВАТЬ

А Ваша жизнь – отдача, не надо заводить архива, быть знаменитым некрасиво. Ладно. Чья бы корова мычала, а его бы молчала.
Мне понравился «пахнущий обороной ремень из коровьей кожи» /Р. Фраерман, ДИКАЯ СОБАКА 1939/.}

[текст в фигурных скобках повернут на 90’ по час. стрелке]

72
3

Оператор с немецкими книгами, да, помню, был такой парень. Про него еще говорили, что он теперь в ЦК и выполняет разные функции. Особенно его интересовал пятиязычный словарь по математике.

Уехал в Неаполь, город миллионеров. Извинился на прощание и исчез. Был такой у нас сосед,

художник под Шишкина, мальчик-живописец вел себя как платный агент, но на самом деле, может, просто маменькин сынок и тоже командирован в Италию. На самом деле все гораздо сложней. Ваш муж – удивительный человек, пристал к моей жене еще один прохожий, и она сразу насторожилась. Я тебе не говорила, чтобы тебя не беспокоить. Если они тебя испытывали, то ты прекрасно выдержала испытание. Если.

Частный сыщик увидел комнату с бутылками из-под французского коньяка марки «Камю» на веревочках и стал мотать на ус. Но продолжения в этом переулке не было. Несолидно.

10 лет пролежала макулатура на антресолях, и хозяин дома так и не узнал, где у него хранилось то, что скрывалось прежде всего от него самого. Он и сейчас не уверен. Но Вике он дал понять. Такие люди приходили, и ты не могла их задержать. Такое бывает один раз в 100 лет. Это он правильно подметил. Ты думаешь, я помню, к кому мы идем, – сказал великий человек. А Виктор не верит, что при таком наплыве новых знакомых он их всех путает и запоминает только по тем девкам, которые случайно ему понравились. Меня, например, он узнал по бороде, это он так сказал. На самом деле он меня спутал с кем-то еще, потому что на званом вечере в кафе я не был. У меня не получилось. И на фотографии меня нет, не надо искать.

Тамара Красивая перешла к Телеграфу, и с тех пор мы ее не видели.

73
5

Эта птичка повторяется. Повторения начались с урагана над Паралепой в Эстонии 1967 года. Потом был «Сон смешного человека». Потом два больших переплета, потом один еще больше. Машинка из ремонта, диктант по-английски, конечно, переписать в первую очередь нужно абзацы, написанные в то время, когда машинка плохо печатала.

Ничего загадочного тут не было.

Но мореплаватель и плотник не обязаны оставлять мемуары, да и герой тоже всегда найдет своего летописца. Академик пусть пишет труды, не его дело – социальные реформы и религиозные манифесты. Синдром Леонардо да Винчи – болезнь серьезная с точки зрения врача, который был партийным следователем. Наш человек свой в доску. А он совсем не физик. Он чем занимается? Собирает всякие досье. Нет, мосье. Нет. Жанна Матвеевна Брюсова – вот кто был прототипом. «Бред кверулянта». То академик, то герой, то кверулянт, то плотник, – у него четыре ипостаси, по крайней мере, и в каждой он крупный специалист. У него совесть есть. Бога помнит. Праведную жизнь уважает. Еще что-то.

Мне стало очень тошно, и я страницу выбросил. Был эпизод с летчиком. Мгновенно почерк переходит в каракулю, в линию вниз. Это когда кислородную маску снимают. Из «Аэропорта» Артура Хэйли.

Не дадут умереть спокойно.

74
9

– На всю макулатуру, – не выдержал я, и прорвалось раздражение, и тут я заговорил, как нищий. Богатый нищий жрет мороженое. Пусть жрет, пусть знает: мы враги. Бедный еврей, а не богатый нищий, и вообще будущий странствующий и путешествующий, и за него еще придется возносить молитву девочке в церковном хоре.

– Но у Вас же денег нет!

Но у меня же денег нет. Я готов пойти навстречу и иметь вас в виду, но денег у меня действительно нет. Но я вас действительно люблю, но денег на самом деле нет.

В каком году, рассчитывай, в какой стране, угадывай, вечный жид бродил по улицам вечного города. Он уехал в Уппсалу. Он звонил из Италии. И ТАК ДАЛЕЕ будем питаться крохами с барского стола.

По другим законам строилось сновидение. Можно опять начать словами «Нас уволили из 9 класса», а кончить «Кусок Лондона отвалился, будто отрезанный ножом», но в середину придется вставить 40 абзацев из «Окаянного человека». Такое было «Покаянное письмо»: весьма неуместное, когда не по адресу. Может, кому-нибудь это и понравится, но мне не нужно. Мне это чуждо. Я вообще не люблю заземленность. Вот какие вежливые слова.

Повторяется старая история. Так уже было в феврале 62 года. Все стояло на полке. Все к вашим услугам. Даже подписи приготовлены. Такая предусмотрительность. Эта история будет повторяться, пока мы живы. Пока.

75
10

А он собирается жить и воздействовать на социальные преобразования на нашей планете. Я же говорил, «Гений и богиня» – главный роман у Олдоса Хаксли.

БЕРЕГИСЬ ПОЕЗДА

17 и 18
/взамен утерянных/

Не стоит того, чтобы ее восстанавливать. Будем считать: оскорбительное письмо в один адрес.

ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ У АВТОРА «МЕРТВЫХ ДУШ» была летом 1963 года, когда он выполнял редакционные поручения С. Дмухановского. Все хорошо на 18-й странице. Жаль, что нету целиком. Кроме того, оказывается, все это было в подборке «Балтийское море шумит».

Слова на красной ленте были для читателя «Озера в жаркий день». Оказывается, и там это было. В общем, в 4 раза больше, чем нужно.

ТАКОЙ БЫЛ ДИКТАНТ. И даже диктат, потому что слова «именем души, которая диктует» появились летом 1955 года. Предполагалось выбросить их из «Мутной воды». Так и было. Все это было давно и ненужно.

Ловил на белого короеда. Плотва, наверно, берет.

– Приходите, заберите, они у нас в коридоре лежат навалом, мы не знаем, как от них избавиться.

Это был звонок в Городскую библиотеку /имени Некрасова в данном случае и в иностранный отдел: умерла учительница французского языка, после нее остались книги/.

Старый еврей всю жизнь собирал книги, но ему хочется получить сразу 500, а может и 5 000 рублей. Ого! – сказал я. Ему нужен покупатель на всю библиотеку. «На всю макулатуру!» сказал я.

76
2

Вслепую десятипальцевым методом – зачем слону, который играет в футбол, еще и ходить по проволоке? А они – как от циркачки – требуют от него еще и ШПАГАТ. Автор одного рассказа – она написала про свою трудную личную жизнь втроем сами знаете с кем. Это его лодка. Мы на

лодке одного человека – я не могу называть имя по телефону – ходили в Кижи. А они Наташе говорят «А как же она будет рожать? А вдруг она сломает ногу?» И тут мы встретили знаете кого?

Письмо пришло с обратным адресом просто

КЕМЬ.

Это был удачный спортивный год в их дружбе. Потом ссора. Потом она себе выбрала грузина. Потом назло ему вышла замуж и родила ребенка. «Семейный комплекс у нее от мамы».

Не надо полемизировать с Кьерекегором. Хватит эстонских тетрадей и «Смерти велосипедиста» на карманном формате. Хватит и «Стилистики скрытого сюжета». И это все? Цитата из «Холстомера» тоже подходит под приглашение в «Националь»:

Лев Толстой: «Я слышал, как она рысцою и непривычным ходом подбежала к нашему деннику по коридору. Ей отворили дверь, я не узнал ее, – как она помолодела и похорошела. Она обнюхала меня, фыркнула и начала гоготать. По всему выражению ее я видел, что она меня не любила».

Отношения становились холоднее и холоднее.

77
6...

Just the point «Ich bin zu alt um nur zu spielen». Just the way to express the unexpressible if you know what I mean. He who cannot, teaches. Fresh air is declared unwholesome. But self-denial is not a virtue: it is only the effect of prudence on rascality. You will retort that I never do anything else. It is your favorite jibe at me that what I call novel is nothing but provocation.

It is a little like seeing a 300-horsepower automobile speed down a crowded high-way while 3 men in the front seat fight for the wheel and 2 in the rear seat poise ready to plunge a dagger into the back of the man who wins the front-seat straggle. Just what they say «C'est la vie».

А вот я к ней сейчас съезжу! Коляску. Карету. Пойду искать по свету. Опереточное либретто. Дешевый текст. Все дешевое. Удивительное количество труда было потрачено на дайджесты в кармане. Зачем «Мутную воду» еще раз? Просто подарок. Та особенность переплета, которая заставила прочитать и цитату про Ежневского. Улыбка, но по какому поводу? Какой опасный для окружающих шаг ты собираешься предпринять? Только 50 лет спустя после смерти последнего из персонажей.

ЧУЖОЙ ЗВУК

М. Ландман про «Бочкотару»:

– Вот как, по моему мнению, писал Джойс. Не правда ли?

Я подтвердил, что правда. И Зен д-Авестин и Симона де Бовуар посильно преодолевали звуковой барьер между чужими табу и своими успехами. А ты до сих пор не догадался? Надо взять тирана и писать исторический роман про птицу с двумя крыльями.

78
11

беззастенчиво разоблачая тайны святого искусства Мельпомены

На другой волне ни слова.

Театральная афиша. Ехидные слова и обыкновенные мысли у афиши старого «Современника». Всегда в продаже главный режиссер Такой-То. Трудно оценить вклад этой тройки супостатов. Да-

леко не равноценно – воскресные передачи: я как рыболов, сижу и слушаю, иногда попадается золотая рыбка, из-за этой золотой рыбки слушаешь. Это был Жванецкий. Или Аверченко. / Воскресенье 3 сентяб. 3.9.72 /

Бодливой корове Бог рог не дает. Это сказал Феликс Круль, который потребовал письмом возврата «Заката Европы» и подписался «Голова Олоферна». Такая любовь к литературе. Мне нужно было заглянуть в 64-й год. В 63-м году, я знаю, все было хорошо написано. В 65-м тем более. Цитата из драматурга, неважно из кого. Мы тогда читали Айрис Мэрдок. В журнале «Англия» был эпиграф из В. Гаевского. Не по зубам. Мне давай слив. Своя судьба у лондонских знакомств М. Шагинян. Мелькнули ее тютчевские стихи. Зиновий Гржебин ее издавал, «Вестник Европы» печатал.

(79)
31

На озеро я не поехал. Я знал заранее – идти 4 километра, это не для меня теперь. Я видел по карте. Пошли умываться на Волгу. Они все-таки всегда по привычке говорили «с Волги», «на Волгу», а мы так и не привыкли. Ты говорила «пошли на пляж» или «я была у речки». Позвонить пробивать дырочки, срочно требуется Ваша помощь.

Мороз Воевода дозором обходит владенья свои. Я записал Некрасова. Очень кстати к вопросу о творительном падеже. «Надо писать пьесу», говорил в эти дни А. Налитухин. «Я психоз маниакально-депрессивный превращу в ликующий театр», угрожал Асаркан в ЛТПБ. Забытые слова. У трех форматов – как у двух дубов: стоит скамейка, на скамейке инвалид сидит, читает книгу. Он всегда тут сидит возле эфиопов. Была удачная комбинация. Когда письмо прибито белыми нитками к ненужной вырезке из итальянской газеты, старый контекст играет, а Питигрилли не играет. «Эксперимент доктора Подда» позабыт, позаброшен.

Зимних заметок не будет. Летние впечатления ушли в архив. Исчезли выписки из «ОПАСНЫХ СВЯЗЕЙ» по-французски. Всюду французы, а цитаты послать некому. Они переводят с японского, а по-французски все-таки не читают. Они деловые люди. Они помирились из-за пятого евангелиста, но поссорились из-за коптского языка. Какая-то француженка перевела «Евангелие от Фомы».

80
33
6.3.73
1

Спешу и падаю. Он там сидит рядом с А. Моралевичем и в контрах с Устином Малапагиным из-за вечной шутки с М. Ушацем и Тирсо де Молинининым. Почему-то так мало – да.

Практический совет делового человека – это и был наш последний и решительный разговор в кафе. Потом он помог Асаркану стать членом Союза журналистов. Потом написал пьесу «Добровольцы». Потом в «Лире» случайно коньяку ли нам с Валей Никулиным, на что Ю. Сварожич правильно сказал:

– Ага! То-то же!

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ были у Радика Орлова. Он так и сказал: «С ташистом можешь, а с этими двумя нельзя, их скоро посадят».

– Какая она хищница? Она беззащитное существо. Это он хищник.

Разговор в кафе про жену Саши Тарасова. Кстати не нашел страниц про маркиза де Сада и

Шарантон, а главное не знаю, где искать. Пишущая машина другого образца. Великий версификатор, сказал актер. Вот какой был улов у Балтийского моря в Эстонии 1967 года.

Еще был жив Достоевский, писал Толстой, начинал Чехов, а письма из Кирсанова только про ужение рыбы. А там во глубине России поклонник Аксакова выше Сабанеева никого не желает знать. Все они писали мелким почерком. Просто было принято писать таким тонким пером, которое теперь называется чертежным. А крупный почерк только у малограмотного человека. В этом смысле Андрей Белый был тоже ненормальный. Он писал письма огромными буквами, говорит Анастасия Ивановна. Тогда это не его карандашные пометки. Впрочем, она может путает две эпохи.

81
4
2

Есть три эпохи у каллиграфических упражнений. Ярче всего в письмах Ван-Гога. Письмо к брату Тео последних лет – ни одна фраза не повторяет почерка предыдущей фразы. Каждое предложение новым почерком. Это как у великого коллажиста: передать самочувствие и мировосприятие цветом чернил в авторучке, тогда как на самом деле для чтения даже глазами требуются слова и только слова.

У меня другой к тебе разговор. Это я боюсь. Это я должен получить высочайшее позволение заткнуть тебе рот. Ослятина. Вдвойне то же самое. 27.8.72 Крик пораньше, рядом РИТУАЛ и горячий столярный клей.

Мировая О. покрутилась перед зеркалом и убежала. Она подтвердила сообщение итальянского радио. Да, это правильно, один в карцере, а у другого фурункулез. Но я не знал, что эта девочка в черном свитере – и есть мировая общественность. А потом ее назвали «компетентные источники», хотя это, кажется, преувеличение. Во всяком случае, она всегда – «хорошо осведомленные круги».

Хорошо затоптанная страница рядом с музыкальной жизнью на футбольном поле. Была такая. Не переписать, слишком много междометий. С абзацами тоже что-то невразумительное: их слишком много. Придется делать новые абзацы. 6 цитат с 6 страниц это один монолог или 6 абзацев. Пишущая машинка тогда имело чисто терапевтическое значение. Шел бессловесный 1964-й год. Ритуал не достигал даже уровня «карандашом при чтении английской книги. Но на эту тему уже написано «Пик и провал», например, или «Черное и розовое». Кстати, где все это? А голос Гачечиладзе почему не звучит? Это же главный компонент УЮР и вообще текста для разрезки в жанре «на полях уже написанной книги» /27.8.72 воскресенье/

(82)
32

THE RED AND THE GREEN is meaningful only in that respect. The hand of Moscow, red tape, Tricky Dicky: «Better me than Macgavern». Better green than red but NOBODY WANTED TO DIE.

Exactly. 25.8.72

27.8.72

А разве «важно было, чтобы хоть одна удочка была закинута» не относится к нашему общему другу писателю Корженицыну? Он теперь стихов не пишет. Он вообще вторгся в пределы Сергея Петровича, и даже Андрея Дмитриевича.

А у Вас?

А мы приехали с Волги. А письмо, полученное на пароходе «Иван Сусанин», было в 64-м г. Никак не могу найти. А приклейки в ОПАСНЫХ СВЯЗЯХ превращают черновик в табу, что ТОЖЕ НЕ МЕТОД.
merely dogs less sensitive than oneself
короче, отбивает чужой хлеб или работает не по специальности
p. Flower. Wild.

or J.G. p. ?Z

ONLY DOGS LESS SENSITIVE THAN ONESELF. Nothing more. The question of nerves, not always it was so, but now it is a permanent reality for you, ALAS.

There will be no dictation for you.

Не будет и все. Хватит.

И чтения вслух больше не будет. И БУДУЩЕГО БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ, это вы правильно заметили когда-то.

(83)
8

– Когда Вы про кого-то еще.

Это было вежливо сказано в том смысле, что когда про себя все время – это жуткая нудятина и просто отдыхаешь, когда находишь что-нибудь хорошее про себя. Но я ему правильно ответил:

– От классика 21-го века слышу!

Я-мол тоже вас буду читать в 21-м веке. А что – плохо сказано, да?

Один разговор был на Арбате возле аптеки на углу улицы Веснина, и был хороший день. А другой был на дне рождения у Алика Вольпина в кресле, когда Лева Малкин сказал вдруг:

– А хорошо ему, Улиссу, было у Цирцеи, и он не торопился на Итаку к Пенелопе.

На кровати на диване сидел первый номер волейбольной команды «Советские математики» и мрачным взглядом рассматривал, как веселилась ПЖ ВЧ. На этот раз он получил не только ноль внимания, но еще и его угостили намеками, тайными упреками и вечным оружием – флиртовать с другим в присутствии человека, которому это неприятно.

– Этот бокал Пете, – закричала Ленка Строева, и кому-то пришлось идти на кухню, чтобы разыскать Петю. Теперь, когда иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал, – можно употреблять имена при рассказе о событиях, которые были давно и никого уже не касаются.

И «Кислое вино» можно читать, взяв, например, у Володи Шевелева. С чужого коня среди грязи, тем более, что он уже не напоминает Джойса, возвратившегося из отпуска.

3

84
12

А теперь это уже неинтересно. Подумаешь, узнать, что Лидка Мартова и ЛЖР – одно и то же, а Тарсис – враг советского государства и сказал «М.-Л. – это глупость».

Тов. Поспелов правильно ответил:

– М.л. – это не глупость, товарищи, а боевая революционная теория мирового пролетариата.

С. П. Писарев, по-моему не знает адреса на Котельнической набережной, а профессор Ежневский ответил через газету «Известия». Я об этом прочитал с запозданием и поэтому не смог его обрадовать. Три слова:

– ... предпринял новую атаку ...

Два слова на другой волне:

– ... подавление свободы ...

В таком жанре тоже много интересного можно услышать и написать, но к сожалению такое бывает один раз в 2 месяца, а жить и писать надо каждый день. Трудно прочитать «Фотографию пулеметчика». Уже на первой странице нехватает просто конкретных фамилий: З. Сандлер, В. Панков, В. Мазур, П. Улитин, И. Шатилов, М. Бродов, П. Коган. В данном случае без имен – просто ерунда. А читать надо все-таки вместе с 9-ью страницами про ИФЛИ, которые были вырезаны из «Стилистики скрытого сюжета» и помещены – может, по ошибке – в «Опасные связи» Шодерло де Лякло.

– Камоэнс ты после этого!

Сказала, вздохнула, повернулась на другой бок и опять заснула. Гроза не мешала спать. Жуткая жара сменилась жутким холодом, климат у нас резко континентальный. Это вам не Италия.

4

85
13
8

На другом формате осталось все остальное.

можно и не разрезать

небрежно ПО-ПРЕЖНЕМУ

без /»А он одобрил»/
без Колдунова, но не без «Базальных
процессов» на улице Горького

86
14
7

Ерунда получается, что и говорить. Самые верные друзья в Париже были у Абрама Терца. Кстати, мне сказали, что тот самый умер. Не щадят пули и наших врагов, а уж о друзьях и говорить нечего. Бегло прошелся по статье «Джантиева и Олдингтон», примерил, можно ли вклеить, и не стал читать. Главное тут – про Антона, это можно вырезать, а все остальное будет на формате макулатурного чтения. Один раз прочитал и можно выбросить.

«Последний день Помпеи на Пушкинской улице» был в сентябре 1967 года. Я до сих пор не приехал из Эстонии эпохи урагана. Все. Камыши – ерунда, вот церковь на горизонте – это всегда имеет значение. Никогда не теряет цены. Подожди немного, в этом смысл. Подпись нового властителя один раз. Небрежно: «Опять ЛБ?» Что это значит?

Литературный вариант «Тяжелой жизни у автора МЕРТВЫХ ДУШ» вызвал ссору. Я собрал остатки разорванного письма и сунул в конверт с адресом Солженицына в Рязани. Туда ему и дорога. Но человек интересовался другим: «Что обо мне пишут самосожженцы в Канаде?» «Что говорили обо мне на дне рождения у этих Якиров?»

Пепел Вольпина еще не стучал в мое сердце. Я описал «Бутылку мукузани, освещенную солнцем», но еще не говорил с Надеждой Давыдовной. Мост вздохов был свинцовый мост у старого здания страхового общества «Россия». Об этом уже все написано. Эти прощальные страницы нужно присоединить к «Неону» и «Наводнению на Неглинной» в том виде, который потом имелся в виду при разрезке. Там, где и «Первое письмо, полученное в подвале». В год двадцатилетия вологодского конвоя на московском вокзале в Ленинграде это был вклад в старую дружбу.

87
15

р а з р е з а т ь

Вклейки не читаются, а разрезка не пользовалась успехом.

Много было работы проделано, а результат не ахти какой. Невелик и успех у читателя. Первая категория замалчивает, вторая, не дочитав, бросает. Если разрыв велик, на него можно не обращать внимания. ТЕБЕ ПЕРВЫЙ ЗВОНОК С ТОГО СВЕТА. Вот и критерий. О себе неизвестно для кого.

6

Он уже проиграл матч, а они все стараются. «Его Бобби довел своими штучками». Конечно, Бобби виноват, а то кто ж. Потом прекратится обоз. И новый переплет будет странно оформлять старую дружбу. Пусть будет иметь временное значение, как «Витязь в тигровой шкуре» и грузины в Москве. Армяне и грузины у Центрального телеграфа тоже единым фронтом против тех, кого они считают москвичами. У него есть клевреты. У него их много на всех постах. Пора уж. Ему не хотелось говорить о «Зависти», а его заставляли. Это была травма – «эманация изящества» – таких слов тут не скажешь. Паустовский тоже задал тон. Это тебе не за столиком в «Национале» Это тебе не на Пятницкой улице по дороге домой после примирения с князем Святополк-Мирским.

88
16
4

Они перечисляли знакомых женщин по всей русской литературе, но главным образом в жизни Пушкина. Я старался не обращать внимания. Как будто предстоял перевод в общую камеру. Как будто жизнь в одиночке стала невыносимой. Они стояли, в круг сойдясь, обсуждая не только крестовые походы. Но я уже не слушал. Эти шахматные собеседования не затрагивают ни Алехина ни Ласкера. «Как конь у Капабланки!» было крепко сказано, но в конце концов это был только чужой жест. Я тогда впервые читал Дмитрия Писарева. Был озадачен: здорово интересно пишет, а процитировать нельзя. Выписать тоже как будто нечего.

Что было слева от толпы? Куда мчался конькобежец по крутым спускам? Он опять отдохнул и полон энергии и коньки хорошо сидят и с шиком делает круги на разминке. Уже был замечен, уже Державин его благословил, но все-таки впереди еще 20 лет до Нобелевской премии и вообще бабушка на-двое сказала. На троих космонавтов только один выстрел, да и то, говорят, по ошибке. Интересно читать про чужие приключения в самолете, даже если ты сам не собираешься лететь в Рио де Жанейро.

89
17
3

Рассвет застал нас над рекой. Она пришла раскрасневшаяся от жара и ходьбы по песку, хотя шла по мокрой части у самой воды. Мне отбили охоту ходить с удочкой на Оку. На Волге я и не пытался. Вот почему слова парижского издания не потребовались, а итальянские издание Лоуренса было забыто. Впрочем, вот эти выписки в точности из того итальянского издания. Следовательно, нам не известны два первых варианта романа «Любовник леди Чэттерли».

Она нехорошо улыбнулась. Ты не умеешь описывать сенсации. Вот сохранились пометки и есть даты. Но уже без этого можно обойтись. «Смерть велосипедиста» научила. Еще короче. Еще раз «20 страниц в жанре – литература начинается с двух экземпляров» /рядом с «Неоном особой чистоты», помню/. Вот только «Невеста виртухая» подвела. Она и его обманула. Она сожгла стихи и прозу. А Надежда, наоборот, сохранила и даже прислала в Москву.

Он работал переплетчиком. Его ложь и моя грусть и опять чужие взгляды на нашу ложь и грусть. Хорошо, что «Галактика» уже написана. «Счастливчик Джим» вышел из игры. Ладно, на всякий случай я его оставил. По декоративным соображениям. Будут родственники Дзержинского. У вас на дне предупреждения было 37 человек. Я бы не испугался за человека, если бы другая Фамилия в английском тексте. По той простой причине, что цитаты из Б. Шоу не активизированы. Не в коня корм. Хотя пятый угол он нашел. А государственного гения пустил в обращение, и за то спасибо. Стучи, стучи, моя звезда.

Это неправда, что Л. Смирнов всех обскакал. По жизни в редакции журнала «Театр» – возможно, но не все кончается на редакции журнала «Театр». Там только начало.

(90)
18

Но я уже брал такие вещи. Даже два раза. Но так было бы слишком просто: не забыв, прямо списывать. Кроем. КРОЕМ ТОГО. Кроме того, «Театральный роман», а не «Мастер и Маргарита». Но если говорить о Шварце, то «Тень», а не «Дракон». Смерть героя, а не все люди враги. Сказка, а не утопия. Именно так мы читали Ромэна Роллана в ЛТПБ. У нас были разные выписки.

И провожают пароходы совсем не так, как поезда. Я сказал об этом в сочинении с плохим названием «Берегись поезда». Из-за этого конспект романа был забыт, заброшен. Чей это почерк? Я соединял вместе, потом читал вслух. Потом приходили новые известия. Эту руду можно было и не отрабатывать. Лексика все-таки заразительная. Это из «Дела Артамоновых», помню.

ЛЕНТА КРУТИЛАСЬ, НО ДИКТАНТА НЕ ВЫЛО

30.8.72

Хватит с меня и уже отработанных вырезок. Ничего нового не будет. Ни дать ни взять оторви да брось, – вот как это называлось. А он иначе воспитан, пусть путь его будет прекрасен. Ему жить. Еще 14 старых газет. Выброшенные деньги. Теперь я не боюсь подойти. Я буду делать вид. У меня есть козырь в кармане. Я все-таки не вышел из игры. Я сошел только с одной дистанции, но другую я пробежал.

На Оке карандашом 8 страниц, вот их и надо найти. Опять рисование без учителя, но на этот раз я сотру следы карандаша. У него было только одно требование-условие: с натуры. Если вертикально, значит он над ними не работал. Вот что жалко.

2

(91)
19

Одно отошлешь, другое не отошлешь, только и разницы. Мистер Экстроверт выходит на улицу, но это еще не значит. Интерес у него все равно только к себе. Нас нет на страницах его книг. Меня не существовало в ее дневнике. Вот так.

Я подожду. Они перечисляют крестовые походы. Особенно свирепствует на этот раз Сальников, но я не буду состязаться с ним. У меня другая специальность. Гад тренер не предупредил, ну что ему стоило? Я все-таки сошел с дистанции. А потом тетради не берутся. Копирка мешать будет, придавал значение копирке.

Отработанная руда, назывные предложения. Вы выдержали экзамен. Я на рыбалке доставал старую авторучку, улов состоял из нескольких маленьких листков. Ему зачем это нужно? Он перецентрится, а ты погибнешь. Вон, оказывается, куда кривая ползла и вывозила. Какая фраза повторялась, ну что ж. Неудобно стоит машинка.

А я только об этом и рассказывал: он предсказал, а мы ноль внимания. Опять РИСОВАНИЕ БЕЗ УЧИТЕЛЯ. Я буду защищать не только В. Г. Короленко, но и «Жизнь Клима Самгина», а что об этом скажет Матвей Кожемякин, это несвоевременные мысли. Я рассматривал точки-астерески и качал головой. Нет, невозможно, даже если бы по-русски. Но парижское издание не потребовалось. Я не сидел в читальном зале. Я писал последнюю страницу к роману «Прописка и любовь».

Она умеет любовь описывать. Вот что имелось в виду – 30 страниц на машинке в «Отдыхе» в 1961 г. Защитник вольности и прав, да, но я испугался, что с ним что-нибудь случилось. «Марсельский дневник Бержерака» – ах не надо. Вся его жизнь на юге Франции, по его словам, не отличается от работы переплетчиком в Ленинграде. Так оно и было.

(92)
33

Придется ерундой заниматься. «В инсценировке этой бреши», «бреши имени Олеши». Где у меня была коллекция эпиграмм и еще Виктор Ардов про никитинские субботники и самое полное собрание российских эпиграмм. «Опасная» вышла в ритуал. Слишком много ритуала с тех пор как машинка вышла из ремонта. Сюжет настолько скрытый, что о нем трудно вспомнить. Спасибо за Стэйси Омонье, а мы и не знали, что его хвалил Голсуорси. Вот когда цитаты из Шодерло де Лякло – единственная связь между улицами вечного города и «выпьем за плавающих и путешествующих». «Они там все поглупели», уже было сказано. Ему надо было плевать с Эйфелевой башни, поэтому он в Париже.

Из того, что я начитал в старой стенограмме, много не извлечешь. Эстетика финального архива, не больше. Я не смогу сформулировать сущность последней ссоры. Видимо, опять «Пятая нога». Страницы «Ритуала» там, где они в двух экземплярах, – случайность и ошибка: РИТУАЛ должен писаться от руки. Английские диктанты – другое дело. «А когда я получу ЛЮБОВЬ ПОД ВЯЗАМИ?» У нас в переулке я видал все вязы, которые у французов на набережной. Впрочем, это прежний владелец предпочитал вязы. Французы тут не при чем. «Последние дни Помпеи», вот наш враг – Кассандра. Не знаю, как он относится к винам «Массандра». Опять привет Максу Волошину.

(93)
9

Зверски портилась бумага. Нарезать бумаги не успеваю. В бассейн сходить некогда. Торопясь зовут отца. Они буржуазные бабы. Но есть и разница. «Уклейка на учете» – как дипломатическая

нота: изучается, мне было сказано. Он дошел до половины «Острова сокровищ». Как-нибудь поговорим, он по телефону по-английски не привык. Он не умеет по-английски по телефону. Ему надо видеть собеседника. С тобой невозможно. Я с трудом набираюсь сил для обыкновенного разговора, и мне еще такое. Зачем? Зачем же так? Не надо так. Ведь на последнем изДЫХАНИИ, на нервах все, и тут еще трепка и ничего больше. Чужой рассказ про «Зависть». Этот роман был у него в печенках. Он вознесся на нем до небес и потом был сброшен в пропасть без стыда. Твой последний шанс. Целый вечер трепался с одним симпатичным молодым человеком, а потом оказалось: это был Мих. Шолохов. Они что, в кино в очереди стояли? Или на биржу труда вместе приходили? Был такой эпизод в жизни донского романиста. Покоя не будет, придется отвязаться по собственной инициативе. Как называются твои три романа? «Храбрый новый мир» с новым предисловием, «Эти бесплодные листья» и «Незрячий в Гаазе». Условно. Переводить, конечно, надо библейской цитатой. Что говорить, и так слишком много. Так тоже не метод.

(94)
7

Вы купите себе хорошей бумаги. Даже ее оскорбило такое нищенство с бумагой. Ну денег на такси – этого всем нехватает, но бумага должна быть первый сорт. И все-таки диктанта больше не будет. 5 гиней за беседу – это необходимо для серьезного отношения к моему курсу, сказал гипнотизер. А то будет легкомысленное пренебрежение и не будут выполнять домашние задания. Это как с частными уроками японского языка: 10 рублей за час. Еще меньше осталось забот вокруг велосипедного колеса. В бассейн с утра пораньше, потом в читальный зал, там ждут 3 книги Олдоса Хаксли. А мне не надо их читать, мне нужно сделать четыре выписки из давно прочитанной книги.

От грозы погибла старая верба, она оказалась гнилая внутри, она рядом с ясенем 100 лет стояла. Рациональная мысль не тебе пришла в голову, и ты злишься. А ты почему-то недоволен. 1 сентября 1972 г., сегодня в бассейне пусто, мы передадим отрывок из Сервантеса «Дон Кихот». «Расхолаживает злодей, а сам жалуется «Нет стимулов!» Она тоже. Постоянно дает понять: твоя жизнь копейка. Она тоже злодейка.» Вот уже и неточность и даже не по адресу, но тут уж срабатывает особенность абзаца.

Я не буду так. Не надо так. Новую ленту купить надо. Условно прежним курсом небрежно все по-прежнему /о.п. в. т. д. н. /. То же самое нас ожидает и в читальном зале. С точки зрения «Лит. газеты», конечно. Не надо ее читать, сказал доктор. Никаких не надо, сказал доктор Воронов. Ему хорошо было так говорить, а мы привыкли. Обычай – деспот меж людей.

95
10

КСЕНОФОБ НА КРАСНОЙ ЛЕНТЕ

Разве вас чем-нибудь не научил. Хотя бы дал повод сказать ЗЛОБСТВУЮЩИЙ ГОЛОС. «Гамлет», «Дон Жуан», «Финансист». Один перечень – сдохнуть от тоски. Не те же темы, совсем другие задания и на другом презентабельном английском языке. На хорошем английском французском, сказала Агата Кристи. Безудержный поток беглого итальяно-английского языка, сказала Нина Хиббин. Все-таки два года работы, конечно, над специальным английским языком с учетом тематики-проблематики. За 2 года можно было 2 романа перевести.

Красавица-квартеронка потом перестала вызывать ревность плантаторши, и она даже стала помогать роману. Но обилие политических приключений расхолаживает читателя на этот раз.

Слишком явно он лезет на рожон со своим благородством. И суд Линча и суд шерифа слишком быстро кончается счастливым концом. Рядом с новеллами Андрэ Моруа чуть-чуть смягчает любовь свободного мыслителя к человеку из тайной полиции. Он больше всего жаждал, чтобы его поняли. Быть понятым ему важней, чем остаться в живых. Это немного усложняет проблему Большого Брата. Выходит, что если бы В.В. его лично пригласил и поговорил, он бы все понял и простил и даже стал бы таким ярым сторонником, что хоть сейчас назначай его в тайную полицию.

Укатали сивку крутые горки. Вот что нужно было вспомнить в троллейбусе.

Не дразни гусей, а то опять к чертовой бабушке улетит твой красивый солнечный зонтик с балкона.

96

Жуткое количество волнений вокруг «он не медлит начать новую жизнь на новом месте».

Резко – да. В конверте – неинтересно. До осени. Ладно. Отдам осенью. Может, еще что прибавится. Важно, что он получил, а о конце периода «кочующий четверг» от радости забыл сообщить.

НИ ОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЦИТАТЫ

Вот беда. Надоело повторять «Президента». А «Цена головы» не разработана, а «Негритянский квартал» чересчур в лоб, а «Человек со скамейки» не по существу, а «Письмо моему следователю» позабыто-позаброшено. Лучше «Опасные связи» Шодерло де Лякло. В худшем случае аллюзии на процесс Сакко и Ванцетти.

Трудно помириться с потерей того, что только что увидел и оценил. Там так много написано. Просто приятно посмотреть. Взвесить на ладони труды и дни почти двух лет. ВОТ БЫЛ ФЕСТИВАЛЬ ДЛЯ МЕНЯ В 1957 ГОДУ. Товарищ Володарский тогда поддержал, но я не знал, что мне таким путем грозит Ярополк Гунн.

Конспект не того романа, да, пожалуй, теперь можно сказать, что и не тот конспект. Теперь когда есть «дело № 3» и еще кое-что, тезисы устарели. Этого забыть нельзя.

97

Давно все это выбросить к чертям собачьим. ПЯТАЯ НОГА. ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА. Вот целый ряд примеров. Да мало ли. Слова на Потешной улице были давно, но там не было ни одного слова неправды. Что-то видно не так в его долгой судьбе. Именно так все и происходило. Давно бы, убей меня Бог что давно бы. Твои ребра летели как щепки. Давно это было. В третьей танковой армии у генерала Рыбалко давно это было, давно. Об этом забыть нельзя. Я помню, что об этом надо забыть. Беру и помню.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ В 66 ЛЕТ ЕЩЕ РАЗ

Без конспекта романа.

6.7.72

ПОСЛЕДНЮЮ ТЫСЯЧУ СЛОВ не нашел. Не смог даже определить приблизительно, в каком году это было. Это напоминает дискуссию о том, кто написал стихотворение Айхенвальда. Или

трактат К. Хадеева «О всемирно-историческом значении прозы Улитина-Асаркана». Кто был чьим псевдонимом, уже никто не помнит. Под «Дивную власть» и вообще «странную подборку» /для разрезки/.

98

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ В 66 ЛЕТ
LIFE BEGINS AT 66
Давно это было.
14
The soft summer wind stirs the redwoods,
Когда-то это было важно и интересно. Но общее
впечатление: у него не все в порядке.
and Wild-Water ripples sweet cadences over its
Такую свинью подложили в Лондоне. Вместо «Живые и мертвые» напечатали «Жертвы и герои».
mossy stones. There are butterflies in the sun –
Любым способом на любой бумаге. Вот был правильный вывод. Старая стенограмма – великая вещь. По ней все можно проверить. Жалко, что не все сохранилось.
shine, and from everywhere arises the drowsy
Дубы у подмосковного поселка «Дубки». Вот где он теперь живет. Спросите у Андрея Дмитриевича, он с ним в переписке. У меня нет адреса.
hum of bees. It is so quiet and peaceful, and I
Я заметил, у меня все адреса и даже телефоны главным образам покойников. А она утверждает, что Жан Марэ еще жив. А какие у тебя доказательства ?
sit here, and ponder, and am restless. It is the
Но я ей правильно сказал: по-твоему Паустовский, например, жив, а Дудинцев давно умер. Нет, ты не запоминаешь такие вещи. Пора об этом вспомнить.
quiet that makes me restless. It seems unreal.
Так писалась «ПЯТАЯ НОГА» и «ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» Это правильно. Еще я хотел найти про визит к онкологу. Не мог вспомнить в каком году. Угадывай.
All the world is quiet, but it is the quiet
В какой стране, рассчитывай. В каком году, угадывай. 7 евреев собрались на одной улице в Вене. Кому жить хорошо. Куда теперь податься. Два пассажира – да.
before the storm.
Был такой анекдот. Жизнь, отданная победе Асаркана, не поддается сокращению. Да и победе Айхенвальда тоже.

99

Я ему отправил образец листа «ин фолио», и он должен быть благодарен во имя «Жизни Клима Самгина. 40 лет.» /я читал в Черкизово в 1947 году, будь я проклят, а я и был там проклят/.

Кусок старой стенограммы. Но я бы еще не так старался. Но он бы еще не так. За то и ценился. Тогда речь шла о «ВВ 1». Это и были слова в октябре /не помню какого года/. Они в подборке «96 листов». «Шипучий яд» в открытках с Балтийского моря. Ролик! Испортил подборку! Салфетки тоже. Больше кислорода. Да. Нет, не рано.

Кофе по-турецки, как пьют сами турки – это запивать ледяной водой кофе из маленькой турочки. Кофе по-бразильски – это ерунда, потому что сами бразильцы пьют не кофе, а матэ – это такой португальский чай.

Получилось ни то ни другое. Ни большой подборки ни избранных страниц. Я решил переписывать абзацы. Закончить переплет и на этом успокоиться. В конце концов уже тут второй или третий раз идут варианты. К приклейкам и разрезкам забываю присоединить «Затоптанную страницу». Чтение «Цикуты» ничему не научило. Я не сделал каких-то выводов. Если 8-й ветер действительно ничего не обещает, тогда не надо и дразнить.

Переплет-БЕГЕМОТ /может т е т р а п т и х / закончен, сохнет под прессом, и теперь уже нечего терять. Ошибка переплетчика. Все страницы целы, только порядок перепутан. С диктанта по-английски начиналась новая глава. Ее тоже можно считать законченной. Посвящать памяти Юло Соостера черновик не следует. А перепечатки на машинке у книги ТЕТРАПТИХ не будет, возможно, никогда. На всякий пожарный случай хватать черную папку и красную сумку. Я ничего не собрался. Я просто приготовился, как ты сказала, на всякий случай.

100

«Красная новь», «Дикая собака» Р. Фраерман в 1939 году это было высочайшее паустовское достижение. Пахло ремнем из коровьей кожи. Почему-то именно из коровьей у него, он так и сказал про запах простого солдата. Очень романтично и хорошая проза и даже есть встреча с знаменитым писателем, – в общем, Паустовский чистейшей воды. Я не захотел разорвать и выбросить. Тебе чернил или бумаги жалко? Тебя жалко. У тебя будет так много выписок и цитат и карточек для диссертации, что – выйдя на пенсию, ты не сумеешь все прочитать.

Собачий крик на улице с утра пораньше.

– Сирано! Де Бержерак!

Игорь Кваша, размахивая пятеркой, выскочил из троллейбуса возле Гоголя. Слава знаменитого актера преследовала его с утра пораньше. В троллейбусе не дадут спокойно проехать. Надо было прокричать «Укатали сивку крутые горки. Нет, здорово сказал Игорь Кваша, не помню, в каком фильме». Оказывается, «Современник» теперь в театре Пушкина, а театр Пушкина – это театр Таирова. А напареули стоит 2 – 47, но это лучше, чем ничего. Я буду разводить ледяной водой их из холодильника.

Близится час торжества твоего, Чикабиди. Эта сука кричала в телефонную трубку: «Машину? Меня не отпустят с работы. Я думала: завтра-послезавтра, ты что! Ты думаешь просто побросать вещи? Кто меня отпустит с работы?»

Такое было горячее утро. Какое сегодня число. Понедельник, 10 июля 1972 года. Я опустил в почтовый ящик «Лист из фолианта». Заметно было: не по их ведомству, но на всякий случай тоже нужно иметь в виду. Это я и заметил в Зачатьевском переулке.

101

Бегемот придется распатронить. Могу и не отсылать вообще. Отошлю в конверте. Вообще ничего не буду. Без меня. Без тебя большевики обойдутся /Демьян Бедный, любимый поэт Сергея Черткова/. «Брось, Сережка!» крикнул поэт Коган, но С. Чертков не поддался и с самым серьезным видом продолжал декламировать Демьяна Бедного. После него девочка-балерина на ковре. Помню. Слишком откровенный призыв в сияющих глазах на лестницу. Не до этого было в тот год с другими заботами.

Переплет-бегемот можно, конечно, и оставить. Не связывайся ты с ними, Бог с ними. А там все вранье – глава «Как ласкать мужские гениталии». Такой сложный синтаксис у доктора Айхенляуба, что даже не смешно, хотя глава, в общем, юмористическая: «Занимательная гинекология», правильно сказал мальчик-нахал. Но он действительно нахал. Впрочем, я не в курсе ваших с ним отношений. Может, у него были основания.

А мы едем на Волгу.

Дуб с раскидистыми ветвями склонялся и шумел. 30 дней. Главное его несчастье – это большой ум. Из-за этого он и поссорился с евреями. Не так-то легко его сломить. Это вам не тополь. Тополь действительно хрупкий, от такой бури может сломаться пополам. У соседей в детской больнице сломало толстое старое дерево. Это был как раз тополь. Я искал улетевший зонтик.

Свирепость апостолов еще раз. Аксельрод-Ортодокс – такие псевдонимы брали себе первые марксисты в России.

102

А мне как раз нужна эта женщина, переменившая свою фамилию. Только она поможет разговору с районщиками одного района про самодурство районщиков другого района. А уж важность районных дам, влиятельных во всех отношениях, – она их поднимет на смех не только в Москве. С такой подготовкой и Павел Юркин будет приятным собеседником, а С. Куняев не такой. А Семен Владимирович тем более. Меняются люди все-таки. Власть – как моча: бьет в голову. Куртизанка областного масштаба познала истину на своей шкуре. Она же из высших соображений, а про нее тоже – «связалась с какой-то бандой».

Так страдальцы за народ посылали весточки с того света. Пусть он это рассказывает своим двум дочерям и одному сыну за обедом, сготовленным третьей женой на ферме в Нормандии. В этом смысле он как Жан Габэн. Только ферма у него не скотоводческая и не в Нормандии, а где-то в Коньково-Деревлево. И очередь на национальную гордость до него еще не дошла. Пусть сначала умрет, а потом будет оценивать свои автографы. А то он сейчас уже говорит как Ю. Титов: «Через 200 лет за мои картины будут платить бешеные деньги».

И раскрывать не буду. Надоело. Этому царствию не будет конца. Это же бесконечно. Таких цитат мильон. Тьма тьмущая, их не перечесть. Две докторских диссертации уже можно теперь из них составить, а ей все мало. Буду только французские брать на машинку. Еще раз не заглянул в завалы. Еще раз пришлось заниматься переливанием из пустого в порожнее.

103

> ПЛОВЕЦ не туда попал. Мне нужно было на первом листе иметь «Личного врача президента». А потом оказалось, уже есть такая картина: «Мозги ценой миллиард долларов». Это так они оценили коллективный ум и коллегиальное управление государственной безопасности. Они думают если прибавить 2 миллиарда, то юморист Виктор Ардов так сразу и запросится за границу. Ошиблись, господа. Виктор Ардов – неподкупный писатель. Он не продается с 1931 года. У меня сохранился ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. А завистников много.

«Смерть героя» в новом варианте исчерпана в смысле старых радостей. Прочитать вслух один раз вполне достаточно. Так и оставить. Хорошо бы иметь обыкновенный пшеничный клейстер. Хорошо бы собаку продать. Велосипед продавать рано. Ох рано пташечка запела. Ты погоди немного, скоро будешь свободно веселиться.

«Письмо» можно взять на французском. Дороти Паркер можно взять. В общем, что дадут. Этот роман Апдайка в фотокопии. Еще что. Сименон на французском, я не работаю, я провожу время, чтобы не заснуть. Тот медицинский детектив – да. Еще раз про Голливуд, спасибо. Нет.

Забыл про существование 109 страниц в смысле «Кому-у-у?» Что-то трудно и неуклюже в бангладешном отношении такая метонимия, нужно позвонить по телефону Всеволожского переулка. ЦИКУТА

в зубах навязла. БЕЗОБРАЗНАЯ ГЕРЦОГИНЯ еще раз без ЕВРЕЯ ЗЮСС.

(104)
1
31 стр
6.3.73

Ерундовское занятие, такой же критерий – количество испорченной бумаги.

Ты просиял бы и погас. Он просиял бы и погас. Она просияла бы и погасла. Звезда чужой съемки – да, помню. И еще одна звезда после критики министра культуры сидела в кафе и жаловалась на Фурцеву. На антресолях был упрек: «А вы, мальчики, кроме книг ничего не признаете?»

– В этом доме есть и неприличные фотографии, – сказала Ганя, не уточнив, что она имеет в виду. У Виктора Новацкого уже была новая жена, а с этой он уже развелся. Почему-то она теперь Киппер, а он по паспорту уже Новацкий. Я так и не понял механизм перемены фамилии в связи с разводом.

Красный телефон не будет дожидаться. Мало было чтения с машинкой, это верно.

ЛИТЕРАТУРА НАЧИНАЕТСЯ С ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Второй он отдал Новацкому, а Новацкий сжег. Так кончился «Пижон из гостиницы Эклер». Ах какой был хороший роман. У меня осталось 2 страницы из начала и одна страница из середины. Есть доказательства того, что это был великий юмористический шедевр. Куда исчезло письмо Бернарда Шоу?

Запах вишневой коры по дороге на пункт приема посуды напоминал украденный абзац. Дуб на углу – скамейку под дубом в одну прекрасную южную ночь, как она была хороша. У меня до сих пор болит душа.

(105)
8

Были другие радости. У него, например, все огорчения, по его словам, связаны с женщинами р.р., а радости для него – это Коктебель в бархатный сезон. Евтушенко за одним столиком, Виктор Некрасов с каким-то евреем, а мимо прошла Анастасия Цветаева с каким-то новым парнем.

Тут мы делаем новый абзац и глотаем кофе. Четыре глотка горячего кофе в 3 часа утра – было дело. Пусть завтра будет плохо, отлежусь. Переживу, зато сегодня я выжму кое-что из этого расстроенного механизма. На стр.81 он вычитал «к сатане рабочий класс» в переводе И. Романовича. Но почему кончил «Шутовским хороводом», не понятно. Он имеет в виду чтение «Улисса» по-английски, что ли. Потом он перепутает адреса у писем, все как всегда, терпенье, брат, терпенье. На улицу Сайкина он больше не поедет. В Хлебном переулке его не ожидают. Зато еще раз Аэропорт. Не очень обрадовался такому голосу. У них свои заботы.

Она про нее ничего юридически плохого сказать не может. Последний звонок был из Парижа. Но ведь это очень дорого, вы себе представить не можете. Он тратит безумные деньги на телефонные разговоры. До работы он еще не доехал. Про переводы она ничего не сказала. Но бодрый голос звучал оптимистично.

Зачем-то понадобилось прощание с Раздорами, и я еще раз вспомнил письмо Ольги Филипповны и коварные разговоры покойницы Нины Павловны. Только две эпохи: когда не работает голова и когда работает. Все остальное не имело значения. «ЭТОГО ОНИ У МЕНЯ ОТНЯТЬ НЕ МОГУТ» /стр.27 англ. издания/ //стр.34 русского перевода//

«Отработанный пар» – тоже 61-й год, но я не могу его так просто взять и поднять.

(106)
22

Половина от «Травы» не сохранилось. Начало есть полностью. Ему Бог послал если не Вольтера, то по крайней мере Аверченко в юбке, а он не доволен. Но разве Вольтер, тяжеловесный и теперь уже не тот, может состязаться с Ильфом и Петровым? Даже я и то могу лучше. День надо начинать с яблока, а ты с меня. Лишь бы кончался тобой, а ты что, а у тебя как?

29.8.72

Разрезать что ли? Отыскать «Еще одну затоптанную страницу» и прочитать вслух рядом с остатками «Травы /пробивается сквозь асфальт, 1965/». Возможно. Рядом с «Мангустом» Тэрбера не прочтешь. Я сделал открытие. Целый ряд цитат из Олдоса Хаксли и Эрика Блэра просто продолжают одну вещь Марка Твэна – «Дерзкий незнакомец».

«Разговор дервиша» – да, а мотивы современной и средневековой истории, факты другие, а ход рассуждений тот же. Совсем никуда не годится. 40 страниц из 200 – это сокращение в 5 раз, одна из пяти, грубо говоря, но на самом деле – только дайджест по отчеркнутому на полях. Доклада не будет. Забавно, что все это кончалось чем-то еще. «Метонимия в книжном магазине на главной улице СССР» начиналась с записной книжки и почти ссоры с китайским журналистом Ба Дзинь-доном.

И не уверен в произношении отдельных слов, придется проверять и даже теперь записывать. Например, это чертово «элибай», я его все время произношу «элиби». Что за чудо измышленья нам извергнет твой вулкан? Леонид Леон. мог бы и появиться, мы уже забыли. А он и Писарева не желает знать.

(107)
3

«Последний день Помпеи» будет оформлять переплет с «Холостым зарядом» на карте Китая. Кстати, там можно проверить два главных китайских иероглифа /»мао дуси»/. Так происходило новое накопление деталей, не больше. Иногда заводился новый архив, что уже ошибка. Как я умудрялся перепечатывать по 30 страниц из Нормана Мэйлера, удивляться надо. Это был медовый месяц с английской машинкой. Хемингуэй умер, а марихуана не актуальна.

29.8.72

РИТУАЛ

/а может РАЗРЕЗАТЬ ? /

Пепел сгоревшей мысли мелькнул и исчез утопая в груде сшитков старой стенограммы. Вот так все это и происходило. Я и Апдайка перепечатывал на машинке. То-то был работник. Батрак батрачку ухватил за ножку или за ручку. Из такой ерунды вырастало озлобление и даже неуверенность, что хуже. Законченность таких ОСУЖДЕНИЙ вызывает законный протест. Ты прочти вслух «Холстомера» и увидишь, как прав был художник Бунин. Все в прошлом. На меловой горе и у Дона на песке и на улице через 16 лет три разговора и один пересказ книги «Одноэтажная Америка». Отозвалось. Его дочка помнит, как она записывала устный перевод доклада о Шиллере по-немецки. Вот и след. Отыскался след Тарасов. Еще раз о «16 страниц – это была утомительная процедура».

108
23

Это была утомительная процедура. На большом формате не повторил бы рисунок абзаца. В этом нет необходимости. Что начинается с двух экземпляров? То, что начинается с одного читателя, и есть то же самое. Коллаж уникален, его можно только фотокопировать. Частная жизнь господина Мопассана преувеличивала наследственность и месть одной женщины тоже. Лексика была другая.

Я вспомнил чего искал. Я искал письмо, полученное на пароходе «Иван Сусанин». Надо все-таки найти. Отойти нужно, нужно отойти.

Пост-скриптум. Вот точно так же из каждых 100 страниц надо читать вслух 20 страниц – такой дайджест, который помогает не повторяться и отсекать нейтральные слова, когда в них нет надобности. Впрочем, это хорошо в теории. Для чтения вслух у нас есть всегда что-нибудь чужое. Кроме того, так было только один раз, когда чтение вслух помогло. Кстати, и без того подборка имела значение книги. Хотя «Резидент» ничем не блистал и почти ничем не отличался, он тоже воспринимался как особая книга. Да, в конце концов, все сводится к чему-то едва уловимому. Что-то получается, а что-то нет. Иногда есть точное ощущение законченности вещи, иногда тягомотина. Выбросить. Не пускать в мастерскую. Удалить леса. Стереть карандашные штрихи, оставить только перо и тушь. Хватит.

109
24

ТЕРПЕНЬЕ, БРАТ, ТЕРПЕНЬЕ

Пассажир троллейбуса потерял варежку. И варежка-то худая. Дело было в декабре 1957 года. Или 1956? Никто уже теперь не помнит.

См. Баба вопит на Пушкинской пл., глава из романа «Труд без капитала», временно помещенная в подборку «Анти-Асаркан».

Мятель, зима, вечер, ночь, горят ядовитые неоновые буквы «Шашлыки» на Пушкинской площади у троллейбусной остановки возле кинотеатра «Новости дня» стоит огромная очередь, притихшая, заметаемая снегом и втихую замерзающая толпа пассажиров троллейбуса маршрута № 17, дует ветер, в лицо бьет снег, в толпу мятель швыряет пригоршни сухого ледяного снега. Мы ждем. Мы не устали от ожжжжжжж-жидддддания. Этому нас учили. ЭТОМУ НАС НАУЧИЛИ. Стоять и ждать. И если обидно, и если несправедливо, не задавать вопросов. Терпеть. Терпеть и дуть в сухую варежку. И дуть в худую варежку.

Подходит троллейбус, кондуктор обрадовал:

– Троллейбус идет только до Зачатьевского переулка!

Толпа вдруг потеряла терпение. Возгласы:

– Но почему?

– Какое безобразие!

– Третья машина!

– До каких же пор!

Но все возгласы перекрывает спокойная размеренная актерская скороговорка:

– А нам дальше и не нужно.

Удача. Усталость. Ничем больше.

Я возвращаюсь с работы.

Вот так.

(110)
25

последний переплет

Дон Кихот остался в партии? Отделался строгим выговором с занесением в. Оговорка не помогла. У него такая репутация. Одиозная фигура.

Она и будет ждать сентября. Вот кончится август, наступит сентябрь.

П. Верховенский был пьян -
он каждый день
пьет – и в выражениях не стеснялся. Единица сказала:
– Воистину ты сын своего отца!
Он понял это так, как ему было удобней и приятней.

Без жертв не обойтись, вы будете первой жертвой, а он не виноват: все средства хороши. Уже распоряжается чужими судьбами.

Подписал с оговоркой. Но подписал все-таки. Подписал, но с оговоркой. Но подписал же или не подписал? Подписал, но с оговоркой. Подписал или не подписал, да или нет? Подписал, но с оговоркой. Подписал, но мысленно вроде как и не подписывал, так что ли? Подписал с оговоркой.

Чего вы их боитесь, они такие, что над ними только смеяться можно. Тем и страшней. Вы их не знаете, а смеяться будете потом, через 7 лет, если у вас останется сил смеяться, если. Этот лист мне не нужно было трогать совсем.
У кого хранился?
У кого?

(111)
26

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

ALDOUS HUXLEY
Antic Hay (1923)
P.44, Penguin Books 1948

Lypiatt had a habit, which some of his friends found rather trying – and not only friends, for Lypiatt was ready to let the merest acquaintances, the most absolute strangers, even, into the secrets of his inspiration – a habit of reciting at every possible opportunity his own verses. He would declaim in a voice loud and tremulous, with an emotion that never seemed to vary with the varying subject-matter of his poems, for whole quarters of an hour at a stretch; would go on declaiming till his auditors were overhelm-
[на обороте:]
ed with such a confusion of embarrassment and shame, that the blood rushed to their cheeks and they dared not meet one another's eyes.

p.44
The people who came to this Soho restaurant because it was, notoriously, so «artistic», looked at one another significantly and nodded; they were getting their money's worth, this time.

(112)
27

«You won't believe me now, but let me tell you this: you and I have been in feminine society and we've enjoyed it; but giving up that kind of society is like taking a cold shower on a hot day. A man has no time to waste on such trifles; a man must be unbridled, says a good old Spanish proverb.»

The anonymous lampoon was entitled «La Cordonniere de la Reine M re». This pamphlet had been circulated secretly; it was full of insulting and defamatory insinuations about Richelieu and contained a number of unsavoury anecdotes about his private life. For several years there had been a supposition that the author was a lady from Loudun who had been one of the Queen's confidantes.

Dorothy Parker about the life in Rome:

«Why is it, when I am in Rome I'd give an eye to be at home, but when on native earth I be, my soul is sick for Italy?

«And why with you, my love, my lord, am I spectacularly bored, yet do you up and leave me – then I scream to have you back again?»

A sort of new Work in a sort of Progress, but you know how people talk maybe. Maybe.

(113)
28

Отойти нужно. Отойди. Отойди подальше. Такая команда никому не понравится. Такая пауза, которую одним «Холстомером» не запомнишь. Слово «кобыла» слишком эмоционально окрасили. И сука тоже и кобель и корова превратили в ругательные слова. Два раза напечатал и уже ни одной ошибки. Двухминутка ненависти. Еще бы. Просто такая процедура. Открой английскую машинку и печатай цитаты до умопомрачения. Вот что получалось с ритуалом. Я так и знал, что этим кончится. Чтобы загипнотизировать себя окончательно, нужно повторять одно и то же. Закат уюта и авторитета. Прощай, метро ПреобраЖЕНСКАЯ! Спасай Россию. Но это была жуткая нелепость с польскими афоризмами – ставить «женщина», «любовь», «труд». Смыкание не получилось. Ты заглядывай почаще в словарь. У тебя есть «Мост вздохов»? У меня есть «Памятник императрице Марии-Терезии». Ух чорт. Противоречие. Богатые уроки. Легкая жизнь. Живи еще хоть четверть века /ни в чести ни в радости/. Мы жили в Раздорах. Может быть, нужно проложить газетами, а то бумага покоробится. Тяжелая ноша в таком случае. Этим я и занимался. Вот такая нудятина-ПРО-СЕБЯ-тина. Это она здорово заметила. На кого он гневается, непонятно, но глаза гневные. Он сам тут на Холстомера похож. Формат старой библиотечки «Огонек». Главное, что я забыл, из каких частей состоял «Реквием». «Удочка» – тоже реквием? Любым способом придти к наибольшему знаменателю. Мне казалось открытием. Оно и было открытием тогда. Новый прием разработан до нелепости. Открой «Бессловесный 64-й год» и ты увидишь. Забыл выписать страницы, вызвавшие возмущение. Их должно быть не больше четырех.

(114)
29

Какие названия. «Банда подлецов». «Три милых девушки становятся взрослыми». «Жри и успокойся». «Пей до дна». Лучше всего было когда на фотографии. Я заметил странную закономерность. Как только начнешь от имени Хайдеггера, так обязательно наткнешься на Кьеркегора. А Жан-Поль Сартр почему-то идет стороной. Он или читается как беллетрист или воспринимается как западный чудак с западными привычками и вкусами. Никто не выдержит такого чтения вслух. Размер доклада. Такая лекция. Диккенс читает Диккенса. Достоевский никогда не читал

публично Достоевского. Впрочем, это он детям не читал себя. Заслон у старых кинофильмов. Как нарочно. Как на зло именно в тот самый момент, когда требуется тишина, тогда ее нет. Уйдет злодейка, потребуется кому-то читать вслух, опять ее не будет. Где были слова для разрезки? Или пожалуй «Четырехэтажная тавтология». Нет, надо найти «Еще одну затоптанную страницу». Так оно и есть. От повторения ухудшается. Т.е. лучшие варианты были вначале. Можно больше и не писать.

115

Тогда «Дорога в Донской монастырь»
four quarks for Mr Marx
Из «Ксенофоба»
6.3.73
26.12 69

Вот такой переплет старых времен, он таит странное очарование. Никому не будешь объяснять: тебе все понятно. Вот в чем стиль.

Я открываю «Записки мечтателей», и мне грустно, и я перелистываю страницы старой книги. Кому бы дать почитать? Кто оценит? Застопорило. Ага. То-то же. Больше всего там желания показать: ты ценишь меня? ты знаешь, я какая? И скромно добавляется: я могу давать и то, что не лежит на поверхности. Сейчас в строй вступит клейка.

А нужна только одна вещь: новая лента. Может, и лентоводитель не так нужен. Ты заметил, как Джойс по-русски действует на твоих знакомых? Не было другой такой книги, как «Москва 1937». Меня поразило другое. Зачем тут Теркин? Если без Теркина, то совсем мало. А между тем, мне было важно иметь это сохранить.

Шел бессловесный 64-й год. Я сидел на палубе «Ивана Сусанина» и читал какую-то макулатуру, только из-за того, что она по-английски. Помню. «Какая пизда, такая и ебля». Кому ж в голову придет так прочитать ту фразу? Какая звезда, такая и езда. Такая стилистика.

Ну вот.

Компромисс между утренней стенограммой и работой на машинке приводил к двум параллельным линиям. Почему вы не переписываете? Потому что интересней писать что-то новое. Впрочем, не все вытягивается в струнку. Идет не дальше ритуала. Может мешает просто лента. Взял бы я детективную историю.

Тайна тут – я пытаюсь устроить ритмы «два дня, на третий». Именно так делалась «Я – крошка».

Ну, разумеется, это придется утаить.
6.3.73
ритуал
Тоже «Д в ДМ»

(116)
30

Эта ЦВЕТОЧНАЯ БОГОРОДИЦА, конечно:
не собор парижской богоматери
и не нотр-дам д'экзистенциализм,
но приблизительно то же самое.

Макабрический абзац в конце тоже проясняет кое-что. Но вот в середине он только путает. Главного нехватает, главный бы все поставил на место. Он бы заменил и второй мост через театр

«Современник». Конспект романа был неудачно обнародован с участием малороссийской принцессы с украинского бульвара. Принцесса с бульвара испуганно смотрела 5 минут, потом успокоилась и продолжала слушать.

7 минут у 7-го читателя не доставили мини-радость из-за романа «Все как у людей». Но зачем такие богатые подарки?

Я буду искать главный макабрический абзац. Где-то был. Арагон на приличном месте, ничего не скажешь.

Рядом с ЗАТОПТАННОЙ СТРАНИЦЕЙ Я ПОМЕ-стил дайджест по «Разговору о рыбе», а сама рыба в новый мир не попала. Расходы нервной энергии были именно в этом направлении. Ручкой 1947 года были написаны 3 романа, «Возвышен. орган.» в том числе. Железная по крайней мере. Железная – да.

– Если бы не он, я бы может и с радостью шла.

В первый раз на работу с новым начальником.

конспект романа с.п.п.

27.8.71

Что такое синдром Леонардо да Винчи?

Один рассказ владельца «Победы». Если уж на то пошло, это не глузберговщина, а находки братьев Невлер: пляттская жизнь, опасный шизофрейд и т.д.

Никто, между прочим, не заставлял, сам виноват, это верно. Увы. Там бы на берегах Невы и Вы бы не так заговорили. Почти Жан Женэ по-русски.

(117)
21

НО ЗАПЛАТЯТ ДАЖЕ ДЕНЬГИ
ЕСЛИ ТЫ
АКТУАЛЬНО ЭТИ ВЫРАЗИШЬ МЕЧТЫ

Сотри случайные черты
и даже Айхенвальд прекрасен.

118
5

Когда-то было очень важно сказать «Прощай, метро «ПреобраЖЕНСКАЯ»! Разве есть такая Женская площадь? Был женский рынок, мы на нем покупали первый в жизни костюм. Свист какой-то. Важно было найти и отчеркнуть. Теперь отчеркнутое хотелось бы разорвать. В крайнем случае, стереть заметки на полях. Увы, от этого ничего не осталось. Впрочем, дома между церковью и школой стоят до сих пор. И она, может быть, живет там по-прежнему.

Сколько бутылок надо распить, чтобы найти 14 собеседников. Самый интересный разговор был бесплатный – на той скамейке на бульваре, не доезжая до улицы Горького. Может, она и приходила, но меня уже там не было.

Я вспомнил, как это называется: «Хочу увидеть такое в кино». Вот именно. Очень смешно, но очень похоже на правду. Мелькнула удивительная мысль. Ты бы хотел повторения? Смотря где. Ты бы хотел увидеть то, что происходило в темноте? Да, хотел бы. Ее бесстыжие жесты на поляне на виду у всех, тем более, что она видела, что на нее мужик смотрит, а рядом с ним лежит его жена

и читает. Другая картина. Я вспомнил, что мысль зависела от ореола. Как запах пальцев, как соленый вкус на губах. Ни капли отвращения, только желание повторить еще и еще. А когда мы в следующий раз? Ну, ладно, давай еще раз, на этот раз в последний раз.

Из каких соображений не написано, это понятно. Я никому не буду показывать. Клочки бумаги. Как всякая деревенщина. Ужасно грубо, даже не похоже на И. С. Тургенева. От необходимости читать Марселя Пруста. Я вопросов задавать не буду.

(119)
31.

Для Вас ?

27.8.72

Коротко и неясно. Ясное дело. Коротко и туман-НО ТАКОЕ дело – это как с престолонаследником. Подумаешь крон принц. Макс Брод был великий наследник: прочитав «Не читая три незаконченных романа и все остальное, УНИЧТОЖИТЬ».

– Легко сказать, – сказал Макс Брод.

И стал читать. И стал уяснять для себя те причины, которые заставили его друга Франца Кафку написать такие слова.

ФИОЛЕТОВЫЕ ЯМБЫ – два слова, коротко и ясно.

Еще раз под один абзац «Джеймса Джойса по-русски» внезапно вслух на радость соседям:

– Читайте, б, /извините/, там все написано. Вы сначала прочитайте.

Алексей Федорович, царство ему небесное – Вы его уже похоронили? нет, я его только отправил на пенсию – как-никак 10 лет прошло// сказал:

– У вас так много написано.

С интонациями грустного мальчика. Это точно. Хоть дело и было на скамейке сквера у дома № 2.

ДА, ЭТО, КОНЕЧНО, Н Е Д Л Я В А С

Для вас, изведавших НИЧТОЖЕСТВО
земных надежд сказал Сенека: открытых
выходов
есть множество
из тесной жизни человека. А я что говорил?
А я что Вам написал на самом железном из своих переплетов с
единственной целью, что Вы, может быть, прочтете?

(120.)
6

ОДНА СТРАНИЦА чтобы напомнить одну фразу
«Литература начинается с двух экземпляров».

То, что Вы не заметили Большого меньшого Брата у желтой войны между воюющими сторонами СЕНСАЦИИ, это пол-беды. В общем, для Итало Свево /или Звево, так звучит лучше/ простительно. Но вот что-то такое было о чем я хотел сказать, но из-за громкого звука киевской

дружины Игоря Святославича «Как бы в зад не ударили ПРАВОСЛАВНЫЕ». Как гяуры славят Стамбул, вы знаете. В том смысле, что мы в Стамбуле – как они в Риме на улицах вечного города и четыре женщины в мечтах ходят по всей Италии НУ И ТАК ДАЛЕЕ. Важно, что ?

Важно, что я что-то хотел вспомнить специально для Вас и..... и забыл, но в этом не надо винить ни нас ни Вас. Я В А С помню. «А МЫ-ИХ» – чужая шутка, дай Бог здоровья шутникам, которые шутили когда-то. 1.9.72

КОММЕНТАРИИ

(сгруппированы в соответствии с пагинацией страниц в тексте П. Улитина)

С.1

У ПЕРВОПЕЧАТНИКА КТО-ТО ЖДЕТ... СЛЕВА ОТ ФЕРЕЙНА – памятник первопечатнику Ивану Федорову и здания Лубянского проезда.

С.4

у Бидструпа, 3-й том – Х. Бидструп. Рисунки в четырех томах. – Москва: Искусство, 1970.

С.5

Правда ль, это племя злое не боится наших сил? – Пушкин, «Бонапарт и черногорцы».

зайцы тоже огрызаются – Б. Заходер.

На 32 стр. романа про шагающие ядовитые растения... Первая глава так и называется – «Конец начинается» – роман Д. Уиндема «День триффидов»; советское издание 1966 в пер. С. Бережкова (А. Н. Стругацкий).

«От двуглавого орла до пятиконечной звезды» – у П. Краснова был роман-эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени», В 4-х кн., Berlin, 1921–22.

С.6

A MOVABLE FEAST – «Праздник, который всегда с тобой», название книги Э. Хемингуэя.

I will show unto thee the judgement of the great whore that sitteth upon many waters. The Revelation of St.John the Divine, Chap. l7, v.2: With whom the kings of the earth have committed fornication, and the inhabitants of the earth have been made drunk with the wine of her fornication. So he carried me away in the spirit into the wilderness. – Откровение Иоанна Богослова, 17:1-2. И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню.

It was a flowering wilderness. I was there with Avis Everhard. – Это была цветущая пустыня. Я был там с Эвис Эвергард (имеется в виду героиня романа Джека Лондона «Железная пята»; «Цветущая пустыня» – название романа Д. Голсуорси).

Nobody cares for if you'll be hanged or knighted. A chivalrous plan, if I am not mistaken. And you are the slave of a slave: a double mistake. Only the end justifies, but they want to get justification at the very beginning. It approaches, and they don't see any differences. They hope so. They are most optimistic about it. All the world is quiet, but it is the quiet before the storm. The soft summer wind stirs the redwoods, there are butterflies in the sunshine, and the soft murmur of the sea, it is so quiet and peaceful. – Всем всё равно, повесят тебя или посвятят в рыцари. Рыцарский план, если я не ошибаюсь. И ты

раб раба: ошибся дважды. Только конец оправдывает, но они хотят оправдания в самом начале. Он надвигается, но они не видят никакой разницы. Они надеются. Они преисполнены оптимизма. Мир погрузился в тишину. Но это тишина перед бурей. Мягкий летний ветерок колышет красноватые макушки деревьев, в солнечных лучах порхают бабочки, слышится тихое бормотание моря, вокруг так тихо и спокойно.

And I cannot, so far read all the newspapers from London. A month passed. You dear, sad, soft, most melancholy WRECK of a promising human intellect that it has never been my lot to behold. – И я не могу пока читать все газеты из Лондона. Прошёл месяц. Милый, печальный, кроткий, такой меланхоличный и абсолютно беспомощный интеллект, которым мне не довелось обладать (Цитата из романа Томаса Гарди «Джуд Незаметный»).

SEMICOLON to be continued in the Second Grass, but «tryn-trava» can be translated only as «vanitas vanitatum». – ДВОЕТОЧИЕ будет продолжено во Второй Траве, но «трын-трава» можно перевести только как "vanitas vanitatum [суета сует]".

а о Ездре и речи быть не может – имеется в виду эпиграф к роману Т. Гарди «Джуд Незаметный»: «Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них. Многие погибли, и сбились с пути, и согрешили через женщин... О мужи! как же не сильны женщины, когда так поступают оне?» (2 книга Ездры 4:26,27, 32).

С.7

I felt that from the moment I woke. And yet, when I started functioning more sharply, I misgave. After all, the odds were that it was I who was wrong, and not everyone else – though I did not see how that could be. – Я чувствовал, что с того момента я очнулся. И всё же при более напряжённой работе я давал сбои. В конце концов вероятнее всего во мне, а не во всех остальных, что-то сломалось, хотя я не понимал как это могло случиться (Цитата из романа Джона Уиндема «День триффидов»).

He could feel her big soft tit against the back of his head. She squirmed around, her tit against his cheek now, just touching, then bent over and kissed him hard, her lips opening a little at a time. Then she was unbuttoning her blouse and she reached down for his hand and put it inside her blouse and then right on this great big soft moon of hers. He just wasn't interested, he really wasn't, but he just couldn't help it, he started getting hard anyhow and she was sitting with her leg right on it and could feel it getting big. And she took her clothes off. She played with him, but it didn't work. Then she took his hand and put it between her legs but that didn't work either. And then he had her legs spread a mile and was going into her and felt bigger and harder than he'd ever been in his whole life. And he wanted more than anything in the world just to fuck her to death, to make her cry from fucking her so hard, only he went soft again and couldn't. – Он касался затылком её огромной, мягкой груди. Она изогнулась, и грудь её едва коснулась его щеки, потом она склонилась и крепко поцеловала его, едва приоткрывая губы. Потом расстегиваясь, она положила его руку под блузку, прямо на свою огромную, мягкую луну. Ему было совсем неинтересно, ни капельки, но он ничего не мог с этим поделать, его мужское естество откликнулось на её призыв, оно становилось твёрже, и её нога, лежавшая прямо на нём, могла чувствовать, как оно увеличивается в размере. Она сняла одежду. Она поиграла с ним, но это не сработало. Потом она взяла его руку и положила между своих ног, но и это не сработало. Тогда он раздвинул её ноги на целую милю и устремился внутрь неё, чувствуя, что становится твёрже и больше, чем когда-либо в своей жизни. И в этот момент ему больше всего хотелось просто затрахать её до смерти, чтобы она кричала, от того, как он трахает её, но он обмяк и не смог закончить.

Then I knew things were awry. The way I came to miss the end of the world was sheer accident: like a lot of survival, when you come to think of it. – Тогда я знал, что дела пошли вкривь и вкось. Я

совершенно случайно пропустил конец света: как и большинство случаев выживания, когда ты думаешь об этом (Сокращённая цитата из романа Джона Уиндема «День триффидов»).

С.10
Богоматерь Цветов – роман Ж. Жене.

С.11
Тэрбер – Джеймс Гровер Тёрбер (1894–1961), английский писатель, юморист. В «Неделе» был напечатан его рассказ в переводе П. Улитина.

С.13
Вельтман – В 1926—1927 годах В. Панова вела отдел фельетона в ростовской газете «Советский Юг» под псевдонимом Вера Вельтман.

С.14
«Истребление тиранов» и «Весна в Фиалте» – рассказы В. Набокова.

улица Маши Хочуйольской – возможно, аллюзия на ул. Наташи Качуевской (так назывался Скарятинский переулок в 1960–1994 гг.).

Оржавин – Н. Коржавин.

вокруг НОЧИ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА. – «Ночь начальника политотдела» – поэма А. Безыменского.

С.15
АЗИАТСКИЙ ЛАНДЫШ – имеется в виду цитируемый на с. 17 роман Д. Оруэлла «Да здравствует фикус!»
ГВП – Главная военная прокуратура (из комментария М. Айзенберга к «Поплавку»).

С.17
It is almost always a mistake to order a second bottle. The magic had departed from the wine. – Вы почти всегда допускаете ошибку, заказывая вторую бутылку вина. Вино теряет волшебство (Цитата из книги Д. Оруэлла «Да здравствует фикус!»).

But you are a jolly good fellow and it is easy to compel you to do what you did not want to do. So we bought another bottle and went to the people who were waiting. It was the last and the most dreadful Thursday. Never in my life. Endless source of innocent merriment, it was some time. – Но ты весёлый, милый парень, и тебя легко заставить делать то, что ты делать не хочешь. Поэтому мы купили ещё одну бутылку и пошли к тем, кто нас ждал. Это был последний и самый ужасный четверг. Никогда в своей жизни. Безграничный источник невинного веселья, некоторое время.

The conversation grew more and more tedious. I simply didn't want to stand up and go home. They still talked, laughed, argued, but things were not the same. Somehow, you weren't being witty any longer. – Беседа становилась всё более нудной. Мне просто не хотелось вставать и идти домой. Они всё ещё говорили, смеялись, спорили, но всё было по-другому. Я уже не был тем остряком, как прежде (Первое, третье и часть четвертого предложения – цитаты из указанного романа Д. Оруэлла).

С.19
Swiss shelters. The Swiss Cabinet yesterday published a 12-year plan to provide shelters against nuclear attack for four million people – the entire civil population of Switzerland. – Швейцарские убежища. Швейцарский кабинет вчера опубликовал двенадцатилетний план по обеспечению убежи-

щами на случай ядерной атаки для четырёх миллионов людей – это все гражданское население Швейцарии.

С.20

переплет из-под книги Пипера «Рыболов-универсал» – в 1972 г. в изд-ве «Физкультура и спорт» вышла книга М. Пипера «Разносторонний рыболов».

И они поехали в этом направлении. Должность Кенги в этот год исполняла первая публицистка «Дек. искус.». – Комментарий З. Зиника: Кенга – персонаж из «Винни Пуха» А. А. Милна в переводе Заходера, книга, с которой – с момента ее выхода в свет – не расставался и которую постоянно цитировал Асаркан. Одно время Улитин приписывал имена героев этой книги общим друзьям и знакомым. Здесь под Кенгой имеется в виду Ирина («Ира») Уварова, в ту эпоху – сценограф, искусствовед, специалист по костюмам и куклам, регулярный автор журнала «Декоративное искусство» . Она была собеседницей и Аркадия Белинкова, и даже Михаила Бахтина. В ее доме на Песчаной улице в те годы (задолго до ее брака с Юлием Даниэлем) можно было часто найти Асаркана. Здесь появлялся и Улитин. Однажды, оказавшись в этом салоне наедине с хозяйкой дома, я узнал ошарашивающую новость. Асаркан неожиданно предал остракизму и саму Уварову, и ее дом – из-за коробки спичек, взятых, как объясняла сама Ирина, у него без спроса со столика рядом с постелью, когда Асаркан спал. (Асаркан спал в непредсказуемые часы дня и ночи.) Утром он исчез, не попрощавшись. Через пару дней Уварова получила от Асаркана открытку: в ней извещалось, что он больше никогда не будет приходить в дом, где у него отбирают спички, а потом обращаются с ним как в советском учреждении, отсылая от одного чиновника к другому. (Спички для бывшего заключенного Ленинградской тюремной психиатрической больницы – объект священный, неприкасаемый, чего Ирина недооценила. Я пересказал ей одну из комических историй Улитина о его совместном с Асарканом пребывании в ЛТПБ. В больничной палате курить, само собой, запрещалось и найденные у пациента спички тут же отбирались. Асаркан убедил соседей по палате в неопровержимости своих прозрений в области человеческой психики. Человек не замечает самого очевидного. Если предмет находится на самом видно месте, значит в нем нет ничего особенного или ценного. Лучше всего, поэтому, прятать предмет на самом видном месте. Он собрал все спички у соседей по палате в один коробок и положил коробок на середину стола. Через минуту в палату вошла медсестра, оглядела помещение, увидела на столе спичечный коробок, сунула его автоматически в карман своего больничного халата и вышла. Взгляд соседей по палате надолго запомнился Асаркану.) Но в уходе Асаркана из дома Уваровой отсутствовала, как во всяком божественном акте, какая либо рациональная логика. Ничто не предвещало этого демонстративного жеста. Асаркан накануне соблаговолил вкусить мясного бульона, хотя и ворчал, когда ему попадались мелкие косточки от бульонной кости. Уход Асаркана особенно болезненно переживал сын Ирины, обожавший Асаркана, как и все знавшие его подростки, до самозабвения. В связи с этим я упомянул о собственных драматических метаниях между Асарканом и Улитиным. Улитина, как быстро выяснилось, упоминать в этом доме не следовало. Прозвучало слово «улитинщина» (см. «глузберговщина» у Улитина на стр. 116) и риторический вопрос: «А что он вообще пишет? Что услышит, то и запишет?» (Выяснилось, что Уварова отвергла слишком агрессивные амурные демарши этого «пожилого человека с палочкой» в период, когда Асаркан находился в психбольнице.) Я был в полном замешательстве и стал бормотать слова про «русского Джойса», «абстрактную прозу», «стилистику скрытого сюжета» и «культ стенограммы».

Меня спас звонок в дверь. К нашему разговору с Ириной об Улитине подключился хороший приятель Уваровой, еще один сотрудник «Декоративного искусства» и давний собеседник Улитина – Леня Невлер. За рассуждениями о трансформациях «улитинщины» последовал обмен мнениями между Ирой и Леней о ряде воспитанников Асаркана – «ужасные младенцы» с паразитическими тенденциями, которых он «научил на свою голову» и теперь они, мол, лезут в литераторы. Я, естественно, ложным образом воспринимал все эти намеки на свой счет. (Все эти мотивы

обыгрываются в «Ксенофобе».) Мы передвинулись на кухню, где Невлеру был предложен мясной бульон с костью. Съев с аппетитом тарелку бульона, он высосал мозг из кости и сообщил, вытерев аккуратно рот салфеткой: «Вкусная кость!» – как некое искаженное эхо костяного крошева, которое отверг Асаркан на той же кухне. Все это засело в моей памяти и несомненно зафиксировалось в очередном томе моей стенографической прозы той эпохи («В ожидании Похлебкина» – с самодельной обложкой, вырезанной из советской папки-досье со стандартной надписью «Дело №». В этой подборке есть глава под названием «Его же оружием».)

С.21
Горбатов – вероятно, ошибка, речь идет о Д. А. Горбове (1894–1967).

С.22
It may be shit to you, but it's our bread and butter. – Для вас может быть это и дерьмо, но для меня это хлеб с маслом (популярный в Соединённых Штатах афоризм Стэнли Фалкова).

Когда был бы ты богатым, ты б другой сложил напев – ср. «Ты сказала, что Саади» С. Есенина.

Stercus tibi sed victus meus. – Но вы отказываетесь от моей еды.

С.23
Then he sat down opposite her and gazed at her abstractedly, wondering if it was true that one could be in love with two women at the same time. – Потом он сел напротив, уставившись отрешённо на неё, думая, правда ли, можно быть влюблённым в двух женщин одновременно.

У Чехова в 3 томе «во всем своем ПОГАНОМ ВЕЛИЧИИ» – Ср. в «Ниночке»: «проклятая истина раскрывается перед Вихленёвым во всём своём поганом величии».

Нкруме оправдывался: золото он получил за сочинение «Последняя стадия империализма» – Кваме Нкрума, – первый премьер-министр и первый президент независимой Ганы, в 1960-е гг. его произведения выходили в русском переводе.

С.24
у ирландца Б. Бихэна – ирландский писатель Брендан Биен (Brendan Behan), известный своими запоями и скандалами. (Комментарий З. Зиника.)

С.27
В учебнике Головчинской – Л. С. Головчинская. Reading and talking English / Пособие по развитию навыков устной речи. Высшая школа, 1971.

Найти вырезку из газеты: доктор Обиспо. – Доктор Обиспо – один из главных персонажей романа Олдоса Хаксли «После многих лет» (Aldous Huxley, After Many a Summer), часто цитируемый Улитиным роман о долголетии, сексе и социализме. (Комментарий З. Зиника.)

С.29
Боб Похлебкин – Вильям Васильевич Похлёбкин (1923–2000).

FREE FALL – Свободное падение.

made a sound that was half a laugh and half a sigh – Издал звук, похожий то ли на смех, то ли на вздох.

«I am a commissioned officer and a prisoner-of-war. I demand to be treated in accordance with the Geneva Convention.»
Dr. Halde made a sound that was half a laugh and half a sigh. His smile was sad and expostulatory as

if I were a child again, making a mistake in my classwork. «Of course you are. Yes indeed». – «Я офицер в отставке и военнопленный. Я требую, чтобы со мной обращались в соответствии с Женевской конвенцией».

Доктор Хальде издал звук, похожий то ли на смех, то ли на вздох. Его улыбка была печальной и увещевательной, как будто я был снова ребёнком, допустившим ошибку в классной работе.

«Конечно, да. Да, в самом деле» (цитата из романа У. Голдинга «Свободное падение»).

But nobody wanted to talk about her. But I don't see the difference. But no explanation is needed, you poor boy. – Но никто не хотел говорить о ней. Но я не вижу разницы. Но никаких объяснений не требуется, бедняжка.

Me and cook had a look at your book. – Английская скороговорка.

that bloody sod – Этот чёртов пидор.

Did you see the bastard who threw that bloody battle? I could kill that bloody sod! – Ты видел этого ублюдка, который устроил эту чёртову битву? Я бы убил этого чёртова пидора.

That very night she came to my spartan room and we made love, wildly and mutually. After all, we were communists and our private life was our own concern. The world was exploding. None of us would live long. – Той ночью она пришла в мою спартанскую комнату, и мы занимались любовью, с неистовой силой проникая друг в друга. В конце концов мы были коммунистами, и наша личная жизнь касалась только нас. Мир висел на волоске. Никто из нас не прожил бы долго (Цитата из указанного романа У. Голдинга).

and the air was thick with smoke and importance. – И воздух был пропитан дымом и важностью.

Братья Похлебкины у писателя Кочетова – у В. Кочетова был роман «Братья Ершовы» (1958); в пародии С. Смирнова «Чего же ты хохочешь?» упоминается под названием «Братья Ежовы».

С.30

Лучшая виолончель СС погибла страшной смертью в 1971 году – Александр Чиджавадзе (1917–1971).

Мангуста заставляют жрать капусту. – Аллюзия на рассказ-притчу «Мангуст-пацифист» Джеймса Тербера, автора журнала «Нью-Йоркер», одного из любимых писателей Улитина. В этой истории Мангуст отказывается следовать биологическому закону своего вида – убивать кобр. Одна из пародийных притч Тербера в переводе Улитина была опубликована в «Неделе» 60-х годов, где тогда сотрудничал Асаркан; это единственная публикация Улитина в советской прессе. (Комментарий З. Зиника.)

Этот роман с гестаповцем, говорящем по-английски лучше самого англичанина. – Имеется в виду «Свободное падение» У. Голдинга.

Четверга сегодня не будет. Г. Р. рассылает телеграммы. – «Четверг» – день встреч Улитина и его окружения у З. Зиника. «Г<убернский> Р<озыск> рассылает телеграммы» – слова из песни в пьесе Л. Славина «Интервенция», спектакль с 1967 г. шел в театре Сатиры.

С.31

Ю. Сваричовский – переводчик с английского.

С.32
ОНА НЕ АРЕСТОВАНА. ВРЕМЕННО. АСАРКАН НЕ АРЕСТОВАН. ВРЕМЕННО. – Эксперименты Улитина по печатанию русских слов на машинке с латинским шрифтом. (Комментарий З. Зиника.)

I'm trying the new paper. It is the only RITUAL I can allow myself. Not so cheap, by the way. – Пытаюсь читать новую газету. Это единственный ритуал, который я могу себе позволить. Кстати, не такой уж дешёвый.

Exactly, what I thought. Perfect piddling piffle, as I thought, of course. – В точности то, о чём я подумал. Ничтожный вздор, как я подумал, конечно.

Excuse me, in English or Latin our claim is the same. Translated it means something like: «It may be shit to you, but it's our bread and butter». – Извините, по-английски или по-латински наше требование остаётся тем же. В переводе оно означает что-то вроде следующего: «Для вас может быть это дерьмо, но для нас это хлеб с маслом».

So much for this item. – Достаточно для этой темы.

С.33
Vulgar and stupid but you cannot say that about the face. The face is childish and female as Renoir liked to paint with his penis. Matched her hands? Why no, you couldn't tell it at once. AUCH NICHTS. Ohne Mich. But there is one BUT about it. Why not. – Вульгарная и глупая, но о лице этого не скажешь. Лицо детское и женственное, Ренуар рисовал такие лица своим пенисом. А как насчёт рук? Но почему бы и нет, нельзя сказать наверняка. ТОЖЕ НЕТ. Без меня. Но здесь есть одно НО. Почему бы и нет.

Mit diesem Trank im Leibe – с этим напитком внутри (на этой странице здесь и далее цитируется «Фауст» Гете).
Ich bin Kavalier wie andre Kavaliere – Я дворянин, как и другие дворяне.
Und renne zu und bin ein echter Mann als ob ich h tte 24 Beine». 6 Hengste – И мчусь, и чувствую себя как настоящий человек, как будто у меня 24 ноги. 6 жеребцов.

С.34
Ее письмо мы читали в «Палате № 7» – «Палата № 7», повесть В. Тарсиса.

С.35
и одна страница, если есть ЧУЖОЙ ЗВУК З. Д. Авестина... – Зенд Авестин – в прозе Улитина прозвище Зиновия Зиника. (Комментарий З. Зиника.)

С.36
Дэвид Уокер «Чортов Спуск»... И посвящен роман – знаете кому? Лучшему другу Синявского и Даниэля в Лондоне. – Этот детективный роман («Devil's Plunge», by David Walker) посвящен Марку Бонэму Картеру (Mark Bonham Carter). В шестидесятые годы Бонэм Картер был главой лондонского издательства «Collins Harvill», опубликовавшего прозу Синявского и Даниэля, – и позже (в 1967 г.) стенограмму показательного процесса над ними. Синявский и Даниэль были арестованы в том же году (1965), когда Шолохову была присуждена Нобелевская премия. Бонэм Картер отправился в Стокгольм, где выступил с протестом против присуждения премии этому апологету советской власти (Шолохов позже назвал приговор Синявскому слишком мягким). Это была эпоха, когда левая западная интеллигенция заигрывала не только с Советским Союзом, но и с коммунистическим Китаем. По иронии судьбы, партийная пресса КНР тоже назвала Шо-

лохова предателем: за то, что он согласился принять «буржуазную» Нобелевскую премию. Прокитайски настроенный Ж. П. Сартр от Нобелевской премии отказался. (Комментарий З. Зиника.)

С.37

В искатели косноязычия писатель в старину не метил – измененная цитата из неоконченной поэмы Б. Пастернака «Зарево» (в оригинале «искатели благополучия»).

«Борьба с безумием» – книга Поля де Крюи (М.: Изд-во иностранной литературы, 1960). Возможно, имеется в виду биографическая трилогия С. Цвейга о Ницше, Клейсте и Гельдердине с тем же названием.

Володя Паулус – Владлен Владимирович Паулус (1928–1979), телевизионный режиссёр.

Саша Свободин – Александр Петрович Свободин (настоящая фамилия – Либертэ, 1922–1999), драматург, театровед, театральный критик.

С.38

«Детективная история» – книга П. Улитина, http://www.rvb.ru/ulitin/detectiv/ (см. также на с..47 и 115).

С.41

Фотографические группы тупых свинообразных рож – Б. Пастернак, «Культ личности забросан грязью...» (в оригинале «одних»).

С.43

мимо Люксембурга – посольство Великого Герцогства расположено в Хрущевском переулке, 3.

ЛТПБ – Ленинградская тюремная психбольница.

С.44

«Brief Candles» – Сборник новел Олдоса Хаксли, куда входит, в частности, новелла «После фейерверка» («After the Fireworks»), постоянно цитируемая здесь Улитиным. (Комментарий З. Зиника.)

Just what I wanted. A case of need. Those sedentary men of letters, with their sagging tremulous paunches – they were enough to make one hate the very thought of literature. Now you know, it is from «Brief Candles». – Как раз то, что я хотел. То, что нужно. Эти малоподвижные писаки с их обвисшими, дрожащими брюшками, одного их вида достаточно, чтобы возненавидеть одну только мысль о литературе. Теперь вы знаете, что это из «Коротких свечей».

In winter we get up at night and dress by yellow candle light. – Зимой мы встаём ночью и одеваемся при жёлтом свете свечи (Измененная цитата из стихотворения Р. Стивенсона).

What she told herself three times became true. She had an enormous capacity for auto-suggestion. – То, что она говорила себе три раза, сбылось. У неё была невероятная способность самовнушения (Цитата из вышеназванной новеллы О. Хаксли).

С.46

Вот бежит собака. – Рассказ Казакова (1961) называется «Вон бежит СОБАКА!».

С.47

«у поэтов есть такой обычай ВКС ОДД» – Цитата из Д. Кедрина («У поэтов есть такой обычай – В круг сойдясь, оплёвывать друг друга»).

С.49
«А она ему: оставь женщин и займись математикой». Это сразу же после открытия «Я прихожу в ужас: один сосок не похож на другой» /стр.280, Исповедь Ж.-Ж. Руссо/ – точно цитируется по изданию 1961, с.280–281.

С.54
Мистер Паркер Пайн, специалист по устранению несчастья – персонаж Агаты Кристи, находивший клиентов через объявление в газете: «Счастливы ли вы? Если нет – обращайтесь к мистеру Паркеру Пайну, Ричмонд-стрит, 17».

С.56
Саня! Ты Саню видишь? – Весь абзац – обмен репликами в компании Юрия Айхенвальда на похоронах Хрущева (1971 г.): Саня – Александр Солженицын, Андрей Дмитриевич – Сахаров, Петя – Петр Якир и так далее. (Комментарий З. Зиника.)

Кристи Ирина Григорьевна (р.1937) – математик, участница правозащитного движения, эмигрировала в 1985.

Похоронили рядом с Эренбургом – на Новодевичьем кладбище.

Рукою Пушкина написано «Записки актера Щепкина» – в Москве 17 мая 1836 Пушкин подарил М. С. Щепкину тетрадь для будущих «Записок актера Щепкина» и сам вписал начальные строки их.

С.57
Эразма и Томаса Мора переводила Ю. М. Каган.

И ЗАПЛАТЯТ ДАЖЕ ДЕНЬГИ, ЕСЛИ ТЫ / АКТУАЛЬНО ЭТИ ВЫРАЗИШЬ МЕЧТЫ – из стихотворения Ю. А. Айхенвальда «Удивительный мечтатели народ!..» (ср. с.117).

С.58
Спросите у Миши Ландмана – Михаил Ландман (1931–1997), поэт, переводчик.

С.59
«Народ бессмертен» – повесть В. С. Гроссмана (1942).

Жил он по евангелью Фомы – имеется в виду стихотворение С. Наровчатова «Вариации из притч», датируется серединой 1950-х.
Евангелие Фомы в переводе М. К. Трофимовой опубликовано в книге «Античность и современность» (М., 1972).

С.60
Take care to get what you like or you will be forced to like what you get. – Постарайся получить то, что ты любишь, в противном случае тебя вынудят любить то, что ты получишь (Бернард Шоу. Человек и Сверхчеловек. Максимы для революционеров).

С.61
See how we trifle. Look at us running like hell. Did you see me swimming? What I was doing, do you see, is called swimming. Exactly the point when trype and hogwash are the right words. Tripe and hogwash. But it is better than nothing. Better trype and hogwash than nothing at all. – Посмотрите, как мы легкомысленны. Посмотрите, как мы несёмся со страшной силой. Вы видели, как я плаваю? Понимаете, то, что я делал, называется плаванием. Это как раз тот случай, когда чушь, вздор –

вполне подходящие слова. Чушь и вздор. Но это лучше, чем ничего. Лучше чушь и вздор, чем совсем ничего.

«Телевидение и мы» – книга Вл. Саппака (1921–1961); вышла в 1963.

Инна Натановна – Соловьева.

С.62
Had we not better teach our children to be better citizens than ourselves ? We are not doing that at present. The Russian are. That is my last word. Think over it. -- Разве мы не должны воспитывать наших детей так, чтобы они были лучшими гражданами, чем мы? Мы сейчас этого не делаем. А русские делают. Это мое последнее слово. Подумайте об этом (Бернанд Шоу. Тележка с яблоками. Предисловие).

But the spider spins her web (Бернард Шоу. Человек и сверхчеловек. Предисловие).

«You men do not understand the rapture one can find in a glance or a handclasp, but, I swear to you, the sound of your voice fills me with a deep, strange feeling of joy as no passionate kisses ever could do.» – из английского перевода «Героя нашего времени»; у Лермонтова: «Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки, а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его».

There are so many girls. And they all expect you to remember them as if there was only one in the world. – Здесь так много девушек. Все они хотят одного – чтобы ты помнил о каждой из них как о единственной в мире. (Бернанд Шоу. Святая Иоанна).

С.64
The sun of not your life. Exactly. As though I were a nut and he were a woodpecker. Солнце не твоей жизни. Точно. Как будто я – орех, а он – дятел – Последняя фраза из начала новеллы Олдоса Хаксли «После фейерверка» (ср. с.66).

I must conclude by warning you that it is a must for you to read the whole body of work and not page here page there. Otherwise you will not understand anything. But you are not compelled to read. But nobody makes you to read at all. It's not for you. – Я закончу предупреждением, что ты просто обязан прочитать всю работу от корки до корки, а не страничку тут, страничку там. Иначе ты ничего не поймёшь. Но ты не должен читать насильно. Но тебя вообще никто не заставляет читать. Это не для тебя.

в книжном магазине на главной улице СССР – «Книги стран народной демократии» на ул. Горького; ППУ работал там в конце 1950-х в отделе ГДР.

С.67
а ливр увэр – (фр.) играть с листа (буквально – по раскрытой книге).

С.68
«Атомное оружие» – текст ППУ.

Лия Майзельс – Самилла Майзельс (р. 1918), переводчица (преимущественно Г. Уэллса).

Злата Потапова (1918–1994), литературовед, переводчик – обе учились в ИФЛИ.

С.69
ЧЕТЫРЕ КВАРКА ДЛЯ ДОКТОРА МАРКА. – ср. «Три кварка для мистера Марка!» из «Поминок по Финнегану» Д. Джойса. См. также с. 12 и 115.

Рукопись С. П. Писарева можно прочитать здесь: http://booknik.ru/colonnade/istoriya-protestnogo-dvijeniya/chego-je-jdat-ot-bespartiyinogo-evreya/.

С.70
Пиндемонте – Ипполито Пиндемонте (1753–1828), итальянский поэт.

С.71
«Долой Б.Б.» – долой Большого Брата!

текст в фигурных скобках повернут на 90⁰ по часовой стрелке

С.73
Жанна Матвеевна Брюсова (1876–1965) – жена В. Я. Брюсова.

Бред кверулянта – сутяжный бред (психиатрический термин).

С.74
Богатый нищий жрет мороженое. Пусть жрет, пусть знает: мы враги – из стихотворения Л. Мартынова (1949).

С.77
Just the point. – Как раз то, что нужно.

«Ich bin zu alt um nur zu spielen» – Я слишком стар, чтобы только играть («Фауст» Гете).

Just the way to express the unexpressible if you know what I mean. – Как раз вот так можно выразить невыразимое, если вы знаете, что я имею в виду.

He who cannot, teaches. Fresh air is declared unwholesome. But self-denial is not a virtue: it is only the effect of prudence on rascality. – Кто не умеет, тот обучает. Объявили, что свежий воздух вреден. Но самоотрицание это не добродетель: это результат расчётливого обмана. (Бернард Шоу. Человек и Сверхчеловек. Максимы... Первые два предложения приведены не полностью).

You will retort that I never do anything else. It is your favorite jibe at me that what I call novel is nothing but provocation. – Ты всегда найдёшь, что сказать, если захочешь отчитать меня за то, что я никогда ничего больше не делаю. Твоя любимая насмешка в мой адрес состоит в том, что то, что я называю романом, просто провокация. (Бернард Шоу. Человек и Сверхчеловек, предисловие; последнее предложение в оригинале: «what I call drama is nothing but explanation»).

It is a little like seeing a 300-horsepower automobile speed down a crowded high-way while 3 men in the front seat fight for the wheel and 2 in the rear seat poise ready to plunge a dagger into the back of the man who wins the front-seat straggle – Это похоже на то, что вы видите, как автомобиль в 300 лошадиных сил несётся по переполненному шоссе, а тем временем 3 мужчины на переднем сиденье дерутся из-за руля, а 2 на заднем сиденье прицеливаются, чтобы бросить нож в спину тому, кто выиграет сражение. (Из выступления в Конгрессе США в 1958 г.)

Just what they say «C'est la vie». – В этом случае они говорят «Такова жизнь».

С.79

«Я психоз маниакально-депрессивный превращу в ликующий театр» – ср. «И психоз маниакально-депрессивный превратить в ликующий театр», – говорит Улитин. – Это стихи Асаркана, старые, несерьезные (Михаил Айзенберг. Открытки Асаркана).

Питигрилли (1893–1975) — итальянский писатель, автор романа «Кокаин» (1921).

С.82

THE RED AND THE GREEN is meaningful only in that respect. The hand of Moscow, red tape, Tricky Dicky: «Better me than Macgavern» Better green than red but NOBODY WANTED TO DIE. / Exactly. – КРАСНЫЙ И ЗЕЛЁНЫЙ имеют значение только в этом смысле. Рука Москвы, красный ковёр, Хитрец. «Лучше я, чем Макгаверн». Лучше зелёный, чем красный, но НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ. Точно. (Очевидно, имеется в виду Джордж Макговерн (McGovern), бывший в 1972 соперником Р. Никсона на выборах президента.)

merely dogs less sensitive than oneself. – Просто собаки менее чувствительные, чем ты (цитата из «Цветка в пустыне» Д. Голсуорси: «anything must be better than living in a wire enclosure with a lot of dogs less sensitive than yourself»).

Flower. Wild. – сокр. от Flowering Wilderness (Цветок в пустыне).

ONLY DOGS LESS SENSITIVE THAN ONESELF. Nothing more. The question of nerves, not always it was so, but now it is a permanent reality for you, ALAS. There will be no dictation for you. – ТОЛЬКО СОБАКИ МЕНЕЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ, ЧЕМ ТЫ. Больше ничего. Вопрос нервов, так было не всегда, но теперь это постоянная реальность для тебя, УВЫ. Диктанта не будет.

С.84

ЛЖР – лучшая женщина России.

«Фотография пулеметчика» – текст ППУ 1965 г., опубл. в «Вестнике новой литературы», № 5, 1993.

С.87

Бобби – Роберт Фишер; в 1972 был его матч со Спасским.

С.89

Это неправда, что Л. Смирнов всех обскакал. -- Речь идет об уникальной публикации в журнале «Театр» эссе Льва Смирнова – тоже воспитанника Асаркана – о спектакле по детской книге про Карлсона, Который Живет на Крыше, где, в едва завуалированной форме, с иронией и трагизмом анализировалась философия и практика отношений Асаркана с его воспитанниками. (Комментарий З. Зиника.)

С.92

Стейси Омонье (1887–1928), английский писатель, его переводы появлялись в советской периодике.

С.95

Нина Хиббин – английский кинокритик, постоянный автор «Daily Worker» и «Morning Star».

С.98

The soft summer wind stirs the redwoods and Wild-Water ripples sweet cadences over its mossy stones. There are butterflies in the sun-shine, and from everywhere arises the drowsy hum of bees. It is so quiet and peaceful, and I sit here, and ponder, and am restless. It is the quiet that makes me restless. It seems unreal. All the world is quiet, but it is the quiet before the storm. – Мягкий летний ветерок колышет красноватые макушки деревьев. Водная рябь нежно обнимает камни, покрытые мхом. В солнечных лучах порхают бабочки, отовсюду слышится сонное жужжание пчёл. Вокруг так тихо и спокойно, а я сижу здесь и думаю, и полон нетерпения и суетных мыслей. Вот из-за этой тишины я так неспокоен. Она кажется нереальной. Мир погрузился в тишину. Но это тишина перед бурей. («Железная пята» Д. Лондона, ср. со с. 6).

С.100

Повесть Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» // «Красная новь», 1939, № 7.

С.105

«к сатане рабочий класс» – из «Шутовского хоровода» О. Хаксли в переводе И. Романовича (М., 1936).

С.111

ALDOUS HUXLEY. Antic Hay. – Олдос Хаксли. Шутовской хоровод.

Lypiatt had a habit, which some of his friends found rather trying – and not only friends, for Lypiatt was ready to let the merest acquaintances, the most absolute strangers, even, into the secrets of his inspiration – a habit of reciting at every possible opportunity his own verses. He would declaim in a voice loud and tremulous, with an emotion that never seemed to vary with the varying subject-matter of his poems, for whole quarters of an hour at a stretch; would go on declaiming till his auditors were overhelmed with such a confusion of embarrassment and shame, that the blood rushed to their cheeks and they dared not meet one another's eyes. The people who came to this Soho restaurant because it was, notoriously, so «artistic», looked at one another significantly and nodded; they were getting their money's worth, this time. – У Липиата была привычка, которую иные из его друзей находили несколько утомительной – и не только друзья, потому что Липиат был готов посвящать в тайны своего вдохновения и просто знакомых, и даже совершенно чужих людей, – привычка читать при всякой возможности свои стихи. Он декламировал громким дрожащим голосом, с выражением, никогда не менявшимся, какова бы ни была тема стихотворения, добрых четверть часа без перерыва; декламировал и декламировал до тех пор, пока его слушателям не становилось так неловко и стыдно, что они краснели и не решались смотреть друг другу в глаза.

Сейчас он тоже декламировал, обращаясь не только к своим друзьям, но и ко всей публике в ресторане. Стоило ему произнести первые строки своей последней вещи, – «Конквистадора», как за всеми столиками начали поворачивать головы и вытягивать шеи. Люди, пришедшие в этот ресторан на Сохо, потому что он пользовался славой «артистического», многозначительно переглядывались и кивали друг другу. На этот раз деньги были заплачены недаром.

С.112

«You won't believe me now, but let me tell you this: you and I have been in feminine society and we've enjoyed it; but giving up that kind of society is like taking a cold shower on a hot day. A man has no time to waste on such trifles; a man must be unbridled, says a good old Spanish proverb.» – из англ. перевода «Отцов и детей»; у Тургенева: «Ты мне теперь не поверишь, но я тебе говорю: мы вот с тобой попали в женское общество, и нам было приятно; но бросить подобное общество – все равно,

что в жаркий день холодною водой окатиться. Мужчине некогда заниматься такими пустяками; мужчина должен быть свиреп, гласит отличная испанская поговорка».

The anonymous lampoon was entitled «La Cordonniere de la Reine M re». This pamphlet had been circulated secretly; it was full of insulting and defamatory insinuations about Richelieu and contained a number of unsavoury anecdotes about his private life. For several years there had been a supposition that the author was a lady from Loudun who had been one of the Queen's confidantes – Анонимный памфлет был озаглавлен «La Cordonniere de la Reine M re». Этот памфлет тайно распространялся; в нем содержались оскорбительные и бесчестящие инсинуации о Ришелье, а также несколько безвкусных анекдотов о его личной жизни. В течение нескольких лет считалось, что его автором была женщина из Лудана, которая была наперсницей королевы. (Иштван Рат-Вег. История человеческой глупости. Эта книга в английском переводе была в библиотеке ППУ).

Dorothy Parker about the life in Rome:
«Why is it, when I am in Rome I'd give an eye to be at home, but when on native earth I be, my soul is sick for Italy?
And why with you, my love, my lord, am I spectacularly bored, yet do you up and leave me – then I scream to have you back again?» – Дороти Паркер о жизни в Риме:

Зачем, бродя по стогнам Рима,
Домой стремлюсь неудержимо,
А дома, не пройдёт и дня,
Влечёт в Италию меня?

И почему, любовь моя,
Когда ты здесь – скучаю я,
А прочь – хочу неадекватно
Тебя заполучить обратно?

(пер. Р. Шустеровича)

A sort of new Work in a sort of Progress, but you know how people talk maybe. Maybe. – Что-то наподобие новой Работы в чём-то наподобие Прогресса, но ты знаешь, что люди говорят, может быть. Может быть.

С.115
four quarks for Mr Marx. – Четыре кварка для мистера Маркса.

С.117
«Возвышен<ная> орган<изация>» – роман ППУ.

С.119
абзац «Джеймса Джойса по-русски». – «Джеймс Джойс по-русски» – эротический нарратив П. П. Улитина с порнографическими пассажами. (Комментарий З. Зиника.)

Для вас, изведавших НИЧТОЖЕСТВО – в конце 4 последних строки стихотворения В. Брюсова «Выходы».

Олег РОГОВ

СМОТРЕТЬ НА РУКОПИСЬ

П. Улитин. Тарантас. http://www.rvb.ru/ulitin/tarantas/index.htm

Архивная страница Павла Улитина на сайте «Русской виртуальной библиотеки» продолжает пополняться новыми публикациями.

В 2013 году читатели смогли познакомиться с текстом П. Улитина (далее – ППУ, это уже традиционное именование автора) «Тарантас», датированного 1981 годом (подготовка текста В. Орлова и И. Ахметьева).

Отметим также тисненые «высокой печатью» в этом году «Капричос» в 66 номере «Митиного журнала» и фрагменты текста «Крючки в 1881 году» в электронном издании «Colta», экс-OpenSpace.ru (http://www.colta.ru/docs/14808), с проницательным предисловием М.Айзенберга.

Почему «Тарантас» нужно читать в электронной версии, а не ждать, пока текст появится в бумажном виде? Потому что адекватное воспроизведение «Тарантаса» возможно лишь таким способом – «Тарантас» нужно не только читать, но и смотреть. Желательно в цветном варианте.

Заменим «нужно» на «можно» и получим Интернет, ибо ни один цветной журнал пока не в состоянии дать сотню своих полос на публикацию ППУ. Разве что с продолжением – кстати, вариант, хоть для «Космо».

Это увлекательное знакомство с Текстом.

Проза ППУ, как всегда, настолько плотная, что ловишь себя на том, что ищешь смысловых подсказок и мостиков в написании букв (у ППУ прекрасный почерк, это гипнотизирует), хвостиках и палочках, появлении красных и зеленых чернил, кляксах и пятнах.

А потом вдруг понимаешь, что не надо ничего искать, всё уже есть. И тогда уже начинаешь думать о том, что мешало тебе увидеть эти мостики. Но это уже сугубо индивидуальное делание.

Андрей ПЕРМЯКОВ

8 x 12 = ?

Екатерина Симонова. Время. – Нью-Йорк: StoSvet Press, 2012. – 160 с.

Новая книга оказалась удивительно типичной и предсказуемой для этого поэта. То есть абсолютно непохожей на любую из трёх предыдущих. Она всегда так делает. Когда через семь лет после дебютного сборника «Быть мальчиком» появился «Сад со льдом», явные смещения поэтической оптики были пусть и неожиданны, но предсказуемы. Срок всё-таки немалый. Однако вышедший в том же году «Гербарий» опять позволил по-другому взглянуть на траекторию поэтического движения. И вот теперь – «Время».

В самом названии подвоха или загадки нет. Четвёртая по счёту книга Симоновой стала попыткой выйти в четвёртое измерение. В то самое время. И подход избран вполне очевидный: весь сборник аккуратно помещён в Средневековье. Именно сей исторический период отчего-то воспринимают у нас эталоном минимальной подвижности и крайней созерцательности. Это, конечно, неправда: довольно прочесть любого беспристрастного и квалифицированного историка, но миф есть миф. И мифу этому поэт внимательно следует. Честно соблюдённое, с тщательными детальками и без лишней «историчности» Средневековье оказывается удобным местом для изготовления слепка замерших минут и лет.

Впрочем, и второй (условно назовём его исследовательским) план сборника Екатерины Симоновой оказывается не главным. Главным в любой поэтической книге вне зависимости от дополнительного антуража может быть лишь одно: поэзия как таковая. Высокая цель присутствует неизбежно, с необходимостью. Удаётся ли её достичь автору? Зачастую да, порою – не вполне. Отчего так? Попытаюсь ответить, хотя ответ этот скорее будет побочной темой рецензии.

Структура книги внешне довольно проста: семь разделов; шесть из них содержат ровно

по двенадцать текстов, один – вдвое больше. Попытки уловить новизну авторского стиля в частностях, боюсь, к успеху не приведут, ибо «*повышенная ассоциативность и неожиданные семантические сдвиги*», традиционно отмечаемые критикой, характерны, конечно, не только для стихов Симоновой. В столь тщательно выстроенном произведении (а «Время» следует воспринимать, в том числе, и как единое целое) интереснее рассматривать главы целиком. А главы эти весьма разнообразны и неравноценны.

Первая, «Бестиарий», очевидный успех. Приведу отсюда лишь один текст, зато целиком, хотя он и достаточно длинный:

Белый зверь подходит к женщине со спины,
кладёт голову ей на плечо,
глаза его тают, как голубой лёд,
дыханье его – дрожанье над тонкой свечой
не огня, но воздуха, плавящегося, как серебро
в крошечном тигеле, пока вокруг смрад
и ужас по всем деревянным домам,
когда даже сам Господь этой зиме не рад,
следящий сквозь пальцы за добром и злом,
на коньках парой скользящими по реке,
он надевает самый тёплый камзол –
с кружев замертво падают птицы,
летящие налегке,
падают, разбиваясь вдребезги об лёд,
серый, как рыба, выгнувшаяся во льду
с открытым ртом, с крошечным пузырьком
последнего воздуха в этом чумном году,
где лёд продолжают резать сани,
играющие в мяч
красные и синие, весёлые наглецы,
теряющие варежки и/или души, когда
с неба свешиваются водолеи или стрельцы,
сияющие звёздной цепью на небесном плаще,
бесконечном, как и внизу –
человеческая круговерть.
женщина оборачивается к единорогу, он
падает на колени, радуясь, принимая смерть.

Вот такая вот картинка из «Физиолога» осьмивековой, скажем, давности. И только так, одним беспрерывным предложением, можно описать миниатюру из древней книги. Взгляд скользит, скользит по крошечной площади ювелирно-точного изображения, отмечая новые краски и сюжеты, чудом уместившиеся на этом фрагменте пространства, а потом смысл складывается внезапно и целиком. Из всего складывается: из перетекания цветов, из наклона фигурок. Из авторской манеры, конечно. И все стихи напоминают вот эти миниатюры для долгого, многократного разглядывания. Единый стиль, разнообразие оттенков – не устаёшь, наблюдая бездвижность.

Вторая часть книги, «Часослов», начинается точно по инерции и, увы, инерция эта делается вскоре заметной. Вроде бы всё хорошо: Январь, февраль – по-зимнему прозрачны и ещё исполнены оставшихся с Рождества надежд:

Небеса распластывают на весу крылья,
как синяя птица,
выклёвывают сморщенное яблочко солнца,
это зима – время страдать или веселиться.
ты разбиваешь лёд в тазу, чтобы умыться.
не зря же белым твоим лицом
весь город гордится,
и даже женщины не могут сказать
тебе ни одного злого словца.

Да, зима время не самое живое, отчего, впрочем, контраст с тем, настоящим и предстоящим всему итогом делается не столь безнадёжным и печальным:

блеют животные, а селяне, грея ноги у очага,
весёлую небывальщину складывают в стога,
с которой в женских руках тянется густая нитка,
которую ловит кот, прячущийся,
если скрипит калитка,
значит, приходит домой хозяин,
и не один – с соседями и друзьями,
и радуется чрево его при виде ломтя
мяса и круга сыра,
кувшина вина, да и что ещё нужно от мира,
кроме тёплой хозяйки и кудрявого сына,
кроме всего того, чего меня смерть лишила?

Но вот дальше набравший ход цикл текстов всё-таки делается чуть избыточным. Годовой круг природы, безусловно, прекрасен, но окажись после января и февраля, например, текст с названием «Уголь» или вслед за сентябрём – картинка без собственно стихотворения, книга могла бы и выиграть. Хотя, конечно, тут гарантировать чего-либо никто не возьмётся.

А по отдельности стихи хороши. Порою возникают такие образы, что удивляешься: отчего это за века, когда сущности, собственно и оказавшиеся первопричиной этих образов,

были обыденными, никто не сообразил сказать именно так:

> озера незащищённый живот,
> гул отдалённый колокольного боя,
> воздух толкающего, как локтем сосед
> тугую соседку, волнующую его, точно поле
> до сенокоса...

Далее следует глава с причудливо-уместным в рамках избранной эстетики названием: «Софья, глядящая в колодец и видящая на дне мёртвую звезду/голубя невинности». Тут сверхзадача книги достигает, кажется, своего предела. Мгновение отнюдь не прекрасно, но его следует остановить. Сделать неподвижным то, что по определению текуче. Будет ли это похоже на вскрытие бывшего некогда живым тела? Скорее, нет. Ведь ни автору, ни кому-то иному не дано прервать ход Времени окончательно. В оптимальном случае – крохотная такая остановка. И вот эта попытка удержать время настолько хороша фактом своего усилия, что о недостижимости цели и думать не хочется. В сущности, «Софья...» это поэма. Поэма, лишённая сюжета, поэма, где не очень понятно: описывает автор разные эпизоды одновременного мира или потенциальные возможности того, что могло бы случиться с Софьей, смоги она прожить тот миг двенадцать раз? Причём этот миг должен был возникнуть в различных локациях и в разные времена года. Но во всех случаях это был бы *тот самый* миг. Совершая крайне непрофессиональный поступок, скажу: эту главу надо читать самому, пересказ лишь всё испортит. Нет, естественно: взявшись за написание рецензии, критик по определению говорит: «Дорогой читатель, я рекомендую тебе эту книгу. Как ты понимаешь, о неинтересном я тебе, умному и ценящему своё время человеку, сообщать побрезговал бы». Только иногда можно намекнуть о сути, а иногда – глупо и страшновато даже. Благо при нынешнем упадке книготорговли поэты радостно выкладывают свои книги в общий доступ. Можно скачивать, читать и не чувствовать себя вором: автор разрешил. Тут представлю лишь один отрывок из этого раздела – по причинам не смысловым, но сугубо поэтическим:

> ветки падают срезанными волосами на лёд,
> остаются лежать на нём,
> как пауки

Все видели десятилетиями, но Катя написала это.

Затем поёт «Хор». Так называется четвёртая глава. Мария, Анна, Марина, Ирина, Зоя, Елена, Ольга, Валентина, Софья, Вероника, Елизавета, Екатерина действительно образуют хор. И в каждой из двенадцати песен нет солистки. Напротив: остальные каждый раз поют об одной. Или поют её, объединяясь в финале? Здесь, в единственной из глав, сама собой напрашивается параллель с автором того же поколения, что и Екатерина Симонова. Вологжанка Маша Маркова часто пишет о сходном. Вообще, они очень разные авторы, но в немногом – похожие. Не в главном ли?

А дальше – пятая глава. Самая большая в книге, удвоенная. Называется «Приправы и правда». Внешне это рецепты средневековой кухни, подходящие более столу богатого купца, нежели честного рыцаря. Впрочем, многое ли мы знаем о том времени наверняка? Каждый из рецептов сопровождён стихотворением, относящимся к нему «по касательной»: связь очевидна, но ненавязчива. Приём интересный, приём яркий, приём неновый. Здесь уже необходима смелость – для турнира (не забываем: мы в Средневековье!) с предшественниками. Более того: приём удваивает сам себя. О каждом из рецептов два стихотворения. Сначала в подглавке «Соль и сахар» говорит, очевидно, хорошо пообедавший или ожидающий обеда бюргер, преданный благочестивым размышлениям, а далее – то ли повара, то ли сами продукты, собирающиеся насытить чрево.

И вот тут наступает некоторый сбой восприятия. Нет, сами по себе стихи хороши вновь – особенно в первой части раздела. Но вот эта лёгкость удвоения заставляет усомниться: не слишком ли проста игра? Не для нас проста, а для автора. Екатерина Симонова как поэт стала известна в рамках институции, о которой сама говорит так: «*Это, в сущности, коллективное творчество – "нижнетагильская поэтическая школа", тренер и команда, парторг и партячейка...*». Парторг и тренер известен: Евгений Туренко. Одним из базовых принципов его был

и остаётся такой: для написания стихов вполне достаточно таланта и ума, а вдохновение есть сказки неумех. За точность и однозначность формулировки не поручусь, однако смысл именно таков.

Спорить тут бессмысленно, переубеждать тех, кто постулат воспринял – тем более. Но вот читая дважды по двенадцать стихов по мотивам двенадцати кулинарных рецептов, испытываешь, честное слово, смешанные чувства. Нет, поэзия удивительная страна, бывает всякое, конечно, но мне как-то ближе следующая глава, «Камни».

Это вновь поэма и на сей раз, кажется, удачная без оговорок. От смерти, худшей, чем смерть, от смерти, где

> ...мёртвой, ей забивают
> камнями рот,
> ты стоишь и смотришь:
> как бы не укусила кого за палец,
> как бы не смогла прийти после
> выпить жизнь,
> взять чужое, как будто своё,
> не пришла посмеяться в лицо,

через жизнь в её мгновенных картинках, через первую любовь, где каждый лишь – своё собственное отражение, через следующую, обоюдно счастливую, кажется, любовь – к страху и печали, вновь предшествующим итоговому расставанию. Лаконичная и славная книжка внутри книжки удалась в этом разделе.

И финал книги хорош. Глава «Берег» завершает круг. Тут формальное мастерство поэта, доказанное уже и в этом сборнике, и много ранее, получает, возможно, чуть избыточное, но, допустим, необходимое самому автору подтверждение. И книга вся замыкает себя в кольцо, подобное кольцу исследуемого времени. От ещё-неподвижности к уже-неподвижности. В редких случаях кольцевая структура отдельного ли текста, целой ли книги оказывается удачей. Чаще ей случается укрывать огрехи и робость. Тут случай иной.

Екатерина Симонова написала книгу «Время» так, как и пишут поэты: для себя. Далее наступает срок читательской работы. Скажут кому-то стихи, опубликованные в Нью-Йорке, нечто важное об этом ли самом Времени, о мире ли, о нём ли самом – удача сборника будет подтверждена. Нет – останется лишь фактом биографии автора. Впрочем, далеко не единственным фактом. И, конечно, далеко не последним. Но вот о чём и для чего будут новые книги, предсказать невозможно. Симонова – она такая.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

ЖЕЛТЫЙ ПОСЛЕ КРАСНОГО

Алексей Сальников. Дневник снеговика. – New York: Ailuros Publishing, 2013. – 40 с.

Любое стихотворение в этой книге похоже на маленький фильм, вернее на то, что притворяется фильмом. Это было бы кино, если бы не пауза или что-то вроде несбывшегося ожидания остановки после фотографии. Странное ощущение неудачной фиксации – вот, казалось бы, поймано в объектив, и тем не менее:

> Сырее сыра, жеваной промокашки, носа,
> Более серый, чем дым, свинец, крыса, вода –
> Снегопад, смыкающий шестерни и зубчатые колеса,
> Трамвай идущий, налипший на провода.
>
> Сидят пассажиры, падает снег, идут моторы,
> Краснеет надпись «ГК», мужик стоит на углу,
> Апельсиновое молчаливое пятно светофора
> Так и остается разбрызганным по стеклу,
>
> По каплям стекольным в шахматном их порядке,
> Или в беспорядке, или в порядке лото.
> Похоже, что все на свете играет в прятки,
> Да так давно, что и не ищет никто.
>
> Но как бы то ни было – каждый глядящий
> На это со стороны или изнутри, устав слегонца,
> Не забывает заводить музыкальный ящик,
> Читай – шкатулку, чтобы все это двигалось без конца.

Смазанное изображение, перепутанные слои, неподвижные наблюдатели. Желтый светофора, после потухшего красного. Собственно, и другие стихотворения в книге описывают эту промежуточную фазу с той или иной амплитудой раскачки между «умри» и «воскресни». Поэзия Сальникова по нижнетагильской шкале колеблется около, так сказать, метафизического нуля – теплее у солнечной Сунцо-

вой, холоднее у серебрянной Симоновой, – с постоянными забеганиями за черту собственного понимания, как у Туренко.

Отсюда и ощущение неправильности сочетания появляющихся в поле зрения предметов, хрупкой искуственности конструкции, «движения, приколоченного к воздуху с помощью снегопада» – но на самом деле мы видим не части разрушенного механизма, а новую плоть вывернутого наизнанку мира.

Когда бы тьма и мгла трубили невпопад,
Трубили невпопад, как Гоголь и Некрасов,
Земле бы не лежать под снегом, как под мясом,
Повсюду замерев, но вот они трубят.

Их лёгкие теплы, в их раструбах темнее,
Чем где бы то ещё, и только снег летит
По долгой пустоте, как ноты, только злее,
Как будто Мендельсон на Вагнера глядит.

Как будто тот не стал удерживать зевоты
(Опять про Холокост, опять про вертолеты).

И так он тридцать раз, наверное, зевает,
В окно глядит, а там всё видно изнутри,
У ветра в животе пружины утихают,
Спокойный снегопад на лифте поднимает
Деревья и дома, людей и фонари.

То, что у нас обычно называется пейзажем, т.е. фоном, здесь оболочка, т.е. тело сущего, как снег и ветер. Любопытно, что в процитированном стихотворении с характерными для АС монадами «тьма», «мгла» и мандельштамовскими интонациями, две строки, поставленные особняком, поначалу кажутся лишним пояснением, возникшим по инерции, – но именно они одновременно снижают градус лирического высказывания и скорость разворачивания метафоры. И только тогда, когда нужная отметка достигнута, происходит театральное, ненастоящее, но столь необходимое автору движение вверх.

Любое стихотворение в этой книге похоже на сон – впрочем, у какого поэта это не так? Только если кошмары (например, страшилка, зачином напоминающая циклы Марии Галиной, «Девочка, девочка, город на колесах / Движется к твоему гробу сквозь снежный дым...») обычно заканчиваются, то в стихах Сальникова проснуться нельзя, можно разве что провалиться в еще более вязкое «ничего», вроде автомобильной пробки. Вот и реально существующие персонажи – поэты Петрушкин и Ивкин («Выходим курить на холод, гляжу, как Коба...») прячутся за маски, чтобы в итоге вызвать стаю киношных образов. Да и среда обитания в «Дневнике» непоправимо ущербна, разваливается на глазах, обломки ее – совсем не благостная классическая руина: «Так, что вспоминаешь какие-то телеграфные провода, / Какие-то столбы, ворон, местность без единой горы, / Словно природа тебе как бы говорит: ну ладно, не пропада, / И, соответственно, сама и проваливается в тартарары».

В целом книга построена так, что все, что (за)является в первом стихотворении (цветущая сакура, предсмертные стихи, призраки снеговиков), воплощается в последнем, зимнем. Об остальном лучше всего говорит авторская ремарка под фотографией – «ничего интересного, кроме того, что написано».

Сергей ТРУНЕВ

МЕСТО ПОЭТА В ЧУДЕСНОЙ СТРАНЕ

Абзац: альманах. Вып. 8. – М.: Проект Абзац; СПб.: Свое издательство, 2013. – 186 с.

По мнению Анны Голубковой, «Абзац» занимает свою, довольно четко ограниченную нишу в пространстве отечественной словесности. И это, похоже, так. Как маленькая, но очень гордая птичка, названный альманах обретается где-то между толстыми литературными журналами (хоть и «пост-», но, по большей части, советскими) и высоколобыми журналами (которые вполне герметичны для непрофессионалов). Кстати, оговорюсь сразу, что «птичка» на поверку оказалась хоть и гордой, но вполне симпатичной и даже съедобной.

Что касается анализа содержания, отправной точкой дальнейшего моего повествования будет фрагмент опубликованного в «Абзаце» эссе Александра Житенева: «Главное в критике – это ревность, желание заместить собой весь мир. Критика всегда эгоистична и другой быть не может. Высшая доблесть пишущего – интерпретация, которая ни в одной точке не совпа-

дает с предложенными – т. е., в сущности, жест присвоения».

Признаюсь честно, в итоге чтения присваивать мне особо ничего не захотелось. Не потому, что плохо или не понравилось, а исключительно исходя из требований уязвленного сознания критика. Так вот. Если рассматривать герменевтическую интерпретацию как жест присвоения, то деконструкция оказывается жестом тотального присвоения (эгоизм в степени). Заняв эту позицию, я постараюсь выявить не то, что написано тем или иным конкретным автором, но то, что написалось в общем . На выходе получится более или менее безобидный, но, вероятно, имеющий право на существование коллаж на окололитературную тему. Насколько адекватно он будет отражать содержание – не важно. Главное – попасть хотя бы в субъективно избранные ноты.

Сквозная тема для анализа текстуального материала выявилась как бы сама собой: самоощущение писателя/поэта и тактики его выживания в условиях постперестроечной России. Сверхзадача поставлена в одном из стихотворений Ольги Зондберг: «как в маленькой стране, пожить в большой/ без туши государства над душой». Не важно, какой смысл мы вкладываем в слова «без туши»: черное пятно, зависшее над душой, ничем не лучше розового куска мяса. Оттого прошлое местами представляется более светлым, нежели придавленное государством настоящее. Отсюда и первая тактика выживания – уход в воспоминания и/или спасительный рай детства: «Прошлое еще определяется по фотографиям/ на фотографиях запечатлены моменты надежды»; «Смотришь на фотокарточку – слышишь голос. / Сначала один. Как правило, голос смеется» (Ирина Максимова); «Спасали исключительно – и всегда – / Алиса Селезнева и Пеппи Длинный чулок» (Данила Давыдов). Воспоминания – наилучшее из веществ, подпитывающих творчество, поскольку: «Вспомнить нечего – и можно вспоминать вечно» (Екатерина Завершнева). Как не о чем, в сущности, говорить в наших нескончаемых разговорах:

> Одна из них вчера перекрасила волосы в блонд;
> одна из них сегодня оформила пенсию в собесе;
> одной из них регулярно изменяет муж;
> у каждой из них жутко болит позвоночник;
> одна из них влюблена в фабричного ассажиста.
>
> (Анна Воронова)

И: «Хозяин BMW еще долго не будет знать, как подступиться к этой идущей без его участия жизни, как сковырнуть этот мирок, как заставить его работать на себя и на свой BMW» (Сергей Кирошка). Приходится признаться: «в этой стране / только и умеем, что/ говорить на своем языке» (Александр Макаров-Кротков); «А я всего лишь автор, существо всеми презираемое и ото всех зависимое (Владимир Тучков); «а хочешь дом – / тогда сажай свободу» (Юлия Тишковская). В последнем фрагменте слово «сажай» в контексте стихотворения имеет смысл «сей, засевай». На мой взгляд, однако, здесь просвечивает и второй, возможно, более значимый смысл: хочешь иметь дом – посади свободу в тюрьму, отправь по этапу, как-то ограничь ее.

Система жестка и непримирима к иному: «хитрая вот эта тема/ ты сидишь и ухмыляешься/ победит опять система?/ опаньки. ты вновь стреляешься» (Данила Давыдов). «Власть, конечно, по инерции делает слабые попытки заигрывания с писателями, но как основное средство идеологического воздействия их уже, скорее всего, не рассматривает» (Анна Голубкова). Самые простые, эффективные, но по своему довольно ущербные тактики ухода от системы демонстрирует Андрей Емельянов: «Уважаемая всеми родная редакция/ и все, кто идет искусства тропой! / Современная культурологическая ситуация / Заставляет нас уходить в забой или в запой». Ну, отчего же так мрачно? Можно ведь просто переехать на пмж в столицу: «Москва, увы, единственный город нашей Родины, который дает достойную зарплату и возможность участвовать в лит. жизни. Заниматься только работой скучно, а только литературой голодно» (Марина Хаген. Из интервью с Ольгой Зондберг и Мариной Хаген).

И хотя слово «запой» в стихотворении Емельянова по ходу повествования обретает смысл «запеть», погружение писателя в алкогольную зависимость представляется более закономерным ответом реальности, нежели сколь угодно душевная песня. Тут же наступаю

на горло собственной, поскольку: «Он не знает еще, что музыка – это одно из лучших прибежищ в этом мире» (Сергей Кирошка).

Далее вырисовываются еще две, совсем уже фантазматических, тактики. Первая из них – остаться непонятым: «Надо будет исхитриться, но в этом-то и смысл и величие замысла, чтобы в мой дневник не проникло ни слова правды, для чего хорошо бы изобрести свой, не существующий больше нигде язык со своей фонетикой и орфографией, чтобы, возьмись у дневника читатель, не прочитал и не понял ничего» (Андрей Краснящих). Вторая – остаться неузнанным в своих постоянно меняющихся отражениях: «Рисовать себя по воде, встречая свое отражение и ломая его» (Александр Уланов). И можно вполне согласиться с Евгенией Риц: «Где имя было – там его не стало. / Нет человека – нет и пьедестала», однако следовало бы сместить акценты во второй строчке, поскольку для России пьедестал важнее, нежели тот, кто на нем стоит. Увы, статуи меняются, пьедесталы остаются.

Остается и еще одна тактика – остаться собой, т.е. таким, каков ты есть: «будь собой, расплонвевшая швабра, веселей надраивай правду/ будь аккуратней, и тысячи станут аккуратнее вокруг тебя» (Янина Вишневская). В сниженном, не героическом варианте это звучит примерно так:

– Чем мой правый тапок выгодно отличается от левого?
– Тем, что он цел, а левый порван.
– Но что позволило правому тапку отличиться?
– Левый тапок.
– Все мы левые тапки – те, кто не правые.

(Юрий Цаплин)

Иначе говоря, все «презираемые и зависимые» авторы существуют лишь для того, чтобы на их убогом фоне другие, которые правые (правильные) люди, смотрелись более выгодно? Не устраивает как-то...Тогда зачем вообще писать: «ты сейчас читать не умеешь – какие письма! / там, откуда мы пытаемся не взорваться, / смысл в том, чтоб не искать смысла/ в каждой из попыток не сдаться» (Юлия Тишковская). Верно, и в этой связи, из своего уже прекрасного далека готов присоединиться (отметьте жест присвоения) к словам П.И. Филимонова:

мой микрофон все равно длиннее
потому что вы там
а я, а я – тут
и ничто другое не имеет никакого значения
пока я пою
пусть это всего лишь
ёбаное сельское караоке
а я совсем не попадаю в ноты
НЕДАВНО ГОСТИЛА В ЧУДЕСНОЙ СТРАНЕ

Денис БЕЗНОСОВ

ЕСЛИ ТВЕРДЬ БЕЗЫМЯННА

Григорий Петухов. Соло. – М.: Воймега, 2012. – 44 с.

Если абстрагироваться от музыкальной терминологии и учитывать второй смысл слова «соло» – то это одиночество, единица. Лирическая оптика книги Григория Петухова сфокусирована именно на отсутствии какого бы то ни было иного субъекта, кроме говорящего. Его монолог (или диалог с самим собой) направлен вовне без надежды быть услышанным и вместе с тем, вероятно, не имея целью стать таковым.

Солипсический взгляд лирического героя внимательно изучает и осваивает пространство, внутри которого существует, будь то пространство буквальное (мир, в котором обитают герой и его создатель) или же пространство буквенное (материя поэтической речи). Противоречия, неизбежно возникающие во время созерцания, несообразности предложенного мира – внутреннего и внешнего, – его искажённость и нечистоплотность вызывают у героя естественное отторжение.

Отсюда – некоторое отстранение не только от навязанного пространства (что, правда, вовсе не отменяет восторженности перед многими его элементами), но и от человека, вынужденного там существовать. Автор крайне строг и даже беспощаден по отношению к этому человеку, он сомневается в его венценосности, а порой, кажется, и в его состоятельности – особенно в сравнении с прочими млекопитающи-

ми: «Чучелом замертво в позе натужной застыть / шубу свою бережет росомаха и ласка, / а человека попробуй бессмертьем насыть, / не напихаешь под ребра ему пенопласта. // Звёзд собеседник беспутный, чтоб он как живой, / там развалясь наверху под Стрельцом и Весами...».

Тело просто умирает, и ничего больше не происходит – «звёзд собеседник» не расположен к бессмертию через превращение в чучело, он полностью, с головой, погружается в холод. Поэт указывает на невозможность дальнейшего бытия материи, ни словом не обмолвившись о т.н. духе; человек весь материален, желает он того или нет, он только что жил физически, но вот «ему уже нимб / к темени ладят и патокой ласты слепили». Его теплокровная суть мгновенно улетучивается: «Меж теплокровных и суетных – всё! – его нет. / Твердь безымянна. И небо распластано низко. / Астрономический холод из тьмы как привет / мёртвому зверю под скальпелем таксидермиста».

Но Петухов не менее строг и к поэтической речи, по не вполне известным причинам дарованной этому самому человеку. Уже первая строка стихотворения, открывающего книгу, – «Поэзия есть форма нищеты» – свидетельствует о невероятной языковой самодисциплине, поскольку истинная поэзия, являя собой систему самоограничений, в итоге становится «нищетой» – поэт бедствует, потому что ему не хватает лексических, синтаксических и проч. возможностей, но нехватка эта возникает именно в результате ряда автозапретов. Поэзия неудобна, саркастична, недоброжелательна, пугает изменой, играет с себялюбивыми мыслями, у нее капризный характер, порой трудно разобрать шевеление ее губ: «Ее лица необщие черты / сарказма исковерканы ухмылкой, / в ее перстах нервическая дрожь / и на устах – обрывки речи пылкой, / в какой ты ни черты не разберешь. // <...> Она не чтит ни Люцифера, ни Творца, / но как серебряных в водице мутной рыбок, / в тенета ловит праздные сердца. // Она не выглядит, чтоб я ее любил. / Наоборот – так, что пойдет с любым / и никому не даст, но побожится, / что не сегодня, надо обождать». Далее следует финальная фраза: «Но себялюбцу с мыслью этой не ужиться / и не избыть её, не обуздать», – в ней содержится только намек – идет ли здесь речь об авторе-себялюбце или же это только необходимая абстракция, остается только гадать; но некоторая связь с лирическим героем книги все же присутствует.

Надо заметить, герой Петухова крайне строг не только к поэзии и к человечеству в целом, но и, конечно, к себе – человеку, говорящему поэтическим языком. Он пытается самоидентифицироваться внутри огромного кособокого механизма, где вертятся такие же, как он, поблекшие шестеренки, такие же, но похожие на него лишь отчасти, поскольку именно ему удается осмотреть происходящее сторонним взглядом.

Антураж книги «Соло» – это монохромная и монотонная декорация серых предметов, обезличенных в своем множестве. Здесь глаз с трудом различает живое на фоне неживого, все шевелят языками, но практически никто ничего не говорит. Только однообразный пейзаж: «В этом северном, этом болотном месте, / где пленённое в камне – уже половина / и, присутствуя в звуке любом и жесте, / та, другая, живая, неуловима: / ни в душе бесплотной, ни в красном мясе / нет ее». Повсюду «в голосах и лицах – неразличимость, / аппликация света дрожит в глазу». Рабочие районы – правильные геометрические лабиринты, где воздух циркулирует в свинцовом пространстве – от бетонной стенки к бетонной стенке – с завидным постоянством; поистине беккетовская «Живопись рабочих районов».

Как здесь воздух бездарен, безблагодатен,
размещен бестолково
меж бетонных кубов, как у Целкова
комбинация яйцевидных пятен.
Превращает свинцовые будни в праздник
восьмигранный стакан на манер котурна;
загрунтован холст кое-как, халтурно,
перспектива скомкана, свет неразвит.

Как ныряет улица вбок – и взору
не настигнуть её за дымным
поворотом; и кажет зады нам,
и впадает, как Стикс, в промзону.
Как по-сиротски нища палитра
диорамы с клубящимся Лаокооном!
Натюрморт на переднем плане, где к макаронам
притулились кетчуп, солонка, батон, поллитра.

Патетика стихотворения резко снижается при возникновении на фоне скомканной перспективы незамысловатого бытового натюрморта. В сущности, именно такое изображение и характерно для рабочего района, о котором идет речь в тексте.

В стихотворениях Петухова почти одическая патетика зачастую контрастирует с теми или иными низкими элементами – сложносочиненная авторская рефлексия одновременно существует в двух лексико-семантических пространствах: «И лицом к лицу ты с другим городом, / оползающим наземь, мгновенно вспоротым / росчерком молнии или финки! / Хлещет сверху и сбоку сыплется, / будто кто искру высечь силится, / об пол швыряя в сердцах ефимки». Разговорная, порой жаргонная, лексика соседствует с поэтизированной – внутри прихотливой структуры стихотворения: «Да, скажи, промотал всё, что сумел! / Дар случайный просрал. <...> // Подпиши эту честную речь из букв, / и останешься пуст, как сухой бамбук. / И тогда тебя пустят под молоточки: / так разрисует тебе торец – / хохлома! – тот, другой дознаватель, / бог деталей, мелочей всесильный творец». Само по себе изображение не отличается особенной привлекательностью, но дисгармония передается не только посредством стяжения разнородных образов, а именно языковыми средствами. Ударение бродит по строке, меняя ритм в соответствии с траекторией своего движения; рифма, только что регулярно переступавшая из строфы в строфу, сначала ассонирует, а затем и вовсе исчезает. Сквозь угловатость языка и стиховой формы проступает практически тактильно осязаемая картина.

Контрастирование патетики и натуралистичного мира у Петухова также принимает форму протеста героя против враждебной реальности, систематизированной как бы без его спроса. Герой ощущает свою несопричастность сложившемуся вокруг порядку и отвечает резкой переменой зрительного ракурса – опять-таки снижается пафос в финале стихотворения: «Нету мне визы, и места в каюте / нету – по борту, на баке, на юте, / нету плавсредства, хоть шлюпки гребной. / Для отправленья нет точки опорной. / Скоро увижу я стены уборной, / вспенится бурно струя подо мной!»

Однако восторженная одическая интонация никуда не девается – герой, будучи антагоничным окружающей действительности, попрежнему способен петь ее величие.

Плачь, Бирмингем, сокрушайся, Ньюкасл!
Тауэр, в скорби знак погаси огни!
Глотку надсаживал все эти дни,
города и графства Англии, я за вас;
вскидывал руки победно и падал ниц,
каждый гол отмечая и каждый пас
вместе с вами, Йорк, Ливерпуль и Лидс.

И, когда свою пинту, как сулему,
я цедил в кельтском пабе под их тру-ля-ля,
белые скалы Сассекса и чеширские поля
улыбались мне, как своему,
и кивали огнями лондонские мосты –
я держал твоё стремя, Англия, как в старину,
и Сент-Джордж глядел на меня с высоты.

Крайне скомпрессированный язык, спотыкающийся о согласные английских названий, поверх ломаного ритма вчитывает в текст еще более сложную мелодику. В этом стихотворении нет прямого противостояния героя дисгармоничной декорации, нет здесь и свойственного герою книги солипсизма, однако определенный градус чуждости все-таки чувствуется: он всегда «вместе», ему улыбаются «как своему», так, он держит стремя Англии, к которой обращается, в сущности, ничего не требуя и не имея взамен.

Эта же чуждость заметна в другом стихотворении книги: «Когда в кафе, где всё из пластика, / он вносит тушу неуклюжую, / гласит его медвежья пластика: / вы продолжайте, я не слушаю! / Я не живу здесь больше попросту, / а только пятьдесят за столиком / накоротке с младою порослью / роняю за ворот по вторникам...». Опять осознание несопричастности, одиночества, которое принимается как необходимый жест, а не как внешняя травма. Хотя, безусловно, трудно доподлинно утверждать, что это «я не живу здесь больше» – сознательное самоустранение; интонация балансирует, подобно наклевывающееся мысли внутри черепной коробки, и сам герой, вероятно, не смог бы с уверенностью сказать, желает он оставаться солистом или нет.

Одним из наиболее важных и отчасти обобщающих текстов книги Петухова является единственный (и довольно объемный) верлибр «Герои», где оппозиция романтического геройства и всепоглощающей логичной реальности вырисована наиболее ярко. Это исповедальный монолог того, кто смог сохранить героическое мироощущение вопреки логике, быту и проч.:

Я тоже хотел быть героем,
брать что захочу по праву сильного,
вызывать холодок ужаса с примесью
восхищения,
проезжая сквозь шпалеры родных хрущёвок
на бумере или на брабусе –
чем не предвестник Апокалипсиса...
<...>
Те, кто были чуть старше меня,
на моих глазах легко и непринуждённо
переходили из живых в мёртвые
и никогда наоборот.
Жутко и сладостно
написать мифологию своей кровью.
Быть воплощением эпохи.
Солью на ее разломах.
<...>
И приходилось пацанам,
выскальзывая вновь и вновь
из потных, волосатых лап закона,
лить кровь чужую и свою.
Я сам получил в кишки маслину.
Меня пыряли ножом и месили кирзачами,
ломали арматурой ногу, а однажды
бросили в лесу с пробитой головой. А я выжил
<...>

Стоическая осанка необходима, чтобы попросту выжить, выстоять – именно идея геройства становится для говорящего стержнем, подпоркой, опираясь на которую, он остается на ногах, хоть и не без потерь. Загробная жизнь тех, что «переходили из живых в мёртвые», осуществляется уже не в «астрономическом холоде», отсылающем привет теплокровным чучелам и постулирующем невозможность материального бессмертия, а в «высоковольтной системе памяти»; потому герой заключает свой ментальный поток так:

В бледном и резком,
одним словом, нездешнем свете
вы сидите как живые, но только мёртвые:
чёткие и в то же время какие-то абстрактные.
Если жизнь до смерти – домашнее задание,
подготовка к посмертной всенощной,
я не готов и не буду готов.
Как души, которые так загублены,
что не испытывают печали.
Нет у героев своей преисподней,
только Валгалла, город Лимб,
вечная сумеречная область,
где заживает наутро истерзанная птицей печень.

Так мир одинокого героя «Соло» замыкается сам в себе; его Валгаллой становится память, имеющая отношение к вечности значительно большее, нежели вся реальность вместе взятая. Память вне времени и пространства, вне законов, которым подчиняется монохромный мир рабочих районов. В книге Петухова нет персонажей – здесь только лирический герой и его рассудок, всё описываемое воспринято через единую и одинокую оптику, минуя ненужную сослагательность. В сумрачном дантовском лесу герой Петухова ищет свое место – если не под солнцем, то хотя бы под небом – пытается разобраться, что он такое и зачем живет, и, в итоге, дает себе следующую характеристику: «Питомец Норда, когти сбив о наст, / в зобу с холодным просом подрастая, / что жизнь в итоге понял только часть, / но есть и вечная, а не одна шестая; / с моста, где ангелы, в полупетле реки, / угрюмству денежному, скуке и безумью / с обеих рук я кукиш адресую, / на Север обращая кулаки». И вновь жест самоотчуждения, но теперь, кажется, воздух больше не так *безблагодатен*.

Иван КОЗЛОВ

ИЗМЕРЯЯ МИР БЕСПРЕДЕЛА УМОПОМРАЧИТЕЛЬНЫХ ФАНТАЗИЙ

«Измеряя мир в 3D» (реж. Детлеф Бук)

Немецкий фильм о взрослении Александра фон Гумбольдта и Карла Гаусса – еще и фильм о взрослении мира, в котором они жили. Мы видим, как осваивалась внешняя и внутренняя целина начала XVIII века – наносились на слепые еще карты неоткрытые маршруты и создавались теории чисел. Быстро, рьяно и азартно – сделать то, чего еще никто до тебя не делал, завершить, наконец, описание реальности. Найти ключи к тайнам и подарить человечеству четкую и непротиворечивую картину мира.

Наивность главных героев – с нашей, конечно, умудренной точки зрения, увы, соответствует упрощенной и банальной подаче материала. Все герои и персонажи вписаны в простые и удобные для стереотипов зрительского восприятия рамки.

Интересно в этом фильме то, что выпадает из таковых – например, маразматический Кант, к которому на поклон приходит Гаусс.

Собственно, кино вообще не об этом. Ключевое слово здесь 3D, остальное чуть ли не подверстано к этому формату: природа, красивые бабочки, жуки всякие.

Формат этот вызывает и понятное восхищение, и столь же понятное раздражение. Он еще не адекватен фильмам, которые «не-аватар». Кино еще предстоит освоить разумное его использование и приучить кино-гурманов к тому, что забавная игрушка может с толком использоваться и в «авторском» кино.

«Беспредел» (реж. Такеши Китано)

Ну вот, дождались. Гуру выстрелил сразу двумя новыми фильмами («Беспредел» и «Полный беспредел»). На протяжении своей режиссерской карьеры Китано много и успешно экспериментировал с разными жанрами, но в этой дилогии решил вернуться к беспроигрышной гангстерской саге.

На всякий случай задействован иронический взгляд со стороны (примета времени, в первых двух «Крестных отцах» он был бы невозможен, а вот в третьем – пожалуйста!), не дающий полностью погрузиться в жестокий мир якудза. А серьезность сюжета лишь подчеркивает постмодернистскую отвязанность Китано.

Так, например, количество отрезанных пальцев в фильме зашкаливает все разумные пределы. А усталое, мудрое и симпатичное лицо главы клана средней руки (его играет сам Китано), застрявшего между понятиями о долге с честью и предательством тех коллег, кто эти понятия ему навязывает, стало уже родным для нескольких поколений кинозрителей.

Китано настолько харизматичен, что мы увидим в его глазах иронию и по отношению к нам, зрителям, смотрящим его очередное творение.

«Умопомрачительные фантазии Чарли Свона-третьего» (реж. Роман Коппола)

Недаром про «Крестного отца» вспомнили. Мэтр снимает в последнее время явно беспомощные и унизительно малобюджетные фильмы. Коппола как бы передал эстафетную палочку большого кино своему молодняку – талантливой Софии и не очень внятному пока Роману.

Его новый фильм с длинным названием – очередные «Восемь с половиной». Кажется, что любой режиссер хочет снять свои «8 1/2», как любой актер хочет сыграть непременно Гамлета. Вот только масштаб не тот.

Творческие и личные муки героя (его играет Чарли Свон) усугубляются тем, что от него ушла девушка. Повод весомый – нашла в ящике, где лежат их с любимым фотки, ворох поляроидных снимков его старых подружек. Героя тоскует по любимой, но расстаться с согревающими стареющую душу прежними сиськами-письками даже на фотоизображениях он не может. По-человечески это понятно.

Понятен и близок чуть больше чем ста процентам зрителям и кризис героя – он никак не может придумать композицию для обложки диска своего приятеля. Равно как и очередную рекламную примочку по линии основной работы. Налицо явное снижение градуса – феллиниевский Марчелло пытался выжать из себя идею фильма, копполовский же Чарли всерьез мучается над такими вот современными проблемами дизайна всякой фигни.

Добавим, что Чарли Шин в этом фильме очень похож на Делона с его соответствующим имиджем – реверанс в сторону европейского кино и, одновременно, ироническое снижение образа героя. И так, впрочем, уже опущенного ниже уровня моря житейского.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 12 августа 2013 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.